

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 17, part 1

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2021

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 17, часть 1

Главный редактор Е. В. Головкин

2021

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2021. — Т. 17. Ч. 1. — 488 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2021. — Vol. 17. Pt. 1. — 488 p.

Редакторы выпуска:

Д. Ф. Мищенко (отв. ред.), Н. М. Заика, С. С. Сай, М. А. Холодилова

Ответственный за выпуск от редколлегии:

А. Ю. Урманчиева

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737171

© ИЛИ РАН, 2021
© Составление. Редколлегия
журнала, 2021

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбуринов (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитриченко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесная (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

Тематический выпуск: Материалы пятнадцатой и шестнадцатой конференций по типологии и грамматике для молодых исследователей (2018–2019 гг.)

<i>А. О. Бузанов</i> Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка	13
<i>Т. И. Давидюк, Кс. А. Студеникина</i> Семантика и полисемия причинных маркеров: данные горномарийского языка	36
<i>М. А. Егорова</i> О семантике аориста в современном сербскохорватском языке	68
<i>К. А. Журавлёва</i> Образное сравнение и конструкции со значением ‘в качестве’ в письменных памятниках Киевской Руси	100
<i>Ю. О. Завадская</i> Случайность или закономерность? Частотность словоформы и другие возможные причины грамматических речевых сбоев в русской спонтанной речи	123
<i>Е. С. Клягина, А. Б. Панова</i> Фазовая полярность в абазинском языке	143
<i>Е. Л. Клячко</i> Функции рефлексивного местоимения в эвенкийском языке	187

<i>П. Л. Наследскова</i>	
Источники грамматикализации отыменных послелогов в нахско-дагестанских языках	215
<i>А. Д. Ногина, Т. Б. Казакова</i>	
Пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка	253
<i>В. А. Позднякова</i>	
К описанию системы именных классов и классного согласования в языке гиньянга	271
<i>Е. А. Романова, Д. А. Сапарова</i>	
Клитика <i>teə</i> в малокарачкинском говоре чувашского языка: копула, показатель ретроспективного сдвига, фокусная частица	306
<i>А. М. Старченко</i>	
В поисках антипассива в амгуэмском диалекте чукотского языка	339
<i>V. V. Dyachkov</i>	
Preposition <i>à</i> in Natorio: From comitatives to clausal conjunction	384
<i>F. V. Golosov</i>	
Event structure of complex predicates with the light verb <i>lart</i> 'seat, put' in Poshkart Chuvash	406
<i>Е. А. Renkovskaya</i>	
Inanimate demonstrative pronouns in Kullui (Indo-Aryan)	441
<i>Jingting Ye</i>	
Form-frequency correspondence in adjectives: A cross-linguistic corpus approach	458
Этика научных публикаций	478
Publication Ethics	482

Contents

Special issue: Proceedings of the Fifteenth and Sixteenth Conferences on Typology and Grammar for Young Scholars (2018–2019)

A. O. Buzanov

Reflexive pronouns and reflexive possessive affixes
in the Bystraya dialect of Even 13

T. I. Davidyuk, Ks. A. Studenikina

Semantics and polysemy of causal markers:
Hill Mari evidence 36

M. A. Egorova

On the semantics of the Aorist in modern Serbo-Croatian 68

K. A. Zhuravlyova

A figurative comparison and constructions
with the meaning ‘as’ in the written sources of Kievan Rus’
(mid 11th—early-mid 12th century) 100

Yu. O. Zavadskaya

Randomness or regularity? Frequency and other possible
causes of grammatical speech failures in spontaneous speech . . . 123

E. S. Klyagina, A. B. Panova

Phasal Polarity in Abaza 143

E. L. Klyachko

Functions of reflexive pronouns in Evenki dialects 187

P. L. Nasledskova

Grammaticalization sources of denominal postpositions
in East Caucasian languages 215

<i>A. D. Nogina, T. B. Kazakova</i>	
Locative cases in the Bystraya dialect of Even	253
<i>V. A. Pozdniakova</i>	
A tentative description of Ginyanga noun class system and noun class agreement	271
<i>E. A. Romanova, D. A. Saparova</i>	
Clitic <i>teə</i> in Maloe Karachkino dialect of Chuvash: A copula, a retrospective shift marker, a focus particle	306
<i>A. M. Starchenko</i>	
In search for antipassive in Amguema Chukchi	339
<i>V. V. Dyachkov</i>	
Preposition <i>à</i> in Natorio: From comitatives to clausal conjunction	384
<i>F. V. Golosov</i>	
Event structure of complex predicates with the light verb <i>lart</i> ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash	406
<i>E. A. Renkovskaya</i>	
Inanimate demonstrative pronouns in Kullui (Indo-Aryan)	441
<i>Jingting Ye</i>	
Form-frequency correspondence in adjectives: A cross-linguistic corpus approach	458
Publication Ethics (in Russian)	478
Publication Ethics	482

**МАТЕРИАЛЫ ПЯТНАДЦАТОЙ
И ШЕСТНАДЦАТОЙ
КОНФЕРЕНЦИЙ ПО ТИПОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(2018–2019 гг.)**

**Proceedings of the Fifteenth and Sixteenth Conferences
on Typology and Grammar for Young Scholars
(2018–2019)**

Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка

А. О. Бузанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); anton.buzanov.00@gmail.com

Аннотация. В статье упоминаются различные подходы к понятию рефлексивизации, описывается система выражения рефлексивных значений в быстринском диалекте эвенского языка: подробно рассматриваются рефлексивные местоимения, их связь с интенсификаторами, затрагиваются вопросы, связанные с парадигмой рефлексивных посессивных аффиксов. На основе грамматических описаний анализируются данные родственных языков (эвенкийского и нанайского). В статье также рассматриваются несобственно рефлексивные прочтения рефлексивных местоимений и приведен формальный анализ эвенских аргументных рефлексивов в терминах теории связывания.

Ключевые слова: рефлексивы, интенсификаторы, теория связывания, тунгусо-маньчжурские языки.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Reflexive pronouns and reflexive possessive affixes in the Bystraya dialect of Even

A. O. Buzanov

HSE University (Moscow, Russia); anton.buzanov.00@gmail.com

Abstract. This study focuses on different means to license reflexivity in Even and addresses the distribution of reflexive markers within different domains, as well as some semantic properties of these markers.

The data for this study were collected through fieldwork in villages Anawgaj and Ezzo of Kamchatka Krai in June-July 2019 and January 2020. Even has different morphosyntactic means to express reflexive meaning that can be divided into two major sets: reflexive pronouns and reflexive possessive suffixes. The connection between reflexive pronouns and intensifiers is also described and a description of the internal structure of reflexive pronouns is proposed.

The paper presents different approaches to reflexivity and the discusses the binding theory. Further, reflexivity-marking strategies in Even are described and their analysis according to their syntactic status is proposed.

Finally, the paper addresses reflexives in Even and the phenomenon of the associative plural they show. Plural pronouns usually denote a group including a focal referent and its contextually specified associates. In case of a number mismatch between the reflexive pronoun and its antecedent in Even, the associates are interpreted as family members, which is well-attested for nouns but has not been described for pronouns. This behavior is unexpected from the typological perspective and deserves further investigation.

Reflexive pronouns in the Bystraya dialect function as reciprocals, while the reciprocal pronouns mentioned in grammatical descriptions have not been attested.

Keywords: reflexives, binding theory, intensifiers, Tungusic languages.

1. Введение

Эвенский язык, распространенный на территории Сибири и Дальнего Востока России, относится к тунгусо-маньчжурской семье языков. По данным переписи населения 2010 г., на эвенском языке говорят 5 700 человек. В рамках работы рассматривается быстринский диалект, распространенный в Быстринском р-не Камчатского края, главным образом, в с. Эссо и Анавгай.

Эвенский язык — это язык с порядком слов SOV и наличием только субъектного согласования. Как и многие другие языки этого региона, эвенский является агглютинативным языком с обилием суффиксов и отсутствием префиксов. Также он является языком номинативно-аккузативного строя.

Ранее было опубликовано несколько описаний эвенского языка [Богораз 1931; Левин 1936; Цинциус 1947; Новикова 1960; Мальчуков 2008; Pakendorf 2014], однако никто не занимался подробным изучением рефлексивов в этом языке, а также описанием быстринского диалекта. Мое исследование опирается на ряд предшествующих работ; наиболее значимые из них — это [Мальчуков 2008] и [Цинциус 1947].

В работе обсуждаются морфологические варианты выражения рефлексивного значения и анализируется их синтаксическое поведение в эвенском языке. Кроме того, описываются несобственно рефлексивные значения рефлексивных маркеров и их морфологическое устройство. Материал для работы был собран в ходе экспедиций в с. Эссо и Анавгай Камчатского края в июне — июле 2019 г. и январе 2020 г.

В *Разделе 2* обсуждаются понятие рефлексивизации и основные аспекты теории связывания. В *Разделе 3* перечисляются и анализируются способы выражения рефлексивного значения в быстринском диалекте эвенского языка и родственных эвенскому языках, а также кратко затрагивается тема интенсификаторов, очень тесно морфологически связанных с рефлексивными местоимениями. *Раздел 4* посвящен синтаксическому поведению анафоров эвенского языка и их нереплексивным прочтениям. *Раздел 5* содержит выводы и обобщения, сделанные в ходе работы.

2. Рефлексивизация и теория связывания

2.1. Типология рефлексивов

Рефлексивные выражения — это выражения, которые обычно используются, чтобы показать, что не-субъект переходного предиката кореферентен субъекту или связан им (в качестве примера можно привести английское выражение *x-self*) [König, Siemund 2000]. В прототипическом случае рефлексивы связываются субъектом, однако это

не всегда так — они могут быть связаны и другими участниками: косвенным дополнением (см. пример (1), где доступны две интерпретации: *себя* можно интерпретировать как *книги* и как *Максима* — хотя и с приоритетом для связывания субъектом) или топибом, какой бы синтаксической ролью он ни являлся [Koster, Reuland 1991: 181, 203].

(1) *Книга_i открыла Максиму_j себя_{ij} с другой стороны.*

В работе [Kemmer 1993] была предложена классификация рефлексивных маркеров по «тяжести». Основным критерием для их различения является формальная сложность устройства маркера. Так, в языках с более чем одним рефлексивным маркером один из них, как правило, морфологически сложнее, чем другие.

(2) а. *Вася_i попросил Петю_j \emptyset_j расчесать себя_{ij}.*

б. *Вася_i попросил Петю_j \emptyset_j расчесать самого себя_{i/*i}.*

Чем сложнее устроен рефлексив, тем правее он находится на шкале от **легкого** до **тяжелого** в терминах [Kemmer 1993]. Более тяжелые рефлексивы обычно более локальны (т. е. могут быть связаны в меньшем локальном домене — области, к которой применяются правила связывания) [Haspelmath 2008] (ср. предложения в (2)), поэтому необходимо отделять их от более легких, от которых они отличаются дистрибуцией.

2.2. Связывание рефлексивов

В теории управления и связывания [Chomsky 1981] выведены перечисленные ниже условия (принципы) связывания. Они необходимы для того, чтобы описать дистрибуцию трех видов выражений: анафоров, прономиналов и референциальных выражений.

Принцип А. Анафор связан в своем локальном домене.

Принцип В. Прономинал свободен в своем локальном домене.

Принцип С. Референциальное выражение свободно.

Связывание является важным термином, необходимым для понимания этих принципов.

... α связывает β , если α и β коиндексированы¹ и α с-командует β , и нет такой γ , которая коиндексирована с α , с-командует β и которой с-командует α [Chomsky 1981: 59].

Несмотря на то, что классическая теория связывания не покрывает всю дистрибуцию прономинатов и анафоров (подробнее см. [Reinhart, Reuland 1993; Reuland 2011; Preminger 2019]), работа выполнена с опорой на эту теорию, т. к. она помогает выявить основные закономерности синтаксического поведения рефлексивов, на основе которых можно проводить более глубокий анализ.

3. Рефлексивы в эвенском языке

3.1. Способы выражения рефлексивного значения

В эвенском отсутствуют глагольные рефлексивные аффиксы, но существует пять различных способов выражения рефлексивного значения:

- a. Отсутствие маркирования
- b. Рефлексивный посессивный суффикс
- c. Рефлексивное местоимение
- d. Интенсификатор и рефлексивный посессивный суффикс
- e. Интенсификатор и рефлексивное местоимение

В списке стратегии расположены от самой легкой до самой тяжелой, исходя из следующего принципа: ноль легче связанного аффикса, который, в свою очередь, легче полноценного слова.

¹ Коиндексирование — это совпадение референциального индекса, с-командование — отношение структурного приоритета: X с-командует Y тогда и только тогда, когда мать X доминирует над Y, а X не доминирует над Y.

Известно, что посессивные рефлексивы (типа русского *свой*) могут подчиняться несколько другим синтаксическим принципам (например, (чаще) нарушать постулаты теории связывания) по сравнению с аргументными (типа русского *себя*) рефлексивами (см. [Harnspelmith 2008]), поэтому все стратегии рефлексивизации можно разделить на две группы: аргументные (1) и посессивные (2). Таким образом, мы приходим к следующей классификации:

1. а. отсутствие маркирования;
- b. рефлексивное местоимение;
- c. интенсификатор и рефлексивное местоимение;
2. а. рефлексивный посессивный суффикс;
- b. интенсификатор и рефлексивный посессивный суффикс.

Вышеприведенное деление необходимо, потому что просодически полноценные слова и аффиксы могут подчиняться разным синтаксическим правилам.

Порядок, в котором стратегии будут представлены дальше, не отражает порядок в приведенной классификации, т. к. сведения о некоторых особенностях рефлексивных посессивных суффиксов необходимы для понимания устройства рефлексивных местоимений, а стратегии с интенсификатором (1c и 2b) разделяют некоторые общие свойства.

3.2. Отсутствие маркирования

В языках мира глаголы ухода за телом и некоторые глаголы разрушения и созидания склонны к наиболее легкому рефлексивному маркированию [Kemmer 1993]. Часто они совсем не маркированы, как, например, некоторые английские глаголы в (3).

- (3) а. *Alex washed / undressed / boasts / shook.*
- б. *Alex washed his car / undressed his son / boasts his knowledge / shook her hand.*

В эвенском также есть несколько глаголов, имеющих как переходное, так и рефлексивное прочтение. В первую очередь это глаголы ухода за телом *мыть(ся)* (4) и *одевать(ся)* (5), кроме того, в эту группу входит глагол разрушения *резать(ся)* (6).

- (4) *anton awa-d-da-n²*
 А. мыть-PROG-NFUT-3SG
 ‘Антон моет [пол]’. / ‘Антон моется’.
- (5) *etiken tete-d-de-n*
 старик одевать-PROG-NFUT-3SG
 ‘Старик одевает’. / ‘Старик одевается’.
- (6) *anton mine-ri-n*
 А. резать-PST-3SG
 ‘Антон порезался’.

Невозможно сказать, присутствует ли в таких глаголах нулевой маркер рефлексивизации или это особый вид лабильности. В рамках этой работы подобные глаголы анализируются как лабильные. Однако в этом случае такой вариант рефлексивизации корректнее называть способом выражения рефлексивного значения, а не отдельной стратегией.

3.3. Рефлексивные посессивные аффиксы

Рефлексивные посессивные аффиксы используются, чтобы показать, что посессор не-субъекта глагола кореферентен субъекту или связан им. В эвенском языке таким свойством обладают

² Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в экспедициях НИУ ВШЭ в с. Эссо и Анавгай Камчатского края. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора. Долгота не отмечается, потому что фонетическая разница между краткими и долгими (по словарям) гласными у современных носителей не фиксируется и не осознается информантами, с которыми мы работали.

суффиксы *-i*, *-i*, *-j*, *-mi*, *-bi*, *-(w)ur*, *-bur* (см. *Таблицу 1*³ и пример (7)), напоминающие по семантике русское *свой*, норвежское *sine*, шведское *sin* и т. д.

Таблица 1. Рефлексивные посессивные суффиксы в быстринском эвенском языке
Table 1. Reflexive possessive suffixes in Bystraya Even

обладатель	обладаемое	
	SG	PL
SG	<i>-i/-i/-j/-mi</i>	<i>-bi</i>
PL	<i>-ur/-wur/-bur</i>	

- (7) *ɲal-i* *mine-ri-wu*
рука-POSS.REFL.SG резать-PST-1SG
'Я порезал свою руку'.

В [Haspelmath 2008] и [Despić 2015] утверждается, что язык может иметь рефлексивный посессив, только если он имеет особое рефлексивное местоимение в аргументной позиции. Эвенский язык не нарушает постулируемое правило, т. к. в нем есть рефлексивные местоимения, о которых подробнее будет сказано в *Разделе 3.4*.

Парадигма эвенских личных посессивных суффиксов представлена в *Таблице 2* (с. 21). Личные посессивы различают лицо, число и κлючивность. Характеристики посессора представлены в левой колонке, в правой же приведена фонетическая реализация соответствующего показателя (морфонологические чередования в таблице не отражены).

Рефлексивная посессивность (*Таблица 1*) устроена совершенно иначе: она не различает лицо, но при этом различает число обладаемого, которое в обычном случае поверхностно выражается суффиксом на самом обладаемом.

Чередование у рефлексивных посессивных суффиксов при множественном посессоре объясняется теми же морфонологическими

³ Практически такая же парадигма приводится в [Цинциус 1947: 136].

Таблица 2. Личные possessивные суффиксы в быстринском эвенском

Table 2. Personal possessive suffixes in Bystraya Even

POSS.1SG	- <i>wu/-bu</i>
POSS.2SG	- <i>š(i)</i>
POSS.3SG	- <i>ni</i>
POSS.1PL.INC	- <i>t(i)</i>
POSS.1PL.EXC	- <i>wun/-bun</i>
POSS.2PL	- <i>šan</i>
POSS.3PL	- <i>tan</i>

правилами, что и чередование в 1 л. ед. ч. у показателей личной possessивности (после суффикса мн. ч. *-w* чередуется с *-b*). Выбор суффикса в ед. ч. обладаемого и ед. ч. обладателя обусловлен следующими правилами: после гласных аффикс реализуется как *j*, после заднеязычных согласных — как *i*, после основ на *-n* — как *mi* (при этом конечное *-n* основы пропадает), во всех остальных случаях — как *i*. Чередование аффиксов при ед. ч. обладателя (*-i/-i/-j/-mi* vs *-bi*) не является регулярным, более того — варианты нельзя считать алломорфами, т. к. существуют минимальные пары, ср. (8а) и (8в).

(8) а. *polina or-mi* *beri-ri-n*
 П. олень-POSS.REFL.SG терять-PST-3SG
 ‘Полина потеряла своего оленя’.

б. *polina ora-l-bi* *beri-ri-n*
 П. олень-PL-POSS.REFL.PL терять-PST-3SG
 ‘Полина потеряла своих оленей’.

в. *polina or-bi* *beri-ri-n*
 П. олень-POSS.REFL.PL[PL]⁴ терять-PST-3SG
 ‘Полина потеряла своих оленей’.

⁴ Глосса в квадратных скобках показывает число обладаемого, которое обычно выражается отдельной морфемой (как в (8б)).

Таким образом, парадигма рефлексивных посессивных аффиксов является асимметричной, что качественно отличает ее от парадигмы личных посессивных аффиксов.

3.4. Рефлексивные местоимения

Наиболее прототипической функцией рефлексивных местоимений (как и наиболее распространенной) является маркирование коференции между субъектом и прямым объектом глагола (см. [König, Siemund 2000; Haspelmath 2008]). Эвенский пример представлен в (9), сама система рефлексивных местоимений представлена в *Таблице 3*. Прочерки означают, что некоторые формы еще не были собраны.

- (9) *anton meni eške-Ø-n*
 A. SELF.ACC хвалить-NFUT-3SG
 ‘Антон себя хвалит’.

Таблица 3. Склонение рефлексивных местоимений в быстринском эвенском
 Table 3. Declension of reflexive pronouns in Bystraya Even

	SG	PL
ACC	<i>meni</i>	<i>merur</i>
INS	—	—
DAT	<i>mendi</i>	<i>merdur</i>
COM	—	—
LOC	<i>mendulej</i>	<i>merdulewur</i>
PROL	<i>mendulij</i>	<i>merduliwur</i>
DIR	<i>mentekij</i>	<i>mertekiwur</i>
DLOC	<i>meneklaj</i>	<i>merklawur</i>
ABL	<i>menduki</i>	<i>merdukur</i>
ELAT	<i>mengid'i</i>	—

Для сопоставления в *Таблице 4* представлена парадигма падежных показателей быстринского эвенского: в первой колонке приведено падежное значение, во второй — реализация после неусеченных основ на *-n*, в третьей — после суффикса мн. ч., а в четвертой — в других позициях.

Таблица 4. Падежная система быстринского эвенского

Table 4. Case system of Bystraya Even

	после <i>-n</i>	после PL	после гласного	в других позициях
NOM		<i>-∅</i>		
ACC	<i>-m</i>	<i>-bu</i>	<i>-u</i>	<i>-w</i>
INS	<i>-n'</i>	<i>-d'i</i>		<i>-č</i>
DAT		<i>-du</i>		
DES	<i>-ŋa</i>		<i>-ga</i>	
COM		<i>-nun</i>		
LOC	<i>-dula</i>		<i>-la</i>	
PROL	<i>-duli</i>		<i>-li</i>	
DIR	<i>-taki</i>		<i>-tki</i>	
DLOC		<i>-kla</i>		
ABL		<i>-duk</i>		
ELAT	<i>-ŋič</i>		<i>-gič</i>	
EQU	<i>-ŋč'in</i>	<i>-gač'in</i>		<i>-gč'in</i>

Существенно, что собранные быстринские данные по склонению рефлексивного местоимения отличаются от данных, представленных в грамматике эвенского языка В. И. Цинциус [Цинциус 1947]. В этом описании форма аккузатива мн. ч. представлена в виде *merbur*, в собранных же данных — в виде *merur* (без [b]). Это наблюдение позволило предложить морфологический анализ рефлексивных местоимений.

Из таблицы видно, что основа рефлексивного местоимения — это *men/mer*, к которой присоединяется материал, напоминающий суффиксы падежа. Сама основа *men* является интенсификатором (подробнее см. в Разделе 3.5). Кроме того, *men* является так называемой (терминология [Цинциус 1947]) неусеченной основой на *-n*, одним из свойств которой является выпадение *-n*-, при присоединении суффикса мн. ч. *-r*.

Все формы, за исключением формы датива, в ед. ч. оканчиваются на *-j* или *-i* (последний вариант появляется в результате комбинации конечного *-i* некоторых падежных суффиксов и *-j*), а во мн. ч. на *-wur*. Сопоставляя данные в Таблицах 1 и 4, можно заметить, что маркеры *-j*, *-i*, *-wur* идентичны рефлексивным посессивным аффиксам, в то время как падежные показатели аналогичны показателям в именной парадигме. Формы датива необычны в том плане, что они оканчиваются на *-di* и *-dur* вместо ожидаемых *-du-j* и *-du-wur*. Во мн. ч. имеет место обычный для эвенского процесс ослабления аппроксиманта [w] и его переход в гласный [u]. В ед. ч. же происходит монофтонгизация [uj] в [i].

Проблемную часть представляют аккумулятивные формы⁵. В работе [Цинциус 1947] формы аккумулятива представлены как *meni* (SG) и *merbur* (PL). Форма *meni* состоит из основы интенсификатора *men-* и суффикса рефлексивного посессива *-i*, а *merbur* из основы *me(n)*, суффикса мн. ч. *-r* и алломорфа рефлексивного посессива после мн. ч. *-bur* (см. примеры в (10)). Таким образом, оказывается, что аккумулятив нарушает выведенное правило образования рефлексивного местоимения, т. к. в этих формах отсутствует морфологически выраженный аффикс аккумулятива. Аккумулятив, как семантически наименее маркированная форма рефлексива (ввиду отсутствия номинатива), остается немаркированным и на морфологическом уровне (см. [Бойцова 1940: 133] для эвенкийского). Однако в быстринском диалекте форма *merbur* признается аграмматичной, а вместо нее используется *merur* (выбирается алломорф посессивности после согласного) что показано в примере (11).

⁵ Благодаря анонимного рецензента журнала “Acta Linguistica Petropolitana” за указание на предыдущий неверный анализ. Комментарий рецензента позволили устранить ошибку в конечном варианте статьи.

- (10) а. *men-i*
INT-POSS.REFL.SG
- б. *me-r-bur*
INT-PL-POSS.REFL.PL
- (11) а. *noŋa-r-tan me-r-ur daš-ši-tan*
OH-PL-3PL.POSS INT-PL-POSS.REFL.PL укрывать-PST-3PL
- б. **noŋa-r-tan me-r-bur daš-ši-tan*
OH-PL-3PL.POSS INT-PL-POSS.REFL.PL укрывать-PST-3PL
‘Они укрыли себя’.

Такой выбор алломорфа может быть обусловлен тем, что, несмотря на отсутствие фонетического материала, присутствующий нулевой показатель аккузатива (*me-r-∅-ur* INT-PL-ACC-POSS.REFL.PL) «блокирует» видимость суффикса мн. ч., оставляя информацию лишь о том, что *-r* — согласный. Однако предложенный анализ является не более чем предположением, не подкрепленным серьезными наблюдениями. Таким образом, структура рефлексивного местоимения оказывается следующей:

INTENSIFIER + NUMBER OF ANTECEDENT + CASE + REFL. POSSESSIVE SUFFIX

Родственные эвенскому языку эвенкийский и нанайский ведут себя не так. В эвенкийском интенсификаторы и рефлексивы формально идентичны друг другу, как в (12), и похожи по структуре на эвенские рефлексивные местоимения. В нанайском же на синхронном уровне основы рефлексива и интенсификатора различны (13), хотя и восходят к единой основе [Аврурин 1959: 256–258].

Эвенкийский⁶

- (12) а. *mo-r-tin həgdi-lō-tin hō-l*
RFL-PL-PS3PL большой-LOCALL-PS3PL очень-PL
‘Сами очень большие’.

⁶ Запись производилась в экспедиции под руководством О. А. Казакевич в рамках проекта «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». Примеры взяты с сайта <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>.

б. *mo-r-dū-tin* *d'an-mə* *hula-wkī-l*
 RFL-PL-DATLOC-PS3PL десять-ATR.QUAL оставить-РНАВ-PL

‘Себе десять оставляют’.

Нанайский⁷

- (13) *ми неани мэна мэпи мактайвани долдии*
 я он INT REFL.ACC что.хвалит слышу
 ‘Я слышу, что он сам себя хвалит’. [Авrorин 1959: 258]

3.5. Интенсификаторы

В эвенском языке существуют два интенсификатора *men* и *men-ken* (однако в [Цинциус 1947; Мальчуков 2008] упоминается только *men*), образованных от единой основы *men*, примеры обоих интенсификаторов представлены в (14).

- (14) а. *anton konfet-u men karman-dule-j ne-di-n*
 А. конфета-acc INT карман-LOC-REFL.SG класть-PST-3SG
 ‘Антон конфету в свой собственный карман положил’.

б. *tog men-ken dure-l-li-n*
 огонь INT-DIM гореть-INCH-PST-3SG
 ‘Огонь сам разгорелся’.

Интенсификаторы способны комбинироваться с аргументными и посессивными рефлексивами. Сочетания интенсификаторов с аргументными рефлексивами ранее не обсуждались в работах, посвященных эвенскому языку. Комбинации подобного рода используются, чтобы обратить внимание слушающего на факт ко-референтности субъекта и несубъектного участника. Такие конструкции являются более тяжелыми, т. к. состоят из двух морфологических слов.

⁷ Глоссирование проводилось самостоятельно ввиду отсутствия глосс в грамматике В. А. Авrorина.

Интенсификаторы с рефлексивными посессивными маркерами используются обычно в контрастивных контекстах. Так, (15а) отличается от (15б) тем, что в последнем делается акцент на принадлежности кармана именно Антону, а не кому-то из предыдущего дискурса.

(15) а. *anton konfet-u karman-dule-j ne-di-n*
 А. конфета-ACC карман-LOC-POSS.REFL.SG класть-PST-3SG
 ‘Антон положил конфету в свой карман’.

б. *anton konfet-u men karman-dule-j*
 А. конфета-ACC INT карман-LOC-POSS.REFL.SG
ne-di-n
 класть-PST-3SG
 ‘Антон положил конфету в свой собственный карман’.

Модификация рефлексивных местоимений интенсификаторами служит той же цели — демонстрации важности antecedента относительно других участников дискурса, его выделению:

(16) *bi it-ti-wu bej-u men-ken men-di*
 1SG видеть-PST-1SG человек-ACC INT-DIM INT-DAT.REFL.SG
olla-w uni-če-n
 рыба-ACC купить-PPST-POSS.3SG
 ‘Я увидел человека, купившего рыбу для самого себя’.

Кроме семантических различий между конструкцией с интенсификатором и конструкцией без него обнаруживаются и определенные синтаксические. Как показано в [Лютикова 2002; Haspelmath 2008], легкие рефлексивы универсально не более локальны, чем тяжелые. Так, например, разница между русскими *себя* и *сам себя* заключается в возможности связывания через границу нефинитной клаузы (ср. (17а) и (17б)).

(17) а. *Алексей_i попросил Антона_j ударить себя_{i/j}.*

б. *Алексей_i попросил Антона_j ударить самого себя_{*i/j}.*

Подобные различия обнаруживаются и в эвенском, хотя они и не изучены подробно. Некоторые информанты, разрешающие

связывание через границу целевого конверба, запрещают подобное связывание посредством тяжелого рефлексива:

- (18) *bi gasči-ri-wu meme-tki ga-da-n*
 я просить-PST-1SG мама-DIR взять-PURP-3SG
 (**men*) *unti-j*
 (INT) унты-POSS.REFL.SG
 ‘Я попросил маму взять мои унты’.

Для других нефинитных форм это явление не было изучено и представляет интерес для последующих исследований в этой области.

4. Поведение рефлексивных маркеров

4.1. Синтаксический статус эвенских рефлексивных местоимений

Несмотря на то, что Н. Хомский в [Chomsky 1981] предложил универсальное разделение именных выражений на анафоры, прономиналы и референциальные выражения, существуют языки, в которых один или более из этих типов отсутствует. Так, хантыйский язык не имеет анафоров, которые могут быть связаны локально (этот феномен обсуждается в [Николаева 1995; Volkova, Reuland 2014]). Таким образом, необходимо выяснить, имеются ли в эвенском языке все три типа вышеупомянутых выражений, и удовлетворяют ли рефлексивные местоимения принципам теории связывания.

В эвенском существуют три типа выражений: выражения, которые обязаны быть локально связаны (19а), выражения, которые обязаны быть локально свободны (19б), и выражения, которые должны быть свободны как в локальном домене, так и в нелокальном (19в).

- (19) а. *etiken_i men-di_{i/*j} olla-w ga-di-n*
 старик себя-ДАТ рыба-ACC брать-PST-3SG
 ‘Старик себе рыбу взял’.

б. *etiken_i noŋa-du_i olla-w ga-dī-n*
 старик он-ДАТ рыба-ACC братъ-PST-3SG

‘Старик ему рыбу взял’.

в. [#]*etiken etiken-dī olla-w ga-dī-n*
 старик старик-ДАТ рыба-ACC братъ-PST-3SG

‘Старик взял рыбу другому старику’.

Ожид.: ‘Старик себе рыбу взял’.

Поскольку в предложении (19а) невозможно отличить связывание от кореференции, этот пример не предоставляет достаточно данных, чтобы назвать *mendi* анафором, управляемым синтаксическими, а не семантическими правилами.

Если рефлексив лицензируется в рефлексивных контекстах и может быть связан кванторными субъектами, такими как *никто* или *каждый*, которые не имеют конкретного референта (в реальном мире нет такой сущности, которую можно было бы назвать *никто* или *каждый*), то такие выражения действительно являются анафорами, которые не ориентированы в первую очередь на кореференцию.

(20) *ŋi=de e-s̃-ni men-i nei-r*
 кто=ADD NEG.PRED-NFUT-3SG INT-POSS.REFL.SG ругать-NEG.CVB

‘Никто себя не ругает’.

(21) *bejten men-i ajaw-ra-n*
 каждый INT-POSS.REFL.SG любить-NFUT-3SG

‘Каждый себя любит’.

Примеры (20) и (21) дают основание говорить о том, что поведение *meni* контролируется принципами теории связывания.

4.2. Нерефлексивные прочтения рефлексивных местоимений

В быстринском диалекте эвенского языка рефлексивное местоимение используется также для выражения реципрокального значения:

- (22) *noŋa-r-tan eške-ri-ten me-r-ur*
 он-PL-POSS.3PL хвалить-PST-3PL INT-PL-POSS.REFL.PL
 ‘Они хвалят себя / друг друга’.

Как видно, (22) может иметь как рефлексивную интерпретацию, так и реципрокальную. Один из способов анализировать подобное явление — считать, что рефлексив все еще рефлексив, просто его антецедентом является группа референтов: *они* — это группа, которая хвалит себя, а устройство связей внутри группы может быть любым (см. подробные рассуждения о западнославянских рефлексивах с реципрокальным значением в [Gast, Naas 2008: 339–342]).

Кроме того, эвенские рефлексивы могут использоваться для выражения ассоциативной множественности, что, насколько мне известно, не было ранее зафиксировано ни в одном языке. Такое употребление отмечено в грамматике В. И. Цинциус [Цинциус 1947: 132], однако подробно это явление не обсуждается и там.

Установлено, что для местоимений характерно выражение репрезентативной множественности в терминах [Даниэль 2000]: в этом случае группа, включающая фокусного референта, задается контекстом, т. е. значением местоимения мн. ч. является ‘фокусный референт + другие’. Однако в эвенском языке ассоциативная, «семейная» («фокусный референт + его семья») интерпретация является наиболее приемлемой и, как кажется, единственной допустимой в примерах типа (23).

- (23) *etiken me-r-du-r olla-w ga-di-n*
 старик INT-PL-DAT-POSS.REFL.PL рыба-ACC взять-PST-3SG
 ‘Старик взял рыбу для себя и своей семьи’.

- (24) *#ŋin me-r-du-r olla-w ga-di-n*
 собака INT-PL-DAT-POSS.REFL.PL рыба-ACC взять-PST-3SG
 ‘Собака [в сказке] взяла рыбу для себя и своей семьи’.
 Ожид.: ‘Собака взяла рыбу для себя и своей стаи / щенков’.

Из примера (24) видно, что в случаях, когда «семейная» интерпретация недоступна, т. е. антецедент не может иметь «семьи»,

ассоциативность практически не лицензируется (в таком случае приходится приравнивать антецедента к существу, которое может иметь семью в традиционном понимании, например — делать сказочным героем). При этом ограничений на антецедент в случаях репрезентативной множественности не появляется, т. к. группа не определяется точно, а задается контекстом.

5. Заключение

В настоящей работе были описаны пять способов выражения рефлексивного значения в быстринском говоре эвенского языка. Эти способы могут быть разделены на две группы: аргументные (ноль, [интенсификатор +] местоимение) и посессивные рефлексивы ([интенсификатор +] рефлексивный посессивный аффикс). Эксплицитное маркирование отсутствует у некоторых глаголов ухода за телом и глаголов разрушения. Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы могут быть модифицированы интенсификаторами, основа которых также служит для образования рефлексивных местоимений.

Как выяснилось, в быстринском эвенском модификаторами могут выступать два разных интенсификатора (один из которых не упоминается в таком качестве в предыдущих исследованиях), однако дистрибуция двух интенсификаторов пока до конца не изучена. Также эвенский относится к группе языков, в которых интенсификатор формально не совпадает с рефлексивом (в отличие от эвенкийского), но при этом разделяет некоторый морфологический материал (но не в том же смысле, что в нанайском).

Морфологическое устройство рефлексивов практически полностью совпадает с данными из [Цинциус 1947]. Однако парадигма рефлексивных посессивных суффиксов оказалась асимметричной. Аффиксы единичного possessора различаются в зависимости от числа обладаемого. Их чередования нельзя свести к синхронной морфологии, кроме того, есть контекст, в котором отсутствует аффикс,

обычно выражающий мн. ч. обладаемого, но при этом использован соответствующий мн. ч. посессивный аффикс (число обладаемого в таком случае интерпретируется как множественное).

Дистрибуция и синтаксический статус рефлексивных местоимений не описывались ранее в грамматиках. В рамках исследования было сделано заключение о том, что местоимения, называемые ранее возвратными, подчиняются классической теории связывания и являются анафорами в терминах [Chomsky 1981]. Также было обнаружено, что более тяжелые рефлексивные конструкции могут быть употреблены, только если локальный домен не превышает размер клаузы (в отличие от более легких, которые допускают связывание через границу целевого конверба).

Несмотря на синтаксическую природу рефлексивных местоимений, некоторые семантические аспекты форм мн. ч. — реципрокальные прочтения и ассоциативная множественность — требуют отдельного описания. Если анализ первых был предложен в работе, то вторая требует детального изучения, которое будет предпринято в дальнейшем.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ATR — атрибутив; COM — комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; DES — дезигнатив; DIM — диминутив; DIR — директив; DLOC — директив-локатив; ELAT — элатив; EQU — экватив; EXC — эксклюзив; INC — инклюзив; INCH — инхоатив; INS — инструменталис; INT — интенсификатор; LOC — локатив; LOCALL — локатив-аллатив; NEG.PRED — предикативное отрицание; NFUT — небудущее время; NOM — номинатив; PNAV — хабитуальное причастие; PL — множественное число; POSS/PS — посессивность; PPST — причастие прошедшего времени; PROG — прогрессив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PURP — цель; QUAL — качество; REFL/RFL — рефлексив; SELF — основа рефлексива; SG — единственное число.

Литература

Авrorин 1959 — В. А. Авrorин. Грамматика нанайского языка. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

- Богораз 1931 — В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. 1931. Т. 1. С. 1–106.
- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000.
- Левин 1936 — М. Г. Левин. Эвенки Северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 71–78.
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
- Николаева 1995 — И. А. Николаева. Обдорский диалект хантыйского языка. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 15; Einheitliche Beschreibung der Dialekte uralischer Sprachen 5). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отделение, 1960.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1947.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on Government and Binding. (Studies in Generative Grammar 9). Dordrecht: Foris, 1981.
- Despić 2015 — M. Despić. Phases, reflexives, and definiteness // Syntax: A Journal of Theoretical, Experimental and Interdisciplinary Research. 2015. Vol. 18. Iss. 3. P. 201–234. DOI: 10.1111/synt.12031.
- Gast, Haas 2008 — V. Gast, F. Haas. On reciprocal and reflexive uses of anaphors in German and other European languages // E. König, V. Gast (eds.). Reciprocals and Reflexives: Theoretical and Typological Explorations. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 192). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 307–346.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking // Linguistic Discovery. 2008. Vol. 6. Iss. 1. P. 40–63. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.331.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. The Middle Voice. (Typological Studies in Language 23). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. DOI: 10.1075/tsl.23.
- Koster, Reuland 1991 — J. Koster, E. Reuland. Long Distance Anaphora. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. DOI: 10.1017/CBO9780511627835.
- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: A typological perspective // Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). Reflexives. Forms and Functions. (Typological Studies in Language 40). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2000. P. 41–74. DOI: 10.1075/tsl.40.03kon.

- Pakendorf 2014 — B. Pakendorf. System changes in Lamunkhin Èven: Independent innovations and contact-induced changes // E. В. Головки (отв. ред.). Системные изменения в языках России. Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 октября 2014 г. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 94–96.
- Preminger 2019 — O. Preminger. The Anaphor Agreement Effect: Further evidence against binding-as-agreement. Unpublished manuscript, University of Maryland at College Park, 2019.
- Volkova, Reuland 2014 — A. Volkova, E. Reuland. Reflexivity without reflexives? // The Linguistic Review. 2014. Vol. 31. No. 3–4. P. 587–633. DOI: 10.1515/tlr-2014-0012.

References

- Avrorin 1959 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai Language]. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959.
- Bogoraz 1931 — V. G. Bogoraz. Materialy po lamutskomu yazyku [Materials on the Lamut language]. *Tungusskiy sbornik*. 1931. Vol. 1. P. 1–106.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding*. (Studies in Generative Grammar 9). Dordrecht: Foris, 1981.
- Daniel 2000 — M. A. Daniel. *Tipologiya assotsiativnoy mnozhestvennosti* [Typology of associative plural]. PhD thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000.
- Despić 2015 — M. Despić. Phases, reflexives, and definiteness. *Syntax: A Journal of Theoretical, Experimental and Interdisciplinary Research*. 2015. Vol. 18. Iss. 3. P. 201–234. DOI: 10.1111/synt.12031.
- Gast, Haas 2008 — V. Gast, F. Haas. On reciprocal and reflexive uses of anaphors in German and other European languages. E. König, V. Gast (eds.). *Reciprocals and Reflexives: Theoretical and Typological Explorations*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 192). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 307–346.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking. *Linguistic Discovery*. 2008. Vol. 6. Iss. 1. P. 40–63. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.331.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The Middle Voice*. (Typological Studies in Language 23). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. DOI: 10.1075/tsl.23.
- Koster, Reuland 1991 — J. Koster, E. Reuland. *Long Distance Anaphora*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. DOI: 10.1017/CBO9780511627835.

- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: A typological perspective. Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). *Reflexives. Forms and Functions*. (Typological Studies in Language 40). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2000. P. 41–74. DOI: 10.1075/tsl.40.03kon.
- Levin 1936 — M. G. Levin. Evenki Severnogo Pribaykalya [Evenks of the Northern Baikal region]. *Sovetskaya etnografiya*. 1936. No. 2. P. 71–78.
- Lyutikova 2002 — E. A. Lyutikova. *Kognitivnaya tipologiya: refleksivny i intensivifikatsionnyye aspekty* [Cognitive Typology: Reflexives and Intensifiers]. Moscow: Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, 2002.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty* [Syntax of Even: Structural, Semantic, Communicative Aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.
- Nikolayeva 1995 — I. A. Nikolayeva. *Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Obdorsk Dialect of the Khanty Language]. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altai-ca 15; Einheitliche Beschreibung der Dialekte uralischer Sprachen 5). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.
- Novikova 1960 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the Dialects of the Even Language]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad branch, 1960.
- Pakendorf 2014 — B. Pakendorf. System changes in Lamunkhin Èven: Independent innovations and contact-induced changes. E. V. Golovko (ed.). *Sistemnyye izmeneniya v yazykakh Rossii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 16–18 oktyabrya 2014 g.* [System Changes in the Languages of Russia. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. St. Petersburg, October 16–18, 2014]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 94–96.
- Preminger 2019 — O. Preminger. The Anaphor Agreement Effect: Further evidence against binding-as-agreement. Unpublished manuscript, University of Maryland at College Park, 2019.
- Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Grammar Sketch of the Even (Lamut) Language]. Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1947.
- Volkova, Reuland 2014 — A. Volkova, E. Reuland. Reflexivity without reflexives? *The Linguistic Review*. 2014. Vol. 31. No. 3–4. P. 587–633. DOI: 10.1515/tlr-2014-0012.

Семантика и полисемия причинных маркеров: данные горномарийского языка

Т. И. Давидюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); rachekit@yandex.ru

Кс. А. Студеникина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); xeanst@gmail.com

Аннотация. В горномарийском языке ряд именных показателей — послелоги *gišän*, *veldäk*, *verc(än)*, *gäc(än)* и *don(o)*, а также латив (обстоятельственный падеж) *-eš* — участвуют в выражении причинного значения. В статье рассматривается семантика данных показателей с опорой на следующие параметры: выражение прямой / непрямой причины, внешней / внутренней причины, контролируемость / неконтролируемость предиката, ограничения на сочетаемость. Кроме того, уделяется внимание полисемии и происхождению рассматриваемых маркеров.

Ключевые слова: причинные показатели, теория грамматикализации, горномарийский язык.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Semantics and polysemy of causal markers: Hill Mari evidence

T. I. Davidyuk

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); rachekit@yandex.ru

Ks. A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); xeanst@gmail.com

Abstract. There are several markers in Hill Mari that have causal meaning — the postpositions *gišän*, *veldäk*, *verc(än)*, *gäc(än)*, and *don(o)*, as well as the lative *-eš*. The paper discusses the semantics of these markers based on the following parameters: direct / indirect cause, external / internal cause, controllability / uncontrollability of the action expressed by the predicate, and compatibility restrictions. Another aim of the study is the polysemy and the origin of these markers that may be a useful contribution to the typology of causal meanings and the grammaticalization theory in general. The data described in this paper was collected during the fieldwork in the village of Kuznetsovo and nearby villages, Mari El Republic, Russia in 2018–2019. The main method used for data collection was elicitation.

Gišän is the basic postposition expressing cause. Some prohibitions on its use are only observed among native speakers in direct causation contexts. An indirect cause can also be expressed by the postposition *verc(än)*. The postpositions *don(o)*, *gäc*, and the lative *-eš* mark direct cause. Direct-cause contexts are preferable for the postposition *veldäk*. The postposition *gäc* indicates negative consequences and only occurs in uncontrollable action contexts. Uncontrolled predicates are also relevant for the postposition *don(o)*. The lative can occur with both uncontrolled and controlled predicates, the latter case only relevant for constructions with the *-maš* nominalization.

The peculiar features of the system of causal markers in Hill Mari in terms of the theory of grammaticalization are as follows: it is unusual for the causal postposition *gišän* to have a theme meaning; and, while it is uncommon for Finno-Ugric languages to use a directional case to indicate a cause, the Hill Mari widely uses lative (diachronically, apparently, a directional case) in this capacity.

Keywords: causal markers, grammaticalization theory, Hill Mari.

1. Введение

В статье лингвистического атласа WALS [Cristofaro 2013] причинная конструкция определяется как такая конструкция, которая выражает отношения каузации между двумя ситуациями. В оформлении конструкций с причинной семантикой языка мира следуют двум стратегиям: полипредикативной и монопредикативной. Примером полипредикативной стратегии маркирования причинных отношений является использование различных причинных союзов, например, союзов *потому что* и *так как* в русском языке, см. (1)–(2). Монопредикативная стратегия предусматривает маркирование на имени. В именных конструкциях возможно падежное маркирование причинного отношения (3) или маркирование при помощи адлога (предлога или послелога в зависимости от устройства языка). В (4)–(5) представлены примеры причинных предлогов в русском языке.

- (1) *Социализм для России смертелен, **потому что** это перераспределение огромных средств через бюрократию.* [НКРЯ]
- (2) *У этих растений нас интересуют только стебли, **так как** листья не годятся для плетения.* [НКРЯ]
- (3) ЧЕШСКИЙ
vukřikla úlek-em.
вскрикнула испуг-INS
'Она вскрикнула от испуга'. [Drdová 2013: 13]
- (4) *Как показывают расчеты, уровень озера каждый год **из-за испарения воды** должен был понижаться на 7 метров.* [НКРЯ]
- (5) ***Из любви и сочувствия к актрисе** он придумал особый рецепт блинов, которые надоест просто не могли.* [НКРЯ]

Стоит отметить, однако, что падежи и адлоги с причинным значением могут оформлять и номинализации, которые по своим свойствам близки к полноценным клаузам. Мы их также относим к классу

именных причинных конструкций, хотя подобные конструкции не совсем верно считать монопредикативными.

Существует немало типологических работ о полипредикативных причинных конструкциях, см., например, [Diessel, Hetterle 2011; Martowicz 2011; Cristofaro 2013]. Работы, посвященные именным причинным конструкциям, в большинстве своем содержат семантическое описание системы причинных именных конструкций в рамках одного языка, см. данные русского языка [Всеволодова, Яценко 1988; Апресян (ред.) 2004: 430–437] и др. Однако в настоящий момент ведется работа по составлению типологической анкеты для описания именных причинных показателей [Сай (в печати)]. Данные марийских языков в литературе, посвященной причинным конструкциям, подробно не обсуждались, ср. описание данных лугового марийского языка в [Иванова 2011: 169–206], из которого, однако, не вполне ясны семантические различия между приводимыми автором конструкциями.

В рамках горномарийского языка нами был выделен следующий набор показателей, использующихся для выражения причины в именных конструкциях: послелого *gišän*, *veldäk*, *don(o)*, *verc(än)*, *gäc(än)*, а также обстоятельственный падеж (латин) *-eš*.

Описание системы именных причинных конструкций горномарийского языка велось нами прежде всего с опорой на работу [Иорданская, Мельчук 2007: 502–617], посвященную семантическим противопоставлениям между причинными предложениями в русском и французском языках. Авторы рассматривали следующие основные семантические противопоставления:

- прямая / непрямая причина;
- первоначальная / непервоначальная причина;
- имеет / не имеет место единство времени причины и следствия;
- внешняя / внутренняя причина;
- контактная / бесконтактная причина.

Тем не менее не все перечисленные параметры были применены к данным горномарийского языка. Во-первых, противопоставление первоначальной и непервоначальной причины, проиллюстрированное в [Иорданская, Мельчук 2007: 511] примерами (6)–(7) (в примере

(6) представлена первоначальная причина, а в (7) — непервоначальная), как нам кажется, слабо формализуется, тем более при изучении материала языка, не являющегося родным для исследователя. Таким образом, мы приняли решение отказаться от рассмотрения данного противопоставления в системе причинных отношений горномарийского языка.

(6) *Все беды в мире — от потери духовных ценностей.*

(7) *Все беды в мире — из-за потери духовных ценностей.*

Во-вторых, параметр единства времени причины и следствия (по данному параметру противопоставляются примеры (8)–(9)) также не будет нами рассматриваться, т. к. не вполне понятно, какова длина временного промежутка, релевантного для данного противопоставления.

(8) *От Машинных замечаний Иван пришел в ярость.*

(9) *Из-за Машинных замечаний Иван постепенно изменил свое отношение к ней.*

В-третьих, параметр контактности каузации также представляет собой дискуссионный вопрос. В [Иорданская, Мельчук 2007: 513] противопоставление контактной и бесконтактной причины иллюстрируется примерами (10)–(11). В (10), как утверждается в цитируемой работе, имеется контакт между Петром и остановкой его сердца, тогда как в (11) контакта между самолетом и остановкой его двигателя нет. Данный параметр в силу его спорности также не будет нами рассматриваться.

(10) *Петр скончался от остановки сердца.*

(11) *Самолет разбился из-за остановки двигателя.*

Таким образом, горномарийские причинные конструкции будут рассмотрены с точки зрения того, выражают ли они прямую / непрямую причину и внутреннюю / внешнюю причину. Параметр прямой / непрямой каузации определяется тем, насколько тесная

связь прослеживается между событием-причиной и событием-следствием. При прямой каузации, в отличие от не прямой (или косвенной), между причиной и следствием нет промежуточных причинных связей. Данное противопоставление иллюстрируется в [Иорданская, Мельчук 2007: 511] примерами (12)–(13). В (13), в отличие от (12), представлено выражение не прямой причины — с Иваном что-то случилось в связи с чумой, которой он, однако, мог сам и не болеть.

(12) *Иван умер от чумы.*

(13) *Иван умер из-за чумы.*

Внутренняя причина связана со свойствами или состоянием субъекта результирующей ситуации [Апресян (ред.) 2004: 431]; она противопоставлена внешней причине. Пример выражения внутренней причины представлен в (14), а внешней — в (15).

(14) *Петя побледнел от страха.*

(15) *С первого щелка / Подпрыгнул поп до потолка.*

Помимо этого, важными для нас параметрами являются контролируемость / неконтролируемость предиката и ограничения на сочетаемость. Для одного из рассматриваемых нами послелогов также оказалось важным то, оказывается ли следствие положительным или отрицательным результатом (ср. русское *благодаря*, которое вводит указание на причину достижения какого-либо положительного результата [Апресян (ред.) 2004: 433]).

Маркеры причинных отношений представляют интерес также с точки зрения того, каково их происхождение и какие модели полисемии они развивают. Мы обсудим этот круг вопросов применительно к материалу горномарийского языка.

Данные для настоящей работы были собраны нами в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2018–2019 гг. в Горномарийском р-не Республики Марий Эл в с. Кузнецово и окрестных деревнях¹. Сбор

¹ Подробнее о лингвистической экспедиции в Горномарийский р-н см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

материала опирался преимущественно на метод элицитации. Количество опрошенных информантов составляет более 20 человек.

В *Разделе 2* настоящей статьи мы последовательно рассмотрим горномарийские показатели, использующиеся для выражения причины. В *Разделе 3* мы подведем итоги исследования.

2. Маркеры причинного отношения в горномарийском языке

2.1. Послелог *gišän*

Послелог *gišän* является базовым способом маркирования причины в именных конструкциях горномарийского языка. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в корпусе горномарийских текстов² послелог *gišän* чаще всего, по сравнению с другими исследуемыми послелогом, употребляется в причинном значении: мы обнаружили 17 вхождений данного послелoga в контекстах выражения причины (всего данный послелог встречается в корпусе 70 раз). Кроме того, послелог *gišän* встречается при любом типе казуации. Нам известны лишь единичные случаи, когда его употребление отвергалось бы носителями, см. их обсуждение далее.

Послелог *gišän* совместим с выражением как внешней (16), так и внутренней причины (17).

- (16) *män' pi optâ-mâ gišän cätär-äl-∅*
 я собака лаять-NMLZ о дрожать-АГТ-CVВ
kolt-en-äm.
 посылать-РЕТ-1SG
 'Я вздрогнул из-за лая собаки'.

² Данный корпус доступен для скачивания на странице <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>. Объем текущей версии корпуса составляет более 63 тыс. словоупотреблений.

- (17) *t'et'a lüd-mä gišän cätär-ül-Ø kolt-en.*
 ребенок бояться-NMLZ о дрожать-АТТ-CVВ посылать-PRET
 ‘Ребенок вздрогнул от страха’.

Важным оказывается то, что конструкции с *gišän* могут маркировать как прямую, так и непрямую причину, см. (18)–(19), где в (18) холод является прямой причиной плача ребенка, тогда как в (19) присутствует лишь косвенное указание на причину изменения состояния субъекта (неизвестно, какие именно действия Ивана вызвали злость). Тип предиката (контролируемый или неконтролируемый) также не влияет на приемлемость конструкций с *gišän*, ср. примеры (19)–(20).

- (18) *t'et'a üštä gišän mägär-ä.*
 ребенок холод о плакать-NPST.3SG
 ‘Ребенок плачет от холода’.

- (19) *män' ivan gišän šädešk-em.*
 я Иван о сердиться-NPST.1SG
 ‘Я злюсь из-за Ивана’.

- (20) *män' ivan gišän tä-škä kädal-am.*
 я Иван о тот-ILL ехать-NPST.1SG
 ‘Я еду туда из-за Ивана’.

Единичные запреты на употребление послелога *gišän* в причинных конструкциях в некоторых идиолектах связаны с теми же случаями, которые обсуждаются в [Апресян (ред.) 2004: 431] для русского причинного предлога *из-за*, — это контексты с очень тривиальной причинно-следственной связью, как (21)–(22). В подобных контекстах употребление послелога *gišän* уместно не во всех идиолектах (23).

- (21) *мокрый *из-за воды*

- (22) *пьяный *из-за вина*

- (23) *män' äräkä-eš / ?äräkä gišän jükšä li-n-äm.*
 я вино-LAT вино о пьяный становиться-PRET-1SG
 ‘Я опьянел от вина’.

О тяготении обсуждаемого послелого к обозначению непрямой причины может говорить также комментарий, приводимый некоторыми информантами к примеру (24): если в данном предложении использовать конструкцию *jur gišan* ‘из-за дождя’, то она будет скорее указывать на непрямую причину (промокнуть из-за луж, появившихся после дождя, например, пробежавшись по ним).

- (24) *män' jur-eš / 'jur gišan nör-en-äm.*
 я дождь-LAT дождь о мокнуть-PRET-1SG
 ‘Я намок от дождя’.

Интересно второе значение, выражаемое послелогом *gišan*, — это значение темы при глаголах речи и мысли:

- (25) *mä škol gišan šajâšt-âna.*
 мы школа о говорить-NPST.1PL
 ‘Мы разговариваем о школе’.
- (26) *vara män' jasâ gišan mond-en-äm.*
 потом я боль о забывать-PRET-1SG
 ‘Потом я забыла про боль’.

Подобная полисемия не обсуждается в типологических работах (см. [Traugott, König 1991; Luraghi 2015]). В работе [Татевосов и др. (ред.) 2017] по мишарскому диалекту татарского языка говорится, что послелог *hakynđa*, помимо значения темы, может обозначать также и причину, однако подтверждающих это примеров не приводится; в [Закиев 1993] для данного послелого указано только значение темы. Английский предлог *about*, обозначающий тему, также, согласно [Dirven 1993], имеет причинное значение в контекстах, аналогичных представленному в примере (27). Однако появление такого значения у английского предлога объясняется автором через метафору из пространственного значения, пример которого приведен в (28).

- (27) *I am crazy about you.*
 ‘Я без ума от тебя’.
- (28) *to walk about the house*
 ‘ходить по дому’

В отличие от английского предлога *about*, горномарийский послелог *gišän* не имеет пространственных значений, поэтому объяснение, предложенное в [Dirven 1993], нерелевантно в его случае. Мы предполагаем, что значение темы является вторичным по отношению к причинному значению и что такой семантический переход обусловлен тем, что ситуация или объект, о котором идет разговор, осмысляются как причины речевого акта.

Стоит отметить, что в луговом марийском языке, в отличие от горномарийского, существует специальный послелог, маркирующий только значение темы, — послелог *нерген* [СМЯ]. Он не участвует в выражении причинных отношений.

Согласно [Гордеев 1983: 233], послелог *gišän* представляет собой форму старого латива³ от утраченного ныне существительного **гши* ‘сорт, манера, способ’. В качестве когната приводится эрзянская лексема *кис(э)* ‘из-за, для, ради’. Развитие причинного значения у слова со значением ‘способ’ представляется логичным: таким образом маркируется ситуация-причина, которая осмыляется как способ получения другой ситуации. Использование директивной формы данного существительного можно объяснить тем, что современный показатель латива *-eš* участвует в маркировании причинных отношений (см. *Раздел 2.6*) и, вероятно, непродуктивный показатель латива также мог бы выражать причинное значение.

2.2. Послелог *veldäk*

Послелог *veldäk* известен далеко не всем носителям языка, однако большей половине. В опросе о его употреблении участвовали только те информанты, которые подтвердили, что они знают и используют эту лексему в повседневном общении.

Имеющиеся у нас данные показывают, что конструкции с *veldäk* тяготеют к кодированию прямой причины. Так, в (29)–(32) данный

³ Под «старыми» мы подразумеваем непродуктивные пространственные падежные показатели, которые можно выделить в составе некоторых послелогов.

послелог в большинстве идиолектов не сочетается с предметным именем (либо местоимением), однако сочетается с номинализацией, которая указывает на ситуацию, непосредственно послужившую причиной главной ситуации. Дополнительно были проверены факторы морфосинтаксического класса (ср. местоимение в (29)) и одушевленности зависимого при послелого *veldäk*, а также фактор одушевленности субъекта главной ситуации (ср. неодушевленный субъект в (32)), однако они оказались в данном случае нерелевантными.

(29) а. ^{??}*män'* *tän'* *veldäk* / *veldäk-et* *šädešk-em.*
я ты из-за из-за-POSS.2SG сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за тебя'.

б. *män'* *tän'* *äl-m-et* *veldäk* *šädešk-em.*
я ты быть-NMLZ-POSS.2SG из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за твоего присутствия'.

(30) а. ^{??}*män'* *vas'a* *veldäk* *šädešk-em.*
я Вася из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за Васи'.

б. *män'* *vas'a* *äl-mä* *veldäk* *šädešk-em.*
я Вася быть-NMLZ из-за сердиться-NPST.1SG
'Я сержусь из-за Васиного присутствия'.

(31) а. ^{??}*män'* *äräkä* *veldäk* *jükšä* *li-n-äm.*
я вино из-за пьяный становится-PRET-1SG
'Я опьянел от вина'.

б. *män'* *äräkä* *jü-mä* *veldäk* *jükšä*
я вино пить-NMLZ из-за пьяный
li-n-äm.
становиться-PRET-1SG
'Я опьянел от распития вина'.

(32) а. ^{??}*stöl* *savêc* *äräkä* *veldäk* *nör-en.*
стол платок вино из-за мокнуть-PRET
'Скатерть намочила из-за вина'.

б. *stöl savâc äräkä vil-mä veldäk nör-en.*
 я вино вино сыпаться-NMLZ из-за мокнуть-PRET

‘Скатерть промокла из-за того, что вино пролилось’.

С наименованиями эмоций (33) и природных явлений (34) послелог *veldäk* может сочетаться без номинализации. Вероятно, это объясняется тем, что эмоция представляет собой внутреннюю причину, которая, как правило, носит непосредственный характер, а наименования природных явлений типа *jur* ‘дождь’, как и номинализации, отсылают к некоторой ситуации. Из примеров (33)–(34) также видно, что противопоставление внешней и внутренней причины для послелога *veldäk*, по-видимому, несущественно.

(33) *män' šädä veldäk jakšar-g-en ke-n-äm.*
 я гнев из-за красный-DETR-CVB идти-PRET-1SG

‘Я покраснел от гнева’.

(34) *jur veldäk män' nör-en-äm.*
 дождь из-за я мокнуть-PRET-1SG

‘Я промок из-за дождя’.

Параметр контролируемости предиката не влияет на возможность употребления послелога *veldäk*, см. контролируемый предикат в (35) и неконтролируемый в (36):

(35) *šokšâ veldäk nüštäl-mä paštek män' jäle*
 тепло из-за купаться-NMLZ после я быстро

košk-en-äm.

сохнуть-PRET-1SG

‘Из-за жары я быстро высох после купания’.

(36) *män' päšä-škä šokšâ veldäk ke-tel-am.*
 я работа-ILL тепло из-за идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за жары я не пошел на работу’.

У лексемы *veldäk* имеется также значение во временной сфере — это значение ‘пока’ (37). Весьма вероятно, что ограничения на сочетаемость, демонстрируемые обсуждаемым послелогом

и проиллюстрированные выше, могли бы быть связаны с временным значением ‘пока’, т. к. оно семантически совместимо с ситуациями, протяженными по времени (Васино присутствие, распитие или пролитие вина, гнев, жара, дождь и т. д.), и не совместимо с обычными именами (ты, Вася, вино и т. д.).

- (37) *tâdâ kâdal-ân măn’ amalâ-m-em god-âm / veldäk.*
 он ехать-ПРЕТ я спать-NMLZ-POSS.1SG год-ACC из-за
 ‘Он уехал, пока я спал’.

Возможно, данный послелог по происхождению мог являться союзом (см. [Майтинская 1982: 76, 98–99] о развитии послелогов из некоторых союзов в финно-угорских языках), поэтому на данном этапе своего развития он обладает нехарактерной для горномарийских послелогов особенностью — неспособностью присоединять посессивные показатели. Поскольку сочетание послелога *veldäk* с личными местоимениями, вызывающими посессивное согласование, затруднено, данное утверждение можно проиллюстрировать конструкцией с «переездом посессива», в которой посессивный показатель в послеложной группе возможно переместить с зависимого имени на послелог (см. об аналогичной конструкции в бесермянском удмуртском [Arkhangelskiy, Usacheva 2015]). Для послелога *veldäk* такая конструкция оказывается невозможной:

- (38) *măn’ tăn’ âl-m-et veldäk /*
 я ты быть-NMLZ-POSS.2SG из-за
 **tăn’ âl-mâ veldäk-et šädešk-em.*
 ты быть-NMLZ из-за-POSS.2SG сердиться-NPST.1SG
 ‘Я сержусь из-за твоего присутствия’.

Согласно этимологическому словарю Ф. И. Гордеева, данный послелог произошел от существительного *вел* ‘сторона, край’, а «-дык является сращением локативных падежей -де и -к» [Гордеев 1983: 84], при этом происхождение последних остается невыясненным. В [Вершинин 2017: 72] этот послелог также трактуется как форма от существительного *вел*, однако предположений о дальнейших наращениях не делается. Можно, тем самым, предположить,

что у формы существительного ‘сторона’ вначале появилось временное значение ‘пока’, а затем уже причинное значение. Переход из подобного временного значения в причинное фиксируется в [Heine, Kuteva 2004: 291] для некоторых союзов, например, для немецкого причинного союза *weil* и латинского союза *dum*.

2.3. Послелог *verc(ән)*

Послелог *verc* (который встречается также в полной форме *vercән*) имеет прежде всего причинно-целевое значение:

- (39) *saltak sändäläk verc kredäl-ән.*
 солдат родина за драться-PRET
 ‘Солдат сражался за родину’.

Этот факт обуславливает, возможно, то, что послелог *verc* обозначает внешнюю причину, см. (40)–(42). Контролируемость предиката в этом случае не влияет на употребление *verc*.

- (40) *tән’ verc-et mән’ә škol-әšš opozdaj-en-әм.*
 ты за-POSS.2SG я школа-ILL опоздать-PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я опоздал в школу’.

- (41) *tән’ verc-et mән’ә škol-әšškә ke-tel-am.*
 ты за-POSS.2SG я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я не пошел в школу’.

- (42) *tән’ verc-et mән’ eksamen-әм zdajә-del-am.*
 ты за-POSS.2SG я экзамен-ACC сдать-NEG.PRET-1SG
 ‘Из-за тебя я не сдал экзамен’.

Послеложная группа с *verc* в причинном значении допустима как при неблагоприятном следствии для субъекта, см. (40)–(42), так и при благоприятном следствии (43).

- (43) *tau, tән’ verc-et eksamen-әм vәz-әt-eš*
 спасибо ты за-POSS.2SG экзамен-ACC пять-FULL-LAT

zdajâ-del-am.

сдать-NEG.PRET-1SG

‘Спасибо, благодаря тебе я сдал экзамен на пятерку’.

Сами носители языка при опросе об употреблении *verc* указывают, кроме того, на обозначение этим послелогом внешней причины-помехи при глаголах восприятия и внешней причины при глаголах физиологических ощущений:

(44) *kogo jur verc kornâ-štâ n'i-ma=t măn'*

большой дождь за дорога-IN NEG-что=ADD я

a-m uŝ.

NEG.NPST-1SG видеть

‘Из-за сильного дождя я ничего на дороге не вижу’.

(45) *măn'-än măškâr-em catkâdâ čaj verc karšt-a.*

я-GEN живот-POSS.1SG крепкий чай за болеть-NPST.3SG

‘У меня болит живот от крепкого чая’.

Внутренняя причина послелогом *verc* обозначаться не может:

(46) *t'et'ä susu gišän / *verc targešt-äl-eš.*

ребенок радость о за прыгать-ITER-NPST.3SG

‘Ребенок прыгает от радости’.

Противопоставление прямой и не прямой причины для конструкций с послелогом *verc* нерелевантно. Так, в (47) дождь можно рассматривать как фактор, непосредственно влияющий на осуществление главного события, тогда как в (48) причинно-следственная связь может быть более сложной (включающей, например, заболевание собеседника или ссору говорящего с ним).

(47) *jur verc măn'ä škol-âškâ ke-tel-am.*

дождь за я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за дождя я не пошел в школу’.

(48) *tän' verc-et măn'ä škol-âškâ ke-tel-am.*

ты за-POSS.2SG я школа-ILL идти-NEG.PRET-1SG

‘Из-за тебя я не пошел в школу’.

В [Гордеев 1983: 74] данный послелог трактуется как форма старого элатива от существительного *ver* ‘место’. Данная этимология несколько проблематична, поскольку в современном горномарийском языке значение ‘место’ выражается существительным *vär* [Саваткова 2008: 31], в котором представлена другая гласная фонема. В [Heine, Kuteva 2004: 239], вместе с тем, зафиксировано, что существительные со значением ‘место’ могут развивать значение причины, что объясняется метафорой из пространственного значения. Наряду с этим причинное значение может поддерживаться (если верна приведенная трактовка внутренней формы послелога *verc*) и элативным оформлением, которое подразумевает, что ситуация-причина служит отправной точкой для другой ситуации (в языках мира у показателей исходной точки нередко развивается причинное значение, см. [Ганенков 2002: 102–103]).

2.4. Послелог *gäc(än)*

Причинная семантика в горномарийском языке может выражаться элативным послелогом *gäc* (встречается также в полной форме *gäcän*; о других значениях данного послелога см. [Давидюк, Студеникина 2019]). Развитие причинного значения у показателей исходной точки распространено в языках мира, см. [Ганенков 2002; Luraghi 2003].

Главный семантический компонент в причинном значении послелога *gäc* — это наличие отрицательных последствий для участника:

(49) *xuda jur gäc peled-äš-vlä xuda-n kušk-ät.*
 плохой дождь EL цвести-НАСТ-PL плохой-ADV расти-NPST.3PL

‘От плохих дождей цветы плохо растут’.

(50) *kogo jur gišan / ??gäc pongâ-vlä jažo-n kušk-ät.*
 большой дождь о EL гриб-PL хороший-ADV
 расти-NPST.3PL

‘От обильных дождей грибы хорошо растут’.

Идея отрицательного последствия объясняет то, что данный послелог особенно употребителен при глаголе *kolaš* ‘умирать’ (51). В подобном контексте могут также употребляться послелого *gišān* и *dono* (см. аналогичный пример с *dono* (63)), однако в первой реакции при переводе данного предложения с русского носители горномарийского языка в подавляющем большинстве случаев используют именно послелог *gäc*. Противопоставление внешней и внутренней причины для конструкций с *gäc* нерелевантно, ср., например, (49) и (51).

- (51) *püergä rak gäc kol-en.*
 мужчина рак EL умирать-PRET
 ‘Мужчина умер от рака’.

Можно предположить, что развитие у элативного показателя семантического компонента, связанного с отрицательной оценкой, мотивируется значением нежелательного участника, который также маркируется элативом:

- (52) *män' šolâ gäc ölväl-nä šäl'-ø-äm.*
 я вор EL подпол-IN2 прятаться-AOR-1SG
 ‘Я спрятался от вора в подполе’.

Элативный послелог не может маркировать непрямую причину событий. Примеры (53) и (54) предполагают отрицательные для субъекта последствия, что типично для рассматриваемого послелого, однако различаются по параметру прямой / непрямой причины. Каузальная цепочка событий, приведшая к событию-следствию, длиннее в предложении (53) по сравнению с предложением (54). Кроме того, авария автобуса могла быть вызвана и некоторыми другими факторами (например, плохим самочувствием водителя), тогда как для поломки двигателя в ситуации из (53) сложно помыслить себе другие причины.

- (53) *motor xuda benz'in gäc pädârg-en.*
 мотор плохой бензин EL ломаться-PRET
 ‘Двигатель сломался из-за плохого бензина’.

- (54) *avtobus xuda kornâ gišän / *gäc pâdârg-en.*
 автобус плохой дорога о EL ломаться-PRET

‘Автобус сломался из-за плохой дороги’.

По-видимому, именно несовместимостью послелого *gäc* с контекстами не прямой причины обусловлено то, что он не сочетается в причинном значении с местоимениями 1 и 2 л. и одушевленными существительными:

- (55) *tädä män' gišän-em / *män'(-än) gäc-em kol-en.*
 он я о-POSS.1SG я-GEN EL-POSS.1SG умирать-PRET

‘Он умер из-за меня’.

- (56) *tädä pi gišän / *gäc kol-en.*
 он собака о EL умирать-PRET

‘Он умер из-за собаки’.

Послелог *gäc* в причинном значении невозможен при контролируемых предикатах: ср. его запрет в (57) и допустимость при неконтролируемом предикате в (58).

- (57) *vas'a šädä gišän / *gäc t'el'efon-äm pâdârt-en.*
 Вася гнев о EL телефон-ACC ломать-PRET

‘Вася от гнева разбил телефон’.

- (58) *vas'a šädä gäc jakšar-g-en ke-n.*
 Вася гнев EL красный-DETR-CVB идти-PRET

‘Вася покраснел от гнева’.

2.5. Послелог *don(o)*

Причинное значение в горномарийском языке может также выражаться комитативно-инструментальным послелогом *dono*⁴ (см. об этом послелого [Хомченкова 2018]). Пример его использования в инструментальной функции представлен в (59).

⁴ Данный послелог встречается также в варианте *don*.

- (59) *ät'ä-m pušängä-m tavar dono ro-a.*
 отец-POSS.1SG дерево-ACC топор с рубить-NPST.3SG
 'Мой отец рубит дерево топором'.

Данный послелог выражает внутреннюю причину при неконтролируемых предикатах, ср. (60)–(62). В (61), по сравнению с (60), представлена внешняя причина (холод в комнате), и послелог *dono* в таком случае не используется, а в примере (62), несмотря на то, что в нем представлена внутренняя причина, послелог *dono* также невозможен, т. к. предикат является контролируемым.

- (60) *män' susu dono mägär-em.*
 я радостный с плакать-NPST.1SG
 'Я плачу от радости'.

- (61) *t'et'ä komnatâ-štâ-š üštä gišan /*
 ребенок комната-IN-ATTR холод о
 **dono mägär-ä.*
 с плакать-NPST.3SG
 'Ребенок плачет от холода в комнате'.

- (62) *t'et'ä školâ-škâ lüd-mäš gišan /*
 ребенок школа-ILL бояться-NMLZ2 о
 **dono a-k ke.*
 с NEG.NPST-3 идти
 'Ребенок не идет в школу от страха'.

Кроме того, послелог *dono* маркирует прямую причину события (63), ср. с примером (64), предполагающим наличие более сложной каузальной цепочки (включающей, например, столбняк или другое опасное для жизни состояние, к которому могла привести рана).

- (63) *püergä rak dono kol-en.*
 мужчина рак с умирать-PRET
 'Мужчина умер от рака'.
- (64) *kid-äštâ-šä izi šušâr gišan /*
 рука-IN-ATTR маленький рана о

**dono* *tädä kol-en ke-n.*
 с он умирать-CVB идти-PRET

‘Он умер от маленькой раны на руке’.

Послелог *dono* в причинном значении не сочетается с одушевленным зависимым. Во-первых, такое зависимое не может обозначать внутреннюю причину, которая, как показано выше, является одним из ключевых семантических факторов, способствующих употреблению послелoga *dono* в причинных контекстах. Во-вторых, обсуждаемый послелог является основным комитативно-инструментальным маркером в горномарийском языке, поэтому его сочетание с одушевленным участником получает комитативное, а не причинное прочтение:

(65) *män' tän' don-et mägär-en-äm.*
 я ты с-POSS.2SG плакать-PRET-1SG

‘Я плакал с тобой / *из-за тебя’.

(66) *män' ädär dono mägär-em.*
 я девушка с плакать-NPST.1SG

‘Я плачу с девушкой / *из-за девушки’.

У послелoga *dono* существуют некоторые ограничения на сочетаемость с названиями эмоций. Так, данный послелог свободно сочетается в причинных конструкциях с лексемой *susu* ‘радость’ (60), но его сочетание с существительным *namâs* ‘стыд’ невозможно (67). Ограничения на сочетаемость послелoga *dono* с другими названиями эмоций требуют дальнейших исследований.

(67) *män' namâs gišän / *dono jakšar-g-en-äm.*
 я стыд о с красный-DETR-PRET-1SG

‘Я покраснел от стыда’.

Развитие показателя причины из инструментального маркера достаточно распространено в языках мира. Как отмечается в типологическом исследовании [Narrog 2010: 241], семантическая эволюция направлена именно от инструментального значения к причинному, а не наоборот: так, развитие в эту сторону зафиксировано

в некоторых языках с длительной письменной традицией, например, в санскрите, а также в английском и испанском языках, тогда как развития в обратную сторону нигде не отмечается.

2.6. Латив *-eš*

В системе именных причинных показателей горномарийского языка стоит выделить также латив:

- (68) *ərlāxan-eš tādä-n licä-eš-äžžä lim läkt-än.*
 корь-LAT он-GEN лицо-LAT-POSS.3SG струп выходить-PRET
 ‘Из-за кори на его лице появились болячки’.

Причинные контексты с лативом следует разделять по типу зависимого. Латив в причинном значении может присоединяться к неодошевленным существительным и номинализациям на *-maš*: в первом случае ограничение на неконтролируемость предиката есть, а во втором — нет. В (69)–(70) конструкции с лативом возможны, т. к. в этих предложениях представлены неконтролируемые предикаты. Из этих же примеров, кроме того, видно, что формы латива могут указывать как на внешнюю, так и на внутреннюю причину.

- (69) *vas'a šäd-eš cätär-ä.*
 Вася гнев-LAT дрожать-NPST.3SG
 ‘Вася дрожит от гнева’.

- (70) *edem šokš-eš püžält-eš.*
 человек тепло-LAT потеть-NPST.3SG
 ‘Человек потеет от жары’.

В (71)–(72), напротив, латив при контролируемых предикатах невозможен с обычными существительными, но, как видно из (72), возможен с формой номинализации на *-maš*:

- (71) *män' päšä-škä kogo šokšä gišän / *šokš-eš*
 я работа-ILL большой тепло о тепло-LAT

ke-tel-am.

идти-NEG.PRET-1SG

‘Я не пошел на работу из-за сильной жары’.

- (72) *vas'a šädä gišün / šädeškä-mäš-eš / *šäd-eš*
 Вася гнев о сердиться-NMLZ2-LAT гнев-LAT

t'el'efon-äm pädârt-en.

телефон-ACC ломать-PRET

‘От гнева Вася разбил телефон’.

Примеры сочетания латива с формой номинализации на *-maš* при контролируемых предикатах представлены также в (73)–(74):

- (73) *kornâ-štâ kogo pi-m vâšli-mäš-eš amasa-m*
 дорога-IN большой собака-ACC встречать-NMLZ2-LAT дверь-ACC

čüč-än-äm.

закрывать-PRET-1SG

‘Из-за того, что по дороге я встретил большую собаку, я закрыл дверь’.

- (74) *vas'a kat'a mән'-äm kăčäl-mäš-eš šisk-a.*
 Вася Катя я-ACC искать-NMLZ2-LAT свистеть-NPST.3SG

‘Вася свистит, потому что Катя ищет меня’.

Пример (75) демонстрирует, что латив не может обозначать непосредственную причину. По-видимому, именно связь латива с прямой причиной способствует приемлемости в (72)–(74) конструкций с номинализациями на *-maš*, поскольку последние указывают на такую ситуацию, которая с большей вероятностью будет воспринята как прямая причина главной ситуации.

- (75) *lem gišün / *lem-eš mән' pojezd-âš vara-š*
 суп о суп-LAT я поезд-ILL потом-ATTR

kod-än-am. mән' šukâ tädä-m

оставаться-PRET-1SG я много он-ACC

äšt-en-äm.

делать-PRET-1SG

‘Из-за супа я опоздала на поезд. Я его долго готовила’.

Стоит сказать, что в горномарийском языке, помимо номинализации на *-maš*, имеется также номинализация на *-mā* (о свойствах и различиях данных номинализаций см. [Сиротина (в печати)]). Однако с последней латив в причинном значении не употребляется (76). Последовательность *-meš* интерпретируется в этом случае как вариант деепричастия *-meškä*. Для послелогов, рассмотренных выше, подобной «несочетаемости» с какой-либо из этих номинализаций нами обнаружено не было.

- (76) *maša pet'a ke-mäš-eš / #ke-m-eš mägär-ä.*
 Маша Петя идти-NMLZ2-LAT идти-NMLZ-LAT плакать-NPST.3SG
 ‘Маша плачет из-за того, что Петя уезжает / #пока Петя уезжает’.

Использование латива для маркирования причинных отношений заслуживает особого внимания. Дело в том, что по своему происхождению данный падеж является направительным [Галкин 1964: 51–52; Зорина 2002: 106–114; Ylikoski 2011: 261–265]. В работе [Ганенков 2002] объяснение наличия у директивного показателя дополнительного значения причины опирается на значение цели движения: значение причины развивается из значения цели, т. к. нередко в языках мира эти семантические роли получают одно и то же маркирование. Однако латив в горномарийском языке не маркирует цель движения (данное значение фиксируется у дательного падежа). Поэтому мы полагаем, что наличие у латива способности маркировать причину — это результат последовательной семантической эволюции, затрагивающей в том числе пространственные значения обсуждаемого падежа. Несмотря на то, что латив исходно имел направительное значение, при некоторых предикатах он может обозначать местоположение (77)–(78). Вероятно, данные примеры можно рассматривать как «лативный сдвиг» (термин предложен в [Маркус, Рожанский 2011]), характерный для многих финно-пермских языков (подробнее об этом явлении см. [Козлов 2017]).

- (77) *pušängä sadvič-eš kušk-eš.*
 дерево сад-LAT расти-NPST.3SG
 ‘Дерево растет в саду’.

- (78) *ädäräš d'ivan-eš amal-en ke-n.*
 девочка диван-LAT спать-CVB идти-PRET

‘Девочка заснула на диване’.

Мы полагаем, что причинное значение у горномарийского латива развилось не из его исходного направительного значения, а из значения местоположения (см. подробнее [Давидюк 2018]). Примечательно, что у иллатива в финском и эстонском языках также отмечается причинное значение, однако в довольно узком контексте — в значении причины смерти:

- финский
 (79) *paitsi jos haluatte kuolla denguekuumeeseen.*
 кроме если хотеть.PRS.2PL умереть.INF лихорадка_денге.ILL

‘Если только вы не хотите умереть от лихорадки денге’.
 [Glosbe]

- эстонский
 (80) *isa suri vähk-i.*
 отец умереть.PST.3SG рак-ILL

‘Отец умер от рака’. [EKI]

3. Заключение

Суммируем полученные нами данные в виде *Таблицы 1* (с. 60).

Непрямая причина в горномарийском может быть выражена послелогом *gišän* и *verc(än)*. Остальные исследуемые единицы — послелогом *don(o)*, *gäc*, а также латив на *-eš* — маркируют прямую причину; для послелогом *veldäk* контексты прямой причины предпочтительны. Элативный послелог *gäc* в причинных контекстах указывает на отрицательные последствия для участника, при этом сам послелог сочетается только с неконтролируемыми предикатами. Ограничение на неконтролируемость предиката действует и для послелогом *don(o)*. Латив также обозначает прямую причину, однако

Таблица 1. Семантические признаки единиц, имеющих причинное значение в горномарийском языке

Table 1. Semantic features of causal markers in Hill Mari

показатель	прямая / непрямая причина	внешняя / внутренняя причина	контр. / неконтр. предиката	прочее
<i>gišān</i>	запреты в единичных примерах с прямой причиной	не влияет	не влияет	
<i>veldäk</i>	предпочт. прямая	не влияет	не влияет	
<i>verc(ān)</i>	не влияет	внешняя	не влияет	
<i>gäc(ān)</i>	прямая	не влияет	неконтр.	отрицат. последствия для участника
<i>don(o)</i>	прямая	внутренняя	неконтр.	есть ограничения на сочет. с именами эмоций
<i>-eš</i>	прямая	не влияет	неконтр. с неодуш. сущ.; не влияет с номинализ. на <i>-maš</i>	

способен сочетаться как с контролируемыми, так и с неконтролируемыми предикатами. В случае с контролируемыми предикатами латив в причинном значении возможен только с номинализацией на *-maš*.

Таким образом, система причинных показателей горномарийского языка обладает рядом особенностей (о причинных показателях в некоторых других финно-угорских языках см. [Давидюк 2019]). Во-первых, необычным выглядит наличие у основного причинного

последлога *gišän* значения темы. Во-вторых, для финно-угорских языков нехарактерно использование падежного показателя с направительным значением для обозначения причины, в то время как в горномарийском языке в этом качестве широко используется латив.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиалис; AOR — аорист (1-е прошедшее время); APT — аттенуатив; ATR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DETR — детранзитив; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — «старый» инессив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LAT — латив; NACT — имя действия; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NMLZ2 — номинализация-2; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRET — претерит (2-е прошедшее время); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Апресян (ред.) 2004 — Ю. Д. Апресян (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Вершинин 2017 — В. И. Вершинин. Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 тт. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017.
- Всеволодова, Яценко 1998 — М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1998.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1: Морфология. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2002.
- Гордеев 1983 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1983.
- Давидюк 2018 — Т. И. Давидюк. Латив в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 195–215.
- Давидюк 2019 — Т. И. Давидюк. Маркеры причинного отношения в финно-угорских языках. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2019.

- Давидюк, Студеникина 2019 — Т. И. Давидюк, Кс. А. Студеникина. Элативный показатель и значение точки приложения в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. XV. Ч. 2. С. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Закиев 1993 — М. З. Закиев. Татарская грамматика. В 3 тт. Т. 2: Морфология. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993.
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Иванова 2011 — И. Г. Иванова. Синтаксические синонимы в марийском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. (Studia philologica). М.: Языки славянских культур, 2007.
- Козлов 2017 — Л. С. Козлов. Особенности разграничения пространственных ролей в финно-пермских языках. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2017.
- Майтинская 1982 — К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Сай (в печати) — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Н. М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб. В печати.
- Сиротина (в печати) — А. Ю. Сиротина. Номинализация как способ оформления синтаксических актантов в горномарийском языке // Материалы III Студенческой конференции ИЛ РГГУ. М. В печати.
- СМЯ — Словарь марийского языка в 10 томах. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2004.
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Хомченкова 2018 — И. А. Хомченкова. Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке // М. К. Амелина, А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков, Н. В. Макеева, О. В. Попова, О. В. Соколова (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2018. С. 226–248.

- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Syntactic and Morphosyntactic Properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria // *SKY Journal of Linguistics*. 2015. № 28. P. 103–137.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (электронный ресурс). URL: <http://wals.info/chapter/127> (дата обращения 17.07.2020).
- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use // P. Siemund (ed.). *Linguistic Universals and Language Variation*. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 231). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2011. P. 23–54.
- Dirven 1993 — R. Dirven. Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English prepositions // C. Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. (Natural Language Processing 3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 73–98.
- Drdová 2013 — K. Drdová. Příslověčné určení příčiny vyjádřené v ruštině předložkovými vazbami a jeho české ekvivalenty. MA thesis. Brno: Masarykova univerzita, 2013.
- EKI — M. Ereht, T. Ereht, K. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007 (электронный ресурс). URL: <https://www.eki.ee/books/ekk09/> (дата обращения 17.07.2020).
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases: The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. (Studies in Language Companion Series 67). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. DOI: 10.1075/slcs.67.
- Luraghi 2015 — S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2015. Т. XIX. С. 603–618.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Narrog 2010 — H. Narrog. A diachronic dimension in maps of case functions // *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Iss. 1. P. 233–254. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.352.
- Traugott, König 1991 — E. C. Traugott, E. König. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1: Theoretical and Methodological Issues. (Typological

Studies in Language 19). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.19.1.

Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, Animacy and Semantic Roles. (Typological Studies in Language 99). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235–280. DOI: 10.1075/tsl.99.09yli.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 17.07.2020).

Glosbe — Многоязычный словарь Glosbe (электронный ресурс). URL: <https://ru.glosbe.com> (дата обращения 17.07.2020).

References

Apresyan (ed.) 2004 — Yu. D. Apresyan (ed.). *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.

Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *SKY Journal of Linguistics*. 2015. No. 28. P. 103–137.

Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason clauses. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/127> (accessed on 17.07.2020).

Davidyuk 2018 — T. I. Davidyuk. Lativ v gornomariyskom yazyke [Lative in the Hill Mari language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 195–215.

Davidyuk 2019 — T. I. Davidyuk. *Markery prichinnogo otnosheniya v finno-ugorskikh yazykakh* [Causal markers in the Finno-Ugric languages]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2019.

Davidyuk, Studenikina 2019 — T. I. Davidyuk, Ks. A. Studenikina. Elativnyy pokazatel i znachenije TOCHKI PRILOZHENIYA v gornomariyskom yazyke [Elativ marker and the Contact point meaning in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.

- Diessel, Hetterle 2011 — H. Diessel, K. Hetterle. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use. P. Siemund (ed.). *Linguistic Universals and Language Variation*. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 231). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2011. P. 23–54.
- Dirven 1993 — R. Dirven. Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English prepositions. C. Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. (Natural Language Processing 3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 73–98.
- Drdová 2013 — K. Drdová. *Příslovečné určení příčiny vyjádřené v ruštině předložkovými vazbami a jeho české ekvivalenty*. MA thesis. Brno: Masarykova univerzita, 2013.
- EKI — M. Ereht, T. Ereht, K. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007. Available at: <https://www.eki.ee/books/ekk09/> (accessed on 17.07.2020).
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka* [Historical Grammar of the Mari Language]. Pt. 1: *Morfologiya* [Morphology]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 1964.
- Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. *Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley* [Polysemy models of spatial cases]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2002.
- Gordeyev 1983 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskiy slovar mariyskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Mari Language]. Vol. 2. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1983.
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Iordanskaya, Melchuk 2007 — L. N. Iordanskaya, I. A. Melchuk. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. (Studia philologica). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007.
- Ivanova 2011 — I. G. Ivanova. *Sintaksicheskiye sinonimy v mariyskom yazyke* [Syntactic Synonyms in the Mari Language]. PhD thesis. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2011.
- Khomchenkova 2018 — I. A. Khomchenkova. Sposoby vyrazheniya komitativnykh znacheniy v gornomariyskom yazyke [Comitative and ways of expressing it in Hill Mari]. M. K. Amelina, A. A. Anufriyev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeyeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the 6th Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2018. P. 226–248.

- Kozlov 2017 — L. S. Kozlov. *Osobennosti razgranicheniya prostranstvennykh roley v finno-permskikh yazykakh* [Features of spatial roles in the Finno-Perm languages]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2017.
- Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases: The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. (Studies in Language Companion Series 67). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. DOI: 10.1075/slcs.67.
- Luraghi 2015 — S. Luraghi. Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European. *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya*. 2015. Vol. XIX. P. 603–618.
- Markus, Rozhanskiy 2011 — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk: Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic Language: Texts and Grammar Sketch]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Martowicz 2011 — A. Martowicz. *The Origin and Functioning of Circumstantial Clause Linkers: A Cross-Linguistic Study*. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 2011.
- Maytinskaya 1982 — K. E. Maytinskaya. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Function Words in the Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka, 1982.
- Narrog 2010 — H. Narrog. A diachronic dimension in maps of case functions. *Linguistic Discovery*. 2010. Vol. 8. Iss. 1. P. 233–254. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.352.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogo yazyka* [Hill Mari Dictionary]. 2nd ed., rev. and enl. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 2008.
- Say (to appear) — S. S. Say. Imennyye prichinnyye konstruksii: parametry tipologicheskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: Parameters of typological variability and research questionnaire]. N. M. Zaika (ed.). *Tipologiya prichinnykh konstruksiy* [Typology of Causal Constructions]. St. Petersburg. To appear.
- Sirotnina (to appear) — A. Yu. Sirotnina. Nominalizatsiya kak sposob oformleniya sententsialnykh aktantov v gornomariyskom yazyke [Nomanizations as sentential arguments in Hill Mari]. *Materialy III Studencheskoy konferentsii IL RGGU* [Proceedings of the 3rd Student Conference of Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities]. Moscow. To appear.
- SMYa — *Slovar mariyskogo yazyka v 10-ti tomakh* [Mari Dictionary in 10 Volumes]. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History, 2004.
- Tatevosov et al. (eds.) 2017 — S. G. Tatevosov, A. G. Pazelskaya, D. Sh. Suleymanov (eds.). *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Misharskiy

- dialekt* [The Tatar Language in a Typological Perspective. Mishar Dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.
- Traugott, König 1991 — E. C. Traugott, E. König. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Vol. 1: *Theoretical and Methodological Issues*. (Typological Studies in Language 19). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.19.1.
- Vershinin 2017 — V. I. Vershinin. *Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskii slovar)* [Origin of Words in the Mari Language]. In 2 vols. Vol. 1. Yoshkar-Ola: String, 2017.
- Vsevolodova, Yashchenko 1998 — M. V. Vsevolodova, T. A. Yashchenko. *Prichino-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relationships in Modern Russian]. Moscow: Russkiy yazyk, 1998.
- Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic. S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. (Typological Studies in Language 99). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235-280. DOI: 10.1075/tsl.99.09yli.
- Zakiyev 1993 — M. Z. Zakiyev. *Tatarskaya grammatika* [Tatar Grammar]. In 3 vols. Vol. 2: *Morfologiya* [Morphology]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1993.
- Zorina 2002 — O. V. Zorina. *Istoriya i sovremennoye sostoyaniye padezhnoy sistemy gornomariyskogo yazyka* [History and current state of the case system of the Hill Mari language]. PhD thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2002.

О семантике аориста в современном сербскохорватском языке

М. А. Егорова

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
Институт языкознания РАН (Москва, Россия); drajenka@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена семантике аориста в современном сербскохорватском языке. Основываясь на исследовании языка художественной прозы второй половины XX века и языка современных электронных медиа по данным хорватского Корпуса Riznica, мы выделяем у аориста, помимо типологически ожидаемой комбинации перфективного значения и плана прошедшего времени, результативное значение, обычно свойственное перфекту. Мы полагаем, что аорист, по крайней мере, в некоторых контекстах, взял на себя роль «нового перфекта» в глагольной системе языка с «расширенным перфектом», каким является сербскохорватский. Согласно нашим данным, аорист может обозначать событие, имеющее актуальный результат. При этом адресант делает акцент либо на результате события (преимущественно в диалоге), либо на самом событии (преимущественно в нарративе). В первом случае аористом выражается результативное значение, во втором — anteriорное. Появление аориста также часто сопровождает новую и неожиданную информацию.

Ключевые слова: сербскохорватский язык; грамматическая семантика, аорист.

On the semantics of the Aorist in modern Serbo-Croatian

М. А. Egorova

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); Institute
of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); drajenka@gmail.com

Abstract. The article addresses the semantics of the Aorist in modern Serbo-Croatian. This form, found in only colloquial speech and fiction, is described

as an “expressive” preterit. Our investigation is based on texts of fiction (the second half of the 20th century) and the news subcorpus of the Riznica Croatian Corpus. As our data shows, apart from the predictable combination of perfectivity and past time reference, the aorist can also convey resultative / anterior meanings. Resultative / anterior uses of the Aorist are found in verbs describing events that have relevant results at the time of reference. As the speaker can focus either on the action result (mostly in dialogue) or on the action itself (mostly in the narrative), we cannot make a clear distinction between resultative and anterior meanings in such cases. Cross-linguistically, these meanings correspond to the Perfect and can also be conveyed by the Truncated Perfect in Serbo-Croatian. The main preterit tense in Serbo-Croatian is the Full Perfect (or the “expanded perfect”). The Aorist also frequently marks new or unexpected information, not integrated into the speaker’s / addressee’s worldview. In these cases, the Aorist can mark either the verb describing the unexpected event, a verb of perception / mental activity, or a verb describing another preceding event. It is this peculiarity of the Serbo-Croatian Aorist that precludes applying the term ‘mirativity’ that would be definitely in order here, otherwise. The paper also argues that, along with the Truncated Perfect, the Aorist can perform the “new perfect” functions in a system with the “expanded perfect” existing in modern Serbo-Croatian.

Keywords: Serbo-Croatian, grammatical semantics, Aorist.

1. Введение

Наша статья посвящена семантике аориста в современном сербскохорватском языке (южнославянская подгруппа славянской группы индоевропейской языковой семьи).

В грамматиках сербскохорватского языка [Maretić 1963: 616; Гудков 1969: 57; Стевановић 1989: 631; Klajn 2005: 121; Silić, Pranjković 2005: 70; Stanojević, Geld 2011: 159] аорист определяется как претеритальная глагольная форма, выражающая сочетание перфективности с планом прошедшего времени (‘действие, совершившееся в прошлом’). В системе прошедших времен сербскохорватского языка аорист конкурирует с перфектом от основ совершенного вида [Mitropović 1996: 8–9]. Семантическое различие между аористом и перфектом от основ совершенного вида описывается как различие между

действием, которое говорящий наблюдал или пережил лично [Сладојевић 1955–1956: 131; Стевановић 1967: 88], а следовательно, таким, которое привязано к определенному моменту или интервалу времени в прошлом [Стевановић 1967: 90; Стевановић 1972: 90], и действием, не охарактеризованным в этом отношении. Речь, таким образом, идет об оппозиции ‘засвидетельствованность — незасвидетельствованность / отсутствие указания на засвидетельствованность’, впервые описанной на материале восточных балканославянских языков — болгарского и македонского [Якобсон 1972: 101; Ницолова 2007: 116–119; Макарцев 2014: 15–21]. Это старая оппозиция, о чем свидетельствуют, в частности, данные архаичного говора галлипольских сербов [Ивић 1953–1954], и аорист является маркированным членом этой оппозиции [Mitrinović 1996: 8].

В то же время современный сербскохорватский язык представляет собой пример языка с так называемым расширенным перфектом, где перфект является основной претеритальной формой; в таких системах высоковероятным является появление новых форм, берущих на себя собственно перфектные функции [Плунгян 2016: 24]. В качестве такой новой формы в грамматиках описывается так называемый краткий перфект [Стевановић 1989: 623; Тошович 2006: 215–216; Пипер, Клајн 2013: 169]. Ниже мы постараемся показать, что аорист в настоящее время также употребляется в таких контекстах, где с типологической точки зрения ожидался бы скорее перфект.

В *Разделе 2* мы дадим краткий очерк подсистемы форм прошедшего времени индикатива. В *Разделе 3* мы рассмотрим соотношение перфекта и других глагольных форм в глагольной системе. Перфекту и краткому перфекту — форме, развившей собственно перфектные значения в глагольной системе, — посвящен *Подраздел 3.1*. Старым синтетическим претеритам посвящен *Подраздел 3.2*. В *Разделе 4* мы рассмотрим значение аориста. В *Подразделе 4.1* на основании доступной нам литературы будут перечислены основные значения аориста. В *Подразделе 4.2* мы изложим результаты нашего исследования, основанные на анализе языка художественной прозы второй половины XX века и современных электронных медиа по данным Корпуса хорватского языка Riznica. В *Подразделе 4.2.1* мы рассмотрим

типичное значение аориста — комбинацию перфективности и плана прошедшего времени. *Подраздел 4.2.2* посвящен аористам, имеющим результативную семантику. В *Подразделе 4.2.3* обсуждаются те случаи, когда аорист появляется в контексте новых и неожиданных событий.

2. Система форм прошедшего времени индикатива современного сербскохорватского языка

2.1. Синтетические формы прошедшего времени

Подсистема прошедших времен сербскохорватского языка включает в себя два синтетических времени — аорист и имперфект.

В современном сербскохорватском языке формы имперфекта образуются от глаголов несовершенного вида, а формы аориста — почти исключительно от глаголов совершенного вида [Maretić 1963: 232–233; Гудков 1969: 56–57; Стевановић 1989: 633 и далее, 655; Silić, Pranjković 2005: 192; Пипер, Клајн 2013: 170–171; Thomas, Osipov 2017: 394, 414]. В *Таблице 1* представлены формы имперфекта от глагола *čitati* ‘читать’ и формы аориста от глагола *pročitati* ‘прочитать’.

Таблица 1. Синтетические формы прошедшего времени

Table 1. Synthetic Past verb forms

Имперфект		Аорист	
1 SG	<i>čitā-h</i>	1 SG	<i>pročitā-h</i>
2 SG	<i>čitā-še</i>	2 SG	<i>pročitā-∅</i>
3 SG	<i>čitā-še</i>	3 SG	<i>pročitā-∅</i>
1 PL	<i>čitā-smo</i>	1 PL	<i>pročitā-smo</i>
2 PL	<i>čitā-ste</i>	2 PL	<i>pročitā-ste</i>
3 PL	<i>čitā-hu</i>	3 PL	<i>pročitā-še</i>

2.2. Аналитические формы прошедшего времени

Подсистема прошедших времен сербскохорватского языка включает две основные аналитические формы — перфект и плюсквамперфект.

Полный перфект образуется сочетанием форм презенса от основы несовершенного вида вспомогательного глагола *bīti* ‘быть’ и причастия прошедшего времени на *-l*. Перфект является в современном сербскохорватском языке основным, наиболее нейтральным способом обозначения действия, совершившегося или совершавшегося в прошлом (см. *Подраздел 3.1.1*). Помимо полного перфекта, формы которого образуются с использованием вспомогательного глагола, в современном сербскохорватском языке используется так называемый краткий, или усеченный, перфект, образуемый без вспомогательного глагола [Грицкат 1954; Стевановић 1986: 352; 1989: 616–630; Тошович 2006: 215–217; Пипер, Клајн 2013: 169–170; Попович 2015: 71–74]; о его семантике см. *Подраздел 3.1.2*.

Плюсквамперфект образуется путем прибавления форм имперфекта (плюсквамперфект I) или перфекта (плюсквамперфект II) вспомогательного глагола *bīti* ‘быть’ к причастию прошедшего времени на *-l*. Плюсквамперфект обозначает действие, совершившееся ранее другого действия в прошлом, — преимущественно в таких контекстах, где отсутствие формы плюсквамперфекта привело бы к иному прочтению [Стевановић 1967: 121; 1989: 665; Пипер и др. 2005: 411–412; Silić, Pranjković 2005: 193; Пипер, Клајн 2013: 170].

К системе аналитических прошедших времен примыкает хаби-туалис. Формы хаби-туалиса омонимичны формам сослагательного наклонения (кондиционала) и образуются путем прибавления форм аориста вспомогательного глагола *bīti* ‘быть’ к причастию прошедшего времени на *-l*¹.

¹ В [Пипер, Клајн 2013: 407] хаби-туалис упоминается как одно из переносных значений кондиционала. В более ранних описаниях было принято говорить об употреблении форм кондиционала для выражения хаби-туального значения [Гудков 1969: 61; Ivić 1983: 52; Пипер и др. 2005: 461].

Таблица 2. Аналитические формы прошедшего времени

Table 2. Analytic Past verb forms

Плюсквамперфект			
I		II	
1 SG	<i>jâ bēh ċìtao</i>	1 SG	<i>jâ sam bìo ċìtao</i>
2 SG	<i>tí bēše ċìtao</i>	2 SG	<i>tí si bìo ċìtao</i>
3 SG	<i>ôn bēše ċìtao</i>	3 SG	<i>ôn je bìo ċìtao</i>
1 PL	<i>mî bēsmo ċìtali</i>	1 PL	<i>mî smo bìli ċìtali</i>
2 PL	<i>vî bēste ċìtali</i>	2 PL	<i>vî ste bìli ċìtali</i>
3 PL	<i>òni bēhu ċìtali</i>	3 PL	<i>òni su bìli ċìtali</i>
Перфект			
Полный		Краткий	
1 SG	<i>jâ sam ċìtao</i>	1 SG	<i>jâ ċìtao</i>
2 SG	<i>tí si ċìtao</i>	2 SG	<i>tí ċìtao</i>
3 SG	<i>ôn je ċìtao</i>	3 SG	<i>ôn ċìtao</i>
1 PL	<i>mî smo ċìtali</i>	1 PL	<i>mî ċìtali</i>
2 PL	<i>vî ste ċìtali</i>	2 PL	<i>vî ċìtali</i>
3 PL	<i>òni su ċìtali</i>	3 PL	<i>òni ċìtali</i>
Хабитуалис			
1 SG	<i>jâ bih ċìtao</i>		
2 SG	<i>tí bi ċìtao</i>		
3 SG	<i>ôn bi ċìtao</i>		
1 PL	<i>mî bismo ċìtali</i>		
2 PL	<i>vî biste ċìtali</i>		
3 PL	<i>òni bi ċìtali</i>		

В Таблице 2 представлены формы аналитических прошедших времен глагола *ċìtati* ‘читать’. Ради краткости в таблице приведены только формы м. р., которые образуются при помощи причастия на *-l* с нулевым окончанием в ед. ч. и с окончанием *-i* —

во мн. ч.² Формы настоящего времени вспомогательного глагола *bìti* являются энклитиками, поэтому в грамматических описаниях перед перфектом, а также другими аналитическими формами прошедшего времени помещаются личные местоимения.

3. Соотношение перфекта и синтетических претеритов

3.1. Перфект

3.1.1. Полный перфект

Полный перфект в современном сербскохорватском языке представляет собой типичный пример «расширенного перфекта», который, «не переставая обозначать результирующие ситуации, начинает обозначать и нерезультирующие, постепенно смещаясь в сторону глагольной формы с претериальной временной референцией» [Плунгян 2016: 23]³.

В грамматических описаниях перфект представлен как наиболее многофункциональная и семантически наименее маркированная форма прошедшего времени; для его обозначения, наряду с термином ‘перфект’ или вместо него может употребляться термин ‘прошедшее время’ [Толстой 2001; Тошович 2006]⁴.

² Конечное *-o* в формах типа *čitao* развилось из *-l* в абсолютном конце слова. Остальные формы причастия на *-l* имеют следующий вид: F. SG *čitalo*; N. SG *čitalo*; F. PL *čitale*; N. PL *čitala*.

³ В ряде контекстов формы перфекта могут быть заменены на формы имперфекта, аориста или плюсквамперфекта [Тошович 2006: 180]; однако в тех случаях, когда перфект сохраняет результирующее значение, такая замена оказывается невозможной [Maretić 1963: 628].

⁴ О неудачности термина «перфект» упоминается и в монографиях [Стевановић 1967: 47; Стевановић 1989: 605].

Так, в грамматическом очерке [Толстой 2001: 710] говорится, что «формами перфекта выражается действие или состояние в прошлом без уточнения его длительности или момента завершения». В монографии [Пипер и др. 2005: 390] отмечается: «Первичная синтаксическая функция перфекта — обозначение действия, которое совершалось или совершилось в прошлом, до момента речи. Эта глагольная форма, выражая глагольное действие, никак его специально не характеризует, в отличие от других претеритальных форм. Как таковая, она имеет весьма широкую сферу употребления в современном сербском языке». В монографии [Пипер, Клајн 2013: 168] сообщается, что перфект, обозначая действие, предшествовавшее моменту речи, «употребляется чаще, чем другие прошедшие времена, в особенности в научном, административном и публицистическом стиле»⁵.

Все сказанное дает основание считать сербскохорватский перфект семантически немаркированной глагольной формой в системе прошедших времен⁶, а остальные формы прошедшего времени — маркированными⁷, т. е., в терминах [Якобсон 1985: 313], наделенными «дополнительной информационной значимостью».

⁵ В монографиях [Стевановић 1967: 47; Стевановић 1989: 605; Silić, Pranjković 2005: 192] отмечается, что перфект все больше вытесняет из употребления остальные претеритальные времена. Об «экспансии перфекта как общего претерита» пишет и В. Митринович [Mitriновић 1996: 8].

Процесс расширения сферы употребления перфекта за счет старых синтетических претеритов характерен для большинства славянских языков: старые синтетические претериты утрачены в русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, словенском языках [Молдован и др. 2017]. Для древнерусского языка этот процесс зафиксирован уже в XII в.: берестяная грамота № 724, «датируемая с наибольшей вероятностью 12-м веком», представляет собой «самое раннее свидетельство того, что в живой древнерусской речи перфект вытеснил аорист даже в главной его семантической позиции» [Zaliznjak 1995: 288].

⁶ Оппозиция перфекта и аориста как немаркированной vs маркированной системы форм в сербскохорватском обсуждается в статье [Mitriновић 1996: 8].

⁷ Ср. их характеристику как специфических, обладающих «экспрессивным потенциалом» в монографии [Тошович 2006].

3.1.2. Краткий перфект

Так называемый краткий, или усеченный, перфект, образуемый без вспомогательного глагола (см. *Подраздел 2.2*), по всей видимости, взял на себя функции «нового результата» в системе с «расширенным перфектом» [Плунгян 2016: 24]. Эта форма может выражать актуальность действия (результатив или текущую релевантность) [Пипер, Клајн 2013: 169], а также сообщать высказыванию экспрессивность, эмоциональную окраску [Стевановић 1989: 623; Тошович 2006: 215–216]. В статье [Попович 2015] у этой формы выделяется кластер значений, связанных с категорией эвиденциальности [Lazard 1956; Якобсон 1972; Dendale, Tasmowski 2001; Plungian 2001; 2010; Плунгян 2011: 449–497], — миративность (указание на новизну, неожиданность события, противоречие ожиданиям говорящего), конфирмативность (уверенность в истинности события, см. *Подраздел 3.2.2*)⁸.

3.2. Синтетические претериты

3.2.1. Функциональная дистрибуция

Имперфект и аорист имеют ограниченную функциональную дистрибуцию. Согласно грамматическому очерку [Гудков 1969: 57–58], формы аориста «применяются главным образом в художественном повествовании», а имперфект «встречается у некоторых писателей в повествовании и почти никогда — в диалогах». Аорист не употребляется в текстах официально-делового и научного стиля; он встречается преимущественно в разговорной речи и художественной литературе [Стевановић 1967: 76–79; Стевановић 1989: 632; Тошович 2006:

⁸ О развитии эвиденциальных / миративных значений у показателей результата / перфекта со значением текущей релевантности см. работы [Lazard 1956; Anderson 1982; 1986; Guentchéva 1996; DeLancey 2001; Tatevosov 2001; Храковский 2007; Guentchéva, Landaburu 2007].

194; Пипер, Клајн 2013: 170, 391; Thomas, Osipov 2017: 412]. То же верно и для имперфекта, с тем отличием, что последний в современном языке встречается крайне редко [Стевановић 1967: 109–110; Тошович 2006: 199; Пипер и др. 2005: 429; Пипер, Клајн 2013: 171, 392; Thomas, Osipov 2017: 417]. В *Таблице 3* приводится в качестве примера количественное соотношение между формами аориста от глагола *reći* ‘сказать’ в текстах литературно-художественного функционального стиля и публицистического функционального стиля по данным корпуса GRALIS⁹.

Таблица 3. Частота употребления аориста по данным [GRALIS]

Table 3. Frequency of use of aorist according to [GRALIS]

Литературно-художественный функциональный стиль					
	точная форма	количество записей		точная форма	количество записей
1 SG	<i>rekoh</i>	270	1 PL	<i>rekosmo</i>	0
2 SG	<i>reće</i>	331	2 PL	<i>rekoste</i>	0
3 SG			3 PL	<i>rekoše</i>	14
Публицистический функциональный стиль					
1 SG	<i>rekoh</i>	0	1 PL	<i>rekosmo</i>	0
2 SG	<i>reće</i>	0	2 PL	<i>rekoste</i>	0
3 SG			3 PL	<i>rekoše</i>	0

3.2.2. «Экспрессивность» синтетических претеритов и значение засвидетельствованности

В грамматических описаниях встречаются указания на то, что формы аориста и имперфекта выражают пережитое событие в прошлом или представляют его как таковое [Сладојевић 1955–1956:

⁹ Поиск производился в ноябре 2018 г. по подкорпусу боснийских, хорватских и сербских текстов.

135–136; Стевановић 1967: 88, 111–114; Пипер и др. 2005: 424, 430; Пипер, Клајн 2013: 391–392]. В исследовании [Попович 2015] утверждается, что в сербскохорватском языке синтетические претериты, в отличие от перфекта, выражают категорию засвидетельствованности, а точнее, «пережитости» (серб. *doživljenost*): важно не столько то, был ли адресант свидетелем произошедшего, сколько то, что он воспринимает описываемое событие как пережитое и, следовательно, подтверждает его истинность.

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что в балканославянских языках, обладающих категорией эвиденциальности, — болгарском и македонском — значение засвидетельствованности выражается формами, восходящими к старым синтетическим претеритам, а значение незасвидетельствованности / отсутствия указания на засвидетельствованность выражается формами, развившимися из перфекта [Friedman 1986; 2003; Ницолова 2007; Макарцев 2014]. Развившиеся из синтетических претеритов формы засвидетельствованности в болгарском и македонском языках могут обозначать события, лично не засвидетельствованные адресантом, но воспринимаемые им как истинные [Friedman 1986: 171–173; Ницолова 2007: 114–118; Макарцев 2014: 64].

По всей видимости, именно значение засвидетельствованности сообщает формам аориста «очень выраженную экспрессивность» [Тошович 2006: 194]. Указания на то, что формы аориста придают повествованию динамичность и экспрессивность, «живость», можно встретить в работах [Ивић 1958: 143; Стевановић 1967: 78; Стефановић 1984: 79–80; Mitrinović 1996: 9–10; Станојевић 2013: 4–6; Зорић 2018: 105–107]. Согласно работам [Maretić 1963: 619; Ашић, Станојевић 2007: 161], в диалоге формы аориста маркируют эмоционально окрашенные реплики.

3.2.3. Имперфект vs. аорист: исчезновение vs. продолжение функционирования

Если формы имперфекта в современном сербскохорватском языке встречаются исчезающе редко (см. *Подраздел 3.2.1*) и используются

главным образом в художественной литературе для создания стилистического эффекта, то аорист не склонен к исчезновению¹⁰: он продолжает функционировать не только в языке художественной литературы, но и в устной речи и в языке интернет-переписки¹¹.

4. Семантика аориста

4.1. Основные значения аориста согласно грамматическим описаниям сербскохорватского языка

В грамматических описаниях сербскохорватского языка можно встретить указание на то, что аорист выражает комбинацию граммем перфективности и прошедшего времени [Maretić 1963: 616; Гудков 1969: 57; Стевановић 1967: 76, 1972: 83–84, 1989: 631; Silić, Pranjkić 2005: 70]. В [Comrie 1976: 12] для такой комбинации используется термин ‘aoristic’, «аористное значение»¹².

¹⁰ Полное исчезновение аориста предсказывал в прошлом веке хорватский лингвист Т. Маретич [Тошович 2006: 195].

¹¹ Ср. замечание Б. Тошовича о том, что формы аориста (и намного реже — имперфекта) «обретают новую жизнь в интернет-форумах, чатах, SMS-сообщениях и в электронной почте» [Тошович 2006: 205].

¹² Упомянем здесь одно из переносных значений аориста — а именно его употребление в диалогах в значении ближайшего будущего времени [Стојићевић 1951: 117; Стевановић 1967: 76; 1989: 650–651; Stanojević, Geld 2011; Пипер, Клајн 2013: 395; Thomas, Osipov 2017: 411]. В том же значении, с модальной окраской уверенности в том, что данное действие будет осуществлено, может употребляться и перфект [Пипер, Клајн 2013: 396]. Такие употребления представляют интерес в связи с обсуждением в статье [Майсак 2016: 328–329] «необычных» употреблений аориста в удинском и агульском языках (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) «в контекстах, когда ситуация, находящаяся на грани осуществления, представляется как уже осуществленная». Ср. также описание т. н. «аориста предвосхищения» в ведийском языке (индоарийская группа индоевропейской языковой семьи), который «может обозначать действие,

В качестве основного [Толстой 2001: 705; Silić, Pranjković 2005: 192; Stanojević, Geld 2011; Пипер, Клајн 2013: 170] или одного из основных [Стојићевих 1951: 25–26; Пипер и др. 2005: 424] подзначений¹³ аориста называется значение действия, завершено непосредственно перед моментом речи. В грамматике [Thomas, Osipov 2017: 411] такое употребление аориста описывается как «дискурсивное», характерное для разговорной речи и сопоставляется с французским *passé immédiat*; примеры, приводимые в других грамматиках, такие как (1), также взяты из разговорной речи. В грамматических описаниях [Стеванових 1989: 646; Толстой 2001: 705]¹⁴ есть указания на то, что это значение является для аориста исконным¹⁵.

- (1) *Od-e* *voz-Ø!*
уйти-3SG.AOR поезд-NOM.SG

‘Поезд ушел [только что]!’ [Пипер, Клајн 2013: 170]

В качестве еще одного основного подзначения аориста называется значение действия, которое совершилось задолго до момента речи [Пипер и др. 2005: 424–425; Пипер, Клајн 2013: 391; Thomas, Osipov 2017: 410]¹⁶. Эти два употребления аориста находятся в дополнительном функциональном распределении: первое характерно

которое фактически еще не совершилось, но представляется как завершенное» в грамматике [Елизаренкова 1982: 285–286].

¹³ Под подзначениями мы понимаем здесь частные значения внутри основного значения, определенного выше как аористное. В оценке этих подзначений как основных мы следуем за приведенными источниками, и в первую очередь за грамматикой [Пипер, Клајн 2013].

¹⁴ Ср. также данные архаичного говора галлипольских сербов, приведенные в работе [Ивић 1953–1954: 236].

¹⁵ В этой связи интересно отметить, что то же значение «действия, которое произошло недавно», «только что завершилось на глазах у говорящего», характерно для аориста в ведийском языке [Елизаренкова 1960: 40; 1982: 285].

¹⁶ В [Thomas, Osipov 2017] это значение признается основным и даже подчеркивается, что аорист в нарративе используется для обозначения действия, никак не связанного с моментом речи, — в отличие от перфекта, который называет

для диалога, второе — для нарратива [Стевановић 1989: 643–651; Thomas, Osipov 2017: 410–411]. Тем не менее очевидная несовместимость двух этих значений побудила некоторых исследователей отрицать наличие у аориста значения недавнего прошлого и акцентировать внимание на обсуждавшемся выше, в *Подразделе 3.2.2*, значении «пережитости» события. Упоминания о том, что формы аориста (и имперфекта) представляют действие как лично пережитое адресантом, — даже в тех случаях, когда речь идет о давно прошедших или вымышленных событиях, — и тем самым придают повествованию живость, экспрессивность, можно найти в [Стојићевић 1951: 97–117; Сладојевић 1955–1956: 9; Стевановић 1967: 78, 88–90; 1972: 90–91; 1989: 633; Стефановић 1984: 75, 79; Пипер и др. 2005: 424–425; Тошович 2006: 194; Stanojević, Geld 2011: 173; Пипер, Клајн 2013: 391]. На этом основании в исследовании [Попович 2015] отстаивается мнение о наличии у аориста эвиденциального¹⁷ значения конфирмативности.

4.2. Семантика аориста по результатам нашего исследования

4.2.1. Аористное значение

Аористное значение мы понимаем так, как оно было определено в *Подразделе 4.1*, т. е. как простую комбинацию перфективности и прошедшего времени, ср. (2)–(3), с пунктивным значением всех трех глаголов в аористе в (2) и с отчетливо лимитативным [Плунгян 1998: 377–379; 2011: 385–398] значением глагола *sačekah* ‘я подождал’ в (3).

действия, имеющие последствия в настоящем. Однако у нас есть основания полагать, что авторы находились под влиянием глагольной системы французского языка.

¹⁷ Точнее, эвиденциально-эпистемического, т. к. речь идет не о засвидетельствованности в строгом смысле, т. е. присутствии адресанта при совершении события, а о конфирмативности, т. е. уверенности адресанта в реальности события.

- (2) *On-a pogleda-∅ t-o mest-o,*
 3F-NOM.SG посмотреть-3SG.AOR DEM-N.ACC.SG место-ACC.SG
opazi-∅ mrlj-u kako se šir-i
 заметить-3SG.AOR пятно-ACC.SG как REFL расширять-3SG.PRS
i brzo se oprost-i-∅.
 и быстро REFL прощать-3SG.AOR

‘Она **посмотрела** на это место, **заметила** расширяющееся пятно¹⁸ и быстро **простилась**’. [Павић 1993]

- (3) {Мне еще хватает сил просунуть веточку до нижних этажей [муравейника].}

Saček-a nekoliko trenutak-a, pa
 подождать-1SG.AOR несколько мгновение-GEN.PL и.затем
j-e izvuk-oh i osvježi-h ust-a.
 3F-ACC.SG вытащить-1SG.AOR и освежить-1SG.AOR рот-ACC.PL¹⁹

‘Я **подождал** несколько мгновений, {чтобы на веточке собрался желтоватый «муравьиный мед»,} затем **вытащил** ее и **освежил** рот’. [Зайцева и др. 2003: 138]

4.2.2. Результативное значение

К результативным мы относим аористы со значением действия, имеющего актуальный результат²⁰, типологически характерным для перфекта [Dahl 1985: 129 и далее; Плунгян 2016: 9–15].

- (4) *Zaradi-ste li šta danas?*
 заработать-2PL.AOR INT что.ACC сегодня

‘Вы сегодня **заработали** что-нибудь?’ [Thomas, Osipov 2017: 395]

¹⁸ Букв.: ‘заметила пятно, как [оно] расширяется’.

¹⁹ Слово *usta* ‘рот’ (букв. ‘уста’) в сербскохорватском является *plurale tantum*.

²⁰ Название «результативный» употребляется нами расширительно, ср. [Tatavosov 2001], где термин ‘resultative’ используется для обозначения состояний, наступивших в результате какого-либо действия, а для действий, имеющих актуальный результат, вводится термин ‘anterior’.

- (5) *Šta uradi-Ø, čoveč-e!*
 что.АСС сделать-2SG.АОР человек-ВОС.SG
 ‘Что ты **наделал**, человек! {Почему не смотришь!}’ [Thomas, Osipov 2017: 395]
- (6) *Šjeti-h se Lipljinov-a kajkavsk-og*
 вспомнить-1SG.АОР REFL Липлинов-М.ГЕН.SG кайкавский-М.ГЕН.SG
rječnik-a i u nj-emu nađ-oh on-o
 словарь-ГЕН.SG и в 3М-ЛОС.SG найти-1SG.АОР DIST-Н.АСС.SG
što sam traži-o-Ø.
 что.АСС быть.ІPFV.1SG.PRS искать-PTCP-М.SG
 ‘Я **вспомнил** о кайкавском²¹ словаре Липлина и в нем **нашел** то, что искал: {«vnišli so». То, что нужно!}’ [Корпус хорватского языка Riznica]
- (7) {Не приехали к отцу и четыре брата из Воеводины, которых он постоянно звал во время болезни}
a koj-i pred rat-Ø odseli-še
 а который-М.НОМ.PL перед война-АСС.SG отселиться-3PL.АОР
na dobrovoljačk-u zemlj-u.
 на добровольческий-Ф.АСС.SG земля-АСС.SG
 ‘и которые перед войной **отселились** на добровольческую землю’. [Зайцева и др. 2003: 260]
- (8) *Sada t-aj zapis-Ø postaj-e*
 сейчас DEM-М.НОМ.SG запись-НОМ.SG становится-3SG.PRS
drug-a glav-a celin-e koj-a
 второй-Ф.НОМ.SG глава-НОМ.SG целое-ГЕН.SG который-Ф.НОМ.SG
će obuhvati-ti sv-a moj-a znanj-a
 3SG.FUT I охватить-ІNF весь-Н.АСС.PL мой-Н.АСС.PL знание-АСС.PL
o drevn-om Srbin-u k-oga
 о древний-М.ЛОС.SG серб-ЛОС.SG который-М.АСС.SG
nađ-oh na stratišt-u ispred
 найти-1SG.АОР на место.казни-ЛОС.SG перед

²¹ Кайкавский — относящийся к кайкавской группе диалектов сербскохорватского языка.

Vaznesenjsk-e crkv-e.
 Вознесенский-F.GEN.SG церковь-GEN.SG

‘Сейчас эта запись становится второй главой единого целого, которое охватит все мои знания о древнем²² сербе, которого я **нашел** на месте гибели [людей]²³ возле Вознесенской церкви’. [Зайцева и др. 2003: 216]

В приведенных выше примерах в фокусе внимания может оказаться как само событие (6)–(8), так и наступившее в результате него состояние (4)–(5). Акцент на результирующем состоянии является естественным в диалоге (4)–(5); в нарративах (6)–(8) внимание смещается на само событие и его обстоятельства, о чем свидетельствует обилие сирконстантов в этих примерах, но последствия этого события отчетливо ощущаются в момент повествования. Так, в (7) результатом события ‘братья перед войной переселились на добровольческую землю’ является то, что в нужный момент они не могут приехать к отцу. В (8) результатом случайной встречи является длительное и плодотворное общение старика с нарратором, вдохновившее нарратора на написание книги.

Отметим, что в известной нам литературе, посвященной сербско-хорватскому аористу, встречаются упоминания о результирующей семантике аориста. Так, в статье [Petrović 2012: 67], со ссылкой на работу [Ашић, Станојевић 2007]²⁴, упоминается, что аористом может обозначаться «событие, сохраняющее актуальность в момент речи».

²² Речь идет о глубоком старике, хранителе исторической памяти. Мы сохранили при переводе однокоренное русское слово *древний*. Подобные употребления встречаются и в русском, ср. пример (i) из Национального корпуса русского языка:

(i) Всю работу тащила древняя Васёна, да ещё помогал шофёр Аникеев, работавший на ганчуковской «Победе» через день. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

²³ Речь идет о бомбардировке Белграда 6 апреля 1941 г.

²⁴ Впрочем, в статье [Ашић, Станојевић 2007] подчеркивается, что аорист делает акцент на самом событии, тогда как перфект в том же контексте делает акцент на результирующем состоянии.

В статье [Стојановић 2018: 122] обсуждается возможность аориста выражать перфектное значение результата, т. е. называть «действие, последствия которого релевантны в настоящем».

4.2.3. Аорист и «неожиданная смена обстоятельств»

Аорист часто употребляется в тех случаях, когда происходят события, неожиданные для адресанта (9)–(10) или героя произведения, находящегося в фокусе внимания (11)–(12). Такие события могут противоречить ожиданиям адресанта, находиться в несоответствии с его картиной мира²⁵ (10), (12) и вследствие этого вызывать изумление (10).

- (9) *Već sam t-o zaboravi-l-a,*
уже быть.IPfv.1SG.PRS DEM-N.ACC.SG забыть-PTCP-F.SG
kad nekidan primijeti-h papir-Ø
когда недавно заметить-1SG.AOR бумага-ACC.SG
na pločnik-u.
на тротуар-LOC.SG

‘Я уже забыла об этом, когда недавно **заметила** бумажку на тротуаре’. [Корпус хорватского языка Riznica]

- (10) *Napuštaj-ući Dubravsk-e ribnjak-e,*
покидать-CONV Дубравский-M.ACC.PL пруд-ACC.PL
na leden-oj površin-i ugleda-smo
на ледяной-F.LOC.SG поверхность-LOC.SG увидеть-1PL.AOR
četiri labud-a.
четыре лебедь-GEN.SG

‘Покидая Дубравские пруды, мы **увидели** на ледяной поверхности четырех лебедей’. {Неужели люди не боятся птичьего гриппа?} [Корпус хорватского языка Riznica]

- (11) *Još dok je tako staja-o-Ø,*
еще пока быть.IPfv.3SG.PRS так стоять-PTCP-M.SG

²⁵ Ср. противопоставление новой информации и информации, интегрированной в картину мира говорящего, в статье [DeLancey 1997: 49].

Svilar-∅ *ču-∅* *neobičan-∅*
 Свилар-NOM.SG услышать-3SG.AOR необычный-M.ACC.SG

zvuk-∅...
 звук-ACC.SG

‘Пока еще [о_и] так стоял, Свилар₁ **услышал** необычный звук’,
 {как плеск воды, но воды где-то высоко в воздухе}. [Павић 1988]

- (12) {Как только я приехала в Грецию, я отправилась на площадь в Афинах, где находится рынок, но и тут я не нашла невидимого зеркала, какие здесь продают для слепых.²⁶}

Umesto t-oga ponudi-še m-i
 вместо DEM-N.GEN.SG предложить-3PL.AOR 1-DAT

odličn-e lepinj-e — somun-e.
 отличный-F.ACC.PL лепешка-ACC.PL сомун-ACC.PL

‘Вместо этого мне **предложили** отличные лепешки — сомуны²⁷’. [Павић 2003]

Предложенная нами в статье [Егорова 2018] трактовка аористов в (9)–(12) как имеющих миративную семантику подверглась справедливой критике: лишь в последнем примере трудноуловимый миративный оттенок можно приписать непосредственно форме аориста. В остальных примерах аористом оформлен не сам глагол, называющий неожиданное событие, а глагол восприятия, при котором название неожиданного явления выступает в качестве дополнения, выраженного именной группой, ср. также пример (13) с сентенциальным дополнением при глаголе восприятия.

Тем не менее особенность аориста появляться в тексте в тех случаях, когда происходит нечто новое и неожиданное, представляется нам заслуживающей внимания. На эту особенность уже обратили внимание сербские исследователи. В статье [Митриновић 1997:

²⁶ События ‘приехала [в Грецию]’, ‘отправилась [на рыночную площадь]’ и ‘не нашла [невидимого зеркала]’ переданы формами перфекта, с которыми контрастирует аорист *ponudiše* ‘[неожиданно] предложили’.

²⁷ *Сомуны* — дрожжевые лепешки.

87–89] примеры, аналогичные (9)–(12), описываются как «неожиданное наступление события» (*neочекивано nastupaње događaja*). При этом в работе В. Митринович не делается различий между примером (13), в котором в форме аориста находится матричный глагол *ugleda-h* ‘я увидел’, вводящий придаточное изъяснительное, и примерами типа (14), где в форме аориста стоят глаголы, называющие само неожиданное событие.

- (13) *Iznenada ugleda-h kako je*
 вдруг увидеть-1SG.AOR как быть-IPFV.3SG.PRS
sa Most-a Ponjatovsk-og krenu-l-o
 с мост-GEN.SG Понятовский-М.GEN.SG тронуться-PTCP-N.SG
ogromn-o klupk-o prašin-e.
 огромный-N.NOM.SG клубок-NOM.SG пыль-GEN.SG

‘Вдруг я увидел, как с моста Понятовского сдвинулся огромный клубок пыли’. [Митриновић 1997: 88]

- (14) *I u t-o se otvori-še vrat-a*
 и в DEM-N.ACC.SG REFL открыть-3PL.AOR дверь-NOM.PL
i u sob-u... uš-l-a je...
 и в комната-ACC.SG войти-PTCP-F.SG быть-IPFV.3SG.PRS
nov-a devojk-a.
 новый-F.NOM.SG девушка-NOM.SG

‘Как тут же отворилась дверь, и в комнату... вошла... новая девушка’. [Митриновић 1997: 89]

В статьях [Mitriновиć 1996: 9; Станојчић 2000: 557; Зорих 2018: 104] способность обозначать «быстрое и внезапное изменение обстоятельств» (*нагло и изненадно мењање околности*) признается одной из специфических черт сербскохорватского аориста, противопоставляющей его перфекту.

В статье [Ашић, Станојјевић 2007: 161–162] обсуждается употребление аориста в отрицательных предложениях, где, согласно авторам, аорист выражает «неожиданность факта несовершения действия»: действие, которое не совершилось, либо происходит регулярно, либо говорящий ожидал, что оно произойдет. В статье [Керкез 2012: 464]

прямо говорится о том, что аорист может выражать значение неожиданности, характеризуя событие как не интегрированное в картину мира говорящего²⁸.

Итак, аорист используется в тех ситуациях, когда происходят события, не интегрированные в картину мира говорящего или героя произведения, но при этом, по нашим наблюдениям, аорист едва ли не чаще маркирует не глагол, обозначающий само событие, а глагол восприятия (10), (11), (13) или изменения когнитивного состояния (9), как бы подготавливая адресата к дальнейшему повествованию²⁹. Учитывая то, что было сказано в *Подразделе 3.1.2* о миративных употреблениях перфекта в языках мира и краткого перфекта в сербскохорватском, мы считаем подобные употребления аориста неслучайными и заслуживающими дальнейшего внимания.

5. Заключение

При обсуждении аориста как формы, конкурирующей с «расширенным» перфектом в современном сербскохорватском языке, чаще всего упоминается эвиденциально-эпистемическое значение конфирмативности, засвидетельствованное у старых претеритов в балканославянских языках.

Мы рассмотрели типологически неожиданное для аориста результативное значение — наличие у называемого события актуального результата, а также употребления аориста в тех случаях, когда речь идет о новых и неожиданных событиях, — т. н. «неожиданной смене обстоятельств».

²⁸ Заметим, что, на наш взгляд, приводимые в статье [Керкез 2012] примеры все же не позволяют говорить о грамматикализованности этого значения.

²⁹ По замечанию Н. Р. Сумбатовой (л. с.), в примере (14) главным событием является появление девушки, но в форме аориста выступает глагол *otvoriše*, относящийся к событию ‘отворилась дверь’. Таким образом, здесь мы также имеем дело с «предваряющим аористом».

Мы полагаем, что в системе с расширенным перфектом, какой является глагольная система сербскохорватского языка, аорист, по крайней мере частично, взял на себя роль «нового перфекта».

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; CONV — конверб; DAT — дательный падеж; DEM — демонстратив; DIST — дальний демонстратив; F — женский род; FUT I — будущее I; GEN — родительный падеж; INF — инфинитив; INT — вопросительная частица; IPFV — несовершенный вид; LOC — местный падеж; M — мужской род; N — средний род; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; SG — единственное число; VOC — звательная форма.

Литература

- Ашић, Станојевић 2007 — Т. Ашић, В. Станојевић. О употреби глаголских времена у разговорном српском језику — зашто аорист ипак опстаје? // Р. Симић (одг. уред.). Српски језик и друштвена кретања. Крагујевац: ФИЛУМ, 2007. С. 155–170.
- Грицкат 1954 — И. Грицкат. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Београд: Научна књига, 1954.
- Гудков 1969 — В. П. Гудков. Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
- Егорова 2018 — М. А. Егорова. О функциях аориста в нарративе сербской прозы // М. К. Амелина, А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков, Н. В. Макеева, О. В. Попова, О. В. Соколова (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2018. С. 87–102.
- Елизаренкова 1960 — Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
- Елизаренкова 1982 — Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982.

- Зорић 2018 — С. М. Зорић. О неким функцијама аориста у роману *Деца бестражије* Уроша Петровића // В. Јовановић, Б. Илић (уред.). Књижевност за децу у науци и настави. Зборник радова са научног скупа Јагодина, 21–22. април 2017. Јагодина: Факултет педагошких наука, 2018. С. 103–111.
- Ивић 1953–1954 — П. Ивић. Систем значења основних претериталних времена у говору Галипољских Срба // Јужнословенски филолог. 1953–1954. Књ. XX (1–4). С. 229–262.
- Ивић 1958 — М. Ивић. Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 1958. Књ. III. С. 139–152.
- Керкез 2012 — Д. Керкез. Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у поређењу са руским) // Ј. Стојановић (гл. и одг. уред.), Д. Иванић, М. Ковачевић (уред.). Српско језичко наслеђе на простору данашње Црне Горе и српски језик данас. Зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Херцег Новом 20–23 априла 2012. године. Никшић: Матица српска у Новом Саду, 2012. С. 459–465.
- Майсак 2016 — Т. А. Майсак. Перфект и аорист в ниджском диалекте удинског језика // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 315–378.
- Макарцев 2014 — М. М. Макарцев. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Митриновић 1997 — В. Митриновић. Еквиваленти општег претерита пољског и руског језика у савременом српском наративном тексту (статус и функције простих претерита као пандана пољских и руских облика прошлог времена у најновијим српским преводима) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1997. Књ. XL. Св. 1. С. 83–96.
- Молдован и др. 2017 — А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик (ред.). Языки мира: Славянские языки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Ницолова 2007 — Р. Ницолова. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 107–196.
- Пипер и др. 2005 — П. Пипер, И. Антонић, В. Ружић, С. Танасић, Љ. Поповић, Б. Тошовић, М. Ивић (ред.). Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. Београд: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2005.
- Пипер, Клајн 2013 — П. Пипер, И. Клајн. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.

- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // М. Ю. Черткова (отв. ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 370–381.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
- Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 7–36.
- Попович 2015 — Л. Попович. Эвиденциальные функции глагольных форм прошедшего времени (аориста, усеченного перфекта, перфекта) в сербском языке // В. Wiemer (ed.). *Studies on Evidentiality Marking in West and South Slavic*. (Specimina philologiae Slavicae 183). München; Berlin; Leipzig: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 63–88.
- Сладојевић 1955–1956 — П. Сладојевић. О значењу аориста у српскохрватском језику // *Јужнословенски филолог*. 1955–1956. Књ. XXI (1–4). С. 131–136.
- Станојевић 2013 — В. Станојевић. Аорист у Топићевој „Башти слезове боје” // В. Милисављевић (ур.). *Зборник радова са научног скупа „Наука и традиција”* (Пале, 18–19. мај 2012). Пале: Филозофски факултет, 2013. С. 169–182.
- Станојчић 2000 — Ж. Станојчић. О једном примеру аориста у језику прозе М. Црњанског // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. 2000. Књ. XLIII. С. 555–558.
- Стевановић 1967 — М. Стевановић. Функције и значења глаголских времена. Београд: Научно дело, 1967.
- Стевановић 1972 — М. Стевановић. Глаголски облици као међусобне синтаксичке опозиције. *Јужнословенски филолог*. 1972. Књ. XXIX (1–2). С. 81–103.
- Стевановић 1986 — М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. I. Увод. Фонетика. Морфологија. Пето издање. Београд: Научна књига, 1986.
- Стевановић 1989 — М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. II. Синтакса. Четврто издање. Београд: Научна књига, 1989.
- Стефановић 1984 — С. Стефановић. Приповједачка функција аориста у књижевном дјелу Исака Самоковлије // *Књижевни језик*. 1984. Књ. 13 (2). С. 75–86.
- Стојановић 2018 — С. Б. Стојановић. О основном значењу српског перфекта активне дијатезе и његовој типолошкој класификацији // *Јужнословенски филолог*. 2018. Књ. LXXIV (2). С. 109–138. DOI: 10.7251/PNSJK0214017S.
- Стојићевевић 1951 — А. Стојићевевић. Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1951.

- Толстой 2001 — И. И. Толстой. Краткий очерк грамматики сербскохорватского языка // И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. 7-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 2001. С. 687–731.
- Тошович 2006 — Б. Тошович. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Храковский 2007 — В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007.
- Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // О. Г. Ревзина (ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Якобсон 1985 — Р. Якобсон. Речевая коммуникация // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.
- Anderson 1982 — L. Anderson. The ‘Perfect’ as a universal and as a language-particular category // P. J. Hopper (ed.). Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Company, 1982. P. 227–264. DOI: 10.1075/tsl.1.16and.
- Anderson 1986 — L. B. Anderson. Evidentials, paths of change and mental maps: Typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 273–312.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1. Iss. 1. P. 33–52. DOI: 10.1515/lity.1997.1.1.33.
- DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 369–382. DOI: 10.1016/S0378-2166(01)80001-1.
- Dendale, Tasmowski 2001 — P. Dendale, L. Tasmowski. Introduction: Evidentiality and related notions // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 339–348. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00005-9.
- Friedman 1986 — V. A. Friedman. Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 168–187.
- Friedman 2003 — V. A. Friedman. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality. Amsterdam: Benjamins, 2003. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.54.11fri.
- Guentchéva 1996 — Z. Guentchéva (éd.). L’*énonciation médiatisée*. Louvain; Paris: Peeters, 1996.

- Guentchéva, Landaburu 2007 — Z. Guentchéva, J. Landaburu (éds.). *L'énunciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: Illustrations Amérindiennes et Caucasiennes*. Louvain; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2007.
- Ivić 1983 — M. Ivić. *Načini na koje slovenski glagol ovremenjuje ponavljanu radnju* // M. Ivić. *Lingvistički ogledi*. Beograd: Prosveta, 1983.
- Klajn 2005 — I. Klajn. *Gramatika srpskog jezika*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005.
- Lazard 1956 — G. Lazard. *Caractères distinctifs de la langue tadjik* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1956. T. 52. P. 117–186.
- Maretić 1963 — T. Maretić. *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Treće, nepromijenjeno izdanje. Zagreb: Matica hrvatska, 1963.
- Mitrinović 1996 — V. Mitrinović. *Neka zapažanja o srpskohrvatskom aoristu kao prevodnom ekvivalentu poljskog opšteg preterita u narativnom tekstu* // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. 1996. Књ. XXXIX. Св. 1. С. 7–21.
- Petrović 2012 — M. Petrović. *Le passé simple, le parfait simple et l'aoriste: français, roumain, valaque et serbe* // *Langages*. 2012. № 4 (188). P. 59–74. DOI: 10.3917/lang.188.0059.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. *The place of evidentiality within the universal grammatical space* // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 349–357. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0.
- Plungian 2010 — V. A. Plungian. *Types of verbal evidentiality marking: an overview* // G. Diewald, E. Smirnova (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 15–58.
- Silić, Pranjković 2005 — J. Silić, I. Pranjković. *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Stanojević, Geld 2011 — M. M. Stanojević, R. Geld. 2011. *New Current Relevance in Croatian: Epistemic Immediacy and the Aorist* // F. Brisard, A. Patard (eds.). *Cognitive Approaches to Tense, Aspect and Epistemic Modality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Company, 2011. P. 159–179.
- Tatevosov 2001 — S. G. Tatevosov. *From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages* // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 443–464. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00012-6.
- Thomas, Osipov 2017 — P.-L. Thomas, V. Osipov. *Grammaire du bosniaque, croate, monténégrin, serbe*. 2ème éd., rev. et corr. Paris: Institut d'études slaves, 2017.
- Zaliznjak 1995 — A. A. Zaliznjak. *Берестяной документ XII в. о сборе югорской дани* // H. Birnbaum, M. S. Flier (eds.). *The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his Sixty-fifth Birthday*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. P. 283–290.

Источники

- GRALIS — Параллельный корпус сербских, хорватских и боснийских текстов Грацкого университета GRALIS (электронный ресурс). URL: http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/korpusarium/gralis_korpus.html (дата обращения 02.07.2021).
- Корпус хорватского языка Riznica (электронный ресурс). URL: <http://riznica.ihj.hr/> (дата обращения 02.07.2021).
- Зайцева и др. 2003 — С. В. Зайцева, Е. Стоянович, М. А. Милютина (сост.). Сербская поэзия и проза XX века: Хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.
- Павић 1988 — М. Павић. Предео сликан чајем. Београд: Просвета, 1988.
- Павић 1993 — М. Павић. Унутрашња страна ветра, или Роман о Хери и Леандру. Београд: Просвета, 1993.
- Павић 2003 — М. Павић. Невидљиво огледало. Прича за девојчице. Шарени хлеб. Прича за дечаке. Београд: Дерета, 2003.

References

- Anderson 1982 — L. Anderson. The ‘Perfect’ as a universal and as a language-particular category. P. J. Hopper (ed.). *Tense-Aspect: Between Semantics & Pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Company, 1982. P. 227–264. DOI: 10.1075/tsl.1.16and.
- Anderson 1986 — L. B. Anderson. Evidentials, paths of change and mental maps: Typologically regular asymmetries. W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 273–312.
- Ašić, Stanojević 2007 — T. Ašić, V. Stanojević. O upotrebi glagolskih vremena u razgovornom srpskom jeziku — zašto aorist ipak opstaje? [On the use of verb tenses in modern Serbian: Why the aorist still exists]. R. Simić, D. Ivanić, M. Kovačević (eds.). *Srpski jezik i društvena kretanja* [Serbian Language and Social Movements]. Kragujevac: FILUM, 2007. P. 155–170.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. Iss. 1. P. 33–52. DOI: 10.1515/lity.1997.1.1.33.
- DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 369–382. DOI: 10.1016/S0378-2166(01)80001-1.

- Dendale, Tasmowski 2001 — P. Dendale, L. Tasmowski. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 339–348. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00005-9.
- Egorova 2018 — M. A. Egorova. O funkcijakh aorista v narrative serbskoj prozy [On the functions of the aorist in the narrative of Serbian fiction]. M. K. Amelina, A. A. Anufriyev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeyeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statej po materialam Shestoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the 6th Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Kantsler, 2018. P. 87–102.
- Elizarenkova 1960 — T. J. Elizarenkova. *Aorist v Rigvede* [Aorist in the Rig Veda]. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1960.
- Elizarenkova 1982 — T. J. Elizarenkova. *Grammatika vedijskogo yazyka* [Vedic Grammar]. Moscow: Nauka, 1982.
- Friedman 1986 — V. A. Friedman. Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian. W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 168–187.
- Friedman 2003 — V. A. Friedman. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: Benjamins, 2003. P. 189–218. DOI: 10.1075/tsl.54.11.fri.
- Grickat 1954 — I. Grickat. *O perfektu bez pomoćnog glagola u srpskohrvatskom jeziku i srodnim sintaksičkim pojavama* [On the Perfect Formed without Auxiliary in the Serbo-Croatian Language and Related Syntactic Phenomena]. Belgrade: Naučna knjiga, 1954.
- Gudkov 1969 — V. P. Gudkov. *Serbokhorvatskiy yazyk. Grammaticheskiy ocherk, literaturnyye teksty s kommentariyami i slovarom* [Serbo-Croatian Language. A Grammatical Sketch. Literary Texts with Commentaries and Dictionary]. Moscow: Moscow State University Press, 1969.
- Guentchéva 1996 — Z. Guentchéva (éd.). *L’*énonciation médiatisée**. Louvain; Paris: Peeters, 1996.
- Guentchéva, Landaburu 2007 — Z. Guentchéva, J. Landaburu (éds.). *L’*énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l’information: Illustrations Amériindiennes et Caucasiennes**. Louvain; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2007.
- Ivić 1953–1954 — P. Ivić. Sistem značenja osnovnih preteritalnih vremena u govoru Galipoljskih Srba [The system of meanings of the main past tenses in the dialect of Galipoli Serbs]. *Južnoslovenski filolog*. 1953–1954. Vol. XX. Iss. 1–4. P. 229–262.
- Ivić 1958 — M. Ivić. Sistem ličnih glagolskih oblika za obeležavanje vremena u srpskohrvatskom jeziku [The system of personal verb forms for marking tenses in the

- Serbo-Croatian language]. *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. 1958. Vol. III. P. 139–152.
- Ivić 1983 — M. Ivić. Načini na koje slovenski glagol ovremenjuje ponavljaju radnju [The ways in which the Slavic verb expresses habitual actions in different tenses]. M. Ivić. *Lingvistički ogledi* [Linguistic Essays]. Belgrade: Prosveta, 1983.
- Jakobson 1972 — R. O. Jakobson. Shiftery, glagolnyye kategorii i russskiy glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. O. G. Revzina (ed.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structure]. Moscow: Nauka, 1972. P. 95–113.
- Jakobson 1985 — R. Jakobson. Rechevaya kommunikatsiya [Verbal communication]. R. Jakobson. *Izbrannyye raboty* [Selected Writings]. Moscow: Progress, 1985. P. 306–318.
- Kerkez 2012 — D. Kerkez. Preteritalna vremena i neočekivanost u srpskom jeziku (u poređenju sa ruskim) [Preterital tenses and unexpectedness in the Serbian language (in comparison with Russian)]. J. Stojanović (ed.). *Srpsko jezičko nasljeđe na prostoru današnje Crne Gore i srpski jezik danas. Zbornik radova sa Međunarodnog naučnog skupa održanog u Herceg Novom 20–23 aprila 2012 godine* [The Heritage of the Serbian Language in the Territory of Modern Montenegro. Collection of articles from the International researcher meeting in Herceg Novi, April 20–23, 2012]. Nikšić: Matica srpska u Novom Sadu, 2012. P. 459–465.
- Khrakovskiy 2007 — V. S. Khrakovskiy (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007.
- Klajn 2005 — I. Klajn. *Gramatika srpskog jezika* [Serbian grammar]. Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005.
- Lazard 1956 — G. Lazard. Caractères distinctifs de la langue tadjik. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1956. T. 52. P. 117–186.
- Maisak 2016 — T. A. Maisak. Perfekt i aorist v nizhskom dialekte udinskogo yazyka [The Perfect and the Aorist in the Nizh dialect of Udi]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkih issledovaniy*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 315–378.
- Makartsev 2014 — M. M. Makartsev. *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the Balkan Text Space]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.
- Maretić 1963 — T. Maretić. *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika* [Grammar of the Croatian, or the Serbian, Standard Language]. 3rd unchanged ed. Zagreb: Matica hrvatska, 1963.
- Mitrinović 1996 — V. Mitrinović. Neka zapažanja o srpskohrvatskom aoristu kao prevodnom ekvivalentu poljskog opšteg preterita u narativnom tekstu [Some observations on the Serbo-Croatian aorist as the equivalent of the Polish common

- preterite in translation of narratives]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 1996. Vol. XXXIX. Iss. 1. P. 7–21.
- Mitrinović 1997 — V. Mitrinović. Ekvivalenti opšteg preterita poljskog i ruskog jezika u savremenom srpskom narativnom tekstu (status i funkcije prostih preterita kao pandana poljskih i ruskih oblika prošlog vremena u najnovijim srpskim prevodi-ma) [Equivalents of the Russian and Polish common preterite in the modern Ser-bian narrative (The status and functions of simple preterites as parallels to the Polish and Russian past tense forms in the latest Serbian translations of fiction)]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 1997. Vol. XL. Iss. 1. P. 83–96.
- Moldovan et al. 2017 — A. M. Moldovan, S. S. Skorvid, A. A. Kibrik (eds.). *Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. 2nd ed., rev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
- Nitsolova 2007 — R. Nitsolova. Modalizovannaya evidentsialnaya sistema bolgar-skogo yazyka [Modalized evidential system of Bulgarian]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 107–196.
- Petrović 2012 — M. Petrović. Le passé simple, le parfait simple et l’aoriste: fran-çais, roumain, valaque et serbe. *Langages*. 2012. No. 4 (188). P. 59–74. DOI: 10.3917/lang.188.0059.
- Piper et al. 2005 — P. Piper, I. Antonić, V. Ružić, S. Tanasić, Lj. Popović, B. Tošović, M. Ivić (ed.). *Sintaksa savremenog srpskog jezika. Prosta rečenica*. [The Syntax of the Contemporary Serbian Language: Simple Sentences]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts; Beo-gradska knjiga; Matica srpska, 2005.
- Piper, Klajn 2013 — P. Piper, I. Klajn. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Norma-tive Grammar of the Serbian Language]. Novi Sad: Matica srpska, 2013.
- Plungian 1998 — V. A. Plungian. Perfektiv, kompletiv, punktiv: terminologi-ya i tipologiya [Perfective, completive, pointive: terminology and typology]. M. Yu. Chertkova (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul-tury”, 1998. P. 370–381.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. The place of evidentiality within the universal gram-matical space. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 349–357. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0.
- Plungian 2010 — V. A. Plungian. Types of verbal evidentiality marking: an overview. G. Diewald, E. Smirnova (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in Euro-pean Languages*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 15–58.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: gramma-ticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [An Introduction

- to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the World's Languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.
- Plungian 2016 — V. A. Plungian. K tipologii perfekta v yazykakh mira: Predisloviye [Towards the typology of the perfect in the world's languages: Introduction]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 7–36.
- Popović 2015 — Lj. Popović. Evidentsialnyye funktsii glagolnykh form proshedshego vremeni (aorista, usechennogo perfekta, perfekta) v serbskom yazyke [Evidential meanings of past tenses (Aorist, Truncated Perfect, Perfect) in Serbian]. B. Wiemer (ed.). *Studies on Evidentiality Marking in West and South Slavic*. (Specimina philologiae Slavicae 183). München; Berlin; Leipzig: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 63–88.
- Silić, Pranjković 2005 — J. Silić, I. Pranjković. *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta* [Croatian Grammar for high schools and universities]. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Sladojević 1955–1956 — P. Sladojević. O značenju aorista u srpskohrvatskom jeziku [On the meaning of the aorist in the Serbo-Croatian language]. *Južnoslovenski filolog*. 1955–1956. Vol. XXI. Iss. 1–4. P. 131–136.
- Stanojčić 2000 — Ž. Stanojčić. O jednom primeru aorista u jeziku proze M. Crnjanskog [On an example of the aorist in the language of the proze of M. Crnjanski]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2000. Vol. XLIII. P. 555–558.
- Stanojević 2013 — V. Stanojević. Aorist u Ćopićevoj „Bašti sljezove boje” [Aorist in the storybook “The Garden Coloured with Tears” by Ćopić]. V. Milisavljević (ed.). *Zbornik radova sa naučnog skupa “Nauka i tradicija” (Pale, 18–19. maj 2012)* [Proceedings of the conference “Science and Tradition” (Pale, May 18–19, 2012)]. Pale: Filozofski fakultet, 2013. P. 169–182.
- Stanojević, Geld 2011 — M. M. Stanojević, R. Geld. New Current Relevance in Croatian: Epistemic Immediacy and the Aorist. F. Brisard, A. Patard (eds.). *Cognitive Approaches to Tense, Aspect and Epistemic Modality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Company, 2011. P. 159–179.
- Stefanović 1984 — S. Stefanović. Pripovjedačka funkcija aorista u književnom djelu Isaka Samokovlije [The narrative function of the aorist in the literary works of Isak Samokovlija]. *Književni jezik*. 1984. Vol. 13 (2). P. 75–86.
- Stevanović 1967 — M. Stevanović. *Funkcije i značenja glagolskih vremena* [Functions and Meanings of the Verb Tenses]. Belgrade: Naučno delo, 1967.
- Stevanović 1972 — M. Stevanović. Glagolski oblici kao međusobne sintaksičke opozicije [Verbal forms as mutual syntactic oppositions]. *Južnoslovenski filolog*. 1972. Vol. XXIX. Iss. 1–2. P. 81–103.

- Stevanović 1986 — M. Stevanović. *Savremeni srpskohrvatski jezik. Gramatički sistemi i književnojezička norma. I. Uvod. Fonetika. Morfologija* [Contemporary Serbo-Croatian. Grammatical Systems and Literary Norm. I. Introduction. Phonetics. Morphology]. 5th ed. Belgrade: Naučna knjiga, 1986.
- Stevanović 1989 — M. Stevanović. *Savremeni srpskohrvatski jezik. Gramatički sistemi i književnojezička norma. II. Sintaksa* [Contemporary Serbo-Croatian. Grammatical Systems and Literary Norm. II. Syntax]. 4th ed. Belgrade: Naučna knjiga, 1989.
- Stojanović 2018 — S. B. Stojanović. O osnovnom značenju srpskog perfekta aktivne dijateze i njegovoj tipološkoj klasifikaciji [On basic meaning of the active perfect in Serbian and its typological classification]. *Južnoslovenski filolog*. 2018. Vol. LXXIV. Iss. 2. P. 109–138. DOI: 10.7251/PNSJK0214017S.
- Stojićević 1951 — A. Stojićević. *Značenje aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku* [The meaning of the Aorist and the Imperfect in Serbo-Croatian]. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1951.
- Tatevosov 2001 — S. G. Tatevosov. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages. *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Iss. 3. P. 443–464. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00012-6.
- Thomas, Osipov 2017 — P.-L. Thomas, V. Osipov. *Grammaire du bosniaque, croate, monténégrin, serbe*. 2ème éd., rev. et corr. Paris: Institut d'études slaves, 2017.
- Tolstoy 2001 — I. I. Tolstoy. Kratkiy ocherk grammatiki serbskokhorvatskogo yazyka [A brief grammatical sketch of the Serbo-Croatian language]. I. I. Tolstoy. *Serbskokhorvatsko-russkiy slovar* [Serbo-Croatian-Russian Dictionary]. 7th reprint ed. Moscow: Russkiy yazyk, 2001. P. 687–731.
- Toshovich 2006 — B. Toshovich. *Ekspressivnyy sintaksis glagola russkogo i serbskogo / khorvatskogo yazykov* [Expressive Syntax of the Verb in Russian and Serbian / Croatian]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006.
- Zaliznjak 1995 — A. A. Zaliznjak. Berestyanyo dokument XII v. o sbore yugorskoj dani [The document on birch bark from the 12th century about the tribute gathering in the Ugra territory]. H. Birnbaum, M. S. Flier (eds.). *The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his Sixty-fifth Birthday*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. P. 283–290.
- Zorić 2018 — S. M. Zorić. O nekim funkcijama aorista u romanu *Deca bestragije* Uroša Petrovića [On some functions of the aorist in the novel *Deca bestragije* by Uroš Petrović]. V. Jovanović, B. Ilić (eds.). *Književnost za decu u nauci i nastavi. Zbornik radova sa naučnog skupa Jagodina, 21–22. april 2017* [Fiction for Children in Science and Education. Collection of articles from the researcher meeting in Jagodina, April 21–22, 2018]. Jagodina Pedagogical Faculty, 2018. P. 103–111.

Образное сравнение и конструкции со значением ‘в качестве’ в письменных памятниках Киевской Руси

К. А. Журавлёва

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); kira.zhuravlyova@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются образные сравнения и несравнительные конструкции со значением ‘в качестве’ в памятниках Киевской Руси. Описана их семантика и основные грамматические особенности: дистрибуция союзных средств, структура, позиция сравнительной части (содержащей сравнительный союз). Приведена частотность употребления подобных конструкций в памятниках, относящихся к разным жанрам.

Ключевые слова: древнерусский язык, Киевская Русь, синтаксис, сравнение, сравнительные конструкции, союзные конструкции, союзы, служебные слова, значение ‘в качестве’, церковнославянский язык.

A figurative comparison and constructions with the meaning ‘as’ in the written sources of Kievan Rus’ (mid 11th — early-mid 12th century)

K. A. Zhuravlyova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); kira.zhuravlyova@mail.ru

Abstract. The paper analyzes figurative comparisons and non-comparative constructions with the meaning ‘as’ in written sources of Kievan Rus’. The research has revealed 176 cases of constructions with figurative comparison and 109 contexts where the conjunctions *yako*, *aki* and others are used to express the meaning ‘as’. Their

semantics and basic grammatical features such as the distribution of conjunctions, the use of correlative words, as well as structure and position of the comparative part are described. The study shows that both structure types are formed mainly with the *yako* conjunction and rarely contain correlative words. Constructions with the meaning ‘as’ do not contain a predicate in the comparative part of the construction, while figurative comparisons occasionally do. In constructions with a figurative comparison, the comparative structural element is usually found in the postposition; the second part of the structure, which includes the comparative conjunction, however, can occupy any position. Constructions with the meaning ‘as’ are almost equally frequent in both preposition and postposition. The paper also proposes a statistical analysis of the usage of these constructions in sources of different genres. The majority of the figurative comparisons analyzed were found in Old Russian tales and chronicles; constructions meaning ‘as’ were mainly derived from epic and wisdom literature. In addition, it has been suggested that the similarity in the grammatical design of both constructions might be explained by the reciprocal influence of the polysemantic *yako* conjunction.

Keywords: Old Church Slavonic language, Old Russian language, Kievan Rus, syntax, comparison, comparative constructions, coordinate constructions, conjunctions, function words, ‘as’ meaning.

1. Введение

Работа посвящена исследованию конструкций с образным сравнением и конструкций со значением ‘в качестве’ в языке памятников середины XI — первой трети XII вв.

Объектом данного исследования являются 25 памятников письменности, относящихся к периоду Киевской Руси¹. При этом важно сделать

¹ Берестяные грамоты с 1050 по 1130 г. [Берестяные грамоты], Житие Александра человека Божия, Житие Дмитрия Солунского, Житие Константина-Кирилла, Житие Марии Египетской, Житие Феодосия Печерского, Житие пророка Моисея, Изборник 1073 года, Книга Еноха, Память и похвала князю русскому Владимиру, Повесть временных лет, Повесть об Акире Премудром, Поучение Владимира Мономаха, Поучение и молитва Феодосия Печерского, Пролог, Русская Правда (Пространной редакции), Сказание, как сотворил Бог Адама, Сказание о Борисе и Глебе, Сказание об Евстафии Плакиде, Слово блаженного Зоровавеля, Слово

несколько уточнений. Во-первых, список рассмотренных памятников не претендует на полноту (хотя мы полагаем, что большинство наиболее важных текстов этого периода были учтены). Во-вторых, в список источников материала мы включаем и памятники, давшие «отрицательный» результат (такова, например, Русская Правда, в которой в силу особенностей делового регистра [Живов 2017] отсутствуют образные сравнения; кроме того, в Русской Правде не отмечено ни одной конструкции со значением ‘в качестве’). В-третьих, большинство исследованных памятников сохранились только в более поздних списках (вплоть до XVI в.), однако их автографы относились именно к периоду Киевской Руси. Наконец, важно отметить, что большинство памятников нашей выборки написаны на церковнославянском языке. Такое преобладание объясняется заданными хронологическими рамками и отсутствием достаточного количества сохранившихся ранних деловых документов.

Из памятников Киевской Руси методом сплошной выборки были извлечены 176 конструкций с образным сравнением и 109 — со значением ‘в качестве’. Работа с отобраным эмпирическим материалом осуществлялась посредством создания языкового корпуса в программе Microsoft Excel. Для обработки материала в полученном корпусе была произведена синтаксическая и морфологическая разметка. Целью данного исследования является описание грамматических и семантических особенностей конструкций с образным сравнением и со значением ‘в качестве’, имеющих одинаковое синтаксическое оформление.

Раздел 2 включает в себя необходимые предварительные сведения об исследованиях сравнения и сопоставления в истории русского языка. В *Разделе 3* содержится описание грамматических и семантических особенностей конструкций с образным сравнением, в *Разделе 4* — характеристика конструкций со значением ‘в качестве’ в сопоставлении с образным сравнением. В *Разделе 5* приводится обобщение полученных результатов.

о Законе и Благодати, Служба Воздвижению Креста Косьмы Маюмского, Хождение Богородицы по мукам, Хождение игумена Даниила, Чудеса Николы Мирликийского [Электронные публикации ИРЛИ]. Все тексты доступны на сайте Института русской литературы Российской академии наук.

2. Исследования сравнения и сопоставления в истории русского языка

Описание сравнительных и сопоставительных союзных конструкций можно найти в «Историческом синтаксисе» А. Н. Стеценко [Стеценко 1972] и работах В. И. Борковского — «Историческая грамматика русского языка» [Борковский, Кузнецов 1963] и «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис» (в 2 томах) [Борковский (ред.) 1978, 1979]. Сравнение в истории русского языка становилось и предметом специального изучения — см. [Палевская 1955; Широкова 1965, 1966; Жаринова 1993; Богрова 2012]. Уточним, что во многих работах XX в. термин «древнерусский язык» используется несколько обобщенно, даже если исследователь учитывает книжные церковнославянские контексты.

Кроме того, о самом союзе *яко* в древнерусском языке и в современных славянских языках написана диссертация Б. Н. Павлова. Исследователь отмечает, что это служебное слово «выделяется активностью употребления и выразительным полисемантизмом» [Павлов 1970: 3], и это свойство «красной нитью проходит через всю историю славянского синтаксиса» [Там же: 29].

Самой ранней (1955 г.) из найденных нами работ, посвященных сравнению в истории русского языка, является работа М. Ф. Палевской. В диссертации исследователь опирается на формально-грамматический подход и классифицирует сравнительные конструкции «по управляющему слову», а точнее — в зависимости от его частеречной принадлежности [Палевская 1955: 3]. Для современного синтаксиса такая классификация не представляется оправданной. Вслед за М. И. Черемисиной [Черемисина 1976] мы считаем, что сравнительные союзные конструкции (кроме компаративных конструкций типа *прости людье суть нущеи Половець*) относятся к предикату, в том числе и конструкции типа *конь аки голубь* (пример М. Ф. Палевской [Палевская 1955: 4]), в которых опущен глагол-связка *быть*.

Наиболее полное описание сравнительных союзных конструкций представлено во втором томе «Синтаксиса» В. И. Борковского. При

анализе исследователь учитывает два основных фактора — смысловые отношения и структуру конструкции [Борковский (ред.) 1979: 346], в результате предлагая следующую классификацию (в скобках даны примеры В. И. Борковского в упрощенной орфографии):

- 1) сравнения сближающего типа — сравнительно-сопоставительного значения (*яко тиши ни орють ни съють, но уповають на милость Божию, тако и мы, господине, желаемь милости твоея*. Мол. Дан. Зат.) и образного сравнения (*и тогда Христовъ воинъ ишедъ из дому своего яко птица ис пругла истъргъши ся или яко сърна отъ тенета*. Ж. Феод. Печ., л. 35а);
- 2) сравнения противопоставительного значения (*да лучше ны есть умерети у Царяграда, нежели съ страхомъ отъити и съ срамомъ*. Лет. Моск., л. 125 об.) [Борковский (ред.) 1979: 346–348].

Кроме того, В. И. Борковский упоминает об особых «юридических формулировках» в деловых памятниках (например, *как пошло, как было при мне* [Борковский (ред.) 1979: 355], дает комментарий об использовании соотносительных слов (*такъ, тако*) [Там же: 348] и частиц (*и, да, а*) [Там же: 351], делает выводы об употреблении различных союзов (*яко, якоже, какъ, како*), сопровождая их пропорциями [Там же: 361].

Проблеме **дистрибуции сравнительных союзов**, как нам кажется, важно уделить особое внимание. Н. А. Широкова впервые обратила внимание, что союз *аки* (и его вариант *акы*) характерен в первую очередь для конструкций с образным сравнением, а *яко* и *якоже* оформляют сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным [Широкова 1966: 16]. Этой же точки зрения придерживается и А. Н. Стеценко [Стеценко 1972: 287–288].

В. И. Борковский ссылается на монографию Н. А. Широковой и добавляет, что наряду с союзами *яко* и *якоже* используются союзы *как* и *како*, являющиеся элементом деловой письменности. Исследователь приводит статистику, на основании которой можно заключить, что доля употребления союзов *яко* и *якоже* заметно снижается в старорусском языке в сравнении с древнерусским [Борковский (ред.) 1979: 362–363].

Важно отметить, что в проанализированных работах почти не учитывается стилистика памятников (некоторые особенности отмечены В. И. Борковским [Борковский (ред.) 1979: 355–356]). Кроме того, в описанных исследованиях отсутствует какая-либо информация о развитии значения «сущности-функции» (термин А. Ф. Прияткиной [Прияткина 1975]), тождественного значению ‘в качестве’, которое, однако, могло совмещаться со значением сравнения.

3. Образное сравнение в памятниках Киевской Руси

Одной из разновидностей сравнительных конструкций является образное сравнение. С точки зрения семантики оно представляет собой конструкцию, содержащую такое соотношение предметов, явлений или отвлеченных понятий, при котором они обозначают **один и тот же** объект действительности:

- (1) *И тогда отидоста оба: левъ же убо в пустыню, яко овча, идяше, Зосима же в монастырь възвратися, благословя и хваля Христа, Бога нашего* (Житие Марии Египетской).

‘И тогда отошли оба: лев же в пустыню, как овца, шел, Зосима же в монастырь возвратился, благословя и хваля Христа, Бога нашего’.

В (1) лев, с которым встретился старец Зосима, сравнивается с овцой, основанием для сравнения служит образ действия. При этом в тексте жития отсутствует упоминание овцы как самостоятельного действующего лица, в пространстве произведения «овца» использована исключительно в качестве **образной номинации** денотата «лев» (иначе говоря, для нас важно, что никакой овцы в произведении и не было). Соответственно, для верного определения семантического типа сравнительной конструкции обязателен учет **контекста**.

В выборке было обнаружено 176 контекстов, содержащих образное сравнение и имеющих некоторые отличительные особенности грамматического оформления. Н. А. Широкова отмечала, что

образные сравнения «не составляли ведущей категории в древнерусском языке», а сфера их употребления была ограничена, поскольку они «употреблялись лишь в небольшом количестве в произведениях древнерусской художественной литературы» [Широкова 1966: 16].

В нашей выборке их доля все же довольно велика. Однако частотность употребления образного сравнения в группах памятников, обладающих разными жанрово-стилистическими особенностями, действительно различается: 68 конструкций с образным сравнением взяты из повестей и летописей, 55 — из житий, 27 — из слов и поучений, 26 — из хождений. Употребление образных сравнений в памятниках деловой письменности нам не встретилось. В качестве средства связи могут использоваться союзы *яко*, *якоже*, *аки*, *аки* и *ако*.

При анализе языкового материала мы разделили контексты на три группы в зависимости от структуры второй части сравнительной конструкции: 1) осложнение простого предложения, 2) сложноподчиненное предложение без предиката (с нереализованными валентностями), 3) сложноподчиненное предложение с предикатом.

1. Большинство конструкций с образным сравнением (89 контекстов) представляют собой осложнение простого предложения и содержат имя в форме именительного падежа во второй своей части:

- (2) *И дьяволъ исчезе, аки молния, сквозь землю отъ лица Господня* (Сказание, как сотворил Бог Адама).
 ‘И дьявол исчез, как молния, сквозь землю от лица Господнего’.

2. Группа с контекстами, содержащими сложноподчиненное предложение без предиката, оказалась менее многочисленной, в нее вошли 42 контекста:

- (3) *Бѣжати имаши от мене, якоже кто от змиа* (Житие Марии Египетской).
 ‘Бежать захочешь от меня, как кто-либо от змея’.

Отождествлять структуры без предиката с осложнением предложения, на наш взгляд, не представляется возможным. В приведенном примере дополнение *от змиа* должно относиться к отсутствующему *бѣжати*, связь не может быть объяснена без учета контекста

первой части сравнительной конструкции. Это, по нашему мнению, справедливо для всех конструкций, которые содержат имя в косвенном падеже или иной второстепенный член предложения:

- (4) *Се кровь брата моего **въпиетъ** къ тебе, Владыко, якоже и Аве-лева **преже*** (Сказание о Борисе и Глебе).
‘Вот, кровь моего брата взывает к тебе, Владыко, как и Аве-лева прежде’.

Однако для нас этот вопрос не принципиален — более важно, имеется ли в конструкции предикат.

3. Последняя группа представлена 45 контекстами:

- (5) *Яко левъ въ твердости своей **страшенъ есть**, тако и мужъ въ близоцѣхъ своихъ **честенъ есть*** (Повесть об Акире Премудром).
‘Как лев в твердости своей страшен, так и муж в родных своих честен’.

По нашему мнению, полученные данные закономерны: «отражение» предиката [Черемисина 1976], наблюдаемое в примере, характерно в первую очередь для безобразных сравнений, поскольку оно вносит в предложение значение сопоставления. Н. А. Широкова, говоря о конструктивных особенностях образного и безобразного сравнения, добавляет, что для образного сравнения характерна «неупотребительность частиц соответствия “же” и “и”, поскольку эти атрибуты логической оценки несовместимы с задачей зарисовки образа» [Широкова 1966: 15], что в целом подтверждается и нашей выборкой.

Кроме примеров, где предикат придаточной части отражает главную, нам встретилось и 15 контекстов с иным соотношением частей конструкции, где *яко* выражает значение меры и степени, близкое к сравнительному:

- (6) *И **есть** мѣсто то къ западу лицъ отъ Акима и Анны, близь, **яко довержет человекъ*** (Хождение игумена Даниила).
‘И находится то место к западу от Акима и Анны, близко, как (насколько) добросит человек’.

Лексический состав предикатов в таких контекстах оказался довольно однородным: в подобных конструкциях используются глаголы *дове́решти* (6), *достре́гли* (6), *стре́гли* (1), *перестре́гли* (1), *дося́шти* (1).

Такие контексты встретились исключительно в Хождении игумена Даниила, соответственно, эту конструкцию можно считать отличительной чертой именно этого памятника.

Однако и в современном языке реализация этой конструкции тоже возможна. В качестве примера можно привести устойчивое выражение *как рукой подать* (т. е. буквально ‘на таком расстоянии, на какое можно подать рукой’):

- (7) *Тропинка пересекала по диагонали огромное пустое поле и выходила на железнодорожный вал, откуда до вокзала было как рукой подать* (А. И. Куприн. Ужас (1896)) [НКРЯ].

Кроме того, для конструкций, содержащих образное сравнение, характерно относительно редкое употребление соотносительных слов (вносящих дополнительное значение тождества), зафиксированное всего в 37 контекстах:

- (8) *Якоже жадаеть елень на источники водня, тако вжада благоверный князь Володимеръ святого крещения* (Память и похвала князю русскому Владимиру).
 ‘Как желает олень на водные источники, так пожелал благоверный князь Владимир святого крещения’.

В конструкциях с образным сравнением встретились исключительно соотносительные слова на основе *так*: в 14 контекстах — в чистом виде, в девяти — с частицей *и*, в двух — с частицей *же*, в двух — с обеими частицами:

- (9) *Яко отецъ, чадо свое любя, бьа, и пакы привлечьъ е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду* (Поучение Владимира Мономаха).
 ‘Как отец, дитя свое любя, бьет и снова привлекает его к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами’.

Особого внимания заслуживает **распределение союзов** в контекстах, содержащих образные сравнения. Н. А. Широкова отметила закономерность: союз *аки* практически не выступал в конструкциях сравнительно-сопоставительного значения и характерен преимущественно для образных сравнений [Широкова 1966: 15–16].

Однако этот вывод требует некоторых уточнений. В нашей выборке распределение союзов в контекстах, содержащих образное сравнение, получилось следующим: в 98 контекстах средством связи является союз *яко*, в 11 — *яко и*, в 20 — *якоже*, в четырех — *якоже и*, а союзы на основе *аки* употребляются значительно реже: 18 раз *аки*, 22 — *акы*, один — *ако*, при этом уточним, что все перечисленные союзы могут употребляться в предложениях с предикатом и без него. В предложении без предиката союзы на основе *аки* редки, но возможны.

Несмотря на то, что количество употреблений союза *аки* оказалось меньше, чем число употреблений союзов на основе *яко*, Н. А. Широкова, безусловно, права в том, что *аки* (и его варианты) характерен в первую очередь для конструкций с образным сравнением: его употребление в конструкциях с другими видами сравнительно-сопоставительных отношений менее частотно.

При анализе нам встретилось два контекста, в которых отсутствует сравнительный союз:

- (10) *Отиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиявъшу, тако и законъ, благодѣти явльшиися, и студеньство ноцъное погыбе, солнечнѣи теплотъ землю съгрѣвши* (Слово о Законе и Благодати).
‘Ведь отошел свет луны, когда воссияло солнце, так и закон, когда явилась благодать, и холод ночной погиб, когда солнечное тепло землю согрело’.
- (11) *Чадо, древо с плѣдомъ прегне е с твердостію своею, тако въ красъ пребываетъ, тако же и съ ближними своими и другъ со другомъ своимъ, тако же суть* (Повесть об Акире Премудром).
‘Чадо, дерево с плодом его сгибается со своей твердостью, так в красоте пребывает, так же и с близкими своими и друзьями своими (будь ты), так и есть’.

В обоих случаях союз пропущен, а синтаксические отношения можно распознать в силу наличия соотносительного слова. Эти примеры свидетельствуют о некоторой слабости грамматической оформленности сравнения в языке памятников Киевской Руси. По мнению Э. И. Коротяевой, в древнерусском языке можно наблюдать «отражение той ступени развития грамматического строя, на которой слабо развитая функция подчинительного союза нуждается в дополнительном подкреплении со стороны соотносительных слов» (цитата по: [Борковский (ред.) 1979: 352]).

Об этом же говорит и явление, наблюдающееся в (11). Как можно заметить, в этом предложении часть, содержащая сравнение, повторяется дважды: *тако въ красть пребываеть* и *тако же суть*. Возможность подобного построения сравнительных конструкций в древнерусском тексте отмечена Н. А. Широковой [Широкова 1966: 8–9]. Исследователь называет такие конструкции трехчленными.

Среди образных сравнений в нашей выборке выявлено пять подобных конструкций, причем возможен повтор как первого компонента, содержащего основную номинацию денотата (обратим внимание на то, что в примере (12) не повторяется один и тот же предикат, вместо этого использованы синонимичные предикаты *ишедъ* и *текий*, а сравнение строится на основании скорости передвижения), так и второго компонента, содержащего его образную номинацию (13):

- (12) *Тъгда Христовъ воинъ ишедъ из дому своего, яко птица ис пугла истъргъшися или яко сърна отъ тенета, тако скоро текий, и доиде пещеры оной* (Житие Феодосия Печерского).

‘Тогда воин Христов вышел из дома своего, как птица из сети вырвавшаяся или как серна из западни, так он скоро шел и дошел до пещеры этой’.

- (13) *Якоже бо и змия, егда состарѣется и ослѣпѣста очи еи и алчеть 40 дний и 40 ноций, дондеже ослабѣеть еи сила телеси, и тогда ябье совлечеть съ себе ветшаную кожду и будеть обновивъши ся, тако же и ты, жидовине, несмысленый,*

бессловесный, яко змий, пророчества почитаеши (Житие пророка Моисея).

‘Как змея, когда состарится, ослепнут ее глаза, голодает 40 дней и 40 ночей, пока не ослабеет сила ее тела, тогда вдруг совлечет с себя обветшавшую кожу и обновится, так же и ты, иудей, неразумный, бессловесный, как змея, пророчества почитаешь’.

Такие конструкции довольно редки и вряд ли могут считаться исключительно церковнославянскими или древнерусскими. В современном языке подобные контексты, как нам кажется, тоже возможны — в случае, если для говорящего важно актуализировать один из компонентов высказывания. В Национальном корпусе русского языка нам не удалось найти подходящего иллюстративного материала, но в разговорной речи вполне можно представить контекст следующего типа:

- (14) *Ты поступил непорядочно, как последние трусы поступают, так и ты!*

Кроме того, в результате анализа выявлено, что для второго компонента образных сравнительных конструкций возможны различные позиции в предложении. В 95 контекстах он находится в постпозиции (15), в 58 — в интерпозиции (16) и в 23 — в препозиции (17):

- (15) *Се азъ посылаю вы, яко овца посреде волкъ* (Житие пророка Моисея).
‘Вот я посылаю вас, как овцу среди волков’.
- (16) *Текущую съ главы слану отъ моря, и от пьртъ, яко рька, течааше* (Чудеса Николы Мирликийского).
‘Текла с головы соленая морская вода и от одежды, словно река, текла’.
- (17) *И якоже солнце сияетъ въ весь миръ, тако просияетъ житие его прьдъ ангелы Божии* (Житие Алексея человека Божия).
‘И как солнце сияет во всем мире, так просияет житие его перед ангелами Божьими’.

4. Конструкции со значением ‘в качестве’

В нашей выборке зафиксировано 109 контекстов, в которых союзы *яко*, *якоже*, *аки*, *акы* и *ако* выступают в значении ‘в качестве’, образуя трехчленную конструкцию с предикативным определителем — А. Ф. Прияткина называет подобный вид осложнения простого предложения конструкцией «треугольник» [Прияткина 1990: 6]). Для обозначения этого неприсловного распространителя также используются термины «дуплексив» [Кустова 2011], «*doþnlþek*», «предикатив» [Стародумова 2005: 84–85]) и др.

Наиболее подробно семантические и грамматические особенности конструкций с союзом *как* в значении ‘в качестве’ в современном русском языке описаны в монографии А. Ф. Прияткиной [Прияткина 1975]. Исследователь отмечает, что союз *как* в значении ‘в качестве’ тяготеет к группе компаративных, однако «различие между ними столь существенно, что не позволяет объединить их ни в семантическом, ни в формально-синтаксическом отношении» [Там же: 8–9]. Это различие Прияткина объясняет двумя обстоятельствами: во-первых, союз *как* в значении ‘в качестве’ употребляется только в простом предложении, во-вторых, «*как-сравнительный*» имеет больше конструктивных возможностей — он может создавать конструкции и с параллельными членами, и без них, т. е. конструкции со вторичной союзной связью [Там же: 9].

А. Ф. Прияткина выявила и другие конструктивные различия: союз «*как-сравнительный*» допускает возможность синонимической замены союзами *будто*, *точно*, *словно* [Прияткина 1975: 9] и может иметь уточнитель — частицу или иной союз (примеры автора: *как и*, *как если бы*, *как будто*), в то время как в конструкциях со значением ‘в качестве’ подобные операции и добавления невозможны.

При описании таких конструкций А. Ф. Прияткина отмечает, что в современном русском языке они существуют в двух вариантах — субъектном и объектном [Прияткина 1975: 107]. В исследованных текстах предикативный определитель также может относиться и к подлежащему (18), и к дополнению (19):

- (18) *И сѣдѣше яко проситель в паперть въ церкви владычица наша Пресвятая Богородица* (Житие Алексея человека Божия).
'И сидел как проситель на паперти в церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы'.
- (19) *А азъ ты есмѣла акы братъ собѣ* (Грамота № 752 [Зализняк 2004: 249–254]).
'А я к тебе относилась как к брату'.

В (18) и (19) союзная конструкция с предикативным определителем указывает на сущность (*акы братъ*) или функцию (*яко проситель*), которая относится к тому, что выражено подлежащим или дополнением.

Важно отметить, что при наличии метафорического переноса в предложении бывает сложно однозначно оценить характер синтаксических отношений, оформляющихся с помощью союза *яко* и его вариантов: трехчленные конструкции со значением 'в качестве' не всегда можно отличить от конструкций с другими видами сравнительных отношений. Проиллюстрируем это примером (20):

- (20) *И жряхуть ему людье новгородьстии акы Богу* (Повесть временных лет).
- 1) 'И служат ему люди новгородские как богу' (идол является богом (языческим)).
 - 2) 'И служат ему люди новгородские, словно Богу' (идол не Бог (христианский), но сравнивается с ним).

Варианты перевода со значением 'в качестве' и со значением образного сравнения представляются одинаково приемлемыми. Все спорные употребления при подсчетах мы относили к группе конструкций со значением 'в качестве', потому что сравнительное значение в этих случаях можно рассматривать как добавочное при основном значении 'в качестве'.

Очевидно, что в чистом виде значение 'в качестве' близко к предикативному и, как было отмечено ранее, ощутимо отличается от значения сравнительных конструкций. Может показаться, что описывать его при рассмотрении сравнения в памятниках Киевской Руси

нецелесообразно. Однако мы считаем, что эти конструкции оказали друг на друга сильное влияние.

А. Ф. Прияткина отмечала, что «значение “в качестве” широко варьируется, то получая ярко выраженный **причинный оттенок**, то преобразуясь в значение “сущности”, то сближаясь со значением сравнительным» (выделение наше. — К. Ж.) [Прияткина 1975: 15]. Вероятно, такое разнообразие значений можно объяснить историей союза *яко*.

В древнерусском и церковнославянском языках этот союз был полисемичен, с помощью *яко* могли оформляться различные синтаксические отношения: изъяснительные, временные, причинные, условные [Павлов 1970]. Кроме того, с помощью этого союза вводилась прямая речь. Для нас наиболее важно, что *яко* может выступать в предложении как причинный союз.

Сравним два контекста:

- (21) *Да прославиться имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы* (Житие Феодосия Печерского).
‘Пусть прославится твое имя, потому что ты помощник всем надеющимся на тебя навеки’.
- (22) *Имъже, Христе, спаси душа наша яко милостивъ* (Служба Воздвиженью Креста Косьмы Маюмского).
‘С его помощью, Христос, спаси наши души как милостивый’.

Первый контекст никак не связан со сравнительными отношениями. Второй контекст мы относим к конструкциям со значением ‘в качестве’. При этом очевидно, что приведенные выше примеры соотносятся как двусоставное предложение (*яко ты еси помощникъ*) и его неполная реализация (*яко (ты еси) милостивъ*) и в семантическом отношении могут считаться тождественными.

Описанные факты свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с семантическим переходом: союз *яко* мог выражать и значение причины, и сравнительное значение, и значение ‘в качестве’, появившееся из причинного и способное, как было проиллюстрировано, совмещаться со сравнительным.

Как мы отметили ранее, «предикативность» в таких конструкциях проявляется с разной степенью определенности — мы приводили примеры контекстов, в которых значение ‘в качестве’ трудно отделить от сравнительного. Однако в выборке встречаются и случаи, когда семантика сравнения полностью отсутствует:

- (23) *В церкви духомъ божественнѣ просвѣщаете, в нейже с мученики яко мученика за люди своя молита* (Повесть временных лет).
‘В церкви духом божественным просвещаете, в ней же с мучениками как мученики молитесь за людей своих’.
- (24) *Сию бо хвалить рустии сынове акы началницу* (Повесть временных лет).
‘Ее ведь хвалят русские сыны как начинательницу’.

В приведенных примерах невозможно интерпретировать конструкцию как собственно сравнительную: Борис и Глеб действительно приняли мученическую смерть за Христа, а не сравниваются с мучениками. Ольга не сравнивается с другими начинателями, поскольку она первой из русских приняла крещение и в этом отношении в самом деле была начинательницей.

Примечательно, что в современном языке рассматриваемые виды синтаксических отношений выражаются союзами *как*. Безусловно, в придаточных предложениях с причинным значением употребление *как* в современном русском языке представляется затруднительным, что свидетельствует об отдалении конструкций со значением ‘в качестве’ от причинных. Однако в художественной литературе XIX в. встречаются употребления, указывающие на некогда существовавшую омонимию союзов (пример из пьесы Л. Н. Толстого «Плоды просвещения»²):

- (25) 2-й мужик. <...> *Как она живет, значит, честно ли?*
Яков. *Девушка хорошая, похвалить можно.*

² Автор статьи выражает признательность Е. А. Стародумовой за информацию о многозначности союза *как* в текстах русской литературы XIX в. и за предложенные примеры.

Кухарка. *Я тебе, дядя, истину скажу, как я здешнее заведение твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать — бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать.*

В данном случае союз *как* можно рассматривать в качестве причинного, синонимичного союзам *потому что* и *так как*.

Кроме того, отметим, что доля употреблений конструкций со значением ‘в качестве’ в разных группах памятников отличается от доли употребления в них образных сравнений. В словах и поучениях отмечено 66 конструкций со значением ‘в качестве’, в житиях — 24, в повестях и летописях — 18. Среди контекстов, отобранных из хождений, конструкций со значением ‘в качестве’ не оказалось, а в текстах делового содержания, написанных не на церковнославянском языке (Русская Правда, берестяные грамоты), встретилась всего одна такая конструкция.

Следует уточнить, что существенная часть конструкций со значением ‘в качестве’ извлечена из Слова о Законе и Благодати:

(26) *Яко человекъ бо утробу матернюю растяше, и яко Богъ изиде, дѣвства не връждь; яко человекъ матерне мляко приать, и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пѣти: «Слава въ вышнихъ Богу»; яко человекъ повиться въ пелены, и яко Богъ вълхвы звѣздою ведяше; яко человекъ възлеже въ яслехъ, и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приать* (Слово о Законе и Благодати).

‘Как человек ведь утробу материнскую расширял и как Бог вышел, девства не повредив, как человек принял материнское молоко и как Бог повелел ангелам с пастухами петь: «Слава в вышних Богу», как человек укутывался в пелена и как Бог волхвов с помощью звезды вел, как человек лежал в яслях и как Бог от волхвов дары и поклонение принял’.

Всего в этом памятнике непосредственно одна за другой использованы 44 такие конструкции, иллюстрирующие наиболее важные события жизни Христа и характеризующие его, с одной стороны, как Бога, а с другой — как человека.

Общие особенности грамматического оформления у конструкций со значением ‘в качестве’ тоже имеются, несмотря на ранее описанные сложности, связанные с формулированием их единой семантики.

Во-первых, следует отметить иное соотношение видов возможного состава конструкции: в 61 случае во второй части конструкции употреблено имя в форме именительного падежа (субъектный предикативный определитель), а в 48 — имя в косвенном падеже (объектный предикативный определитель). При этом сложноподчиненные предложения с предикатом в данном случае невозможны: при наличии предиката во второй части значение конструкции меняется — из значения ‘в качестве’ оно трансформируется в причинное.

Во-вторых, для оформления конструкций со значением ‘в качестве’ редко употребляются соотносительные слова, которые вносят в конструкцию сопоставительное значение. Выявлено всего три конструкции с соотносительными словами (одна с *так*, одна с *так же*, одна — с *также же и*), причем очевидно, что конструктивными свойствами в этом случае соотносительные слова не обладают:

(27) *И от того дъне большимии начать любити и **так** имяше его, **яко** единого отъ пръвухъ святыхъ отць и вельми послушаше его* (Житие Феодосия Печерского).

‘И с того дня больше начал любить его и так почитал его, как одного из первых святых отцов древности, и особенно слушался его’.

Наконец, такие конструкции имеют несколько иное соотношение использованных союзов: *аки* — 5 употреблений, *акы* — 15, *ако* — 10 (отметим, что сравнительно редкий союз *ако* чаще всего употребляется в Слове о Законе и Благодати), *яко* — 97, *яки* — 1, *якоже* — 1, *якож* — 1.

Кроме того, отметим, что позиция сравнительного компонента может быть любой: нам встретились 43 употребления в препозиции (28), 54 — в постпозиции (29) и 12 — в интерпозиции (30):

(28) ***Яко** Господня апостола, молебными песнями память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти* (Пролог).

‘Как Господнего апостола молебными песнями память твою празднуем, похвальные венцы приносим тебе’.

- (29) *Сдѣ ему достоить лежати **яко чьстну мужю*** (Житие Константина-Кирилла).

‘Здесь ему стоит лежать как честному мужу’.

- (30) *Разгнѣвавъ же ся, царь повелѣ **яко крестьянина** отвести в западную страну града, въ рекомаыя Златая врата, и ту своимъ мечемъ усткнуги его* (Житие Дмитрия Солунского).

‘Разгневавшись же, царь повелел как христианина отвести в западную часть города, в называемые Златые врата, чтобы тут своим мечом отрубить голову его’.

5. Заключение

Таким образом, мы выявили 176 примеров употребления конструкций, содержащих образное сравнение, и 109 контекстов с союзами *яко* и *аки* со значением ‘в качестве’.

Значительная часть примеров с конструкциями образного сравнения была извлечена из текстов повестей и летописей (68 из 176). Для таких конструкций типично отсутствие предиката (131) и редкое употребление соотносительных слов (37), которые вносят в конструкцию сопоставительное значение. Основным средством связи является союз *яко* без частиц (98). В большинстве случаев (95) сравнительный элемент конструкции находится в постпозиции, однако позиция второй части конструкции может быть любой. Кроме того, в этой группе выявлено пять конструкций, состоящих из трех частей и содержащих повтор одного из компонентов — главного или сравнительного.

Конструкции со значением сущности-функции (‘в качестве’), представляющие собой предикативный определитель, отмечены преимущественно в словах и поучениях (66 из 109, бóльшая часть — в Слове о Законе и Благодати). Такие конструкции выявлены в двух

видах: субъектные (относящиеся к подлежащему и сказуемому, 61 употребление) и объектные (относящиеся к дополнению и сказуемому, 48 употреблений). Установлено, что в исследованных памятниках возможно совмещение значений ‘в качестве’ и сравнительного. Соотносительные слова с такими конструкциями практически не употребляются (3 из 109), основным средством грамматического оформления является союз *яко* без частиц (97 из 109), предикативный определитель может находиться в любой позиции.

Кроме того, в статье мы предприняли попытку объяснить связь сравнительных конструкций и конструкций со значением ‘в качестве’: *яко* выступал не только в качестве сравнительного союза, но и в качестве причинного, и именно причинное значение послужило основой для формирования значения ‘в качестве’, содержащего причинный оттенок. При этом выявлены примеры, в которых наличествует совмещение значений ‘в качестве’ и сравнительного.

Литература

- Богрова 2012 — К. М. Богрова. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012.
- Борковский (ред.) 1978 — В. И. Борковский (ред.). Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Кн. 1: Простое предложение. М.: Наука, 1978.
- Борковский (ред.) 1979 — В. И. Борковский (ред.). Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Кн. 2: Сложное предложение. М.: Наука, 1979.
- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Жаринова 1993 — Т. Н. Жаринова. Формирование сравнительно-дифференцирующих союзов и их эволюция в русском языке XI–XVIII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Падеж // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи.. М.: Б. и., 2011. URL: <http://rusgram.ru/Падеж> (дата обращения 12.07.2020).

- Павлов 1970 — Б. Н. Павлов. Из истории общеславянских служебных слов (структурно-семантический анализ конструкций с *яко*). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1970.
- Палевская 1955 — М. Ф. Палевская. Сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения в древнерусском языке по памятникам XII–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1955.
- Прияткина 1975 — А. Ф. Прияткина. Союз «как» в значении «в качестве». Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1975.
- Прияткина 1990 — А. Ф. Прияткина. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.
- Стародумова 2005 — Е. А. Стародумова. Синтаксис современного русского языка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005.
- Стеценко 1972 — А. Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.
- Черемисина 1976 — М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976.
- Широкова 1965 — Н. А. Широкова. Синтаксические конструкции, выражающие сравнение, в памятниках старославянского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. 1965. Т. 125. Кн. 4. С. 297–309.
- Широкова 1966 — Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1966.

Источники

- Берестяные грамоты — Рукописные памятники Древней Руси. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения 24.03.2021).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new> (дата обращения 12.07.2020).
- Электронные публикации ИРЛИ — Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения 24.03.2021).

References

- Bogrova 2012 — K. M. Bogrova. *Ustoychivyye sravneniya v drevnerusskom tekste: semantika i struktura* [Idiomatic Comparisons in Old Russian: Semantics and

- Structure]. Author's abstract of candidate thesis. Ivanovo: Ivanovo State University, 2012.
- Borkovskiy (ed.) 1978 — V. I. Borkovskiy (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis* [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax] Vol. 1: *Prostoye predlozheniye* [Simple Sentence]. Moscow: Nauka, 1978.
- Borkovskiy (ed.) 1979 — V. I. Borkovskiy (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis* [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax] Vol. 2: *Slozhnoye predlozheniye* [Complex Sentence]. Moscow: Nauka, 1979.
- Borkovskiy, Kuznetsov 1963 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznetsov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1963.
- Cheremisina 1976 — M. I. Cheremisina. *Sravnitelnyye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative Constructions in Russian]. Novosibirsk: Nauka, 1976.
- Kustova 2011 — G. I. Kustova. Padezh [Case]. *Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the Project of the Corpus Description of Russian Grammar]. Manuscript Copyright. Moscow: S. n., 2011. Available at: <http://rusgram.ru/Padezh> (accessed on 12.07.2020).
- Palevskaya 1955 — M. F. Palevskaya. *Sravnitelnyye oboroty i sravnitelnyye pridatochnyye predlozheniya v drevnerusskom yazyke po pamyatnikam XII–XVII vv.* [Old Russian Comparative Structures and Comparative Clauses (On the Basis of 12–17th Century Written Sources)]. Author's abstract of candidate thesis. Moscow: Moscow State University, 1955.
- Pavlov 1970 — B. N. Pavlov. *Iz istorii obshchoslavlyanskikh sluzhebnykh slov (strukturno-semanticheskij analiz konstruksiy s yako)* [From the History of Common Slavic Function Words (Structural and Semantic Analysis of Constructions with *yako*)]. Author's abstract of candidate thesis. Leningrad: Leningrad State University, 1970.
- Priyatkina 1975 — A. F. Priyatkina. *Soyuz "kak" v znachenii "v kachestve"* [Conjunction "kak" with the Meaning of "in the capacity of"]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press, 1975.
- Priyatkina 1990 — A. F. Priyatkina. *Russkij yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Russian Language: Syntax of a Complex Sentence]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990.
- Shirokova 1965 — N. A. Shirokova. Sintaksicheskiye konstruksii, vyrazhayushchiye sravneniye, v pamyatnikakh staroslavlyanskogo yazyka [Syntactic constructions expressing comparison in Old Slavonic written sources]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1965. Vol. 125. Pt. 4. P. 297–309.
- Shirokova 1966 — N. A. Shirokova. *Iz istorii soyuznykh konstruksiy, vyrazhayushchikh otnosheniya sravneniya* [From the History of Coordinate Constructions Expressing Comparison]. Kazan: Kazan University Press, 1966.

- Starodumova 2005 — E. A. Starodumova. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of Modern Russian]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press, 2005.
- Stetsenko 1972 — A. N. Stetsenko. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1972.
- Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Dialect of Ancient Novgorod]. 2nd ed., rev. on the basis of new findings in the years 1995–2003. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Zharinova 1993 — T. N. Zharinova. *Formirovaniye sravnitelno-differentsiruyushchikh soyuzov i ikh evolyutsiya v russkom yazyke XI–XVIII vv.* [Formation of Comparative Conjunctions and Their Evolution in the Russian Language of 11–18th Centuries]. Author's abstract of candidate thesis. Tver: Tver State University, 1993.
- Zhivov 2017 — V. M. Zhivov. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti* [History of Written Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2017.

Случайность или закономерность? Частотность словоформы и другие возможные причины грамматических речевых сбоев в русской спонтанной речи

Ю. О. Завадская

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору возможных причин появления грамматических речевых сбоев в устном спонтанном монологе носителей русского языка. В ходе анализа материала выяснилось, что оговорки могут возникать по нескольким причинам: влияние эффекта прайминга или «фьючеринга»; влияние частотности той или иной грамматической формы в языке в целом. Источником материала исследования послужил корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека».

Ключевые слова: устная речь, спонтанная речь, устный монолог, оговорки, речевые сбои, грамматические оговорки, частотность.

Randomness or regularity? Frequency and other possible causes of grammatical speech failures in spontaneous speech

Yu. O. Zavadskaya

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

Abstract. Oral spontaneous speech is an object of multidimensional, not only purely linguistic, research. A full-fledged analysis of live speech is impossible without studying such essential elements as hesitation pauses, repetitions, breaks, etc.

The inherent features of spontaneous speech include bloopers / slips of the tongue — one of the varieties of speech failure. Speech failures occur at different language levels and can be divided into phonetic, lexical, and grammatical failures. This article reviews possible causes for grammatical speech failures in the oral spontaneous monologue of native Russian speakers. The analysis of the material revealed that speech failures can occur for several reasons: the priming effect (the influence of the previous context) or the “future effect” (the influence of the future, yet unpronounced but already mentally prepared context); or the total frequency of a particular grammatical form. The research is based on the Russian monological speech corpus, created at SPBU and known as the “Balanced annotated text library”. The user subcorpus included 111 context-based units.

Keywords: oral speech, spontaneous speech, oral monologue, reservations, speech failures, grammatical reservations, frequency.

1. Постановка проблемы

М. Л. Гаспаров писал, что, «несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней» [Гаспаров 1978: 63]. Сегодня исследованию устной речи уделяется гораздо больше внимания, чем даже в начале века, ср.: «Такое пристальное внимание к устной форме речи объясняется тем, что в 80-х гг. XX в. исследовательский интерес к письменной речи был частично удовлетворен благодаря ее активному изучению на предыдущих этапах развития лингвистики» [Фадеева 2009: 313]. Рост интереса к устной речи породил множество разнообразных, порой неожиданных, открытий, гипотез и теорий. Так, на базе разных учебно-научных центров образуются школы, изучающие спонтанную речь с различных, иногда противоположных, точек зрения. Однако нельзя отрицать, что цель, которой хочет достичь каждый исследователь, интересующийся этой проблемой, едина — понять закономерности функционирования устной спонтанной речи и описать их.

В связи с тем, что сейчас *коллоквиалистика* (наука, занимающаяся изучением устной спонтанной речи) находится, скорее, в стадии

становления, перед исследователями открывается безграничный спектр явлений, анализ которых интересен, сложен и важен. Однако прежде чем обращать исследовательское внимание на масштабные проблемы (например, лексический состав устной речи, ее синтаксический строй и т. п.), или параллельно с этим, следует рассмотреть явления, на первый взгляд, незначительные и второстепенные. Именно они обнаруживаются в любом тексте, воспроизведенном устно (не обязательно спонтанно), и являются наиболее характерными признаками звучащей речи, ср.: «Если в письменной речи существует такое понятие, как обратимость (мы можем вернуться к началу или любому фрагменту текста, внести коррективы, что-то исключить или, наоборот, добавить), то для устной речи характерна необратимость» [Касаева 2014: 61]. Ср. также: «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; “поправить” странным образом значит “прибавить”» [Барт 1989: 541]. Таким образом, изучение устной спонтанной речи представляется невозможным без внимания к деталям, оказывающимся важнейшими элементами естественной речи. К таковым относятся и паузы хезитации, и различные повторы, и самоперебивы, и оговорки.

Причина возникновения таких явлений в речи вполне очевидна: в ходе естественной коммуникации говорящий оказывается в ситуации временного дефицита¹. В его задачи входит и вербальная реализация высказывания, и планирование будущей фразы, и оценка того,

¹ Ср.: «в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” — при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» [Левицкий 2011: 162]; «процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления» [Жацнельсон 1972: 110]. В. фон Гумбольдт описывал речевой акт как стихийное противоборство, драматический конфликт между мыслью и ее речевым воплощением: «Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя

что уже произнесено. Такая «нагрузка» на говорящего влечет за собой появление в речи сигналов затруднения, с которыми он должен так или иначе справляться: **паузы хезитации** служат для обдумывания сказанного, поиска необходимого слова, построения верной конструкции; **повторы** служат вспомогательным средством построения текста; **самоперебивы** возникают в случае перестройки начатой конструкции или осознания совершенной ошибки². Подобные «спутники» спонтанно порожденного текста не только возникают не случайно, но и выполняют определенные, важные для создания устного текста, функции.

Объектом внимания в настоящем исследовании являются **оговорки** как неотъемлемые элементы спонтанной речи. Оговорки входят в список различных речевых сбоев, которые в процессе спонтанного речепорождения совершает практически каждый говорящий, независимо от его социальных и психологических характеристик или от коммуникативной ситуации. Под оговоркой традиционно понимается «комплекс фиксируемых в речи явлений, оценка которых говорящими располагается в континууме от “так сказать по-русски невозможно” до “лучше было бы сказать по-другому”, то есть такие фрагменты речи, которые не имеют отношения к исходному речевому заданию говорящего или являются бессмысленной последовательностью звуков» [Русакова 2012: 78; см. также: Подлеская, Кибрик 2008: 23]. Ключевыми оказываются последние слова данного определения: оговорками признаются те речевые сбои, которые нарушают исходное речевое задание говорящего. Интересно, что в пользовательской выборке обнаружались случаи как оправданного исправления оговорки (например, когда произнесенного спонтанно слова или его формы не существует в языке — получилось так называемое *квазислово*), так и не оправданного с точки зрения системы языка (исправление возникает в таких случаях только из-за

до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» [Гумбольдт 1985: 378].

² Перечисленные функции для каждого явления устной речи — не единственные. Каждый элемент обладает определенным набором функций.

неудовлетворенности сказанным со стороны говорящего: в этом проявляется его внимание или даже «перфекционизм» по отношению к собственной речи).

Оговорки обнаруживаются на всех гранях «куба» порождения устного текста: искажение фонетического облика слова, замена нужного, подходящего, слова другим — т. е. лексические оговорки — и ошибки при выборе грамматической формы. Эти три типа более или менее равномерно распределяются в общем массиве материала (40 % составляют грамматические оговорки, 35 % — лексические и 25 % — фонетические), что говорит об их относительной «равноправности». В настоящей статье речь пойдет об одном из трех выделенных типов оговорок, а именно о грамматических речевых сбоях.

2. Материал исследования

Результаты изучения спонтанной речи (как устной, так и письменной) будут достоверными только в случае обращения к большим массивам языковых данных, т. е. к языковым или речевым корпусам. По мнению А. Д. Шмелева, обращение к представительной выборке материала подразумевает **каждое** проводимое лингвистом исследование [Шмелев 2010: 236–237].

Объектом исследования в настоящей работе является устная спонтанная речь, и источником материала послужил корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ).

Корпус САТ фиксирует русскую монологическую речь носителей разных языков³. Носители русского языка разделены при этом на группы по роду их профессиональной деятельности: медики,

³ Помимо записей, полученных от носителей русского языка (коренные пetersбургцы), в САТ вошли блоки русской интерферирующей речи китайцев, голландцев, франкофонов и американцев. Только что начал записываться и блок речи итальянцев.

юристы, «компьютерщики», филологи (преподаватели русского языка как иностранного) и преподаватели-философы. Все тексты в САТ построены в рамках четырех коммуникативных сценариев: чтение, пересказ, описание изображения, рассказ на заданную тему. В составе САТ сегодня более 700 текстов и около 50 часов звучания (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017; 2019]).

Всего в выборку вошло 111 единиц в контекстах. На данный момент этот корпус не размечен с точки зрения совершённых оговорок и ошибок, в связи с чем я производила поиск оговорок вручную (методом сплошного чтения). Основным критерием отбора материала стало исправление использованной формы или лексемы говорящим. Многие оговорки, однако, остаются не исправленными говорящими, поэтому единственным критерием в таком случае становился контекст речевого сбоя. Так, замеченные, но не исправленные оговорки часто сопровождаются заполненными или незаполненными паузами хезитации, неречевыми звуками, метакоммуникативными вставками и т. п. В связи с тем, что создание анализируемого корпуса не входило в задачи настоящего исследования и поиск ошибок производился только путем сплошной выборки (прочитывания) текстов расшифровок, оговорки, которые при подготовке корпуса не были восприняты расшифровщиком как речевой сбой, к сожалению, не попали в анализируемую выборку.

3. Грамматические оговорки. Характеристика

Грамматические оговорки, в которых употребляется форма слова, не соответствующая контексту или нормам языка, довольно частотны в русской речи, ср.: «Из 500 различного рода “неправильностей”, встретившихся в устной спонтанной речи на русском языке, 120 — почти четверть — связаны с нестандартным оформлением словоформы в различных морфологических категориях. (...) Это удивительно: механизмы речевой деятельности, связанные с морфологическим оформлением словоформы, являются, с одной стороны,

неотъемлемой частью синтаксирования, а с другой — действуют в рамках слова» [Русакова 2012: 40]. Количественный анализ материала настоящего исследования подтверждает эту мысль: 111 грамматических оговорок составляют практически половину от общего их числа в пользовательском подкорпусе (234 речевых сбоя в САТ без разделения на типы).

Речевые сбои грамматического характера могут реализовываться несколькими способами. Можно выделить следующие типы этих сбоев.

Употребление ошибочной предложно-падежной формы:

- (1) *поэтому в моём представлении этот сюжет можно отнести к концу девятнадцатого века / и / к началу двадцатого / или даже к концу двадцатого века и началу двадцать первого (САТ)*⁴.

Ошибочное употребление формы числа:

- (2) *к сожалению не всё нам доступно // и та литература которую **мы я** очень люблю читать та литература которую я / э-э могу / достать прочитать конечно она не отражает / э-э всего что можно было бы увидеть (САТ)*.

Ошибка в использовании формы рода:

- (3) *на карти-ине Федосова / «Золотой сентябрь» / **изображено** [...] (э э) **изображен** тихий / сентябрьский день (САТ)*⁵.

⁴ Здесь говорящий не только не исправляет ошибку, но и не замечает ее, о чем свидетельствует отсутствие пауз, неречевых звуков и прочих маркеров его реакции на речевой сбой. Кроме того, произнесенной синтаксической формы попросту не существует в русском языке; очевидно, что эта **квазиформа** — результат контаминации двух нормативных словоформ: *в начале* и *к началу*.

⁵ Предположительно на возникновение такой ошибки повлияла устойчивость подобной формулировки в сознании говорящего, ср.: «Внимательно рассмотрите в учебнике репродукцию картины И. Шишкина “Зимой в лесу”. Опишите картину, опираясь на следующие вопросы. (...) Что изображено на картине?» [Канакина 2013: 58]. Форма причастия в среднем роде хорошо знакома информанту, что и провоцирует его произнести ее автоматически.

Употребление неправильной для данного контекста части речи:

- (4) *вообще конечно с возрастом () гораздо меньше мож... могу уже выпить чем... когда я по... помоложе была // @ а ты пьешь пиво? @ я ж пила сегодня пиво (CAT)*⁶.

Сочетание нескольких типов:

- (5) *если /э-э небо /э-э становится очень высоким уходит как бы вдаль если линия горизонта наоборот приближается становится очень близкий / близкой это говорит о том / что будет стойкая хорошая погода (CAT)*⁷.

Из предложенной классификации видно, что грамматические оговорки вполне поддаются систематизации; классификация содержит несколько уровней, каждый из которых имеет подуровни. Это свидетельствует о сложности исследуемого явления, требующего подробного изучения.

4. Причины появления грамматических оговорок

Говорить о причинах появления той или иной оговорки в речи можно с опорой на анализ взаимосвязей разных элементов текста, параллелей с другими явлениями в языке, что зачастую помогает понять работу самого механизма порождения речи.

⁶ Оговорки, как и любое другое явление спонтанной речи, могут быть описаны с разных точек зрения. Данный речевой сбой можно определить и в разряд грамматических оговорок, если предположить, что говорящий оборвал и потом скорректировал слово *можно*, и в разряд фонетических: замена правильного /g/ на ошибочное /ʒ/.

⁷ В данном контексте говорящий ошибается одновременно и в форме рода прилагательного, и в форме падежа. Вероятно, на появление оговорки в данном случае влияет контекст: словосочетание-подлежащее *линия горизонта* состоит из существительных женского и мужского рода, и оно расположено дистантно по отношению к сказуемому (*становится близкой*).

Так, на появление оговорки грамматического характера может повлиять предшествующий контекст: это так называемый *эффект прайминга* — влияние предыдущего контекста на порождение последующего, обычно проявляющееся у людей при неосознанном воспроизведении предыдущего визуального или аудиального опыта. Говорящий «по инерции» употребляет формы, соответствующие тому, что уже было произнесено, и не имеющие грамматического отношения к реализуемой части высказывания. Рассмотрим это явление подробнее на примерах:

- (6) *потому что во-первых чище воздух / отвлекает от мыслей о работе / от каких-то проблем / э э ∫ ну ∫ скандалов <вздых> **каки**... ну **какой-то** ругани там (САТ);*
- (7) *в принципе всё / то есть фотографировались / **плавались** и ∫ э-э ∫ отдыхали / загорали (...) или всё что хотели / пили вино / и то есть [...] мне всё понравилось (САТ);*
- (8) *спрыгнул с берёзы / и залез / в лаз / узкий лаз / **в которого** / из которого нам тоже было его не вытащить (САТ);*
- (9) *он тёрся головой об пол / вплоть до того что **боялся** что боялись что он протрёт / шерсть на спине / э-э после чего поигрался с хвостом и заснул (САТ).*

В примере (6) гипотетически можно рассмотреть две разные конструкции. Так, с одной стороны, говорящий собирался произнести словосочетание *скандалов каких-то*, однако оставил местоимение оборванным и изменил высказывание. В таком случае обрыв местоимения не будет считаться оговоркой. Если же считать, что вздох говорящего между существительным и местоимением-определением выполняет роль логической паузы, «запятой», обрыв будет относиться к следующему существительному (*ругани*). И с этой точки зрения оборванное определение можно считать оговоркой (мн. ч. вместо ед. ч.). На его появление, возможно, повлияло использование идентичной формы ранее (ср. *от каких-то проблем*).

Некоторые невербальные элементы речи (вздых, неречевые звуки и паузы перед словом *скандалов*), «окружающие» оговорку,

возникают, скорее всего, из-за специфики самого корпуса. Информанты, во-первых, выполняют семь речевых заданий подряд, что довольно затруднительно; во-вторых, находятся не в естественных, а в экспериментальных условиях и полностью осознают, что идет процесс записи их речи. Эти обстоятельства вынуждают говорящего усилить контроль над собой, отчего, соответственно, он быстрее утомляется и сбои возникают чаще.

В контексте (7) употребление возвратного глагола *фотографировались* приводит к созданию несуществующей в русском языке формы *плавались*. Можно предположить, что эта оговорка одновременно и грамматическая, и лексическая: в системе языка есть слово *купаться* — возвратный глагол, выражающий то же значение, что и употребленное говорящим в данном контексте. Возможно, это и привело к появлению *квазиформы*. Такое явление можно было бы назвать парадигматическим копированием. Оговорка оказывается замеченной говорящим (об этом говорят паузы и неречевые звуки э-э), но неисправленной. По-видимому, говорящий контролирует свою речь, но не считает необходимым возвращаться к месту сбоя и тратить временные и речевые усилия на его исправление.

Речевой сбой в примере (8) иллюстрирует реализацию существующей в системе, но не подходящей грамматически к данному контексту предложно-падежной формы *в которого*. Причиной появления оговорки могло стать употребление словоформы *в лаз* с тем же предлогом. На возникновение сбоя мог повлиять и повтор слова *лаз*, которое говорящий решает дополнить определением *узкий* (проявление речевого перфекционизма). При этом дополнении он не повторяет предлог, который, таким образом, «распространяется» на последующую часть высказывания и становится причиной ошибки. Эту оговорку можно признать двойной, т. к. говорящий изменяет форму слова (меняется реализация категории одушевленности / неодушевленности). Причины такой замены на данный момент неизвестны. В отличие от предыдущего примера (7), данная оговорка моментально исправляется говорящим.

Грамматический сбой в контексте (9), возможно, возникает под влиянием глагола ед. ч. *терся*; в следующей части высказывания

вместо верного *боялись* (форма мн. ч.) говорящий произносит форму, совпадающую по числу с первым глаголом (*боялся*).

Кроме эффекта прайминга, на тип / разновидность оговорок могут влиять и другие причины. Так, уже описанный с точки зрения эффекта прайминга пример (9) является частью текста, записанного от информанта, который выполняет речевое задание — пересказ сюжетного текста. Доказано, что во время подобной речевой деятельности говорящий чаще сталкивается с различными трудностями: в его задачи входит не только планирование высказывания, его реализация и оценка произнесенного, но и вынужденная ориентация на текст-стимул⁸. Если прайминг возникает под влиянием произнесенного самим говорящим, это явление, напротив, заключается в появлении оговорки, спровоцированной текстом, стоящим выше того, что порождает говорящий. Такие оговорки появляются или из-за чрезмерной ориентации на текст-стимул и попытки предельно точно воспроизвести его, или из-за случайного переключения на исходный текст. В таком случае порождаемый текст остается будто без наблюдения, вследствие чего может появиться речевой сбой. Таким образом, пример (9) может быть рассмотрен и как демонстрация эффекта прайминга, и — шире — как сбой, вызванный попыткой вспомнить текст-стимул.

Приведенные выше контексты демонстрируют, что в процессе спонтанного речепорождения говорящий часто становится «жертвой» того, что он произнес какое-то время назад. Однако обнаруживаются оговорки, совершенные и под влиянием текста-стимула (первичного текста). Такое явление может быть названо *эффектом «широкого» прайминга*. Так, при пересказе сюжетного текста (М. А. Булгаков. «Собачье сердце», отрывок) несколько информантов совершили схожие оговорки в одном и том же месте, ср.:

- (10) *и следующий } в кабинет на шум вошёл / ещё оди... } одна лич-*
ность / как там пишется // которая не стала его хватать
за ноги (САТ);

⁸ Об особенностях речепорождения при пересказе см.: [Куканова 2009; Звуковой корпус 2013].

- (11) *но тут в комнату зашла* [*зашёл* [...]] [*зашла* личность <у-мешка> ещё один человек / ну вот / он подошёл не к псу / а к шкафу (САТ);
- (12) *короче пса поймали* // (э э) *вышел* ещё один [...]] [*вышла* ещё одна личность / в белом халате (САТ);
- (13) *внезапно появился* по... [...]] [*появилась* первая / мужская личность которая / кричала Зине / держи его! (САТ);
- (14) *в это время в комнату ворвался* [(э э) *какое-то* лицо мужского пола / и бросилось] причём не ко псу / а шкафу (САТ).

Все представленные грамматические речевые сбои вызваны формулировкой, использованной М. А. Булгаковым в произведении: «Еще шире распахнулась дверь и ворвалась еще одна личность мужского пола в халате» — грамматически подлежащее выражено существительным женского рода (*личность*), но речь идет о мужчине (*личность мужского пола*), что и приводит к возникновению ошибок в пересказе как вторичном тексте. Информанты, цель которых — пересказать сюжет, пытаются максимально точно воспроизвести исходный текст. В результате появляются грамматические сбои (*появился* — *появилась*, *вышел* — *вышла*, *зашёл* — *зашла*). Такой вид прайминга можно противопоставить ранее описанному, потому что из примеров видно, что говорящие оговариваются из-за того, что изменяют правильную форму на ту, что была использована в тексте-стимуле. В итоге получается, что форма, полностью соответствующая нормам русского языка и точно передающая смысл описываемого действия, не удовлетворяет сразу несколько говорящих. Именно в этой точке порождаемого текста они вспоминают о формулировке, использованной М. А. Булгаковым, и перестраивают высказывание, что и становится причиной возникновения сбоев.

Интересно, что лексически текст-стимул воспроизводится дословно только единожды (пример (14)), при этом с грамматическим «копированием» во всех случаях возникают затруднения. Это свидетельствует о двух фактах. Во-первых, о том, что конструкция, использованная автором текста, заинтересовывает читателя и заставляет

остановить внимание на этом фрагменте. Из этого рождается гипотеза, что, по крайней мере, при чтении человек уделяет особое внимание именно грамматической организации текста. Во-вторых, о том, что обнаруженные речевые сбои можно считать эффектом «широкого» прайминга, при котором для говорящего важную роль играет не только его собственное высказывание, но и текст, на который он опирается при речепорождении.

В ряд возможных причин появления грамматической оговорки можно включить и явление, обратное эффекту прайминга, — *эффект фьючеринга*. Суть такого явления заключается во влиянии еще не произнесенного, но уже задуманного говорящим высказывания, ср.:

- (15) *послышалось / **страшное** / страшный треск / чавканье / значит действительно / рыба была найдена / и кот в ближайшее время / мог бы её съесть // поэтому надо было не теряя времени / срочно его оттуда вытаскивать* (САТ);
- (16) *городскому жителю / приметы обычно не нужны // **по** времени / о времени он судит по часам / о своём местонахождении по табличкам / на домах / а сельскому жителю приметы дают очень много важной информации* (САТ);
- (17) *показана часть (э э) **какого-то** [...] **какой-то** деревушки // то есть дома / ещё [...] то есть не особо холодно / то есть это где-то [сентябрь октябрь скорее всего* (САТ).

При анализе приведенных примеров на некоторой дистанции от грамматической оговорки обнаруживаются слово или конструкция, «подходящие» к ошибочной форме. Так, в контексте (15) определение *страшное* относится к слову *чавканье*, которое уже задумал говорящий, что и породило рассогласование в словосочетании *страшный треск*. В примере (16) причиной сбоя оказывается ошибочное произнесение предлога *по*, относящегося к существительному *часы*; грамматическая оговорка в контексте (17) возникает по причине использования местоимения, относящегося к существительному, которое еще не произнесено (*какого-то дома*). Интересно, что оговорки,

совершенные под влиянием эффекта «фьючеринга», в большинстве случаев исправляются говорящим.

Количественный анализ материала показал, что из 111 грамматических оговорок в 20 % случаев (22 ед.) прослеживается влияние эффекта или прайминга, или «фьючеринга». При этом 68 % из этих случаев (15 контекстов) приходится на оговорки, совершенные под воздействием эффекта прайминга, и 32 % (7 контекстов), соответственно, — под воздействием эффекта «фьючеринга».

Другой причиной появления оговорки можно считать частотность той или иной грамматической формы в языке в целом. Проверить эту гипотезу можно с помощью проекта «Частотный словарь словоформ русского языка» [Венцов, Грудева 2008]. «Предлагаемый вниманию читателя проект словаря представляет собой первую в истории составления частотных словарей русского языка попытку организовать по частоте встречаемости не лексемы, а акцентно размеченные словоформы» [Там же: 3] — так составители словаря описывают цель своего проекта. Базой для создания словаря послужил Национальный корпус русского языка.

Обращение к данному словарю показало, что в материале есть случаи, когда более частотная форма слова произносится вместо той, которая уместна в конкретном грамматическом контексте, ср.:

- (18) *э-э это / простая примета // к этой же / к этим же простым приметам относятся и наблюдения за росой так роса в обильном количестве расположенная на траве вечером будет говорить о том что на следующий день будет хорошая / э-э погода (CAT);*
- (19) *но тем не менее вот такое вот отрицательное отношение собаки оно / м-м в общем-то ино... / иногда / им... / имеет какие-то вот какое-то рациональное зерно (CAT).*

В обоих представленных примерах словоформы, произнесенные ошибочно, по данным указанного словаря, более частотны в русском языке, чем те, что должны были быть употреблены в данных контекстах. Так, частотность формы *этой* в примере (18) составляет 752

іртм, тогда как частотность правильной в данном случае формы *этим* в два раза меньше — 371 іртм. Таков же механизм появления оговорки и в контексте (19): частотность формы *какие-то* составляет 134 іртм, формы *какое-то* — всего 79 іртм. Таким образом, более частотные формы могут стать причиной сбоя, быстрее возникая в сознании говорящего и попадая в порождаемый текст. Однако стоит еще раз оговорить, что такая взаимосвязь — всего лишь гипотеза; вероятно, частотность влияет на появление оговорок в меньшей степени, чем явления, описанные ранее.

Однако в материале пользовательского подкорпуса были обнаружены и обратные примеры, когда менее частотная форма возникает в высказывании вместо правильной, нужной, которая, по данным словаря, более частотна, ср.:

- (20) *потому что они **начинаются** / **начинают** работу в семь часов утра / заканчивается она в девять часов вечера / э-э после этого / очень кратковременный отдых* (САТ);
- (21) *всё ну вечером вечером да у нас у меня приятная была / э-э не компания даже ну просто мои приятельницы* (САТ).

Оговорка в примере (20) заключается в использовании неправильной формы глагола. По данным словаря, частотность формы *начинают* равна 67 іртм, что не очень много, но формы *начинаются* в нем вообще нет, что говорит о том, что ее частотность в языке еще ниже. Это подтверждается при самостоятельном обращении к данным НКРЯ: частотность этой словоформы составляет менее 10 іртм. Однако, если посмотреть на дальнейший контекст, можно предположить, что эта оговорка совершена под влиянием эффекта «фьючеринга», описанного выше. Глагол *заканчивается* является возвратным, что и могло повлиять на неуместное употребление формы *начинаются*.

Речевой сбой в следующем примере (21) реализуется по той же схеме. Менее частотное *нас* (1479 іртм) возникает на месте верного и вдвое более частотного *меня* (2416 іртм). Возможно, на появление этой ошибки мог повлиять и другой фактор: если обратить внимание

на повтор слова *вечером* в начале контекста, становится очевидным, что говорящий восстанавливает в памяти последовательность описываемых событий. Он сомневается в точности сказанного, останавливается и еще раз вербально подтверждает сказанное (использует метакоммуникатив *да*⁹). Такая «помеха» в виде сомнения в сказанном могла стать причиной совершенного позже сбоя.

Количественный анализ материала показал, что 46 % грамматических оговорок (от всего количества, 51 единица) возникают под влиянием частотности той или иной формы в языке. Из всего массива пользовательского подкорпуса большая часть (69 %) речевых сбоев появляется вследствие замены верной формы — неверной, но более частотной, и 31 % — вопреки частотности форм. Безусловно, на появление речевых сбоев обоих типов могут влиять и другие факторы (многие оговорки, например, сочетают в себе и грамматическую, и лексическую ошибку), лишь косвенно описанные в настоящей статье.

5. Выводы

1. Оговорки как явление устной спонтанной речи представлены единицами всех уровней языка (фонетические, лексические, грамматические). Количественно в материале эти три типа оговорок имеют сопоставимую частотность.

2. Грамматические оговорки все же оказываются наиболее частотными в речи носителей русского языка, что еще раз подтверждает наличие явных трудностей при грамматическом оформлении устного высказывания у носителей русского языка.

3. Появление грамматических оговорок может быть объяснено рядом причин:

- влияние узкого контекста, как предшествующего (прайминг), так и последующего («фьючеринг»),

⁹ См. о нем подробнее [Звуковой корпус 2015].

- влияние широкого контекста (всё, что находится вне порождаемого текста, но существует в системе; в этот ряд входят и прочитанные тексты, и цитаты из разных источников, и слова собеседника),
- частотность слова или формы в языке в целом (впрочем, встречаются и случаи, при которых менее частотная форма — неправильная — исправляется на более частотную; вероятно, такие случаи спровоцированы какими-то другими факторами).

Список условных сокращений

САТ — «Сбалансированная аннотированная текстотека».

Литература

- Барт 1989 — Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Богданова-Бегларян и др. 2017 — Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, К. Д. Зайдес. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин (ред.). Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2017): Труды Седьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Венцов, Грудева 2008 — А. В. Венцов, Е. В. Грудева. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). Череповец: Изд-во Череповецкого гос. ун-та, 2008.
- Гаспаров 1978 — Б. М. Гаспаров. Устная речь как семиотический объект // М. А. Шелякян (ред.). Семантика коммуникации и семиотика устной речи. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. С. 63–112.
- Гумбольдт 1985 — В. фон Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1960. С. 68–86.
- Звуковой корпус 2013 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

- Звуковой корпус 2015 — Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015.
- Канакина 2013 — В. П. Канакина. Русский язык. 3 класс. М.: Просвещение, 2013.
- Касаева 2014 — З. В. Касаева. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 60–68. DOI: 10.3917/vasa.068.0060.
- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Левицкий 2011 — Ю. А. Левицкий. К вопросу о второй коммуникации // Е. В. Ерофеева (ред.). Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Пермь: Пермский гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. С. 159–167.
- Подлеская, Кибрик 2007 — В. И. Подлеская, А. А. Кибрик. Самоисправление говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2. 2007. № 23. С. 1–39.
- Русакова 2012 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Фадеева 2009 — Л. В. Фадеева. Исследования устной речи в германистике // Преподаватель XXI век. 2009. № 2. Ч. 2. С. 313–321.
- Шмелев 2010 — А. Д. Шмелев. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. 2010. № 19 (1). С. 236–265.

References

- Barthes 1989 — R. Barthes. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1989.
- Bogdanova-Beglaryan et al. 2017 — N. V. Bogdanova-Beglaryan, T. Yu. Sherstinova, K. D. Zajdes. Korpus “Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka”: metodika mnogourovnevnogo analiza russkoy monologicheskoy rechi [The Balanced Annotated Text Library: A Method for Multilevel Analysis of Russian Monologue Speech]. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds.). *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy Sedmogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR3-2017): Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg: Politekhniko-print, 2017. P. 8–13.

- Fadeeva 2009 — L. V. Fadeeva. Issledovaniya ustnoy rechi v germanistike [Oral Speech Studies in German Studies]. *Prepodavatel XXI vek*. 2009. No. 2. Vol. 2. P. 313–321.
- Gasparov 1978 — B. M. Gasparov. Ustnaya rech kak semioticheskiy obyekt [Oral speech as a semiotic object]. M. A. Shelyakyan (ed.). *Semantika kommunikatsii i semiotika ustnoy rechi* [Semantics of Communication and Semiotics of Oral Speech]. Tartu: Tartu State University, 1978. P. 63–112.
- Humboldt 1885 — W. von Humboldt. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniy na dukhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. V. A. Zvegintsev. *Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Pt. I. 2nd ed., enl. Moscow: Prosveshcheniye, 1960. P. 68–86.
- Katsnelson 1972 — S. D. Katsnelson. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Kanakina 2013 — V. P. Kanakina. *Russkiy yazyk. 3 klass* [Russian Language. 3rd Form]. Moscow: Prosveshcheniye, 2013.
- Kasaeva 2014 — Z. V. Kasaeva. Ob osnovnykh chertakh ustnoy spontannoy rechi (obshchiye zamechaniya) [About the Main Features of Oral Spontaneous Speech (General Remarks)]. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2014. No. 2. P. 60–68. DOI: 10.3917/vaca.068.0060.
- Levitskiy 2011 — Yu. A. Levitskiy. K voprosu o vtoroy kommunikatsii [To the Question of the Second Communication]. E. V. Yerofeyeva (ed.). *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics]. Iss. 15: *Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy. K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern* [Perm Sociopsycholinguistic School: Ideas of Three Generations. To the 70th Anniversary of Alla Solomonovna Stern]. Perm: Perm State National Research University, 2011. P. 159–167.
- Podlesskaya, Kibrik 2007 — V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Samoispavleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak obyekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi [Speaker Self-correction and Other Types of Speech Failures as an Annotation Object in Oral Speech Corpora]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Series 2*. 2007. No. 23. P. 1–39.
- Rusakova 2012 — M. V. Rusakova. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the Anthropocentric Grammar of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012.
- Shmelev 2010 — A. D. Shmelev. Yazykovyye fakty i korpusnyye dannyye [Language Facts and Corpus Data]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 19 (1). P. 236–265.

- Ventsov, Grudeva 2008 — A. V. Ventsov, E. V. Grudeva. *Chastotnyy slovar slovoform russkogo yazyka (proyekt)* [Frequency Dictionary of Word Forms of the Russian Language (Project)]. Cherepovets: Cherepovets State University Press, 2008.
- Zvukovoy korpus 2013 — N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [Audiocorpus as a Material for Analyzing Russian Speech]. Pt. 1: *Cheniye. Pereskaz. Opisaniye* [Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2013.
- Zvukovoy korpus 2015 — N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [Audiocorpus as a Material for Analyzing Russian Speech]. Pt. 2: *Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza* [Theoretical and Practical Aspects of the Analysis]. Pt. 1: *O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii* [About Some Features of Oral Spontaneous Speech of Different Types. Audiocorpus as a Material for Teaching Russian to a Foreign Audience]. St. Petersburg: Faculty of Art, St. Petersburg State University, 2015.

Фазовая полярность в абазинском языке

Е. С. Клягина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
eklyagina@gmail.com

А. Б. Панова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); anastasia.b.panova@gmail.com

Аннотация. Категория фазовой полярности включает в себя четыре значения: уже, еще, уже не и еще не. Настоящая статья посвящена морфологически связанным показателям фазовой полярности в абазинском (< абхазо-адыгские) языке. Мы показываем, что абазинские суффиксы *-χ'a* уже, *-rk'a* еще, *-χ* (+ отрицание) уже не и *-s* (+ отрицание) еще не, во-первых, сложно отличить от видо-временных аффиксов, а во-вторых, несмотря на свою морфологическую связанность, они скорее выражают лексическое, а не грамматическое значение. Система фазовой полярности в абазинском языке сопоставляется с системами фазовой полярности в родственных языках — абхазском, адыгейском и кабардино-черкесском.

Ключевые слова: фазовая полярность, ямитив, фазовость, аспект, абазинский язык, абхазо-адыгские языки, полисинтетизм.

Phasal Polarity in Abaza

E. S. Klyagina

HSE University (Moscow, Russia); Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia); eklyagina@gmail.com

A. B. Panova

HSE University (Moscow, Russia); anastasia.b.panova@gmail.com

Abstract. Phasal polarity (PhP) is a cross-linguistic category including such values as ALREADY, STILL, NO LONGER, and NOT YET. This paper discusses the morphologically bound markers of phasal polarity in Abaza, a polysynthetic Northwest Caucasian language. We demonstrate that the Abaza affixes $-\chi'a$ ALREADY, $-rk^wa$ STILL, $-\chi$ (+ negation) NO LONGER, and $-s$ (+ negation) NOT YET represent four different PhP expressions. Their corresponding positive or negative counterparts are disallowed, marginal, or semantically unrelated to phasal polarity; for example, $-\chi$ (without negation) is a repetitive marker. Abaza PhP suffixes differ in their compatibility with TAM categories, with some of them seemingly incorporated into the TAM system. We also present some preliminary data on the obligatory nature of Abaza PhP markers and their frequency in texts. On the one hand, our findings show that at least $-\chi'a$ ALREADY and $-s$ (+ negation) NOT YET are obligatory in natural development contexts (where lexical PhP expressions are usually not used). On the other hand, the textual frequency of PhP expressions in Abaza does not differ much from that of corresponding PhP adverbs in English or Russian. In conclusion, the paper compares the PhP system of Abaza with those in three other Northwest Caucasian languages: Abkhaz, Adyghe, and Kabardian. In Abkhaz, given that the meanings of $-\chi'a$ and $-s$ (+ negation) are very close to the perfect and the negative perfect, respectively, lexical expressions with the particles $s'ta$ ALREADY or $mak'ana$ STILL are sometimes employed instead. As for STILL and NO LONGER, these values can be expressed by lexical items exclusively. In Adyghe and Kabardian, the suffix $-xe$ ($-\zeta'e$ in some Kabardian dialects) ALREADY is attested, although it is extremely rare in texts. The most frequent PhP item in Adyghe and Kabardian is the suffix $-\zeta'a$ (+ negation) NO LONGER, which, similarly to the Abaza $-\chi$, functions as a repetitive marker in positive contexts.

Keywords: phasal polarity, iamitive, phasal meanings, aspect, Abaza, Northwest Caucasian languages, polysynthesis.

1. Введение

Категория фазовой полярности включает в себя четыре значения: УЖЕ, ЕЩЕ, УЖЕ НЕ и ЕЩЕ НЕ¹. В русском языке они выражаются наречиями *уже* и *еще* и их сочетаниями с отрицаниями, ср. (1а–г).

¹ Здесь и далее значения фазовой полярности выделены малыми прописными, чтобы избежать прямых ассоциаций с русскими наречиями *уже*, *уже не*, *еще*

- (1) а. *Я поворачиваю голову к бабушке, но она уже спит.* [Р. Нахапетов. Влюбленный (1998)]
- б. *Еще издали она заметила, что оставленная на заднем сиденье Татьяна уже не спит.* [М. Милованов. Рынок тщеславия (2000)]
- в. *Она пошла в спальню, убедилась, что Лужин еще спит, — а спал он по утрам удивительно крепко, — и вернулась к телефону.* [В. В. Набоков. Защита Лужина (1929–1930)]
- г. *Я лег в свою постель рядом с постелью Михаила, и, видя, что он еще не спит, я спросил его о значении брошенной им фразы.* [О. Д. Форш. Одеты камнем (1924–1925)]²

Как показал С. Лёбнер на материале немецкого языка, показатели фазовой полярности представляют собой четыре элемента, семантически связанных друг с другом отрицанием [Löbner 1989: 172]. Его анализ, ставший известным как Duality Hypothesis, дальше разрабатывался в работе [Kriřka 2000]. К типологическим исследованиям фазовой полярности относятся статья [van der Auwera 1998] о фазовых наречиях в языках Европы и диссертация [van Baar 1997], где анализируются показатели фазовой полярности в 40 языках разных ареалов и языковых семей. Среди недавних работ стоит отметить исследования фазовой полярности в языках Африки [Шлуинский 2016; Löfgren 2018; Kramer 2017, 2021] и австронезийских языках [Veselinova 2019; Krajinović 2020].

Согласно Т. ван Баару, в большинстве языков значения фазовой полярности выражаются лексически [van Baar 1997: 326]: и действительно, лишь в небольшом числе языков из его выборки показатели фазовой полярности являются морфологически связанными (например, в западногренландском). В настоящей работе мы анализируем пример полностью морфологического и, таким образом, более редкого типа системы

и *еще не*. Так, русское наречие *еще* обладает также аддитивным значением, которое в настоящей работе не рассматривается.

² Примеры цитируются по НКРЯ.

фазовой полярности. Статья представляет собой типологически-ориентированное описание глагольных суффиксов $-x'a$ УЖЕ, $-rk'a$ ЕЩЕ, $-x$ (+ отрицание) УЖЕ НЕ и $-s$ (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ в полисинтетическом абазинском языке, одном из языков абхазо-адыгской языковой семьи.

Работа основана на полевых данных, собранных в ауле Инжич-Чукун (Абазинский р-н, Карачаево-Черкесская Республика) в 2017–2019 гг. Большинство примеров, представленных в статье, являются элицитированными; кроме данных элицитации, привлекались тексты из небольшого устного корпуса абазинского языка и из опубликованных источников.

В следующих разделах даются общие сведения об абазинском языке (*Раздел 2*) и о каждом из суффиксов, выражающих значения фазовой полярности (*Раздел 3*). В *Разделе 4* обсуждается взаимодействие показателей фазовой полярности с грамматическими категориями времени, аспекта и фазовости. *Раздел 5* посвящен вопросу о том, можно ли считать фазовую полярность в абазинском языке самостоятельной грамматической категорией. *Раздел 6* содержит краткое описание показателей фазовой полярности в других языках абхазо-адыгской языковой семьи. В *Разделе 7* суммируется содержание работы и делаются основные выводы.

2. Основные сведения об абазинском языке

Абазинский язык относится к абхазо-абазинской ветви абхазо-адыгской (или западнокавказской) семьи. На нем говорят около 50 тысяч человек в Абазинском р-не Карачаево-Черкесской Республики в России и в некоторых областях Турции. Это полисинтетический язык, характеризующийся последовательным вершинным маркированием, эргативным ролевым кодированием и преимущественно агглютинативной морфологией. Основные аспекты фонологии, морфологии и в меньшей степени синтаксиса абазинского языка описаны в работах [Генко 1955; Табулова 1976; O'Herin 2002; Ломтатидзе 2006; Arkadiev (to appear)].

Абазинский глагол имеет довольно строгую позиционную структуру. Схема расположения классов морфем представлена в *Таблице 1* (здесь и далее Π и Σ обозначают зону превербов и зону основы соответственно).

Таблица 1. Структура глагольного комплекса в абазинском языке
[Arkadiev (to appear): 20]

Table 1. Structure of the Abaza verbal complex
[Arkadiev (to appear): 20]

		превербы (Π)							основа (Σ)					окончания					
-12	-11	-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
абсолютив	субординаторы, отрицание	репетитив	потенциалис, инволонгатив	апликативы	директивные превербы	локативные превербы	непрямой объект	эргатив	отрицание	каузатив	социатив	корень	директивные суффиксы	событийные операторы	множественное число	аспект, время	отрицание	прошедшее время, модальность	субординаторы, иллокуция, эмфаза

В префиксальной части глагольной словоформы кодируется информация обо всех глагольных актантах, ср. показатель *d-* 3SG.N.ABS в примере (2). Суффиксальная часть содержит событийные операторы, т. е. показатели, взаимодействующие со структурой события предиката, ср. показатели хабитуалиса и рефактива в (2).

- (2) *d-ʕa-j-χ-l-əw-n*
3SG.N.ABS-CSL-идти-RE-НАВ-IPF-PST

‘Он(а) часто возвращал(ся/ась) домой’.

За событийными операторами в глаголе следуют временные и аспектуальные показатели, набор которых различается

у статических и динамических глаголов [Чкадуа 1970: 29, 37, 49, 54, 77; Lomtadze et al. 1989: 107–112]. Времена в абазинском языке делятся на простые и ретроспективизированные. Последние образуются от первых с помощью показателя так называемого ретроспективного сдвига (о ретроспективном сдвиге см. [Плунгян 2001: 108]): суффикса *-n* в утвердительных формах и *-z* в отрицательных (этот показатель мы глоссируем как прошедшее время, PST). Схематические парадигмы финитных форм статических и динамических глаголов представлены в *Таблице 2*³.

Таблица 2. Финитные формы статических и динамических глаголов

Table 2. Finite forms of stative and dynamic verbs

	простые		ретроспективизированные		
	утверд.	отрицат.		утверд.	отрицат.
стат. презенс	<i>-p̣</i>	<i>g'-П-Σ-m</i>	стат. претерит	<i>-n</i>	<i>g'-П-Σ-mə-z-ɬ</i>
презенс	<i>-əj-ɬ</i>	<i>g'-П-Σ-wa-m</i>	имперфект	<i>-wa-n</i>	<i>g'-П-Σ-wa-mə-z-ɬ</i>
аорист	<i>-ɬ</i>	<i>g'-П-m-Σ-ɬ</i>	ретро-аорист	<i>-n</i>	<i>g'-П-m-Σ-z-ɬ</i>
буд. I	<i>-wa-š-ɬ</i>	<i>g'-П-m-Σ-s-ɬ</i>	конъюн. I	<i>-wa-šə-n</i>	<i>g'-П-m-Σ-wa-šə-z-ɬ</i>
буд. II	<i>-p̣</i>	<i>g'-П-Σ-wa-šə-m</i>	конъюн. II	<i>-rə-n</i>	<i>g'-П-m-Σ-rə-z-ɬ</i>

Ниже представлены примеры глагольных форм в настоящем времени: презенс статического глагола в (3) и презенс динамического глагола в (4). Абазинские имена в предикативной позиции ведут себя так же, как статические глаголы (5).

- (3) *a-č'kʷən d-š'ta-p̣*
 DEF-мальчик 3SG.N.ABS-лежать-NPST
 'Мальчик лежит'.

³ Парадигмы нефинитных форм см. [Клягина 2018; Klyagina, Arkadiev 2019; Arkadiev (to appear)].

- (4) *a-ph^wəspa d-ʕa-χ^w-əj-t*
DEF-девочка 3SG.N.ABS-CSL-танцевать-PRS-DCL

‘Девочка танцует’.

- (5) (*awəj*) *d-laga-ḵ*
DIST 3SG.N.ABS-дурак-NPST

‘Он дурак’.

Для динамических глаголов в прошедшем времени существенно противопоставление перфектива и имперфектива: аорист и ретро-аорист используются в перфективных контекстах (6), имперфект — в имперфективных (7), см. подробнее [Клягина 2018: 36–40].

- (6) *sara a-qəš ʕa-s-tə-d*
1SG DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть(AOR)-DCL

‘Я открыл(а) окно’.

- (7) *alina d-an-ʕa-j*
Алина 3SG.N.ABS-REL.TMP-CSL-идти

marina d-a-pχ'-əw-n
Марина 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-читать-IPF-PST

‘Когда Алина пришла, Марина читала’.

В общем случае при образовании отрицательной финитной формы финитные аффиксы заменяются на соответствующие нефинитные, а также добавляются префикс *g'(ə)*- и аффикс *-m* (8), который в зависимости от конкретной видо-временной формы может быть как префиксом, так и суффиксом [Ломтатидзе 2006: 160–163].

- (8) а. *sara apχ'arta s-a-pχ'-əj-t*
1SG DEF+школа 1SG.ABS-3SG.N.IO-учиться-PRS-DCL

‘Я учусь в школе’.

б. *sara apχ'arta s-g'-a-pχ'-əw-m*
1SG DEF+школа 1SG.ABS-NEG-3SG.N.IO-учиться-IPF-NEG

‘Я не учусь в школе’.

Последнюю позицию в структуре абазинской глагольной словоформы занимают показатели синтаксического статуса: наклонения,

вопросительности, конвербов и др., например, показатель декларатива *-t/ -d* в примерах (6) и (8а).

3. Показатели фазовой полярности в абазинском языке

Значения фазовой полярности в абазинском языке выражаются суффиксами *-χ'а* УЖЕ, *-rk'wa* ЕЩЕ, *-χ* (+ отрицание) УЖЕ НЕ и *-s* (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ, ср. *Таблицу 3* и пример (9).

Таблица 3. Показатели фазовой полярности в абазинском языке

Table 3. Phasal polarity markers in Abaza

УЖЕ	УЖЕ НЕ	ЕЩЕ	ЕЩЕ НЕ
<i>-χ'(a)</i>	<i>-χ(ə)</i> + отрицание	<i>-rk'(a)</i>	<i>-s(ə)</i> + отрицание

- (9) а. *a-k'wa* *ʒa-k'wa-χ'-əw-n*
 DEF-дождь CSL-дождить-**IAM**-IPF-PST
 [Когда я возвращал(ся/ась)] ‘дождь уже шел’.
- б. *a-k'wa* *ʒa-k'wa-rk'w-əw-n*
 DEF-дождь CSL-дождить-**STILL**-IPF-PST
 [Когда я возвращал(ся/ась)] ‘дождь еще шел’.
- в. *a-k'wa* *g'-ʒa-m-k'wa-χ-wa-z-d*
 DEF-дождь **NEG**-CSL-**NEG**-дождить-**RE**-IPF-PST.NFIN-DCL
 [Когда я возвращал(ся/ась)] ‘уже не было дождя’.
- г. *a-k'wa* *g'-ʒa-m-k'wa-sə-z-d*
 DEF-дождь **NEG**-CSL-**NEG**-дождить-**NONDUM**-PST.NFIN-DCL
 [Когда я возвращал(ся/ась)] ‘дождь еще не шел’.

Следует отметить, что каждое из значений фазовой полярности в абазинском языке имеет специальное выражение. Типологически таким системам противопоставлены системы показателей, в которых существует всего два элемента (УЖЕ и ЕЩЕ), а значения УЖЕ

НЕ и ЕЩЕ НЕ образуются с помощью отрицания [van Vaar 1997: 19–26], ср. *todavía* ‘еще’ — *no todavía* ‘еще не’ в испанском, *oc* ‘еще’ — *ay-oc* ‘уже не’ в классическом нуатле.

В этом разделе представлены основные сведения о морфологии и семантике абазинских суффиксов *-χ'a*, *-rk^wa*, *-χ* и *-s* в утвердительных и отрицательных контекстах.

3.1. УЖЕ *-χ'a*

В большинстве работ, посвященных абазинскому языку [Чкадуа 1970: 140–146; Табулова 1976: 151; Ломтатидзе 2006: 159–160], суффикс *-χ'a* описывается как показатель «давнопрошедшего времени». Исключением является грамматика [Генко 1955: 139], где суффикс *-χ'a* рассматривается вместе с событийными операторами *-χ* (рефактив) и *-la* (хабитуалис) и считается показателем совершенного вида.

Согласно нашим данным, суффикс *-χ'a* часто используется в контекстах, типичных для перфекта. Примеры (10а–б) иллюстрируют употребление *-χ'a* в контекстах перфекта результата и экспериенциального перфекта соответственно. Однако в сочетании со статическими глаголами (10в) показатель *-χ'a* имеет скорее не перфектное значение, а значение, близкое к УЖЕ: он маркирует ситуацию, результирующее состояние которой сохраняется в момент речи [Dahl, Wälchli 2016: 327], ср. англ. *The room has been clean* (‘Комната была чистой’) и *The room is already clean* (‘Комната уже чистая’). Такое поведение делает суффикс *-χ'a* похожим на показатель ямитива — граммема, занимающей пограничную зону между перфектом и УЖЕ [Olsson 2013]. Более подробное обсуждение семантики *-χ'a* см. в [Клягина 2018: 40–47].

- (10) а. *jə-w-fəw-š-g'əj* *qa-g'əj*
 3SG.N.ABS-2SG.M.ERG-есть-IPF-FUT-ADD начало-ADD
zəm^hwa *s-rə-hazər-χ'a-t*
 все 1SG.ERG-CAUS-готовый(AOR)-IAM-DCL

‘Я приготовил(а) все, чтобы поесть и прочее,’ [почему ты своих друзей не привел?]

б. *ananas qarazən j-b-fa-χ'a-ma?*
ананас когда-нибудь 3SG.N.ABS-2SG.F.ERG-есть(AOR)-IAM-Q

‘Ты когда-нибудь ела ананасы?’

в. *a-pajš' ck'a-χ'a-p*
DEF-комната чистый-IAM-NPST

‘Комната уже чистая’.

Сочетание показателей отрицания с показателем *-χ'a* обычно запрещено (11). Единственным исключением являются отрицательные формы результата динамических глаголов⁴, в которых *-χ'a* дает значение ЕЩЕ НЕ (12).

(11) а. *sara waχ'ça apχ'arta s-aʔa-χ'a-n*
1SG сегодня DEF+школа 1SG.ABS-быть-IAM-PST

‘Я сегодня уже был(а) в школе’.

б. **sara waχ'ça apχ'arta*
1SG сегодня DEF+школа
s-g'-aʔa-χ'a-mə-z-ʔ
1SG.ABS-NEG-быть-IAM-NEG-PST.NFIN-DCL

(12) зә *a-stakan j-g'-ta-ča-χ'a-m*
вода DEF-стакан 3SG.N.ABS-NEG-LOC-лить(RES)-IAM-NEG

‘Вода еще не налита в стакан’. [Аркадьев 2018: 4]

3.2. ЕЩЕ НЕ -s (+ отрицание)

В работах [Чкадуа 1970: 140–146; Табулова 1976: 151; Ломтати-дзе 2006: 159–160] суффикс *-s* считается «отрицательным» вариантом

⁴ Морфологически результативы в абазинском языке относятся к классу статических глаголов, см. подробнее [Аркадьев 2018].

показателя *-χ'a* и подробно не рассматривается. В грамматике [Генко 1955] показатель *-s* вовсе не упоминается.

Согласно нашим данным, суффикс *-s* чаще всего используется в контекстах перфекта результата (13). Иногда он может быть использован в контекстах экспериенциального перфекта (14).

(13) *namaz j-g'-na-m-za-s-t*

намаз 3SG.N.ABS-NEG-TRL-NEG-достичь(AOR)-NONDUM-DCL

[Вы бежите к мечети. Кто-то: Не волнуйтесь!] ‘Молитва не началась’.

(14) *limon g'-sə-m-fa-s-t*

лимон NEG-1SG.ERG-NEG-есть(AOR)-NONDUM-DCL

‘Я никогда не ел(а) лимоны’.

Значение суффикса *-s* со статическими глаголами невозможно проверить, т. к. он с ними в принципе не сочетается, см. подробнее *Раздел 4*.

Суффикс *-s* является отрицательно поляризованной единицей (negative polarity item): в утвердительных контекстах он не допускается (15).

(15) а. *sara macaw-ra*

1SG готовить-MSD

s-g'-a-la-m-ga-s-d

1SG.ABS-NEG-3SG.N.IO-LOC-NEG-начать(AOR)-NONDUM-DCL

‘Я еще не начал(а) готовить ужин’.

б. **sara macaw-ra*

1SG готовить-MSD

s-a-la-ga-s-d

1SG.ABS-3SG.N.IO-LOC-начать(AOR)-NONDUM-DCL

Наконец, в некоторых примерах (ср. (33)–(34) ниже) суффикс *-s* сопровождается частицей *wəʒə-g'əj* (сейчас-ADD) ‘еще’, обычно имеющей аддитивное значение.

3.3. ЕЩЕ *-rḱʷa*

Суффикс *-rḱʷa* в литературе традиционно рассматривается вместе с событийными операторами. Его семантику связывают с понятием дуративности [Ломтатидзе 2006: 152], значением «еще» [Авидзба 2017: 141–143] и идеей о том, что «действие или состояние (...) продолжается» [Генко 1955: 140], ср. также [Табулова 1976: 206]. Носители абазинского языка переводят глагольные формы с суффиксом *-rḱʷa* на русский язык с помощью глагола *продолжать* или с помощью наречия *еще*, ср. (16)–(17).

(16) *j-azqʷəsə-rḱʷ-əw-n*
 3SG.N.ABS+3PL.ERG-думать-STILL-IPF-PST
 ‘Они продолжали думать об этом’.

(17) *fatima a-maḱa-kʷa l-ḱḱa-rḱʷ-əw-n*
 Фатима DEF-посуда-PL 3SG.F.ERG-мыть-STILL-IPF-DCL
 [Когда я вошла / вошел на кухню,] ‘Фатима все еще мыла посуду’.

Под отрицанием глагольные формы с суффиксом *-rḱʷa* признаются не совсем естественными и без контекста могут переводиться и как УЖЕ НЕ, и как ЕЩЕ НЕ (18).

(18) *ʔhara h-gʻə-n-ḱa-rḱʷ-əw-m*
 1PL 1PL.ABS-NEG-LOC-работать-STILL-IPF-NEG
 ‘Мы уже не работаем’. / ‘Мы еще не работаем’.

3.4. УЖЕ НЕ *-ḱ* (+ отрицание)

В утвердительных контекстах суффикс *-ḱ* обладает различными значениями, связанными с повторением (19), см. полный список возможных значений суффикса *-ḱ* в [Авидзба 1968]. Согласно работе [Панова 2019], конкретное значение рефактива *-ḱ* выбирается в зависимости от его сферы действия относительно структуры события предиката.

- (19) *a-š j-p-čə-χ-t*
 DEF-дверь 3SG.N.ABS-LOC-ломаться(AOR)-RE-DCL
 ‘Дверь снова сломалась’.

В отрицательных глагольных формах суффикс *-χ* может значить УЖЕ НЕ (20), см. [Табулова 1976: 205].

- (20) *ara-ʔa a-ʃarən asqan raχ^{wə}*
 PROF-LOC DEF-весна во.время скот
g'-hə-ma-χ-mə-z-t
 NEG-1PL.IO-иметься-RE-NEG-PST.NFIN-DCL
 ‘Весной у нас не было уже коровы’.

Несмотря на то, что такое поведение рефактивных показателей в отрицательных контекстах может показаться семантически некомпозициональным, оно довольно широко распространено в языках мира [Стойнова 2013: 222].

4. Взаимодействие с временем, аспектом и фазовыми значениями

Одна из ключевых проблем, связанных с выделением категории фазовой полярности, заключается в отсутствии в типологии четкой границы между фазовой полярностью и смежными категориями, в частности, аспектом. В этом разделе мы обсудим морфологические (4.1) и семантические (4.2) свойства абазинских показателей фазовой полярности, которые иллюстрируют довольно нетривиальное взаимодействие категории фазовой полярности в абазинском с временными, аспектуальными и фазовыми значениями.

4.1. (Не)сочетаемость с временами

«Идеальные» показатели фазовой полярности (как отдельной категории) не должны составлять часть видо-временной парадигмы

и должны сочетаться со всеми видо-временными формами [van Baar 1997: 137], ср. англ. *not yet* (21).

(21) *He wasn't/isn't/won't be here yet.* [Kramer 2017: 17]

Тем не менее, как отмечается в [Kramer 2017] и [van Baar 1997], чаще всего показатели фазовой полярности имеют ограничения на сочетаемость с видо-временными показателями.

В абазинском языке сочетаемость с видо-временными формами сильно варьируется в зависимости от конкретного показателя, см. *Таблицу 4*.

Таблица 4. Сочетаемость показателей фазовой полярности с видо-временными показателями

Table 4. Compatibility of phasal polarity markers with TAM markers

	УЖЕ -χ'а	УЖЕ НЕ -χ + отрицание	ЕЩЕ -rκ'а	ЕЩЕ НЕ -s + отрицание
стат. презенс	+	+	+	*
стат. претерит	+	+	+	*
презенс	*	+	+	*
аорист	+	в специальных контекстах	*	+
ретро-аорист	+	в специальных контекстах	*	+
имперфект	вариативность	+	+	*
будущее I	*	+	+	*
будущее II	*	+	*	*

Абазинский показатель ЕЩЕ свободно сочетается со всеми видо-временными формами, кроме перфективных форм динамических глаголов (аориста, ретро-аориста и будущего II), ср. (22), где суффикс *-rκ'а* грамматичен в презенсе и не грамматичен в аористе.

- (22) а. *a-pax'* *k^wa* *ʒa-k^wa-rk^w-əj-t*
 DEF-двор дождь CSL-дождить-**STILL**-PRS-DCL

‘На улице все еще идет дождь’.

- б. **a-pax'* *k^wa* *ʒa-k^wa-rk^wa-t*
 DEF-двор дождь CSL-дождить-**STILL**-DCL

Показатель **УЖЕ** НЕ имеет похожие ограничения. В аористе и ретро-аористе сочетание суффикса *-χ* с отрицанием допустимо только в специальных контекстах, где он приобретает другое значение — ‘не иметь достаточно времени что-то сделать’.

- (23) *č-g'ə-sə-m-sa-χ-t*
 RFL.ABS-NEG-1SG.ERG-NEG-брить(AOR)-RE-DCL

[Я выхожу из дома, понимая, что если еще буду бриться, то не успею на поезд] ‘Я уже не побрился’.

Запрет на употребление показателей **ЕЩЕ** и **УЖЕ** НЕ в перфективных временах семантически довольно естественен (они требуют имперфективного ракурса, ср. рус. *еще писал* / **еще написал*) и согласуется с наблюдениями, сделанными в [van Baar 1997]: практически во всех языках выборки Т. ван Баара **ЕЩЕ** и **УЖЕ** НЕ не употребляются в перфективных контекстах [van Baar 1997: 151–157].

Сочетаемость показателей **УЖЕ** и **ЕЩЕ** НЕ ограничена сильнее. Согласно работам [Генко 1955: 164; Чкадуа 1970: 140–146; Табулова 1976: 151; Lomtadze et al 1989: 112], суффикс *-χ'a* сочетается только с показателями аориста и ретро-аориста динамических глаголов. Однако наши полевые данные показывают, что показатель *-χ'a* также используется со статическими глаголами (включая имена в предикативной позиции), ср. (24).

- (24) *arəj a-daska wax'čâ j-ck'a-χ'a-p*
 PROX DEF-доска сегодня 3SG.N.ABS-чистый-1AM-NPST

‘Эта доска сегодня чистая’.

Для выражения значения **УЖЕ** в имперфективных контекстах в абазинском языке существуют две стратегии. Некоторые носители

запрещают суффикс $-χ'a$ в имперфекте, но разрешают имперфективную интерпретацию УЖЕ в ретро-аористе (25) (вместе с ожидаемой перфективной интерпретацией).

- (25) *ruslan d-an-ʒa-j*
 Руслан 3SG.N.ABS-REL.TMP-CSL-прийти
darina sahat-k warad d-ʒa-h^w-χ'a-n
 Дарина час-INDEF песня 3SG.N.ABS-CSL-говорить-ИАМ-PST
 'Когда Руслан пришел, Дарина уже час попела / пела'.

Другие носители запрещают имперфективную интерпретацию показателя $-χ'a$ в форме ретро-аориста, но разрешают сочетание этого показателя с формой имперфекта, ср. (26).

- (26) *ruslan d-an-ʒa-j*
 Руслан 3SG.N.ABS-REL.TMP-CSL-прийти
jakov warad d-ʒa-h^w-χ'-əw-n
 Яков песня 3SG.N.ABS-CSL-говорить-ИАМ-IPF-PST
 'Когда Руслан пришел, Яков уже пел'.

Наконец, согласно грамматическим описаниями и полевым материалам, суффикс $-s$ ЕЩЕ НЕ используется только в аористе и ретро-аористе. Из-за того, что суффикс $-s$ сочетается всего с двумя видо-временными формами, его особенно трудно считать показателем категории, отдельной от вида и времени.

Важен также вопрос о линейной позиции показателей фазовой полярности в глагольной словоформе. В структуре абазинского глагола имеются отдельные позиции для событийных операторов и для показателей времени. Между этими двумя позициями располагается показатель мн. ч., который используется в нефинитных формах. Ожидается, что показатели фазовой полярности будут занимать позицию событийных операторов, однако это оказывается неверным для суффикса $-s$ ЕЩЕ НЕ, см. *Таблицу 5* (с. 159).

Примеры (27)–(28) иллюстрируют часть таблицы. В (27) суффикс $-χ'a$ расположен слева от показателя мн. ч. $-k^{w}a$, в то время как в (28) суффикс $-s$ стоит справа от показателя $-k^{w}a$.

Таблица 5. Линейная позиция показателей фазовой полярности в суффиксальной части абазинской словоформы

Table 5. Linear position of phasal polarity markers amongst other suffixal elements in the Abaza word-form

корень	директивные суффиксы	событийные операторы	множеств. число	аспект, время	отрицание	прош. вр., модальность	субординаторы, иллокуция, эмфаза
		-χ'a, -χ, -rk'wa	-k'wa	-s			

(27) *s-an jə-l-ʒʒa-χ'a-k'wa-z* /
 1SG.IO-мать REL.ABS-3SG.F.ERG-стирать-**IAM-PL-PST.NFIN**
 **jə-l-ʒʒa-k'wa-χ'a-z* *a-č'ʕwəč'a-k'wa*
 REL.ABS-3SG.F.ERG-стирать-**PL-IAM-PST.NFIN** DEF-белье-PL
 'Вещи, уже постиранные мамой'.

(28) *s-an j-lə-m-ʒʒa-k'wa-s* /
 1SG.IO-мать REL.ABS-3SG.F.ERG-NEG-стирать-**PL-NONDUM**
 **j-lə-m-ʒʒa-s-k'wa* *a-č'ʕwəč'a-k'wa*
 REL.ABS-3SG.F.ERG-NEG-стирать-**NONDUM-PL** DEF-белье-PL
 'Вещи, еще не постиранные мамой'.

Таким образом, сочетаемость с временами и линейная позиция в словоформе указывают на то, что суффикс -s ЕЩЕ НЕ похож на видо-временной показатель (вероятно, отрицательного перфекта). Суффикс -χ'a УЖЕ также имеет сходство с показателем перфекта: он не сочетается с настоящим и будущим временами, которые в большинстве языков для уже доступны. Наконец, суффиксы -rk'wa и -χ имеют ограничения на сочетаемость только в перфективных контекстах, что для значений УЖЕ НЕ и ЕЩЕ является ожидаемым.

4.2. Фазовые значения и проблема «ожиданий»

В литературе разница между фазовостью и фазовой полярностью интерпретировалась разными способами. Согласно [Plungian 1999, Плунгян 2011: 312–317], фазовые значения (инхоатив, континуатив, терминатив, кунктатив) находятся на периферии аспектуальной семантической зоны и представляют собой «утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени» [Плунгян 2011: 313]. Показатели фазовой полярности, в свою очередь, выражают следующее значение: «данная ситуации имеет / не имеет место вопреки ожиданиям говорящего» [Там же: 316]. В качестве примера показателя фазовой полярности В. А. Плунгян приводит русское наречие *уже*, которое, в отличие от чистого инхоатива — глагола *начать(ся)*, имеет дополнительный компонент ‘говорящий не ожидал, что в данный момент ситуация имеет место’. Тем не менее Й. ван дер Аувера показывает на примере русского *уже* и английского *already*, что нарушенные ожидания не являются обязательным компонентом значений фазовой полярности [van der Auwera 1998: 50], ср. (29), где говорящий ожидает, что Питер будет в Амстердаме.

- (29) [John knew that Peter would fly to Amsterdam at 4 p. m. and arrive in Amsterdam at 5 p. m. John wanted to meet John at the airport at 3 p.m. but due to a traffic jam he was not able to reach the airport until 6 p.m. At 6 p.m. it is possible for John to say:]
(*Yes, I know.*) *Peter is already in Amsterdam*⁵. (на основе [van Baar 1997: 27])

Таким образом, приходится признать, что либо во многих языках показатели фазовости и фазовой полярности выражаются одним

⁵ [Джон знал, что Питер отправится в Амстердам в 16:00 и прилетит в Амстердам в 17:00. Джон хотел встретиться с Питером в аэропорту в 15:00, но из-за пробок он смог добраться до аэропорта только к 18:00. В 18:00 Джон может сказать следующее:]

(Да, я знаю.) Питер уже в Амстердаме.

и тем же показателем (например, русское *уже*), либо нарушенные ожидания не являются признаком, различающим категории фазовости и фазовой полярности. В принципе можно было бы предположить, что семантический компонент, различающий фазовость и фазовую полярность, это просто наличие некоторых ожиданий, не обязательно нарушенных (такой подход близок [van der Auwera 1998]). Однако М. Крифка показал, что ожидания не являются частью значений фазовой полярности, а возникают лишь как импликатура и, таким образом, также не являются обязательными [Krifka 2000]⁶. Единственная работа, где делается попытка разграничить категории фазовости и фазовой полярности, не прибегая к понятию «ожиданий», — это статья [Горбунова 2014]. Согласно этой работе, определение, которое дает В. А. Плунгян для фазовых значений, справедливо и для значений фазовой полярности. Различие же состоит в том, что показатели фазовости переносят окно наблюдения на момент изменения ситуации (ср. *в восемь утра я начал сомневаться* vs *в восемь утра я сомневался*), а показатели фазовой полярности окно наблюдения не меняют (ср. *в восемь утра я уже сомневался* vs *в восемь утра я сомневался*).

Следуя подходу [van der Auwera 1998], мы проверили допустимость суффиксов *-χ'a*, *-rk'w'a*, *-χ* (+ отрицание) и *-s* (+ отрицание) в нескольких типах сценариев. В примерах (30)–(32) иллюстрируются три сценария для *уже*. В нейтральном сценарии (30) изменение происходит согласно нашим ожиданиям, и показатель *-χ'a* используется для того, чтобы показать контраст между настоящей ситуацией и ситуацией, имевшей место в прошлом.

- (30) *waχ'çà a-sahat aʒʒ'w-əj χ'w-daqəjɔ-əj a-pnə*
 сегодня DEF-час 12-COORD 5-минута-COORD 3SG.N.IO-B
avtobus j-gəla-χ'a-n
 автобус 3SG.N.IO-стоять-1AM-PST

[Мы знаем, что автобус всегда приезжает в 12:00 и уезжает в 12:10.] 'Вот и сегодня в 12:05 он уже стоял'.

⁶ См. также [Волков 2017: 48] про *уже*.

Существует два типа сценариев, где реальная ситуация противоречит ожиданиям говорящего. В примере (31) предполагается, что показатель фазовой полярности должен обозначать изменение, которое произошло раньше, чем ожидалось, а в (32) — изменение, которое произошло позже, чем ожидалось. Однако, как видно из примеров, суффикс *-χ'a* появляется только в ситуации изменения, произошедшего раньше, чем ожидалось. Любопытно, что в качестве показателя изменения, произошедшего позже, чем ожидалось, выступает рефактив *-χ*.

- (31) *j-š-ž'a-š'a.q^w-əw*,
3SG.N.ABS-REL.MNR-LOC-удивиться-IPF

avtobus j-ša-j-χ'a-t
автобус 3SG.N.ABS-CSL-идти(AOR)-IAM-DCL

[Мы знаем, что автобус всегда приезжает в 12:00 и уезжает в 12:10. Но сегодня автобус приехал в 11:50. Руслан сказал:]
'Ничего себе! Автобус уже приехал'.

- (32) *avtobus j-ša-j-χ-t*.
автобус 3SG.N.ABS-CSL-прийти(AOR)-RE-DCL

[Мы знаем, что автобус всегда приезжает в 12:00 и уезжает в 12:10. Сегодня автобус приехал в 12:20. Руслан говорит:]
'Наконец-то автобус приехал!'

Для еще не ван дер Аувера предлагает только два сценария: нейтральный (33) и контрфактивный с изменением, произошедшим позже, чем ожидалось (34)⁷.

- (33) *abar waχ'ča-g'əj a-sahat 11:55 avtobus wəžə-g'əj*
вот сегодня-ADD DEF-час 11:55 автобус сейчас-ADD
j-g'-ša-mə-j-sə-z-t
3SG.N.ABS-CSL-NEG-идти-NONDUM-PST.NFIN-DCL

[Мы знаем, что автобус всегда приезжает в 12:00 и уезжает в 12:10.] 'Вот и сегодня в 11:55 он еще не приехал'.

⁷ Для значений еще и еще не третий сценарий (ситуация изменяется раньше, чем ожидалось) невозможен [van Vaar 1997: 27–40].

- (34) *awasa waχ'ça a-sahat 12:30 daqəjqa-k avtobus*
 но сегодня DEF-час 12:30 минута-UNIT автобус
wəzə-g'əj j-g'-zə-k^wə-mə-χ-sə-z-t
 сейчас-ADD 3SG.N.ABS-NEG-LOC-LOC-NEG-прийти-NONDUM-PST.NFIN-DCL
 [Мы знаем, что автобус всегда приезжает в 12:00 и уезжает в 12:10.] 'Но сегодня в 12:30 автобус еще не уехал'.

Для экономии места мы не приводим аналогичные примеры для еще и уже не. Результаты по всем абазинским показателям фазовой полярности даны в *Таблице 6*.

Таблица 6. Показатели фазовой полярности в разных сценариях

Table 6. Phasal polarity markers in different scenarios

	УЖЕ	ЕЩЕ НЕ	ЕЩЕ	УЖЕ НЕ
нейтральный	-χ'a	-s + отрицание	-rk ^w a	-χ + отрицание
контрфактивный (раньше, чем ожидалось)	-χ'a	-s + отрицание	-rk ^w a	-χ + отрицание
контрфактивный (позже, чем ожидалось)	-χ			-χ + отрицание / отрицание

Существенно, что все абазинские показатели фазовой полярности могут употребляться как в нейтральном, так и в контрфактивном типах сценариев. Это, в частности, означает, что семантический компонент нарушенных ожиданий не может быть использован для различения значений фазовой полярности и фазовости в абазинском языке.

5. Фазовая полярность как грамматическая категория

Данный раздел посвящен вопросу о том, является ли фазовая полярность в абазинском языке грамматической или лексической

категорией. В работе [van Baar 1997] не делается четкого различия между грамматическим статусом показателей фазовой полярности и степенью их морфологической связности. Более того, кажется, что Т. ван Баар предполагает, что если показатель фазовой полярности является аффиксом, то он всегда выражает грамматическое значение.

В настоящей работе мы попробуем рассмотреть грамматический статус и морфологическую связность независимо друг от друга. С одной стороны, категория фазовой полярности, обычно считающаяся лексико-грамматической категорией (см., например, [Veselinova 2019]), может содержать показатели, относящиеся как к лексике, так и к грамматике. С другой стороны, показатели фазовой полярности могут различаться степенью морфологической связности. Эти два параметра не обязаны коррелировать.

Грамматическое значение далее понимается так, как было предложено в работе [Dahl, Wälchli 2016] для уже. Согласно Э. Далю и Б. Вельхли, граммема ямитива (грамматический вариант уже) отличается от лексической единицы уже двумя аспектами:

- a) высокая частотность в текстах,
- b) систематическое или обязательное использование в контекстах естественного развития событий (natural development contexts), ср. (35).

индонезийский

- (35) *Kamu tidak bisa memakan-nya. Itu sudah busuk.*
 Ты не мочь есть-это то **IAМ** гнилое.

‘Не ешь это. Оно сгнило’. [Ollson 2013: 18, цит. по Dahl, Wälchli 2014: 328]

Пример (35) показывает, что индонезийское *sudah* употребляется в контексте, где русское *уже* или английское *already* обычно опускаются. Свойство обязательности указывает на то, что индонезийское *sudah* имеет грамматический статус.

Этот же подход использовался в работе [Горбунова 2014], посвященной фазовой полярности в атаяльском языке. Чтобы доказать, что атаяльские частицы со значениями фазовой полярности *la* ‘уже’

и *na* ‘еще’ выражают не лексическое значение, а грамматическое, И. М. Горбунова демонстрирует обязательность частиц *la* и *na* и их высокую частотность в текстах.

Наши данные показывают, что в абазинском языке есть некоторые свидетельства в пользу обязательности *уже* и *еще не*. Суффиксы *-χ'a* и особенно *-s* регулярно используются в абазинских переводах предложений с контекстами естественного развития событий (36)–(37). Отметим, что в русских стимулах наречия *уже* и *еще не* отсутствовали.

- (36) [А: Твой брат очень симпатичный.]
 В: *mataw, awəj d-b-q-r-aštəl.*
 нет DIST 3SG.H.ABS-2SG.F.IO-LOC-CAUS-забывать(IMP)
awəj d-ʕa-j-g-χ'a-t
 DIST 3SG.H.ABS-CSL-3SG.M.ERG-вести(AOR)-IAM-DCL
 ‘Нет, забудь о нем. Он женат’.

- (37) [А: Он женат?]
mataw awəj phʷəs
 нет DIST женщина
d-g'-ʕa-jə-m-g-s-t
 3SG.H.ABS-NEG-CSL-3SG.M.ERG-NEG-вести(AOR)-NONDUM-DCL
 ‘Нет, он не женат’.

К сожалению, примеров, доказывающих или опровергающих обязательность абазинских показателей *еще* и *уже не* в аналогичных контекстах, на данный момент у нас нет.

Чтобы проанализировать параметр частотности, мы вслед за [Veselinova 2015] использовали параллельные тексты. Л. Веселинова сравнивает частотность выражений со значением *еще не* в текстах Нового Завета: например, индонез. *belum* встретилось 123 раза, латин. *nondum* — 29 раз, а англ. *not yet* — 26 раз. Таким образом, индонезийское *belum* с большей вероятностью является грамматическим показателем, чем соответствующие лексические единицы в латыни и английском.

Для анализа абазинского языка мы взяли в качестве параллельного текста Евангелие от Луки (насколько нам известно, единственное

Евангелие, переведенное на абазинский язык) и подсчитали, сколько раз в нем встретились абазинские показатели УЖЕ, УЖЕ НЕ, ЕЩЕ и ЕЩЕ НЕ. Далее мы сравнили частотности этих показателей с частотностями соответствующих им наречий в английском и русском переводах Евангелия от Луки.

Таблица 7. Частотность показателей фазовой полярности в Евангелии от Луки
Table 7. Phasal polarity markers frequency in the Gospel of Luke

	УЖЕ	УЖЕ НЕ	ЕЩЕ ⁸	ЕЩЕ НЕ
абазинский [Евангелие 2013]	11 (-χ 'a)	≈ 9 (-χ + отрицание) ⁹	9 (-rk ^{wa}) 2 (wəžəg 'əj)	2 (-s + отрицание) 0 (wəžəg 'əj + отрицание)
английский [Gospel of Luke]	5 (<i>already</i>)	3 (<i>no longer</i>) 1 (<i>not anymore</i>)	10 (<i>still</i>)	0 (<i>not yet</i>)
русский [Евангелие от Луки]	18 (<i>уже</i>)	3 (<i>уже не</i>) 0 (<i>больше не</i>) 2 (<i>более не</i>)	12 (<i>еще</i>)	2 (<i>еще не</i>)

Как видно из *Таблицы 7*, существенной разницы между частотностью суффиксов со значениями фазовой полярности в абазинском и частотностью соответствующих им наречий в английском и русском не наблюдается. Более того, число вхождений абазинских показателей фазовой полярности относительно других языков в большинстве случаев не самое большое (хотя из-за слишком малого количества примеров о статистически значимых различиях говорить нельзя). Таким образом, с точки зрения частотности, несмотря

⁸ Мы исключили примеры с абазинским wəžəg 'əj, английским *still* и русским *еще*, где они использовались в аддитивном значении ('еще раз').

⁹ Всего в Евангелии от Луки около 20 примеров отрицательных глагольных форм с показателем рефактива, однако значение УЖЕ НЕ можно четко выделить лишь в 9 из них.

на морфологическую связанность показателей, категория фазовой полярности в абазинском языке не является более грамматической, чем в русском или английском.

6. Ареально-генетическая перспектива

В настоящем разделе дается предварительное описание показателей со значениями фазовой полярности в родственных абазинскому языках — абхазском, адыгейском и кабардино-черкесском. На основе данного описания можно составить представление о том, какие из описанных выше свойств абазинской системы фазовой полярности являются более стабильными, а какие — менее стабильными¹⁰, а также насколько данное выше обсуждение показателей фазовой полярности в принципе релевантно для других языков абхазо-адыгской языковой семьи.

6.1. Абхазский

Абхазский язык относится к абхазо-абазинской ветви абхазо-адыгской семьи и является ближайшим родственником абазинского языка.

Соответствующий абазинскому суффиксу *-χ'a* (уже) абхазский суффикс *-χ'a* в доступной нам литературе описывается как показатель перфекта [Hewitt 1979: 172–190; Chirikba 2003: 44] или давно-прошедшего времени [Грамматика 1968: 108; Чкадуа 1970: 137–140]. Согласно данным, полученным от носителей, абхазский суффикс *-χ'a* действительно употребляется в контекстах, типичных для

¹⁰ Имеется в виду не диахроническая стабильность конкретных суффиксов, а сам факт сохранения определенного типологического профиля (например, по параметрам [Kramer 2017]) показателей фазовой полярности в родственных языках.

перфекта, ср. (38)–(39). Суффикс $-χ'a$ не сочетается со статическими глаголами (40), и поэтому не подходит под прототип ямитива, см. подробнее [Клягина 2018: 56–60] и ср. *Раздел 3.1* для абазинского $-χ'a$.

(38) *a-kaš' s-fa-χ'e-jt.*
DEF-каша 1SG.ERG-есть(AOR)-IAM-DCL

‘Я уже съел(а) кашу’.

(39) *bara znaķər lezginka b-ķ^waša-χ'a-z-ma?*
2SG.F когда-нибудь лезгинка 2SG.F.ERG-танцевать-IAM-PST.NFIN-Q

‘Ты когда-нибудь танцевала лезгинку?’

(40) **sar wəs-g'ə sə-pšza-χ'a-w-ṗ!*
1SG так-EMP 1SG.ABS-красивый-IAM-IPF-NPST

[А: Дочка, надень сережки, чтобы было красивее.] ‘Б: Я уже и так красивая’.

При переводе русских стимулов с наречием *уже* носители также нередко предлагают варианты с абхазской частицей *š'ta* (41).

(41) *Ruslan š'ta d-až^w-əw-ṗ*
Руслан IAM 3SG.H.ABS-старый-IPF-NPST

‘Руслан уже старый. [Ему тяжело много ходить]’.

Абазинский суффикс $-s$ (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ соответствует абхазскому суффиксу $-c$ (+ отрицание)¹¹. Согласно литературе [Чкадуа 1970: 143, 146–147, 218–219; Spruit 1986: 132] и данным, полученным от носителей, суффикс $-c$ (+ отрицание) выражает значения отрицательного перфекта (42).

(42) *wə-mə-č^wa-c-ṗ h^wa sə-qa-w-ṗ*
2SG.M.ABS-NEG-спать-NONDUM-DCL QUOT 1SG.ABS-думать-IPF-NPST

‘Я думаю, что ты пока еще не заснул’. [Грамматика 1968: 109]

Значение ЕЩЕ НЕ также выражается лексической единицей *maķ'ana* (+ отрицание), которая может дублироваться суффиксом $-c$ (43).

¹¹ В отличие от абазинского $-s$, абхазское $-c$ допускается в утвердительных контекстах, где выражает значение ‘неоднократно’ [Чкадуа 1970: 218–219].

- (43) а. *lara maḳ'ana də-m-na-jə-za-jt*
 3SG.F STILL 3SG.H.ABS-NEG-TRL-ИДТИ(AOR)-ASS-DCL

‘Она еще не пришла’.

- б. *lara maḳ'ana afaɬ^w qə-lə-m-ça-c*
 3SG.F STILL DEF-еда LOC-3SG.F.ERG-NEG-делать(AOR)-NONDUM

‘Она еще не сделала обед’.

Без отрицания частица *maḳ'ana* является единственным способом выразить значение ЕЩЕ (44). Морфологических показателей значения ЕЩЕ нам обнаружить не удалось.

- (44) *hara maḳ'ana h-t^wa-wə-ḥ*
 1PL STILL 1PL.ABS-сидеть-IPF-NPST

‘Мы еще сидим’.

Наконец, значение УЖЕ НЕ в абхазском языке, в отличие от абазинского, выражается исключительно лексически: например, с помощью частицы *š'ta* ‘уже’ в сочетании с отрицанием.

- (45) *Alina š'ta a-klass a-čə zaj-g'ə*
 Алина IAM DEF-класс 3SG.N.IO-в все-EMP
d-r-ajəjha-za-m
 3SG.H.ABS-3PL.IO-высокий-ASS-NEG

‘Алина больше не самая высокая в классе’.

Частотность абхазских показателей фазовой полярности была проанализирована на материале Евангелия от Луки, см. *Таблицу 8*.

Таблица 8. Частотность показателей фазовой полярности в Евангелии от Луки
 Table 8. Phasal polarity markers frequency in the Gospel of Luke

	УЖЕ	УЖЕ НЕ	ЕЩЕ	ЕЩЕ НЕ
абхазский [Евангелие 2015]	44 (-χ'a) 1 (š'ta) 2 (waž ^w š'ta)	1 (š'ta + отрицание) 3 (waž ^w š'ta + отрицание)	4 (maḳ'ana)	1 (-c + отрицание) 2 (maḳ'ana + отрицание)

Как видно из сравнения *Таблицы 8* с *Таблицей 7*, частотность абхазского суффикса $-x'a$ заметно выше, чем частотность абазинского суффикса $-x'a$, а также наречий *уже* и *already*, что указывает на его большую грамматикализованность. Значения *уже* не и *еще* в Евангелии от Луки выражаются наречиями, частотность которых сравнима с соответствующими показателями в абазинском, русском и английском. Пример с показателем $-c$ (+ отрицание) встретился в тексте всего один раз, однако это, видимо, связано со спецификой выбранного нами текста.

6.2. Адыгейский

Адыгейский язык относится к адыгской ветви абхазо-адыгской семьи. В данном разделе приводятся примеры из темиргоевского, бжедугского и шапсугского диалектов адыгейского языка.

Значение *уже* в адыгейском языке выражается суффиксом $-xe$, который в литературе описывается как «частица окончательности (цесатива)» [Рогава, Керашева 1966: 299–302], как показатель терминатива [Короткова 2009a, 2009b: 24–26] и как показатель инцептива [Аркадьев 2014]. В [Рогава, Керашева 1966] отмечается, что суффикс $-xe$ свободно сочетается с формами перфективных прошедших времен и будущего времени, ср. (46)–(47), а в настоящем времени возможен только со статическими глаголами (ср. *Таблицу 4* для абаз. $-x'a$).

бжедугский

- (46) *psaše-m pisme ə-tʰxə-ka-x*
девушка-ОБЛ письмо 3SG.ERG-писать-PST-1AM

‘Девушка уже написала письмо’. [Аркадьев 2014: 6]

темиргоевский

- (47) *j-e-s-ʔʷe-xe-šʔ*
3SG.IO-DAT-1SG.ERG-говорить-1AM-FUT

‘Я сначала ему / ей скажу это’ (букв.: В какой-то момент будет так, что я ему уже сказал это). [Рогава, Керашева 1966: 300, цит. по Короткова 2009b: 26]

Под отрицанием адыгейский суффикс *-xe* обычно выступает в качестве интенсификатора (48), однако у носителей шапсугского диалекта также фиксировалось значение, близкое к ЕЩЕ НЕ (49).

- темиргоевский
 (48) *peʒəʒe-me psə-m x-a-λekʷe-xe-šʹt-ep*
 рыба-PL.OBL вода-OBL LOC-3PL.ERG-видеть-**IAM-FUT-NEG**
 ‘Рыбы в воде ее/его совсем не увидят’. [Рогава, Керашева 1966: 302]

- шапсугский
 (49) *haləʷ-er šxə-va-xe-[e]p*
 хлеб-ABS есть-RES-**IAM-NEG**
 ‘Хлеб недоеден’. [Шкапа 2007: 1]

Морфологически связанных показателей, выражающих значение ЕЩЕ, в адыгейском языке нет, за исключением префикса релятивизации способа *zere- / zerə-*, который иногда может давать континуативное значение [Аркадьев, Герасимов 2019] (в настоящей работе этот префикс подробно рассматриваться не будет). В [Словарь 1960] в качестве перевода русского *еще* дается лексема *ʒəʒə* (*джури*) (50).

- темиргоевский
 (50) *ʒə.rjə wə-çʹal*
 STILL 2SG.ABS-молодой
 ‘Ты еще молод(а)’. [Словарь 1960: 206]

Наконец, значение УЖЕ НЕ в адыгейском языке выражается сочетанием рефактива *-zʹə* с показателем отрицания (51), см. [Рогава, Керашева 1966: 313; Аркадьев, Короткова 2005].

- темиргоевский
 (51) *zegʷerem se wə-s-jə-šewekʷə-ʷ,*
 когда-то 1SG 2SG.ABS-1SG.PR-POSS-друг-PST
aw ʒə wə-s-jə-šewekʷə-žʹ-ep.
 но теперь 2SG.ABS-1SG.PR-POSS-друг-**RE-NEG**
 ‘Раньше ты был(а) мне другом, а теперь ты мне больше не друг’.
 [Сай 2003: 3, цит. по Аркадьев 2006: 21]

Частотность адыгейских показателей фазовой полярности представлена в *Таблице 9*.

Таблица 9. Частотность показателей фазовой полярности в Евангелии от Луки
Table 9. Phasal polarity markers frequency in the Gospel of Luke

	УЖЕ	УЖЕ НЕ	ЕЩЕ	ЕЩЕ НЕ
адыгейский [Евангелие 1992]	3 (-хе)	≈ 10 (-ž'ə + отрицание) ¹² 1 (žəɾjə + отрицание)	0 (žəɾjə) ¹³	0 (-хе + отрицание)

По сравнению с абхазо-абазинскими показателями уже, адыгейский суффикс *-хе* уже встречается заметно реже. Наиболее частотным показателем фазовой полярности в адыгейском является отрицательный рефактив *УЖЕ НЕ*.

6.3. Кабардино-черкесский

Кабардино-черкесский язык относится к адыгской ветви абхазо-адыгской семьи, его ближайшим родственником является адыгейский язык. В данном разделе рассматриваются примеры из литературного кабардинского языка, а также кубанского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка. Последние два находятся в контакте с адыгейским языком.

Согласно [Грамматика 1970: 133], значение *уже* в литературном кабардинском языке выражается сочетанием показателя претерита *-а* с суффиксом «законченности» *-č'e*, ср. (52). Заметим, однако, что опрошенный нами носитель литературного кабардинского языка такой формы не знал. В кубанском и бесленеевском диалектах, согласно

¹² Всего отрицательных глагольных форм с показателем рефактива было найдено больше, однако значение *уже не* можно четко выделить лишь в 10 из них.

¹³ Во всех найденных нами примерах *žəɾjə* используется в аддитивном значении ('еще раз').

нашим данным и работам [Лосева 2011; Сомин 2012; Аркадьев 2015; Кувшинова 2015], вместо показателя *-č'e* используется суффикс *-xe*, при этом чаще всего в сочетании с показателем прошедшего времени *-ve* (53)–(54).

лит. кабардинский

- (52) *d-jə učitelə-m institutə-r*
1PL-POSS учитель-OBL институт-ABS

q̣-jə-wəx-a-č'e-s̄

DIR-3SG.ERG-окончить-PST-IAM-DCL

‘Наш(а) учитель(ница) институт окончил(а) уже’. [Грамматика 1970: 133]

кубанский

- (53) *s-jə-q̣^wes̄'ə-m q̣^wje jə-ve-β^w-ka-xe*
1SG.PR-POSS-брат-OBL сыр 3SG.ERG-CAUS-СОХНУТЬ-PST-IAM

‘Мой брат уже коптил сыр’.

бесленеевский

- (54) *ʒ'ə.rjə mezaje awe wesə-r ṭḳ^wə-ka-xe*
еще февраль но снег-ABS таять-PST-IAM

‘Еще февраль, а снег уже растаял’. [Лосева 2011: 3]

Суффикс *-xe* может также сочетаться с показателем будущего времени (ср. (55) и см. [Лосева 2011; Сомин 2012] для бесленеевского диалекта), а для настоящего времени описано сочетание показателя *-xe* со статическими глаголами в кубанском диалекте (56) и с динамическими глаголами в бесленеевском диалекте (57).

кубанский

- (55) *azemet ʒ'ejə-ve-xe-ne*
азамат спать-PST-IAM-FUT

[Когда Амир придет] ‘Азамат уже поспит’.

бесленеевский

- (56) *se sə-λə-xe*
1SG 1SG.ABS-мужчина-IAM

‘Я уже мужчина!’ [Кувшинова 2015: 13]

- (57) *morožene-xe-r vewəǰəʔale-m qə-de-x-jə*
 мороженое-PL-ABS холодильник-OBL DIR-LOC-нести(IMP)-ADD

ʔkʷə jere-ʔkʷə-xe a-xe-r me-ʔkʷə-xe-xe
 таять JUSS-таять-PL TOT-PL-ABS DYN-таять-1AM-PL

‘А: Достань мороженые из холодильника, пусть немного подтают. Б: Они уже тают’. [Лосева 2011: 4]

В бесленеевском и кубанском диалектах суффикс *-xe* под отрицанием имеет интенсифицирующее значение [Лосева 2011: 4; Кувшинова 2015: 13]; для бесленеевского диалекта также отмечалось значение ЕЩЕ НЕ (57). Поведение под отрицанием кабардинского суффикса *-č'e* УЖЕ, насколько нам известно, не описано.

бесленеевский

- (57) *ʔkʷə-xe-xe-qəʔ*
 таять-1AM-PL-NEG

‘Еще не тают’/ ‘совсем не тают’. [Лосева 2011: 4]

Значение ЕЩЕ выражается лексически, с помощью наречия *jəǰəʔjə* [Словарь 1991], ср. (58).

лит. кабардинский

- (58) *jə.ǰə.ʔjə ʂəʔe-ʂ*
 STILL холодно-DCL

‘Еще холодно’. [Словарь 1991: 82]

Так же, как в абазинском и адыгейском, сочетание рефактива *-ǰə* с отрицанием может давать значение УЖЕ НЕ (59).

лит. кабардинский

- (59) *jape-m ruslan twəʔən je-fe-r-t,*
 раньше-OBL Руслан табак DAT-пить-FIN-IPF
jəǰəʔpəʔt-u je-fe-ǰ-qəʔ
 теперь-ADV DAT-пить-RE-NEG

‘Раньше Руслан курил, а теперь не курит’.

В *Таблице 10* показана частотность показателей фазовой полярности в литературном кабардинском языке.

Таблица 10. Частотность показателей фазовой полярности в Евангелии от Луки

Table 10. Phasal polarity markers frequency in the Gospel of Luke

	УЖЕ	УЖЕ НЕ	ЕЩЕ	ЕЩЕ НЕ
лит. кабардинский [Евангелие 2010]	3 (-č'e)	≈ 9 (-žə + отрицание) ¹⁴	0 (jəžərjə) ¹⁵	0 (-č'e + отрицание)

Количество примеров на каждый из показателей практически совпадает с аналогичными данными по адыгейскому языку: за исключением УЖЕ НЕ, кабардинские показатели фазовой полярности встречаются в текстах очень редко.

7. Заключение

В настоящей работе мы описали абазинскую систему средств выражения фазовой полярности, полностью состоящую из морфологически связанных показателей: суффиксов *-χ'a* УЖЕ, *-rk'wa* ЕЩЕ, *-χ* (+ отрицание) УЖЕ НЕ и *-s* (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ.

Все значения фазовой полярности в абазинском языке имеют специальное выражение. Более того, показатели *-χ'a* и *-rk'wa* в отрицательных контекстах и *-χ* и *-s* в утвердительных контекстах выражают значения, не входящие в зону фазовой полярности, или же их употребление является неграмматичным.

Сочетаемость абазинских суффиксов фазовой полярности с видо-временными формами сильно варьируется в зависимости от конкретного показателя: *-rk'wa* ЕЩЕ, *-χ* (+ отрицание) УЖЕ НЕ сочетаются почти со всеми видо-временными формами, *-χ'a* УЖЕ НЕ употребляется с формами будущих времен и с динамическими глаголами

¹⁴ Всего отрицательных глагольных форм с показателем рефактива было найдено больше, однако значение УЖЕ НЕ можно четко выделить лишь в 9 из них.

¹⁵ Во всех найденных нами примерах *jəžərjə* используется в аддитивном значении ('еще раз').

в презенсе, *-s* (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ запрещен во всех видо-временных формах, кроме аориста и ретро-аориста. Также мы показали, что суффикс *-s* занимает позицию в словоформе, обычно занимаемую видо-временными аффиксами. На основании этого, а также сочетаемости с временами мы делаем вывод, что суффикс *-s* (+ отрицание) является видо-временным показателем (отрицательного перфекта), а остальные суффиксы — событийными операторами. Наконец, было показано, что суффиксы *-χ'a*, *-rk'a*, *-χ*, *-s* могут использоваться в контекстах как нарушенных, так и ненарушенных ожиданий.

Далее мы попытались выяснить, имеют ли морфологические показатели фазовой полярности в абазинском языке грамматический статус. С одной стороны, согласно нашим данным, по крайней мере, суффиксы *-χ'a* уже и *-s* (+ отрицание) ЕЩЕ НЕ обязательны в контекстах естественного развития событий (где показатели фазовой полярности, имеющие лексический статус, обычно опускаются). С другой стороны, неверно, что абазинские показатели фазовой полярности встречаются в Евангелии от Луки существенно чаще, чем соответствующие им наречия в английском и русском, а значит, по этому параметру они не могут считаться более грамматикализованными.

Наконец, мы представили краткое описание фазовой полярности в других абхазо-адыгских языках. Наиболее стабильно выражающимся в четырех исследованных нами языках значением является *уже*. Морфологический показатель *уже* присутствует во всех языках, причем в абазинском и абхазском по степени грамматикализованности он приближается к грамматическому показателю. Значение *уже* НЕ выражается сочетанием морфологического рефактива с отрицанием в трех из четырех языков: в адыгейском и кабардино-черкесском, а также в абазинском, где, как предполагается в [Авидзба 2017: 70], этот способ выражения *уже* НЕ развился под влиянием адыгских языков. Также в трех из четырех языков фиксируется морфологический показатель для ЕЩЕ НЕ: в абхазском и абазинском в этой функции выступает специальный суффикс в сочетании с отрицанием, а в адыгейском значение ЕЩЕ НЕ иногда может приобретать под отрицанием показатель *уже*. Тем не менее, в отличие от *уже* и *уже НЕ*, показатели

ЕЩЕ НЕ практически не встречаются в текстах, и все доступные нам данные являются результатом элицитации. Наконец, значение ЕЩЕ выражается морфологическим показателем в абазинском языке и лексическим показателем в абхазском, в то время как в адыгских языках наречия, которые приводятся в качестве перевода ЕЩЕ в словарях, используются в текстах в первую очередь в аддитивном значении.

В *Таблице 11* даны иерархии доступности показателей фазовой полярности, показывающие, с какой вероятностью для того или иного значения в языке в принципе существует показатель (ср. *accessibility hierarchy* [van der Auwera 1998: 37]). Иерархия доступности показателей фазовой полярности, которую можно вывести на основе данных абхазо-адыгских языков, не совпадает ни с одной из приведенных иерархий. Особенно интересно, что значение УЖЕ, обычно располагающееся в конце иерархии, в абхазо-адыгской иерархии занимает первое место.

Таблица 11. Иерархии доступности показателей фазовой полярности (на основе [Veselinova 2019])

Table 11. Accessibility hierarchy of the phasal polarity markers (based on [Veselinova 2019])

выборка языков мира [van Baar 1997: 132–133]	ЕЩЕ/ЕЩЕ НЕ > УЖЕ > УЖЕ НЕ
выборка европейских языков [van der Auwera 1998: 37]	УЖЕ НЕ > ЕЩЕ/ЕЩЕ НЕ > УЖЕ
языки банту [Löfgen 2019: 17]	ЕЩЕ НЕ > ЕЩЕ > УЖЕ/УЖЕ НЕ
австронезийские языки [Veselinova 2019]	ЕЩЕ > ЕЩЕ НЕ > УЖЕ > УЖЕ НЕ
абхазо-адыгские языки (настоящая работа)	УЖЕ > УЖЕ НЕ > ЕЩЕ/ЕЩЕ НЕ

Таким образом, для абхазо-адыгской семьи в принципе характерны как морфологически свободные, так и морфологически связанные показатели фазовой полярности. Полностью морфологическая система фазовой полярности, представленная в абазинском языке, является скорее исключением.

Тем не менее именно эта особенность позволяет сделать некоторые заключения, важные для типологии фазовой полярности

в целом. Морфологическая связанность показателей фазовой полярности, во-первых, приводит к тому, что их оказывается сложно отличить от видо-временных аффиксов, и, во-вторых, не всегда коррелирует с грамматическим статусом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитив; ADV — адвербиалис; AOR — аорист; ASS — асертив; CAUS — каузатив; COORD — сочинение; CSL — циклокатив; DAT — датив; DCL — декларатив; DEF — определенный артикль; DIR — директив; DIST — дистантный демонстратив; DYN — динамичность; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FIN — финитность; FUT — будущее время; H — личный род; HAB — хабитуалис; IAM — ямитив; IMP — императив; INDEF — неопределенный артикль; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; JUSS — юссив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MSD — масдар; N — неличный род; NEG — отрицание; NFIN — нефинитность; NONDUM — показатель ‘ЕЩЕ НЕ’; NPST — непростшедшее время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; PR — посессор; PROX — проксимальный демонстратив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительность; QUOT — квотатив; RE — рефактив; REL — релятивизация; REL.MNR — релятивизация способа; REL.TMP — темпоральная релятивизация; RES — результатив; RFL — рефлексив; SG — единственное число; STILL — показатель ‘ЕЩЕ’; TRL — транслокатив; UNIT — счетный суффикс.

Литература

- Авидзба 1968 — З. Х. Авидзба. Функция суффикса -х- в глаголах абхазского и абазинского языков // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия филологическая. 1968. Вып. 5. С. 141–157.
- Авидзба 2017 — З. Х. Авидзба. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка (по данным всех абхазо-абазинских диалектов). Сухуми: АБИГИ, 2017.
- Аркадьев 2006 — П. М. Аркадьев. Аспектуальная деривация в АЯ: к постановке проблемы. Экспедиционный отчет. Рукопись. 2006.
- Аркадьев 2014 — П. М. Аркадьев. Некоторые нетривиальные употребления претерита в бжедугском диалекте адыгейского языка. Экспедиционный отчет. Рукопись. 2014.

- Аркадьев 2015 — П. М. Аркадьев. Результатив и зрелый результатив в Блечепсине. Экспедиционный отчет. Рукопись. 2015.
- Аркадьев 2018 — П. М. Аркадьев. Результатив в абазинском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. 2018.
- Аркадьев, Герасимов 2019 — П. М. Аркадьев, Д. В. Герасимов. От релятивизации к аспекту: конструкции с префиксом *zere-* в адыгских языках // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Языки славянской культуры, 2019. С. 11–42.
- Аркадьев, Короткова 2005 — П. М. Аркадьев, Н. А. Короткова. О показателе *-žʷ* в адыгейском языке // А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г. СПб.: Наука, 2005. С. 19–22.
- Волков 2017 — О. С. Волков. Типология инхоативных показателей: грамматикализация и модели полисемии. Рукопись. М., 2017.
- Генко 1955 — А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Горбунова 2014 — И. М. Горбунова. Категория фазовой полярности в атайском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 34–54.
- Грамматика 1968 — Ш. К. Аристава, Х. С. Бгажба, М. М. Циколия, Л. П. Чкадуа, К. С. Шакрыл (ред.). Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухум: Алашара, 1968.
- Грамматика 1970 — П. М. Багов, Б. Х. Балкаров, Т. Х. Куашева, М. А. Кумахов, Г. В. Рогава (ред.). Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970.
- Клягина 2018 — Е. С. Клягина. Система прошедших времен в абхазо-адыгских языках. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2018.
- Клягина, Аркадьев 2019 — Е. С. Клягина, П. М. Аркадьев. Категория сверхпрошлого в западнокавказских языках // Б. Ч. Бижоев (ред.). Кавказская филология: история и перспективы. Нальчик: ИГИ КБН РАН, 2019. С. 180–191.
- Короткова 2009а — Н. А. Короткова. «Прошрое» и «сверхпрошрое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 262–286.
- Короткова 2009б — Н. А. Короткова. Темпоральные и аспектуальные суффиксы адыгейского языка. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2009.
- Кувшинова 2015 — Е. В. Кувшинова. Суффиксы: инвентарь, порядок, функции (кубанский диалект кабардинского языка). Экспедиционный отчет. Рукопись. 2015.
- Ломтатидзе 2006 — К. Ломтатидзе. Абазинский язык (краткое обозрение). Тбилиси: Универсали, 2006.

- Лосева 2011 — П. Лосева. Экспедиционный отчет (аул Уляп, Респ. Адыгея, 2011). Экспедиционный отчет. Рукопись. 2011.
- Панова 2019 — А. Б. Панова. Рефактивы в абазинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. XV. Ч. 2. С. 195–212. DOI: 10.30842/alp2306573715207.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Рogaва, Керашева 1966 — Г. В. Рogaва, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1966.
- Сай 2003 — С. С. Сай. Начинательность в адыгейском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. 2003.
- Сомин 2012 — А. А. Сомин. Время, вид и модальность глагола в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2012.
- Стойнова 2013 — Н. М. Стойнова. Показатели рефактива. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1976.
- Чкадуа 1970 — Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Шкапа 2007 — М. Шкапа. Результатив. Экспедиционный хендаут. Рукопись. 2007.
- Шлуинский 2016 — А. Б. Шлуинский. Терминатив в языке сусу: к типологии терминативной разновидности перфекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 743–775.
- Arkadiev (to appear) — P. M. Arkadiev. Abaza // Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). The Caucasian Languages. An International Handbook. Berlin: De Gruyter Mouton. To appear.
- Chirikba 2003 — V. A. Chirikba. Abkhaz. München: Lincom Europa, 2003.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space // Letras de Hoje. 2016. Vol. 51. Pt. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Hewitt 1979 — B. G. Hewitt. Abkhaz Lingua Descriptive Studies. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Kramer 2017 — R. Kramer. Position Paper on Phasal Polarity Expressions. Manuscript. Hamburg: Hamburg University, 2017. URL: <https://www.aai.uni-hamburg.de/afrika/php2018/medien/position-paper-on-php.pdf> (дата обращения 21.07.2020).

- Kramer 2021 — R. Kramer (ed.). The Expression of Phasal Polarity in African Languages. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021.
- Krajinović 2020 — A. Krajinović. Tense, Mood, and Aspect Expressions in Nafsan (South Efate) from a Typological Perspective: The Perfect Aspect and the Realis/Irrealis Mood. PhD thesis. Berlin; Melbourne: Humboldt-Universität zu Berlin, University of Melbourne, 2020.
- Krifka 2000 — M. Krifka. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already // Papers from the Parasession on Aspect, the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2000. P. 401–412. DOI: 10.3765/bls.v26i1.1125.
- Löbner 1989 — S. Löbner. German *schon* — *erst* — *noch*: An integrated analysis // Linguistics and Philosophy. 1989. № 12. P. 167–212. DOI: 10.1007/BF00627659.
- Löfgren 2018 — A. Löfgren. Phasal Polarity Systems in East Bantu. BA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2018.
- Löfgren 2019 — A. Löfgren. Phasal Polarity in Bantu Languages. A Typological Study. MA term paper. Stockholm: Stockholm University, 2019.
- Lomtatidze et al. 1989 — K. Lomtatidze, R. Klychev, B. G. Hewitt. Abaza // B. G. Hewitt (ed.). The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 2: The North West Caucasian Languages. Delmar; New York: Caravan, 1989. P. 91–154.
- Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and Beyond. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2013.
- O’Herin 2002 — B. O’Herin. Case and Agreement in Abaza. Arlington: SIL International; University of Texas Press, 2002.
- Plungian 1999 — V. Plungian. A typology of phasal meanings // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 311–322. DOI: 10.1075/slcs.50.21plu.
- Spruit 1986 — A. Spruit. Abkhaz Studies. PhD thesis. Leiden: University of Leiden, 1986.
- van Baar 1997 — T. M. van Baar. Phasal Polarity. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145. DOI: 10.1515/9783110802610.25.
- Veselinova 2015 — L. Veselinova. Not-yet expressions in the languages of the world: A special negator or a separate cross-linguistic category? A talk presented at Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, May 1–3, 2015.

Veselinova 2019 — L. Veselinova. Phasal polarity in Austronesian // Book of Abstracts for 13th Conference of the Association for Linguistic Typology. University of Pavia, 4–6 September, 2019. Pavia: University of Pavia Press, 2019. P. 231–232.

Источники

Евангелие 1992 — Къэбарышпур (Инджыл). Новый Завет на адыгейском языке. Стокгольм: Институт перевода Библии, 1992.

Евангелие 2010 — Хъыбарыфыр (Инджыл). Новый Завет на кабардинском языке. Стокгольм: Институт перевода Библии, 2010.

Евангелие 2013 — Анчва йгIахчахра ажвабыжьбзи. Перевод Евангелия от Луки на абазинский язык. Черкесск: Полиграфист-2, 2013.

Евангелие 2015 — Аҕатә Уасиаҕ. М., Сухум: Апхэынтшәкэтыжьырта, 2015.

Евангелие от Луки — Евангелие от Луки. Синодальный перевод (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/text?m=RSP&l=Luke.1.1.1&g=0> (дата обращения 21.07.2020).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorp.ru/> (дата обращения 22.07.2020)

Словарь 1960 — Х. Д. Водождокова (ред.). Русско-адыгейский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960.

Словарь 1991 — Х. Г. Гяургиев, Х. Х. Сукунов (ред.). Школьный русско-кабардинский словарь. Нальчик: Нарт, 1991.

Gospel of Luke — Gospel of Luke. New International Version (электронный ресурс). URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Luke+1&version=NIV> (дата обращения 21.07.2020).

References

Arkadiev 2006 — P. M. Arkadiev. *Aspektualnaya derivatsiya v AYа: k postanovke problemy* [The Aspectual Derivation in Adyghe: Preliminary Remarks]. Fieldwork report. Manuscript. 2006.

Arkadiev 2014 — P. M. Arkadiev. *Nekotoryye netrivialnyye upotrebleniya preterita v bzhedugskom dialekte adygeyskogo yazyka* [Some Nontrivial Cases of Preterite in the Bzhedug Dialect of the Adyghe Language]. Fieldwork report. Manuscript. 2014.

Arkadiev 2015 — P. M. Arkadiev. *Rezultativ i zeryltativ v Blechepsine* [Resultative and zero- Form in Kuban Kabardian]. Fieldwork report. Manuscript. 2015.

- Arkadiev 2018 — P. M. Arkadiev. *Rezultativ v abazinskom yazyke* [Resultative in Abaza]. Fieldwork report. Manuscript. 2018.
- Arkadiev (to appear) — P. M. Arkadiev, Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). *The Caucasian Languages. An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. To appear.
- Arkadiev, Gerasimov 2019 — P. M. Arkadiev, D. V. Gerasimov. Ot relyativizatsii k aspektu: konstruktсии s prefiksom *zere-* v adygskich yazykakh [From Relativization to Aspect: Constructions with the Prefix *zere-* in Circassian Languages]. D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (eds.). *Sbornik statey k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo* [Festschrift in Honour of V. S. Khrakovsky]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2019. P. 11–42.
- Arkadiev, Korotkova 2005 — P. M. Arkadiev, N. A. Korotkova. O pokazatele *-ž'ə-* v adygeyskom yazyke [The Refactive Marker *-ž'ə-* in West Circassian]. A. P. Vydrin, D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, S. S. Say (eds.). *Vtoraya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Materialy. Sankt-Peterburg, 3–5 noyabrya 2005 g.* [II Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Materials. St. Petersburg, November 4–5, 2005]. St. Petersburg: Nauka, 2005. P. 19–22.
- Avidzba 1968 — Z. Kh. Avidzba. Funktsiya suffiksa *-χ-* v glagolakh abkhazskogo i abazinskogo yazykov [Functions of the Suffix *-χ-* in Abkhaz and Abaza Verbs]. *Trudy Karachayevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. 1968. Vol. 5. P. 141–157.
- Avidzba 2017 — Z. Kh. Avidzba. *Modalnyye affixy v glagole abkhazskogo yazyka (po dannym vsekh abkhazsko-abazinskikh dialektov)* [Modal Affixes in the Abkhaz Verb (On the Basis of All Abkhaz-Abaza Dialects)]. Sukhumi: Abkhaz Institute for the Humanities, 2017.
- Chkadua 1970 — L. P. Chkadua. *Sistema vremen i osnovnykh modalnykh obrazovaniy v abkhazo-abazinskikh dialektakh* [The System of Tenses and Modal Formations in Abkhaz-Abaza Dialects]. Tbilisi: Metsniyereba, 1970.
- Chirikba 2003 — V. A. Chirikba. *Abkhaz*. München: Lincom Europa, 2003.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. Pt. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Genko 1955 — A. N. Genko. *Abazinskiy yazyk. Grammaticheskiy ocherk narechiya tapanta* [The Abaza Language. Grammar Sketch of the Tapanta Dialect]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1955.
- Gorbunova 2014 — I. M. Gorbunova. Kategoriya fazovoy polyarnosti v atayalskom yazyke [Category of Phasal Polarity in Atayal]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2014. No. 3. P. 34–54.

- Grammar 1968 — Sh. K. Aristava, Kh. S. Bgazhba, M. M. Tsikoliya, L. P. Chkadua, K. S. Shakryl (eds.). *Grammatika abkhazskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Grammar of Abkhaz. Phonetics and Morphology]. Sukhumi: Alashara, 1968.
- Grammar 1970 — P. M. Bagov, B. Kh. Balkarov, T. Kh. Kuasheva, M. A. Kumakhov, G. V. Rogava (eds.). *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Grammar of Kabardian. Phonetics and Morphology]. Moscow: Nauka, 1970.
- Hewitt 1979 — B. G. Hewitt. *Abkhaz. Lingua Descriptive Studies*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Klyagina 2018 — E. Klyagina. *Sistema proshedshikh vremen v abkhazo-adygskikh yazykakh* [System of Past Tenses in the Abkhaz-Adyghe Languages]. BA thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2018.
- Klyagina, Arkadiev 2019 — E. Klyagina, P. Arkadiev. Kategoriya sverkhproshlogo v zapadnokavkazskikh yazykakh [The Category of Discontinuous Past in North-west Caucasian Languages]. B. Ch. Bizhoyev (ed.). *Kavkazskaya filologiya: istoriya i perspektivy* [Caucasian Philology: History and Prospects]. Nalchik: Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 180–191.
- Korotkova 2009a — N. A. Korotkova. “Proshloye” i “sverkhproshloye” v adygeyskom yazyke [Past and Discontinuous Past in Adyghe]. Ya. G. Testelet (ed.). *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka* [Aspects of Polysynthetism: Overview of the Adyghe Grammar]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. P. 262–286.
- Korotkova 2009b — N. A. Korotkova. *Temporalnyye i aspektualnyye suffiksy adygeyskogo yazyka* [Temporal and Aspectual Suffixes in Adyghe]. BA thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009.
- Krajinović 2020 — A. Krajinović. *Tense, Mood, and Aspect Expressions in Nafsan (South Efate) from a Typological Perspective: The Perfect Aspect and the Realis / Irrealis Mood*. PhD thesis. Berlin; Melbourne: Humboldt-Universität zu Berlin; University of Melbourne, 2020.
- Kramer 2017 — R. Kramer. *Position Paper on Phasal Polarity Expressions*. Manuscript. Hamburg: Hamburg University, 2017. Available at: <https://www.aai.uni-hamburg.de/afrika/php2018/medien/position-paper-on-php.pdf> (accessed on 21.07.2020).
- Kramer 2021 — R. Kramer (ed.). *The Expression of Phasal Polarity in African Languages*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021.
- Krifka 2000 — M. Krifka. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already. Papers from the Parasession on Aspect, the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2000. P. 401–412. DOI: 10.3765/bls.v26i1.1125.

- Kuvshinova 2015 — E. V. Kuvshinova. *Stuffiksy: inventar, poryadok, funktsii (kubanskiy dialekt kabardinskogo yazyka)* [Suffixes: Inventory, Order, Functions (On the Basis of the Kuban Dialect of Kabardian Language)]. Fieldwork report. Manuscript. 2015.
- Löbner 1989 — S. Löbner. German *schon — erst — noch*: An integrated analysis. *Linguistics and Philosophy*. 1989. Vol. 12. P. 167–212. DOI: 10.1007/BF00627659.
- Löfgren 2018 — A. Löfgren. *Phasal Polarity Systems in East Bantu*. BA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2018.
- Löfgren 2019 — A. Löfgren. *Phasal Polarity in Bantu Languages. A Typological Study*. MA term paper. Stockholm: Stockholm University, 2019.
- Lomtadidze 2006 — K. Lomtadidze. *Abazinskiy yazyk (kratkoye obozreniye)* [The Abaza Language: A Short Overview]. Tbilisi: Universali, 2006.
- Lomtadidze et al. 1989 — K. Lomtadidze, R. Klychev, B. G. Hewitt. Abaza. B. G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2: *The North West Caucasian Languages*. Delmar; New York: Caravan, 1989. P. 91–154.
- Loseva 2011 — P. Loseva. *Ekspeditsionnyy otchet (aul Ulyap, resp. Adygeya, 2011)* [Fieldwork Report (Ulyap, Adygea)]. Fieldwork report. Manuscript. 2011.
- Olsson 2013 — B. Olsson. *Iamitives: Perfects in Southeast Asia and Beyond*. MA thesis. Stockholm: Stockholm University, 2013.
- O’Herin 2002 — B. O’Herin. *Case and Agreement in Abaza*. Arlington: SIL International; University of Texas Press, 2002.
- Panova 2019 — A. Panova. Refaktivny v abazinskom yazyke [‘Again’-Markers (Re-factives) in Abaza]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. Pt. 2. P. 195–212. DOI: 10.30842/alp2306573715207.
- Plungian 1999 — V. Plungian. A typology of phasal meanings. W. Abraham, L. Kulikov (eds.). *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 311–322. DOI: 10.1075/slcs.50.21plu.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antirezultative: Before and After the Resultative]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Theoretical Grammar]. Vol. 1: *Glagolnyye kategorii* [Verbal Categories]. Moscow: Russkiye slovari, 2001. P. 50–88.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the Languages of the World]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.
- Rogava, Kerasheva 1966 — G. V. Rogava, Z. I. Kerasheva. *Grammatika adygeyskogo yazyka* [Grammar of Adyghe]. Krasnodar; Maikop: Adygeyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1966.

- Say 2003 — S. S. Say. *Nachinatelnost v adygeyskom yazyke* [Inchoatives in Adyghe]. Fieldwork report. Manuscript. 2003.
- Shkapa 2007 — M. Shkapa. Rezultativ [Resultative [in Shapsug Adyghe]]. Fieldwork handout. Manuscript. 2007.
- Shluinskiy 2016 — A. B. Shluinskiy. Terminativ v yazyke susu: k tipologii terminativnoy raznovidnosti perfekta [Terminative in Susu: The Typology of Terminative Perfect]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2016. Vol. 12. Pt. 2. P. 743–775.
- Somin 2012 — A. A. Somin. *Vremya, vid i modalnost glagola v besleneyevskom dialekte kabardino-cherkesskogo yazyka* [TAM System in Besleney Dialect of Kabardian Language]. BA thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012.
- Spruit 1986 — A. Spruit. *Abkhaz Studies*. PhD thesis. Leiden: University of Leiden, 1986.
- Stoynova 2013 — N. M. Stoynova. *Pokazateli refaktiva* ['Again'-Markers]. Moscow: AST-Press, 2013.
- Tabulova 1976 — N. T. Tabulova. *Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of Abaza: Phonetics and Morphology]. Cherkessk: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo, Karachay-Cherkessk branch, 1976.
- van Baar 1997 — T. M. van Baar. *Phasal Polarity*. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145. DOI: 10.1515/9783110802610.25.
- Veselinova 2015 — L. Veselinova. Not-yet expressions in the languages of the world: A special negator or a separate cross-linguistic category? A talk presented at Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, May 1–3, 2015.
- Veselinova 2019 — L. Veselinova. Phasal polarity in Austronesian. *Book of Abstracts for 13th Conference of the Association for Linguistic Typology (University of Pavia, 4–6 September 2019)*. Pavia: University of Pavia Press, 2019. P. 231–232.
- Volkov 2017 — O. S. Volkov. *Tipologiya inkhoativnykh pokazateley: grammatikalizatsiya i modeli polisemii* [Typology of Inchoative Markers: Grammaticalization and Models of Polysemy]. Postgraduate thesis. Moscow: Moscow State University, 2017.

Функции рефлексивного местоимения в эвенкийском языке

Е. Л. Клячко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия), Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
elenaklyachko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются формы, образуемые в эвенкийском языке от основы так называемого рефлексивного местоимения. Используются данные корпуса текстов — как современных, так и записанных в середине прошлого века, — а также материалы элицитации. Показано, что и формы с рефлексивными притяжательными показателями, и формы с личными притяжательными показателями могут выполнять эмфатические и анафорические функции. В связи с этим предложена отличная от традиционной интерпретация этих форм как эмфатических, переключающих фокус на более (в случае рефлексивных притяжательных показателей) или менее (в случае личных показателей) выделенных участников ситуации.

Ключевые слова: эвенкийский язык, рефлексивы, эмфатические местоимения.

Functions of reflexive pronouns in Evenki dialects

E. L. Klyachko

HSE University, Institute of Linguistics (Moscow, Russia), Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia); elenaklyachko@gmail.com

Abstract. The paper focuses on the various forms derived from the stem of the so-called Evenki reflexive pronoun *mэ:n-*. Given that the Evenki language is spread over a vast territory, with Standard Evenki playing a very restricted role, it is crucial to take into consideration data from multiple dialects. With this in mind, the paper is based on data from corpora of oral texts (both modern and those recorded in the mid-20th century), while also using elicitation data. The three forms considered in the paper

are the “plain” (affixless) *mə:n*, *mə:n* with personal possessive suffixes, and *mə:n* with reflexive possessive suffixes. The first is quite rare and mostly occurs in Eastern Evenki dialects where it marks the possessor in possessive constructions or is sometimes used anaphorically or emphatically. As regards the other two forms, the traditional interpretation strictly classifies them as reflexive versus emphatic. Our data, however, shows that forms with both the personal possessive marker and the reflexive possessive marker can fulfill emphatic and anaphoric functions. The emphatic functions can be compared to those of similar “emphatic” pronouns in Russian or Tsakhur. Moreover, the reflexive function is actually not syntactically pure, since there are “broad” antecedent cases (with the antecedent including both the subject and family), or cases of reciprocal interpretation. Our conclusion is that these forms should be interpreted as emphatic and switching the focus to the more (the reflexive possessive markers) or less (the personal possessive markers) prominent participants. The paper also discusses the structure of main and dependent clauses in Evenki, with the head of the latter usually being a non-finite verb such as a converb, and the way the clause and its head influence the choice between the reflexive possessive or the personal possessive form. The paper suggests that particular converbs differ in switching the focus to the more or less prominent participants and thus determining which pronoun form will be used. However, given the great number of non-finite forms in Evenki, the paper touches upon this issue only briefly and leaves these problems for future work.

Keywords: Evenki language, reflexives, emphatic pronouns.

1. Введение

Исследования по рефлексивным местоимениям в тунгусо-маньчжурских языках, к которым принадлежит эвенкийский, немногочисленны [Matić 2008, 2020; Стойнова 2018], а собственно эвенкийский представлен лишь общими грамматическими описаниями. Как известно из них, в эвенкийском языке от основы рефлексивного местоимения могут образовываться различные формы, содержащие притяжательные показатели: личные либо возвратные. Традиционно последние классифицируются как собственно рефлексивные, в то время как первые считаются эмфатическими [Константинова

1964: 128, 129; Nedjalkov 1997: 109; 203]. В настоящей работе на основе проведенных экспериментов и анализа корпуса текстов предлагается иная интерпретация всех указанных форм. Вместо противопоставления рефлексивных местоимений эмфатическим я предлагаю считать все указанные формы эмфатическими, переключающими фокус на более или менее выделенного участника ситуации. Аргументы в пользу этой точки зрения будут приведены в настоящей работе.

1.1. Эвенкийский язык

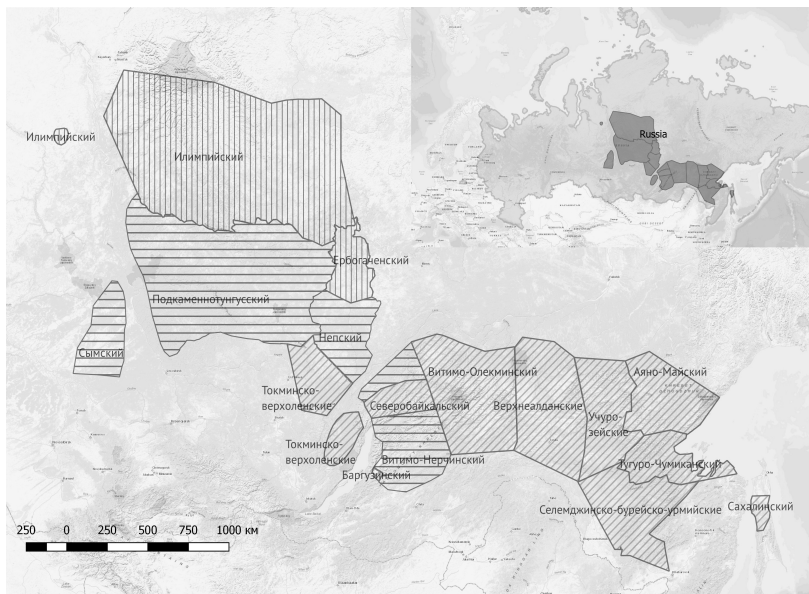
Вплоть до недавнего времени эвенкийский язык был распространен на огромных территориях в России, Китае и Монголии, однако в наши дни он находится под угрозой исчезновения и ареал его распространения сужается. По данным на 2020 г., число носителей эвенкийского языка в России составляло менее 5000 человек [ВПН 2010]. В Китае, по разным оценкам, от 4000 [Tsumagari 1992: 83; Whaley 1998; Whaley, Li 2000: 108–110] до 11 000 носителей эвенкийского языка [Ethnologue 2020]. Такой разброс объясняется разным подходом к классификации языков и диалектов: традиционная китайская классификация включает в число диалектов эвенкийского языка солонский, но не включает ороchonский [Tsumagari 1992: 83]. В современной Монголии эвенкийский язык (хамниганский диалект), по видимому, мертв [Цендина и др. 2021].

На основании фонетических признаков эвенкийские диалекты разделяют на три группы: северное, южное и восточное наречие [Василевич 1948]. На карте ниже (*Рис. 1*, с. 190) представлены эвенкийские диалекты на территории России.

Литературный стандарт эвенкийского языка основан на говорах южного наречия, однако в связи с ограниченностью школьного образования на этом языке, почти полным отсутствием СМИ на нем и в целом непредставленностью в официальной сфере он не получил распространения среди носителей двух других наречий. В настоящей работе рассматриваются только данные эвенкийских диалектов России, поскольку материалы по ним более доступны.

Рис. 1. Карта диалектов эвенкийского языка
(рис. Н. А. Мамонтовой по [Василевич 1948])

Fig. 1. Map of Evenki dialects (N. Mamontova after [Vasilevich 1948])

Группы диалектов
 ▨ Восточное наречие
 ▤ Северное наречие
 ▧ Южное наречие

1.2. Данные и методы

Источниками для настоящего исследования служили корпуса текстов, авторские материалы, полученные элициацией, а также данные грамматических описаний [Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Основной источник — мультимедийный корпус устных текстов Siberian-Lang [Siberian-Lang], записанных в 2006–2016 гг. в Томской обл., Красноярском крае и Иркутской обл., в расшифровке и разметке которых принимала участие и автор настоящей статьи. В основном

в корпусе представлены тексты на говорах северного наречия. Объем корпуса — около 33 000 словоупотреблений. Кроме того, использовался корпус текстов ИЭА РАН [Corpora IEA], содержащий как литературные (газеты, переводы религиозных текстов; 121 286 словоупотреблений), так и устные тексты (как и в корпусе Siberian-Lang, в основном на говорах северного наречия; 12 598 словоупотреблений). Наконец, анализировались архивные тексты: неопубликованные тексты из архива Г. М. Василевич (записи 1930-х гг.: северное, южное и восточное наречия) [Архив Василевич], материалы Е. П. Лебедевой (записи 1950-х гг., северное и южное наречия) [Лебедева 1952] и опубликованные материалы Г. М. Василевич [Василевич 1966] — в основном это тексты на восточном наречии, но представлены и два других наречия. Все примеры приведены в графике источника, указаны год и место записи, а также диалект рассказчика (если известно) и наречие (северное / южное / восточное). Глоссирование всюду мое.

Эксперименты по элицитации проводились в 2014 г. в Красноярском крае (олимпийский диалект северного наречия) и в 2016 г. в Иркутской обл. (ербогаченский диалект северного наречия). Было опрошено четыре человека. Им предлагалось перевести предложения, содержащие рефлексивное местоимение, с русского языка на эвенкийский. Далее их спрашивали, можно ли заменить употребленное ими местоимение на другое. Недостатком такого способа опроса является возможное влияние русского стимула, однако в полученных примерах есть конструкции, буквальный перевод которых на русский невозможен, т. е. мы не можем говорить о полном калькировании.

1.3. Исследование рефлексивных местоимений в тунгусо-маньчжурских языках

Как уже говорилось выше, на материале тунгусо-маньчжурских языков рефлексивные местоимения исследовались в нанайском [Стойнова 2018] и эвенском [Matić 2008, 2020; Бузанов, настоящий сборник]. Н. М. Стойнова рассматривает, как исходная система нанайского языка с контролем рефлексива через границу клаузы

меняется новой — с преимущественным контролем внутри клаузы, по-видимому, под влиянием русского языка. Д. Матич в своем докладе [Matić 2008] показывает, что в эвенском языке рефлексивный притяжательный показатель может согласовываться «по смыслу» с антецедентом, выводимым из контекста. В [Matić 2020] Д. Матич рассматривает формы рефлексивных местоимений в эвенском языке с точки зрения диалектологии.

1.4. Базовые сведения из эвенкийской грамматики

1.4.1. Формы рефлексивного местоимения

Основа рефлексивного местоимения в эвенкийском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках [ТМС 1975: 568], — /*mə:n*/.¹ Для *mə:n* предлагается общеалтайская этимология как корня со значением ‘тело’ [EDAL 2003: 912]. *mə:n* ведет себя как обычная именная основа, присоединяя словообразовательные, падежные, числовые и притяжательные показатели. Структура именной словоформы представлена в *Таблице 1* ниже.

Таблица 1. Структура именной словоформы в эвенкийском языке [Bulatova, Grenoble 1999: 15]

Table 1. The structure of a nominal word form in Evenki [Bulatova, Grenoble 1999: 15]

1	2	3	4	5	6
основа	слово-образоват. аффиксы	отчужд. обладание ²	число	падеж	обладание

¹ Гласный среднего ряда *ə* в различных диалектах эвенкийского языка может реализоваться также как звук, близкий к *o*, или звук, близкий к *a*. Далее в работе *mə:n* будет записываться курсивом, без скобок.

² Если в словоформе заполнен слот 3, в ней также должен быть заполнен слот 6.

Показатель обладания может быть как личным (1), так и рефлексивным (2):

- (1) *tuliski: ju:-w-rə-n=do: hutə-l-wo-n*
 на.улицу выйти-TR-NFUT-3SG=FOC **ребенок-PL-ACC-PS3SG**
 ‘Он_i (Чарчикан) на улицу вывел **его_j** (чудовища) детей’. (ВХЁ)
- (2) *hutə-l-du:-ji gun-ə-n*
ребенок-PL-DATLOC-RFL.SG сказать-NFUT-3SG
 ‘Он_i сказал **своим_i** детям’. (ВХЁ)

Показатели обладания (вариант зависит от конечного звука основы) приведены в *Таблице 2* ниже:

Таблица 2. Показатели обладания ([Константинова 1964: 62], добавлены также диалектные варианты)

Table 2. Possession markers ([Константинова 1964: 62], enriched with dialectal variants)

лицо обладателя	число обладателя	показатель
1	ед.	<i>-w, -m, -wi, -mi</i>
2	ед.	<i>-s, -ni-, -li, -ri</i>
3	ед.	<i>-n</i>
1	мн. (инклюзивное)	<i>-t, -p, -ti, -pi</i>
	мн. (эксклюзивное)	<i>-wun, -mun, -bun, -pun</i>
2	мн.	<i>-sun, -nun, -lun, -run</i>
3	мн.	<i>-tin</i>
(возвратный)	ед.	<i>-wi:, -pi:, -ki:, -ji:, -bi:, -mi:</i>
(возвратный)	мн.	<i>-wVr³, -mVr, -bVr, -pVr, -bVr, -kVr</i>

Рефлексивные притяжательные показатели имен (две последних строки *Таблицы 2*), по мнению Й. Бенцинга, происходят от основы рефлексивного местоимения *tə:n* ([Benzing 1956: 110, 111]; при этом происхождение самой основы *tə:n* от ‘тело’ им оспаривается).

³ Символом *V* здесь и далее обозначен гармонирующий гласный.

1.4.2. Способы оформления предиката в основной и зависимой клаузах

В основной клаузе в эвенкийском языке используется личная форма глагола, реже причастная; в подчиненной — причастная или деепричастная. Причастия могут использоваться в субстантивной, атрибутивной или предикативной функциях [Bulatova, Grenoble 1999: 40], являясь вершинами клауз. В частности, в [Nedjalkov 1997: 1, 2; 24, 25] субстантивные причастия рассматриваются как вершины подчиненных клауз. В (3)–(5) причастные формы употребляются в основных клаузах. Формы из основной клаузы: *təγə-wko:-śo* (сесть-CAUS-PANT) ‘посадил’, *hawal-mu:-d'a-wki:-l* (работать-DES-PHAB-PL) ‘хотят работать’, *do:lča:t-ča-sa* (слушать-IPFV-PANT) ‘слушала’, употребленные предикативно, согласуются с субъектами по числу. Формы из зависимых клауз: *iśə-w-ri:-du:-n* (видеть-PASS-PSIM-DATLOC-PS3SG) ‘там, где был виден’, *əda:n-d'ə-ri:-wa-tin* (шалить-IPFV-PSIM-ACC-PS3PL) ‘то, как они шалят’, употребленные субстантивно, также согласуются с субъектами по числу и содержат показатели обладания.

- (3) *tadu: hoj-du: təγə-wko:-śo d'u-n*
там тундра-DATLOC сесть-CAUS-PANT дом.чум-PS3SG
iśə-w-ri:-du:-n
видеть-PASS-PSIM-DATLOC-PS3SG
‘Там на тундре посадил их, где был виден его чум’. (BXĚ)
- (4) *na:lə-li-n luhu hawal-mu:-d'a-wki:-l*
рука-PL-PS3SG всё.время работать-DES-PHAB-PL
‘Его руки его всё время хотят работать’. (BXĚ)
- (5) *tar toγo-l-d'i-wər əda:n-d'ə-ri:-wa-tin*
ТОТ ОГОНЬ-PL-INSTR-RFL.PL шалить-IPFV-PSIM-ACC-PS3PL
do:lča:t-ča-sa tar atirka:n
слушать-IPFV-PANT ТОТ старуха
‘Та старуха слушала, как они шалят со своими огнями’. (BXĚ)

Деепричастия делятся на односубъектные (всегда имеют тот же субъект, что и форма в основной клаузе, например (6))

и разносубъектные (субъект может отличаться, но необязательно, ср. (7) и (8), где используется одно и то же деепричастие цели). Если субъект разносубъектного деепричастия совпадает с субъектом главной клаузы, деепричастие получает возвратный притяжательный показатель, как в (8); при несовпадении же субъектов деепричастие присоединяет личный притяжательный показатель (7). Субъект деепричастия может быть выражен явно, но чаще опускается.

- (6) *suru-d'ə-nə gun-ə-n*
пойти-IPFV-CV SIM сказать-NFUT-3SG
'уходя, сказал' (ВИА)
- (7) *oron-mo=do: bu:-rə-∅ huru-p-do:-tin oron-du:*
олень-ACC=FOC дать-NFUT-3PL пойти-TR-CVPURP-PS3PL олень-DATLOC
'Оленя дали, чтобы те повезли на олене'. (СПМ)
- (8) *to:li: nuɟan-ma-n huru-p-do:-wər ɲəkə-d'ə-so:-tin*
тогда 3SG-ACC-PS3SG пойти-TR-CVPURP-RFL.PL собраться-IPFV-PST-3PL
'Тогда его отвезти хотели'. (СПМ)

Под влиянием русского языка в эвенкийском появляются союзные слова (как заимствованные, так и образованные из эвенкийских вопросительных слов 'когда', 'где' и т. п.), а также калькируется русская структура подчиненной клаузы с финитными глаголами в обеих ее частях. Союзы, появившиеся не под влиянием русского языка, очень малочисленны, генетически связаны с наречиями либо имеют деепричастное происхождение [Константинова 1964: 249].

2. Местоимения с основой *тə:n*- в эвенкийском языке

2.1. Формы местоимения

В данном разделе речь пойдет о рефлексивных местоимениях как самостоятельных словоформам (в противовес притяжательным показателям обладания). От основы *тə:n* образованы следующие формы местоимений.

1. *тэ:n* без притяжательных суффиксов. В [Василевич 1948: 266] отмечается употребление *тэ:n* в учурско-зейских говорах «как единственный случай», в эмфатическом значении (9):

- (9) *мэн Лубэ авгарā-эү?*
 RFL Люба здоровый-INTERROG
 ‘Сама Люба здорова?’ (пример Г. М. Василевич)

Кроме того, Г. М. Василевич отмечает употребление самостоятельного *тэ:n* в кур-урмийских говорах в эмфатическом значении, а также для выражения обладателя в притяжательных конструкциях [Василевич 1948: 285]. Таким образом, согласно Василевич, самостоятельное *тэ:n* характерно только для некоторых дальневосточных говоров. В корпусе [Siberian-Lang 2020] оно не встречается, а в [Corpora IEA] содержится один пример из литературного текста (газеты) и четыре примера из фольклорных текстов на восточных говорах. Столь же немногочисленны примеры употребления самостоятельного *тэ:n* в [Василевич 1966]: в посессивных конструкциях (10)–(11) и в качестве анафорического местоимения (12):

- (10) *Би мэн гэрбй-ви н’ән углүчэн-д’иүэ-в*
 1SG RFL имя-ACC.RFL.SG⁴ опять рассказать-FUT-1SG
 ‘И о своем имени тоже расскажу’. (ГЭ [Василевич 1966: 47; 205]).
- (11) *Мэн сā-рй-вар нэнэ-рэ-Ø*
 RFL знать-PSIM-ACC.RFL.PL идти-NFUT-3PL
 ‘Каждый летел своим путем’ (дословно: ‘Шли своими знаками’). (ГЭ [Василевич 1966: 44; 201])
- (12) *Мэн думай-дā-т-тэ-н, дулин дуннэ-вэ*
 RFL думать-IPFV-DUR-NFUT-3SG середина земля-ACC
гирку-дā-ви, дулин дуннэ-вэ н’экэ-йэ-дэ-ви
 бродить-CVPURP-RFL.SG середина земля-ACC ходить-IPFV-CVPURP-RFL.SG
 ‘Стал он раздумывать, как по средней земле побродить, в путь пуститься по средней земле’. (НА [Василевич 1966: 66, 222])

⁴ Формы с рефлексивными показателями без падежного показателя интерпретируются как аккузативные.

В [Василевич 1966: 181] встречается не совсем понятная форма *мэнэ* (13): если это не единичная оговорка или опечатка (либо некорректный перевод, поскольку существует также наречие *мэнэ* ‘едва’), то это может быть сочетанием *тэ:n* с частицей *=пэ*

- (13) *Длгача-ткй мэнэ гилбэнэ-кэм-чэ-н*
 солнце-ALL RFL? блестять-INTS-PST-3SG
 ‘... и сама она блеснула на солнце’. (ГЭ, [Василевич 1966: 22; 181])

Судя по приведенным примерам, *тэ:n* не изменяется по числам (см. (9)); контексты не позволяют судить о возможности его употребления как анафорического в косвенном падеже.

2. *тэ:пэкэн*, т. е. *тэ:n* без притяжательных суффиксов с уменьшительным / ограничительным суффиксом *-кэ:n*. В [Константинова 1964: 129] это местоимение определяется как эмфатическое, специфицированное только в отношении числа, несклоняемое. В [Василевич 1948] эта форма фиксируется не для всех говоров. В корпусах эта форма достаточно редка: встречается в литературных текстах, единично — в тексте восточного наречия и в тексте южного наречия (14). Единственный найденный пример из [Василевич 1966] — из южного наречия.

- (14) *Мэнэкэ-р э-нки-л ичэ удя-ра*
 RFL-PL NEG-PST.ITER-PL видеть.SLIP идти.по.следу-IPFV-PNEG
 ‘Сами не шли по следу’. ([Corpora IEA], Р. Д. Лихоманова, 2010, Тутончаны (Иркутская обл.), «Он умнэ булэсэл урилэндула эмэрэ», южное наречие⁵)

3. *тэ:n+RFL*, т. е. *тэ:n* с рефлексивным притяжательным показателем: *тэ:n-тi* (RFL-RFL.SG) и образованная от него форма множественного числа: *тэ:-r-wэр* (RFL-PL-RFL.PL). В грамматиках это

⁵ Комментарий из корпуса: «Р. Д. Лихоманова родилась в Иркутской области. Ее родной диалект относится к южной группе диалектов («шекающий»). Затем она переехала в Тутончаны и переняла илимпийский диалект северного наречия. Долгие годы Р. Д. Лихоманова преподавала литературный эвенкийский язык (южное наречие). Смешение трех наречий отразилось в данном тексте».

местоимение считается рефлексивным [Константинова 1964: 128; Nedjalkov 1997: 109], в отличие от других форм, образованных от той же основы. Обе формы (ед. и мн. ч.) могут присоединять падежные показатели: *мэн-дў-ви* (RFL-DATLOC-RFL.SG) ‘себе самому’, *мэ-р-дў-вэр* (RFL-PL-DATLOC-RFL.PL) ‘себе самим’ ([Константинова 1964: 128], перевод форм мой).

4. *тэ:n*+POSS, т. е. *тэ:n* с лично-притяжательным показателем, например *тэ:ni-n* (RFL-PS3SG). В [Константинова 1964: 129] определяется как эмфатическое. Как и *тэ:n*+RFL, изменяется по числам и падежам: *мэн-дў-н* (RFL-DATLOC-PS3SG) ‘ему самому’, *мэ-р-дў-тын* (RFL-PL-DATLOC-PS3PL) ‘им самим’ [Константинова 1964: 129].

Кроме того, от *тэ:n* может быть образовано рефлексивное притяжательное местоимение *тэ:n-ји:* (RFL-PROPR) ‘свой’ (15).

- (15) *ənin-du: тон-ји:-n ətəgəni-n*
 мать-DATLOC RFL-PROPR-PS3SG седло-PS3SG
 ‘У матери свое седло’. (ИКУ)

По самостоятельному *тэ:n* и *тэ:nəkən* данных и в корпусах и в грамматиках мало. Кроме того, они сосредоточены в основном в некоторых восточных говорах, поэтому данные по ним сложно было получить при помощи элицитации. Поэтому далее речь пойдет о *тэ:n*+RFL и *тэ:n*+POSS. В предложении *тэ:n*+RFL и *тэ:n*+POSS выполняют ту же роль, что и обычные имена, выступая в функции зависимых при глаголах и, реже, других существительных, как в (16):

- (16) *Ēkun-duk=ta гудей мурин или-т-ча-ра-н*
 что-AVL-FOC красивый конь встать-DUR-IPFV-NFUT-3SG
арай МЭН-ДУК-КЕ ЭМЭГЭ-ЛКЭН МЭН-ДУК-КЕ
 вдруг RFL-ABL-RFL.SG седло-СОМП RFL-ABL-RFL.SG
дэктылэ-лкэн мурин арай
 крыло-СОМП конь вдруг

‘Смотрит — стоит красавец-конь с естественным седлом и крыльями (букв.: с седлом из себя)’. (Дословно: ‘Откуда-то красивый конь вдруг стоит. С седлом из себя, с крылом из себя конь вдруг’). (СС [Василевич 1966: 28; 186])

Грамматики четко противопоставляют эти местоимения друг другу как эмфатическое и рефлексивное, однако анализ их функций показывает, что фактически они перекрывают друг друга.

2.2. *mə:n*+POSS и *mə:n*+RFL как эмфатические

В эмфатических контекстах *mə:n*+POSS может иметь следующие значения, которые присутствуют и у русской лексемы *сам* [Кибрик, Богданова 1995] или у цахурской лексемы *миž* [Лютикова 1997]:

1. «Самостоятельность» действия: X выполняет действие без помощи других лиц.

- (17) *mo:ni-n hawali-l-da-n*
 RFL-PS3SG работать-INCH-NFUT-3SG
 ‘Сам стал работать <а ранее его содержали родители>’. (АДЧ)

2. Дискурсивная функция: переключение фокуса на X.

- (18) *tadu: kušu-l-wə nə:-t-tə-n mə:ni-n*
 там труха-PL-ACC положить-DISTR-NFUT-3SG RFL-PS3SG
d'ikən-ə-n so:ŋal-du: hukə-wə
 спрятаться-NFUT-3SG место.хозяйки-DATLOC топор-ACC
hukə-wə ga-kanəm
 топор-ACC взять-CVNSIM
 ‘Там разложила труху. Сама спряталась в женской части чума, взяв топор’ (фокус переключается с объекта действия (труха) на субъекта). (ДАХ)

- (19) *Нунган га-һи-т-ча-раки-н, нунган-мā-н*
 3SG взять-INCEP-DUR-IPFV-CVCOND-3SG 3SG-ACC-PS3SG
она-ра-Ø того-лō. Нунган нурги-ра-н
 толкнуть-NFUT-3PL огонь-LOCALL 3SG сгореть-NFUT-3SG
того-ду и мЭ-р-вЭ-тын э-се дев-рЭ
 огонь-DATLOC и RFL-PL-ACC-PS3PL NEG-PANT съесть-PNEG

‘Когда она стала брать <ложку>, ее толкнули в огонь. Она сгорела на костре и **их** не съела’ (фокус переключается

на основных участников повествования — семью эвенков, спасшихся от чудовища Чулугды). (ТЯ [Лебедева 1952])

- (20) *usta-wa-tin* *mana-sa* *luki:-l-wa-tin*
 весь-ACC-PS3PL закончить-PANT стрела-PL-ACC-PS3PL
d'awa-na *garpa-wki:* ***mo-r-tiki:-tin***
 схватить-CV SIM стрелять-PNAV **RFL-PL-ALL-PS3PL**

‘Всех прикончил, хватая их стрелы и стреляя в **них самих**’ (фокус переключается на противников главного героя повествования). (ВНУ)⁶

3. Контрастивная функция: именно X и только он является участником события Р.

- (21) *Ңинакин-ми* *элгэ-укй,* *хā-деңā-с,*
 собака-ACC.RFL.SG вести.на.поводу-PST.ITER знать-FUT-2SG
бкйпты-вэ *удя-ва* *пура-кта-дя-ра-н,*
 давнишний-ACC след-ACC бежать.по.следу-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG
уōхакта-дя-ра-н «Или ***мЭн-мЭн***
 нюхать-IPFV-NFUT-3SG или **RFL-ACC-PS3SG**
амта-ра-н», — *гүн-деңэ-с*
 почувствовать-NFUT-3SG сказать-FUT-2SG

‘Если на привязи собаку ведешь, узнаешь, по чьему давнишнему следу бежит, нюхает. «Или **самого** [зверя] учуяла», — скажешь’ (собака учуяла не просто давнишний след, а самого зверя). ([Согрога ИЕА], Г. Н. Хутокогир, 2012, Тура (Эконда⁷), «Ая җинакин», илимпийский диалект, северное наречие)

Для *тэ:n+RFL* можно также найти примеры подобных эмфатических употреблений: в «самостоятельной» (22) и контрастивной (23) функциях:

⁶ Рецензент указал, что этот пример является также примером контрастивной функции («стрелял их же стрелами в них же самих»).

⁷ Родной поселок Г. Н. Хутокогира.

- (22) *taduk oláńawot o:-da-m mǎ:-klo:-ji*
 потом оленевод статья-NFUT-1SG RFL-LOC DIR-RFL.SG
 ‘Потом я оленеводом стал сам по себе’ (а до этого учился у дру-
 гих). (ГНХ)
- (23) *ras huru-mi dak nadej-d’a-kəl*
 раз пойти-CVCOND так надеяться-IPFV-IMPER.2SG
mon-mi
 RFL-ACC.RFL.SG
 ‘Раз пошел, так надейся на себя’ (а не на других)’. (КСС) — ср. (17)

Форма LOC DIR, употребленная в (22), достаточно редка в боль-
 шинстве эвенкийских говоров [Константинова 1964: 46] и может
 быть интерпретирована как застывшее идиоматическое выражение,
 но в любом случае ее происхождение от *mǎ:n*+RFL несомненно.

2.3. *mǎ:n*+RFL и *mǎ:n*+POSS как анафорические

В предыдущем разделе рассматривалось употребление форм *mǎ:n*
 в эмфатических контекстах, в этом же будут рассмотрены чисто анафо-
 рические функции этих местоимений. В эвенкийском языке выделяют
 следующие анафорические местоимения [Nedjalkov 1997: 102–108]:

- рефлексивные: *mǎ:n*+RFL (24)
 - нерефлексивные:
 - личные (25)
 - указательные, используемые в функции анафориче-
 ских (26)
- (24) *kuŋakan mo:n-mi: d’ontŕa-rǎ-n*
 ребенок RFL-ACC.RFL.SG помнить-NFUT-3SG
 ‘Ребенок себя помнит’. (ВИА)
- (25) *d’ontŕa-d’a-Ø-m=wəhin nuŋan-ma-n*
 помнить-IPFV-NFUT-1SG=FOC 3SG-ACC-PS3SG
 ‘Помню я ее’. (ВХЁ)

- (26) *tari-ŋ-mi haraŋi-l-da-n*
TOT-AL-ACC.RFL.SG хоронить-INCH-NFUT-3SG
 ‘Ее стал хоронить’. (ПКП)

Областью связывания рефлексивного местоимения является минимальная клауза, как финитная (24), так и нефинитная (с вершиной — деепричастием) (27):

- (27) *hagdi atirkan gu-tʃo:-n kujaka-r-du*
 старый старуха сказать-PST-3SG ребенок-PL-DATLOC
mo:-r-wə-r hilki-da:-tin
RFL-PL-ACC.RFL.PL очистить-CVPURP-3PL
 ‘Старая бабушка велела детям, себя, помыть’. (элицитация, ербогаченский говор северного наречия)

Личное же местоимение не может быть связано внутри клаузы, ср (28) и (29): в (29) личное местоимение не может отсылать к субъекту.

- (28) *gofa itʃə-t-itʃə-rə-n mo:n-mi zerkalo-du:*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG **RFL-ACC.RFL.SG** зеркало-DATLOC
 ‘Гоша видит себя в зеркале’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)
- (29) *gofa itʃə-t-itʃə-rə-n nujan-ma-n zerkalo-du:*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG **3SG-ACC-PS3SG** зеркало-DATLOC
 ‘Гоша видит его (*себя) в зеркале’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

Как указано в [Nedjalkov 1997: 109], рефлексивное местоимение может опускаться при некоторых глаголах груминга, например *igdi-* ‘причесаться’, что подтверждается и нашими данными (ср. (27) с (30), в котором объект действия очевиден из контекста и поэтому опускается):

- (30) *itar-duk bajətko:n hilki-d'a-pkə*
 утро-ABL мальчик очистить-IPFV-PIM.DEV
 ‘Утром мальчик обычно моется’. (элицитация, ербогаченский говор северного наречия)

2.3.1. Ограничения на антецедент

В [Nedjalkov 1997: 114] приведены примеры на употребление рефлексивного местоимения в неличных и эллиптических конструкциях. Подобный пример есть и в корпусе Siberian-Lang (31):

- (31) *kaŋki-t* *mo:n-mi* *d'awuča-d'a-mi*
 крепкий-ADVZ RFL-ACC.RFL.SG держать-IPFV-CVCOND
ə-to:-n *əmugdə* *toro:-rə*
 NEG-FUTCNT-3SG внутренность справиться-PNEG

‘Если крепко **себя** держать, нутро не справится’. (ВИА)

Рецензент предположил, что субъектом условно-временного деепричастия на *-mi* (CVCOND) в (31) является *əmugdə* (‘внутренность’), т. к. оно односубъектно [Константинова 1964: 210]. Однако я считаю интерпретацию с безличной конструкцией предпочтительной по двум причинам:

- 1) по смыслу этого текста, расслабиться должен человек, попавший в опасную ситуацию, а не его нутро;
- 2) корпус содержит примеры с этим деепричастием в неличных конструкциях, например, (32), где односубъектная интерпретация невозможна:

- (32) *gutko:-so:n-mə* *d'əw-mi* *hələ* *tawər*⁸ *hogdondo-n*
 щука-CHILD-ACC съест-CVCOND вот тот.самый спина-PS3SG
huwuli-n *əpet* *giramda* *bi-fki:*
 весь-PS3SG опять кость быть-РНАВ

‘Когда ешь щучку, вот ее спина вся опять бывает обычно костью’. (ВХЁ)

Кроме того, у рефлексивного местоимения может быть «расширенное» толкование: антецедент выводится из контекста:

⁸ Этимологически усилительная частица *-wər* является возвратным притяжательным суффиксом ([Константинова 1964: 261, 262]).

- (33) *mə-r-du:-wər* *uldi:-kəl*
 RFL-PL-DATLOC-RFL.PL сшить-IMPER.2SG

‘Шей **нам!**’ (ВХЁ) (Антецедентом является не только субъект императивной словоформы (слушающий), но и говорящий — его жена — и их дети.)

Аналогичное явление представлено в эвенском языке [Бузанов, настоящий сборник]. Наблюдается оно и для притяжательных возвратных показателей как в эвенском языке [Matić 2008], так и в эвенкийском:

- (34) *ηənə-kəl* *d'u:-la:-wər* *karabin-mə əmə-w-kəl*
 иди-IMPER2SG дом-LOCALL-RFL.PL карабин-ACC прийти-TR-IMPER2SG

‘Иди к **нам** домой, принеси карабин’ (имеется в виду дом говорящего и слушающего — отца и сына). (АВД)

- (35) *ətu-w-rə-n* *d'u-la-war*
 прийти-TR-NFUT-3SG дом.чум-LOCALL-RFL.PL

‘Принес нам домой’ (товарищ рассказчика по охоте, не состоящий с ним в родственной связи, принес добычу в дом, где они оба остановились). (АД [Архив Василевич]).

В [Бузанов, настоящий сборник] указывается, что в эвенском языке такие формы интерпретируются как относящиеся к упомянутому антецеденту и его семье, т. е. это случай ассоциативной множественности. Примеры (34)–(35) показывают, что в эвенкийском языке антецедентом форм с возвратно-притяжательным показателем может быть ранее упомянутое лицо и его семья либо иная группа.

2.3.2. Ограничения на анафорическое употребление

Из примеров (18)–(20) видно, что антецедент форм *mə:n*+POSS может быть выражен в предшествующих предложениях. Могут ли формы *mə:n*+POSS употребляться как анафорические в пределах одного предложения? В [Nedjalkov 1997: 111] указано, что, если антецедентом является субъект внешней клаузы, должно быть использовано личное местоимение. Однако наши данные показывают,

что $m\grave{a}:n$ +POSS может также быть употреблено в анафорических контекстах.

2.3.3. Трехместные предикаты

В контекстах типа (36) формы $m\grave{a}:n$ +POSS не допускаются:

- (36) **gofa* *itʃə-t-itʃə-rə-n* *m\grave{a}:n-ma-n*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG RFL-ACC-PS3SG

zerkalo-du:

зеркало-DATLOC

*‘Гоша видит себя в зеркале’ (элицитация, илимпийский диалект северного наречия).

В случае глагола с большим числом валентностей носители интерпретируют $m\grave{a}:n$ +POSS как относящийся к менее выделенному участнику ситуации (37). Для $m\grave{a}:n$ +RFL такую интерпретацию принимают некоторые информанты и отвергают другие (38). То же касается и личного местоимения *niŋan* (39):

- (37) *bi_j* *hanju:kta-∅-m* *kola-wa_i* *m\grave{a}:n-ma-n_i*⁹
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC-PS3SG

‘Я_j спросил Колю_i про него самого_i’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

- (38) *bi_j* *hanju:kta-∅-m* *kola-wa_i* *m\grave{a}:n-mi_{??j}/i*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC-PS3SG

‘Я_j спросил Колю_i про себя_j’ / ‘Я_j спросил Колю_i про него самого_i’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

⁹ В этом примере ожидалось увидеть другое управление у глагола «спросить» (пролатив, а не аккузатив), но несколько информантов подтвердили именно такое управление.

- (39) *bi_j hanju:kta-Ø-m kola-wa_i nujan-ma-n^{??i/k}*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC 3SG-ACC-PS3SG
 ‘Я_j спросил Колю_i про него_k (иное лицо)’ / ‘Я спросил Колю_i про него самого’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

2.3.4. Подчиненная клауза

В случае подчиненной (деепричастной) клаузы с деепричастием цели допустимо и использование *mə:n*+POSS, и личного местоимения (ср. (40) и (41)). При этом *mə:n*+RFL недопустимо (42):

- (40) *ka'ta_i əjo:t-tə-n mo:n-ma-n_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG RFL-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)
- (41) *ka'ta_i əjo:t-tə-n nujan-ma-n_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG 3SG-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)
- (42) **ka'ta_i əjo:t-tə-n mo:n-mi_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG RFL-ACC.RFL.SG слушать-CVPURP-3PL
 Ожид.: ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

Кроме того, некоторые информанты порождали предложения, в которых форма с *mə:n*- употреблялась вместе с личным местоимением (43)–(44):

- (43) *bi_j hanju:kta-Ø-m kola-wai nujan-ma-n mo:n-ma-n_i*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC 3SG-ACC-PS3SG RFL-ACC-PS3SG
 ‘Я_j спросил Колю_i про него самого_i’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)
- (44) *ka'ta_i əjo:t-tə-n nujan-ma-n_i*
 Катя попросить-NFUT-3SG 3SG-ACC-PS3SG

mo:n-ma-n_i *doldi-da:-tin*
 RFL-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL

‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

Возможно, это было сделано под влиянием русского стимула («ее саму»), поскольку в корпусе *mə:n* в целом редко встречается в атрибутивной позиции при личном местоимении.

Однако с другими деепричастиями картина иная, ср. (45) и (46): в клаузе с деепричастием условия (которое означает также одновременность) допустимо только личное местоимение.

(45) *koſta əmə-rə-n* *d'u-la:-ji* *əpini-n*
 Костя прийти-NFUT-3SG дом-LOCALL-RFL.SG мать-PS3SG
iri-d'ə-rəki-n ***nugan-du:-n*** *d'əb-da:-n*
 сварить-IPFV-CVCOND-3SG 3SG-DATLOC-PS3SG съесть-CVPURP-3SG

‘Костя_i пришел домой, когда мама готовила ему_i поесть’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

(46) **koſta əmə-rə-n* *d'u-la:-ji* *əpini-n*
 Костя прийти-NFUT-3SG дом-LOCALL-RFL.SG мать-PS3SG
iri-d'ə-rəki-n ***mo:n-du:-n*** *d'əb-da:-n*
 сварить-IPFV-CVCOND-3SG RFL-DATLOC-PS3SG съесть-CVPURP-3SG

Ожид.: ‘Костя_i пришел домой, когда мама готовила ему_i поесть’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

Вероятно, можно говорить о разной степени «подчиненности» одной клаузы другой и, как следствие, возможности переноса фокуса, однако для этого следует детальнее изучить многочисленные деепричастные формы эвенкийского языка.

3. Другие функции *mə:n*

Как указано в [Nedjalkov 1997: 109], форма множественного числа от *mə:n*+POSS — *mə:-r-wə-r* (RFL-PL-ACC.RFL.PL) — может иметь реципрокальную трактовку. Это подтверждается и нашими данными:

- (47) *ɲolo-t-ɪ̄ʁ-pki:-l* *wes* *bi-ɪ̄ʁo:-tin* *mə:r-wəɾ*
 бояться-DUR-IPFV-PHAB-PL весь быть-PST-3PL RFL-ACC.RFL.PL

‘Боялись все друг друга’. (ВИА)

При этом существует и особое реципрокальное местоимение *mə:mə:gi:lwəɾ*, производное от той же основы *mə:n-*:

- (48) *tarə* *niɲartɪn* *mə:mə:gi:l-wəɾ* *ə-fki:-l* *ajaw-rə*
 ГОС 3PL друг, друга-ACC.RFL.PL NEG-PHAB-PL любить-PNEG

‘Они друг друга не любили’. (ЕКЭ)

Варианты форм реципрокальных местоимений подробно рассмотрены в [Nedjalkov, Nedjalkov 2007], где выбор местоимения для выражения реципрокального значения обуславливается диалектными различиями.

Интересно, что в (49) употребляется именно «сдвоенное» местоимение *mə:ntə:n+RFL*, однако значение его по контексту не реципрокальное (по сюжету особо подчеркивается, что персонажи не взаимодействуют друг с другом):

- (49) *awɟu-wa-tyɪn* *umū-təl* *kala-čɪ̄-xal* *bi-čɛ-l*
 какой-ACC-PS3PL один-DISTR котел-ATR-PL быть-PANT-PL
- mɛ-mɛ-dū-wɛɾ* *asta-wki-l* *ulɛ-wki-l*
 RFL-RFL-DATLOC-RFL.PL готовить-PHAB-PL варить-PHAB-PL

bi-čɛ-l

быть-PANT-PL

‘У каждой из них по одному котлу было: [каждая] сама себе готовила, варила’. (ГЭ [Василевич 1966: 49; 207])

При этом в том же тексте в (50) в аналогичной роли используется *mə:n+RFL* во мн. ч.

- (50) *d'əbɟɛ-wɛɾ* *d'ən-tɛ-∅*,
 еда-ACC.RFL.PL съесть-NFUT-3PL
- n'an* *mɛ-p-dū-wɛɾ* *ulɛ-t-tɛ-∅*
 опять RFL-PL-DATLOC-RFL.PL сварить-DISTR-NFUT-3PL

‘Позавтракали, опять сами себе порознь сварили’. (ГЭ [Василевич 1966: 51; 208])

Как и в случае «расширенного» антецедента, параллельные примеры есть и для притяжательных возвратных аффиксов:

- (51) *Tāduk tar dolbonī-dū Ėginkēgir-ıl bāye-tykīn*
 ПОТОМ ТОТ НОЧЬ-DATLOC Огинкогир-PL МУЖЧИНА-EVERY
alāyā-l-bar ḡ-čā-l bi-čē-l
 ЛУК-PL-ACC.RFL.PL СДЕЛАТЬ-PANT-PL БЫТЬ-PANT-PL

‘Тогда в эту ночь каждый мужчина из Огинкогиров <название рода> сделал себе лук’. (АА [Василевич 1966: 159; 317])

Эти примеры, как и приведенные выше случаи «расширенного» антецедента, показывают, насколько сильно интерпретация рефлексивного местоимения зависит от прагматических условий.

4. Выводы

Традиционно эвенкийское местоимение *mə:n*+RFL рассматривается как рефлексивное, в то время как *mə:n*+POSS — только как «эмфатическое». Однако анализ контекстов, в которых употребляются местоимения, а также существование у них нестандартных интерпретаций (реципрокальной; «расширенного» антецедента) показывают, что в их отношении скорее применима концепция из [Лютикова 1997]. В эвенкийском языке эмфатическое *mə:n*- служит для переключения фокуса и, таким образом, может в зависимости от типа притяжательного показателя относиться к более (в случае RFL) и менее (в случае POSS) выделенному участнику ситуации. В дальнейшем имело бы смысл изучить употребление самостоятельного *mə:n* в конкретных восточных говорах, чтобы установить, чем определен выбор этой формы или форм с притяжательными показателями. Кроме того, требуется детальнее изучить функционирование *mə:n* в конструкциях с различными деепричастиями. Наконец, в данную статью не вошел обзор функций притяжательных показателей и происходящих от них лично-числовых показателей деепричастий, кореферентность которых также заслуживает отдельного исследования.

Информация о рассказчиках

- АА — р. Буря (восточное наречие), 1936 г. (записи Г. М. Василевич¹⁰)
 АДВ — Муторай (подкаменно-тунгусский диалект, южное наречие), 2007 г.
 АД — Непа (непский диалект, южное наречие), 1930-е гг. (записи Г. М. Василевич)
- АДЧ — Хантайское Озеро (илимпийский диалект, северное наречие), 2011 г.
 ВИА — Стрелка-Чуня (подкаменно-тунгусский диалект, южное наречие), 2007 г.
 ВНУ — Эконда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.
 ВХЁ — Чиринда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.
 ГНХ — Эконда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.)
 ГЭ — р. Урми (восточное наречие), 1948 г. (записи Г. М. Василевич)
 ДАХ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
 ЕКЭ — Тура (род. в Учами¹¹), (илимпийский диалект, северное наречие), 2014 г.
 ИКУ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
 КСС — Кислокан (род. в Наканно) (ербогаченский диалект, северное наречие), 2008 г.
 НА — р. Амгунь (восточное наречие), 1948 г. (записи Г. М. Василевич)
 ПКП — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
 СПМ — Учами (илимпийский диалект, северное наречие — см. примечание выше), 2014 г.
 СС — р. Урми (восточное наречие), 1960 г. (записи Г. М. Василевич)
 ТЯ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 1952 г. (записи Е. П. Лебедевой)

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; АВЛ — аблатив; АСС — аккумулятив; АЛ — отчуждаемая принадлежность; АЛЛ — аллатив; СНІLD — детеныш; СОМІТ — комитатив; СВCOND — деепричастие условно-временное; СВNSIM — деепричастие разновременное; СВPURP — деепричастие цели; СВSIM — деепричастие одновременное; DATLOC — датив-локатив; DES — дезидератив; DISTR — дистрибутив; DSPRS — дисперсив;

¹⁰ В списке указаны инициалы рассказчика, диалектная принадлежность, год записи текста.

¹¹ Учами — населенный пункт, пограничный между зонами распространения северного и южного наречий. После объединения нескольких поселков в нем стал преобладать говор северного наречия.

DUR — дуратив; EVERY — каждый; FOC — фокусная частица; FUT — будущее время; FUTCNT — ближайшее будущее время; INCEP — инцептив; INCH — инхоатив; INTERROG — вопросительная частица; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; LOCALL — локатив-аллатив; LOCDir — локатив-директив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; PANT — причастие предшествования; PNAV — причастие обычного действия; PIM.DEV — причастие долженствования; PL — множественное число; PNEG — отрицательное причастие; PROPR — показатель притяжательного местоимения; PS — посессив; PSIM — причастие одновременное; PST — прошедшее время; PST.ITER — прошедшее повторяющееся время; RFL — рефлексив; SG — единственное число; SLIP — оговорка; TR — транзитив.

Литература

- Бузанов, настоящий сборник — А. О. Бузанов. Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка // Настоящий сборник. DOI: 10.30842/alp230657371711335.
- Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1948.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966.
- Кибрик, Богданова 1995 — А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова. *СAM* как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык: фонетика и морфология. М.; Л.: Наука. 1964.
- Лютикова 1997 — Е. А. Лютикова. Рефлексивы и эмпфаза // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 49–74.
- Стойнова 2018 — Н. М. Стойнова. Контактно-обусловленная реорганизация грамматической системы в ситуации утраты языка: контроль рефлексивов в полипредикации в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 71–98.
- ТМС 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. В 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1975.
- Цендина и др. 2021 — А. Д. Цендина, И. А. Грунтов, О. М. Мазо. Экспедиция к хамниганам Монголии. Доклад, прочитанный на семинаре ЦТСФ РГГУ 8 февраля 2021 г. URL: <https://cloud.mail.ru/public/TCwm/uLdDnZe3P/> (дата обращения 01.04.2021).

- Benzing 1956 — J. Benzing. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1955 11). Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Kommission bei F. Steiner, Wiesbaden, 1956.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. Evenki. (Languages of the World. Materials 141). München; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, I. Gruntov. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003.
- Ethnologue 2020 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World. 23rd ed. Dallas, TX: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения 01.04.2021).
- Matić 2008 — D. Matić. On antecedent-reflexive agreement in Even (North Tungusic). Paper presented at the conference “Syntax of the World’s Languages III”, Freie Universität Berlin, Berlin, September 25–28, 2008.
- Matić 2020 — D. Matić. Reflexives, reciprocals, and intensifiers in Ewen: An exercise in Tungusic dialectology // International Journal of Eurasian Linguistics. 2020. Vol. 2. Iss. 2. P. 244–285. DOI: 10.1163/25898833-12340034.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. (Descriptive Grammars). London; New York: Routledge, 1997.
- Nedjalkov, Nedjalkov 2007 — I. Nedjalkov, V. Nedjalkov. Reciprocal and sociative constructions in Evenki (with an appendix on Manchu) // V. P. Nedjalkov, E. Š. Geniušienė, Z. Guentchéva (eds.). Reciprocal Constructions. (Typological Studies in Language 71). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1593–1642. DOI: 10.1075/tsl.71.
- Tsumagari 1992 — T. Tsumagari. A basic vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in northern Inner Mongolia // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. 1992. № 21. P. 83–103.
- Whaley 1998 — L. J. Whaley. Endangered Languages. 1998. Available at: <http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html> (accessed on 18.07.2020), currently available via wayback machine: <https://web.archive.org/web/20200220204323/http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html>.
- Whaley, Li 2000 — L. J. Whaley, F. Li. Oroqen dialects // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44. № 1. P. 105–130.

Источники

Архив Василевич — Архив Г. М. Василевич. Архив МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), ф. 22, оп. 1, № 14, листы 11–13.

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 18.07.2020).
- Лебедева 1952 — Рабочие материалы Е. П. Лебедевой. Архив ИЛИ РАН. Тетрадь 102. 1952.
- Corpora IEA — Корпусы ИЭА РАН. URL: <http://corpora.ica.ras.ru/corpora/> (дата обращения 18.07.2020).
- Siberian-Lang — Мультимедийный корпус текстов на эвенкийском языке. URL: <http://gisly.net/corpus> (дата обращения 18.07.2020).

References

- Benzing 1956 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik*. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1955 11). Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Kommission bei F. Steiner, Wiesbaden, 1955.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. *Evenki*. (Languages of the World. Materials 141). München; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Buzanov, this volume — A. O. Buzanov. Refleksivnyye mestoimeniya i refleksivnyye possessivnyye affixy v bystrinskom dialekte evenskogo yazyka [Reflexive pronouns and reflexive possessive affixes in the Bystraya dialect of Even] // This volume. DOI: 10.30842/alp230657371711335.
- EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, I. Gruntov. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden: Brill, 2003.
- Ethnologue 2020 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 23rd ed. Dallas, TX: SIL International. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed on 01.04.2021).
- Kibrik, Bogdanova 1995 — A. Ye. Kibrik, E. A. Bogdanova. *SAM* kak operator korektsii ozhidaniy adresata [Russian *SAM* ‘oneself’ as an operator of correction of the hearer’s expectations]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 1995. No. 3. P. 28–47.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk: fonetika i morfologiya* [The Evenki Language: Phonetics and Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Lyutikova 1997 — E. A. Lyutikova. Refleksivy i emfaza [Reflexives and emphasis]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 1997. No. 6. P. 49–74.
- Matić 2008 — D. Matić. On antecedent-reflexive agreement in Even (North Tungusic). Paper presented at the conference “Syntax of the World’s Languages III”, Freie Universität Berlin, Berlin, September 25–28, 2008.

- Matić 2020 — D. Matić. Reflexives, reciprocals, and intensifiers in Ewen: An exercise in Tungusic dialectology. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2020. Vol. 2. Iss. 2. P. 244–285. DOI: 10.1163/25898833-12340034.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. *Evenki*. (Descriptive Grammars). London; New York: Routledge, 1997.
- Nedjalkov, Nedjalkov 2007 — I. Nedjalkov, V. Nedjalkov. Reciprocal and sociative constructions in Evenki (with an appendix on Manchu). V. P. Nedjalkov, E. Š. Geniušienė, Z. Guentchéva (eds.). *Reciprocal Constructions*. (Typological Studies in Language 71). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1593–1642. DOI: 10.1075/tsl.71.
- Stoynova 2018 — N. M. Stoynova. Kontaktno-obuslovlennaya reorganizatsiya grammaticheskoy sistemy v situatsii utraty yazyka: kontrol refleksivov v polipredikatsii v nanayskom yazyke [Reflexives in dependent clauses in modern Nanai: Contact-induced structural change and language attrition]. *Voprosy yazykoznanija*. 2018. No. 2. P. 71–98.
- TMS 1975 — V. I. Tsintsius (ed.). *Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages: Materials for the Etymological Dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1975.
- Tsendina et al. 2021 — A. D. Tsendina, I. A. Gruntov, O. M. Mazo. Ekspeditsiya k khamniganam Mongolii [Field trip to the Khamnigans of Mongolia]. Report at the Russian State University for the Humanities, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, February 8, 2021. Available at: <https://cloud.mail.ru/public/TCwm/uLdDnZe3P/> (accessed on 01.04.2021).
- Tsumagari 1992 — T. Tsumagari. A basic vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in northern Inner Mongolia. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. 1992. No. 21. P. 83–103.
- Vasilevich 1948 — G. M. Vasilevich. *Oчерки диалектов evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Sketches of Evenki (Tungus) Dialects]. Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1948.
- Vasilevich 1966 — G. M. Vasilevich. *Istoricheskiy folklor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Evenki Historical Folklore. Sagas and Legends]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Whaley 1998 — L. J. Whaley. *Endangered Languages*. 1998. Available at: <http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html> (accessed on 18.07.2020), currently available via wayback machine: <https://web.archive.org/web/2020022020204323/http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html>.
- Whaley, Li 2000 — L. J. Whaley, F. Li. Oroqen dialects. *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. No. 1. P. 105–130.

Источники грамматикализации отыменных послелогов в нахско-дагестанских языках

П. Л. Наследскова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); pnasledskova@gmail.com

Аннотация. Существительные являются одним из источников грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках. В настоящем исследовании такие существительные рассматриваются в ареально-типологической перспективе. Было установлено, что послелогои могут образовываться от существительных различных семантических классов, причем ветви отличаются друг от друга как количеством отыменных послелогов (они наиболее характерны для нахских и лезгинских языков), так и относительным количеством послелогов, образованных от существительных определенного семантического класса (так, послелогои, образованные от названий частей тела, больше характерны для лезгинских языков, чем для даргинских).

Ключевые слова: послелогои, адлоги, грамматикализация, нахско-дагестанские языки.

Благодарности: Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Grammaticalization sources of denominal postpositions in East Caucasian languages

P. L. Nasledskova

HSE University (Moscow, Russia); pnasledskova@gmail.com

Abstract. One of the diachronic sources of postpositions in East Caucasian languages are relational nouns, which is a cross-linguistically frequent situation. This study attempts to cover the differences and commonalities in the semantic

group of nouns attested as lexical sources of postpositions across East Caucasian. Typologically, nouns of the following semantic groups are the most typical diachronic sources of adpositions: body part terms, object part terms, nouns denoting environmental landmarks, and abstract notions. The number of postpositions derived from body part terms and abstract notions varies from language to language: postpositions derived from body part terms are more typical of Lezgian languages spoken in south, while postpositions derived from abstract notions are found mostly in Avar-Andic languages in the north of the area. Postpositions derived from object part terms are the most common among East Caucasian languages. Postpositions derived from nouns denoting environmental landmarks (mostly connected to mountainous landscape) are also found in some East Caucasian languages. Within each semantic group, both cross-linguistically frequent (such as ‘eye’ > ‘in front of’ or ‘place’ > ‘instead’) and infrequent (such as ‘back, rear’ > ‘near’) grammaticalization paths are attested. Body part terms that are the sources of postpositions in East Caucasian include both human and non-human body parts (‘tail’), the latter being typologically rare [Svorou 1994: 74]. Postpositions vary not only in the semantic class of their source nouns, but also in the time when their grammaticalization happened. Some prepositions are synchronically derivable from their sources, while others are less transparent etymologically. Some borrowed postpositions are attested, both from external sources (Turkic languages and Arabic) and from sister languages (e.g., Tsezic languages borrowed a lot of postpositions from Avar).

Keywords: postpositions, adpositions, grammaticalization, East Caucasian.

1. Введение

Послелогии в нахско-дагестанских языках по своему происхождению делятся на следующие группы:

- непроизводные;
- отыменные;
- отглагольные;
- заимствованные.

Под непроизводными имеются в виду те послелогои, которые также функционируют как пространственные наречия, причем наречное использование является для них более базовым. Такие лексемы часто попадают в разделы, посвященные послелогам, в описаниях нахско-дагестанских языков, потому что послелогои в этих языках в целом имеют наречные свойства. В описаниях нахско-дагестанских языков широко распространен термин *наречия-послелогои*, в некоторых описаниях послелогои даже не выделяются в отдельный класс лексем и описываются вместе с наречиями. Пространственные наречия реконструируются на правахско-дагестанском уровне [Nikolaev, Starostin 1994].

Данное исследование посвящено отыменным послелогам. Целью работы является установить, существительные каких семантических классов являются источниками грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках, и исследовать генетическое и ареальное распределение данных семантических классов внутри нахско-дагестанской языковой семьи в типологической перспективе.

В *Разделе 2* описаны выборка и метод настоящего исследования. В *Разделе 3* описаны существительные — источники грамматикализации адлогов в типологической перспективе. Такие существительные можно разделить на несколько семантических классов: названия частей тела, частей объектов, частей ландшафта и абстрактные понятия [Nagège 2010: 163]. В дальнейших разделах приводится материал нахско-дагестанских языков. В *Разделе 4* рассматривается грамматикализация послелогов из названий частей тела. В *Разделе 5* рассматривается грамматикализация послелогов из существительных, которые могут обозначать и части тела, и части объектов, а также существительных, которые исторически могли обозначать части тела, в то время как синхронно обозначают только части объектов. В *Разделе 6* рассматривается грамматикализация послелогов из названий частей объектов. В *Разделе 7* рассматривается грамматикализация послелогов из обозначений частей ландшафта. *Раздел 8* посвящен грамматикализации послелогов из абстрактных существительных. В *Разделе 9* приведено заключение.

2. Данные и метод

Для настоящего исследования были проанализированы данные 34 нахско-дагестанских идиомов.

- Андийские:
 - андийский
 - ахвахский
 - багвалинский
 - ботлихский
 - годоберинский
 - каратинский
 - тиндинский
 - чамалинский
- Аварский
- Даргинские:
 - литературный
 - ицаринский
 - кубачинский
 - мегебский
 - санжинский
 - хайдакский
- Лакский
- Лезгинские:
 - агульский
 - арчинский
 - будухский
 - крызский
 - лезгинский
 - рутульский
 - табасаранский
 - удинский
 - цахурский

- Нахские:
 - бацбийский
 - ингушский
 - чеченский
- Хиналугский
- Цезские:
 - бежтинский
 - гинухский
 - гунзибский
 - хваршинский
 - цезский

В качестве источников использовались языковые описания, словари и консультации с экспертами по отдельным языкам. Для рутульского языка использовались также полевые данные, собранные в с. Кина Рутульского р-на Дагестана в 2017–2019 гг.

Языковые описания разнятся по степени детализации: для одних языков диахронические источники послелогов обсуждаются более подробно, чем для других. Чтобы компенсировать различную степень подробности имеющихся описаний, было проведено сравнение послеложных систем языков внутри ветвей. Таким образом удалось установить происхождение послелогов, диахронические источники которых не приведены в языковых описаниях.

Например, в грамматике агульского языка не приведен источник грамматикализации послелога *k'enak*: 'под'. Данные близкородственных ему языков (табасаранского, лезгинского и др.) позволяют сделать предположение, что данный послелог был образован от существительного со значением 'дно': ср. табасаранский *k'an-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS) 'под' и лезгинский *k'an-i-k* (дно-OBL-SUB.ESS) 'под'. Действительно, агульский послелог оказывается формально совпадающим с формой существительного 'дно': *k'en-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS).

В тех случаях, когда источник грамматикализации послелога указан в языковом описании, его упоминание сопровождается ссылкой на работу. Если же ссылка не указана, это значит, что

источник грамматикализации был установлен мной путем сравнения с близкородственными языками (т. е. языками той же ветви). В первую очередь такое сравнение позволяет определить значение существительного, от которого мог быть образован данный послелог, после чего я проверяла послелог на синхронную членимость. Если нужное существительное не засвидетельствовано в словарях или послелог не является синхронно членимым, но формально похож на послелоги из близкородственных языков (с учетом регулярных фонетических соответствий, которые проверялись по [Nikolaev, Starostin 1994]), я все равно делала предположение о том, что он является когнатом этих послелогов или заимствованием.

Пути грамматикализации послелогов, встретившиеся в нахско-дагестанских языках, рассматриваются в типологической перспективе с точки зрения их кросслингвистической частотности. Под частотными в данной статье я понимаю те пути грамматикализации, которые упоминаются в работе [Kuteva et al. 2019], посвященной грамматикализации в языках мира в типологической перспективе, и в работе [Hagège 2010], посвященной адлогам вообще и источникам их грамматикализации в частности. Если в данных работах не упомянут некий путь грамматикализации, я считала данный путь грамматикализации нечастотным. Кроме того, наличие схожих путей грамматикализации в языках других семей систематически проверялось по базе колексификаций CLICS¹ и по работе [Svorou 1994]. Упоминание путей грамматикализации в этих источниках не влияло на мои выводы относительно их частотности. В работе [Svorou 1994] рассматривается маленькая выборка (26 языков), что не позволяет делать надежные выводы о частотности того или иного пути грамматикализации. База данных CLICS содержит данные для большого количества идиомов (3156), однако посвящена колексификациям, а не грамматикализации, из-за чего она не очень применима для задачи оценки частотности какого-либо пути грамматикализации.

¹ <https://clics.clld.org/>, дата обращения 26.07.2020.

3. Источники грамматикализации адлогов

3.1. Типологически засвидетельствованные источники грамматикализации адлогов

Многие исследователи утверждают, что существительные типологически часто являются источниками грамматикализации адлогов. Так, в [DeLancey 2011: 4] отмечается, что наиболее частыми диахроническими источниками для адлогов являются реляционные существительные и конструкции с серийными глаголами. В [Nagège 2010: 163] также говорится о том, что адлоги часто грамматикализуются из реляционных имен, и приводится список наиболее частотных значений существительных и адлогов, в которые они грамматикализуются (см. *Таблицу 1*, с. 222).

В нахско-дагестанских языках встречаются послелого, образованные от существительных всех перечисленных выше семантических классов, однако, как будет показано ниже, эти классы распределены неравномерно.

3.2. Источники грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках

На *Рис. 1* (с. 223) представлена карта, показывающая распределение семантических классов существительных, являющихся источниками грамматикализации послелогов, среди языков нахско-дагестанской языковой семьи. Числа внутри диаграмм показывают количество послелогов, образованных от существительных того или иного семантического класса.

По карте видно, что наиболее распространенным семантическим классом являются части объектов. Послелого, образованные от названий частей ландшафта, встречаются реже всего. Что касается остальных семантических классов, они распределены неравномерно.

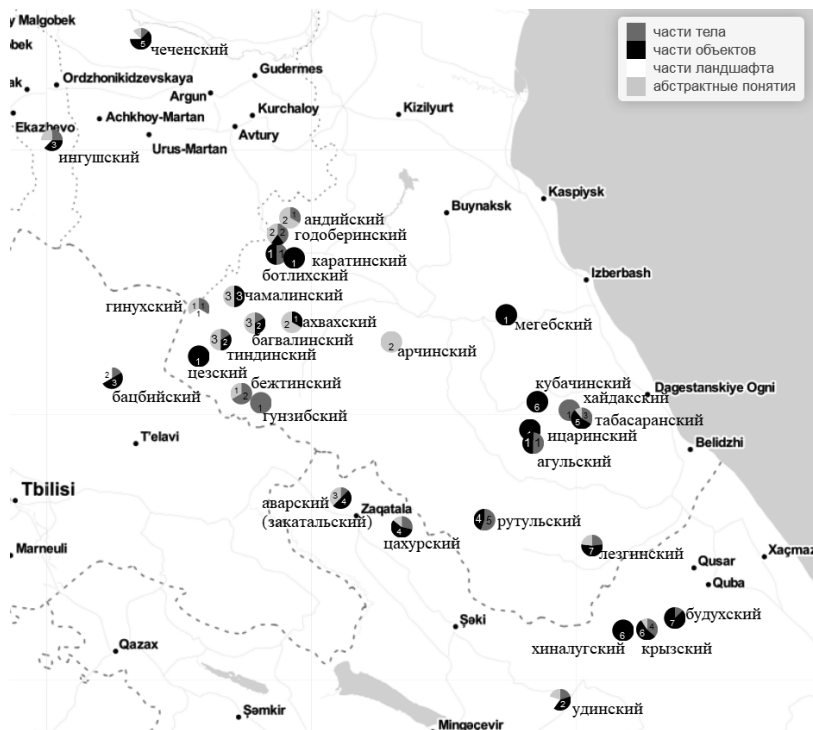
Таблица 1. Значения существительных, которые частотно грамматикализуются в адлоги, и значения адлогов, образованных от них (из [Hagège 2010: 163])

Table 1. Meanings of nouns which are usual sources of grammaticalization of adpositions and meanings of adpositions derived from the nouns (from [Hagège 2010: 163])

Значение существительного	Значение адлога
<p><i>a. Части тела</i> ‘голова’ ‘стопа’ ‘лицо’, ‘глаз’, ‘рот’, ‘лоб’, ‘грудь’ ‘спина’ ‘рука’ ‘бок’, ‘ухо’ ‘желудок’, ‘живот’, ‘сердце’, ‘рот’</p>	<p>‘на’, ‘над’ ‘под’ ‘перед; рядом’ ‘за’ ‘из’ ‘рядом, у’ ‘в, внутри’</p>
<p><i>b. Области пространства и части объектов</i> ‘верх’, ‘поверхность’, ‘север’ ‘дно’, ‘основание’, ‘земля’, ‘юг’ ‘передняя часть’ ‘задняя часть’ ‘край’ ‘внутренняя часть’ ‘внешняя часть’, ‘конец’ ‘середина’</p>	<p>‘над’ ‘под’ ‘перед’ ‘за’ ‘у’ ‘внутри’ ‘снаружи’ ‘среди’, ‘между’</p>
<p><i>c. Части ландшафта</i> ‘небо’ ‘берег реки’</p>	<p>‘над’ ‘через, по ту сторону от’</p>
<p><i>d. Абстрактные понятия</i> ‘след’ ‘вещь’, ‘дело’, ‘слово’</p>	<p>‘после’ ‘из-за (по причине); вместо; типа’ и др.</p>

Рис. 1. Количество послелогов, образованных от существительных разных семантических классов, в нахско-дагестанских языках²

Fig. 1. The amount of postpositions derived from nouns of various semantic classes in East Caucasian languages

Послелогии, образованные от названий частей тела, наиболее характерны для лезгинских языков, в то время как послелогии, образованные от абстрактных понятий, — для аваро-андийских. Семантика источников грамматикализации послелогов наиболее разнообразна в ингушском, чеченском и удинском языках, т. к. только в них встречаются послелогии, образованные от существительных всех четырех семантических классов.

² Карта создана с помощью пакета *lingtypology* для R [Moroz 2017].

Таблица 2. Количество отыменных послелогов, образованных от существительных разных семантических классов

Table 2. Amount of denominal postpositions derived from nouns of various semantic classes

Группа	Язык	Количество послелогов, образованных от существительных со значением...				Всего отыменных послелогов
		части тела	части объекта	части ландшафта	абстрактной сущности	
Нахские	бацбийский	1	3	2	0	6
	ингушский	2	3	1	2	8
	чеченский	1	5	1	1	7
	в среднем	1,3	3,7	1,3	1	7
Цезские	бежтинский	2	0	0	1	3
	гинухский	1	0	1	1	3
	гунзибский	1	0	0	0	1
	хваршинский	0	1	0	0	1
	цезский	0	1	0	0	1
	в среднем	0,8	0,4	0,2	0,4	1,8
Аваро-андийские	аварский	1	4	0	3	8
	андийский	1	0	0	2	3
	ахвахский	0	1	0	2	3
	багвалинский	1	2	0	3	6
	ботлихский	1	1	0	0	2
	годоберинский	2	1	0	2	5
	каратинский	0	1	0	0	1
	тиндинский	1	2	0	3	6
	чамалинский	0	3	0	3	6
	в среднем	0,8	1,7	0	2	4,4

Группа	Язык	Количество послелогов, образованных от существительных со значением...				Всего отыменных послелогов
		части тела	части объекта	части ланд- шафта	абстракт- ной сущности	
Даргинские	литературный	0	1	0	4	5
	ицаринский	0	1	0	0	1
	кубачинский	0	6	0	0	6
	мегебский	0	1	0	0	1
	хайдакский	1	0	0	0	1
	в среднем	0,2	1,8	0	0,8	2,8
Лезгинские	агульский	1	1	0	0	2
	арчинский	0	0	0	2	2
	будухский	1	7	0	0	8
	крызский	4	6	0	1	11
	лезгинский	3	7	0	3	13
	рутульский	5	4	0	0	9
	табасаранский	3	5	0	1	9
	удинский	1	2	1	1	5
	цахурский	2	4	0	1	7
в среднем	2,2	4	0,1	1	7,3	
	хиналугский	0	6	0	0	6

4. Грамматикализация послелогов из названий частей тела

Нахско-дагестанские языки различаются по тому, насколько широко в них представлены послелогов, образованные от названий

частей тела. Они наиболее характерны для лезгинских языков, расположенных на юге ареала, а также, чуть в меньшей степени, для языков нахской ветви, расположенных на севере. Реже всего они встречаются в даргинских языках: даже в подробной грамматике литературного даргинского языка [Абдуллаев 1954] такие послелоговые конструкции не приведены.

Далее в данном разделе я рассмотрю все встретившиеся в моей выборке пути грамматикализации послелогов от частей тела, разбив их на две части: типологически частотные и типологически редкие.

4.1. Типологически частотные пути грамматикализации адлогов от названий частей тела, встретившиеся в нахско-дагестанских языках

Типологическая частотность путей грамматикализации, которые будут описаны в этом разделе, плохо соотносится с частотностью данных путей грамматикализации внутри нахско-дагестанской семьи. Почти все они не выходят за пределы одной ветви, а зачастую и вовсе засвидетельствованы только в одном языке.

Единственный путь грамматикализации названия части тела, который встречается в более чем одной ветви, это ‘живот, желудок’ > ‘внутри’. Послелоговые конструкции, образованные таким образом, встречаются во всех языках нахской ветви: бацбийский *ču*, ингушский *ču*, чеченский *ču* ‘в, внутри’ < **čVwV* ‘желудок, живот’ [Nikolaev, Starostin 1994] и в литературном аварском *čoxonib* ‘внутри’ < *čex* ‘живот, утроба’ [Айтемирова 2007: 7]. Грамматикализация в нахских, судя по всему, произошла на протоуровне, так как послелоговые конструкции когнатны во всех трех языках, в том числе бацбийском, который отделился от ветви первым, согласно классификации [Koryakov 2002].

Грамматикализация ‘кишка’ > ‘в середине, среди’ произошла только в аваро-андийских языках: в аварском (*baɫ'ul* ‘среди, посередине’ < *baɫ'* ‘кишка’³), андийском (*boɫ'u* ‘между, среди’ < *boɫ'*

³ Послелог *baɫ'ul* синхронно совпадает с формой интер-эссива существительного *baɫ'*: *baɫ'-u-l* (кишка-OBL-INTER.ESS).

‘кишка’⁴), ботлихском (*baʎ'u* ‘среди’ < *baʎ'i* ‘кишка’⁵) и тиндинском (*baʎ'i* ‘между, среди’ < *baʎ'i* ‘кишка’). Послелог с таким же значением и внешним обликом есть и в годоберинском языке (*baʎ'u* ‘между’), однако в доступных источниках ([Kibrik et al. (eds.) 1996; Саидова 1973, 2006]) не зафиксировано других слов, однокоренных этому; существительное *č:ak:ʷa* ‘кишка’ исторически восходит к другому корню [Nikolaev, Starostin 1994].

Целый ряд существительных грамматикализовался в послелого со значением ‘перед чем-л.’: это существительные ‘глаз’, ‘лоб’ и ‘голова’. Грамматикализация ‘глаз’ > ‘перед чем-л.’ встречается в четырех лезгинских языках: *ʷulər* ‘перед’ < *ʷil* ‘глаз’ в будухском [Мейланова 1983: 208], *wilik* ‘перед’ < *wil* ‘глаз’ в лезгинском [Там же], *ulixde* ‘перед’ < *ul* ‘глаз’ в рутульском [Махмудова 2002] и *ulih* ‘перед’ < *ul* ‘глаз’ в табасаранском [Магомедов 1965: 324]. М. Е. Алексеев и Т. И. Дешериева [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 104–105] указывают, что в данных языках произошла контаминация существительного ‘глаз’ и наречий со значением ‘впереди’, возводимых к паралезгинскому уровню.

Грамматикализация *ʎ'ʷoq'o* ‘лоб’ > *ʎ'ʷoq'ar* ‘перед чем-л.’ произошла в гинухском языке (цезская ветвь; [Forker 2013: 378]). Данный послелог является синхронно членимым, что может говорить о его недавней грамматикализации, вкуче с тем, что данный путь грамматикализации не зафиксирован в других нахско-дагестанских языках.

Грамматикализация *bul* ‘голова’ > *best'a* ‘перед чем-л.’ произошла в удинском языке (лезгинская ветвь; [Schulze 2005]). Существительное ‘голова’ является источником грамматикализации послелогов в еще четырех лезгинских языках, однако пути их грамматикализации не относятся к типологически частотным, поэтому они будут рассмотрены в следующем разделе.

⁴ Послелог *boʎ'u* синхронно совпадает с косвенной основой существительного *boʎ'* ‘кишка’: *boʎ'-u* (кишка-OBL).

⁵ Послелог *baʎ'u* синхронно совпадает с формой супер-эссива существительного *baʎ'i* ‘кишка’: *baʎ'-u* (кишка-SUP.ESS).

В цахурском (лезгинский; [Сосенская 1999: 127]) произошла грамматикализация *aq'wa* ‘лицо’ > *aq'wali* ‘на’. Данный послелог, предположительно, грамматикализовался недавно, так как он синхронно морфологически членим и так как данный путь грамматикализации не зафиксирован в других лезгинских языках.

Грамматикализация ‘ухо’ > ‘на краю’, предположительно, произошла в багвалинском языке (аваро-андийская ветвь). Послелог *handali* ‘на краю’ может быть исторически связан с праандийским существительным **handi* ‘ухо’⁶. Современное багвалинское существительное *hanč'it'a* ‘ухо’ формально больше отличается от послелога, чем реконструированное существительное, что может говорить о том, что грамматикализация данного послелога произошла относительно давно. С другой стороны, в данном послелогое можно выделить синхронно существующий показатель INTER-локатива *-li* (см. список падежных показателей в [Кибрик и др. 2001: 141]).

4.2. Типологически редкие пути грамматикализации адлогов от названий частей тела, вступившиеся в нахско-дагестанских языках

Почти все типологически редкие пути грамматикализации редки и в нахско-дагестанских языках и чаще всего встречаются только в одном языке.

Существительное ‘лицо’ является источником грамматикализации послелогов в нескольких нахско-дагестанских языках. В хайдакском даргинском [Темирбулатова 2004: 221] и ингушском (нахский; [Nichols 2011: 403]) оно грамматикализовалось в послелог со значением ‘лицом к, напротив’ (хайдакский *dæʔčili* ‘лицом к чему-л.’ < *dæʔ* ‘лицо’, ингушский *duħal* ‘напротив’ < *juħ* ‘лицо’), а в рутульском — в послелог *xesimaj* ‘навстречу’ < *xesim* ‘лицо’ [Ибрагимов 1978: 110]. Данный путь грамматикализации встречается и за пределами

⁶ Праандийское **h* перешло в *h* во всех андийских языках [Nikolaev, Starostin 1994: 105].

нахско-дагестанской семьи: он зафиксирован в бари (нило-сахарский) и гарифуна (аравакский) [Svorou 1994: 249].

В ингушском зафиксирована грамматикализация *juḥ* ‘лицо’ > *duḥa* ‘для, от лица кого-л.’ [Nichols 2011: 402]. Подобный путь грамматикализации зафиксирован в языке халкомелем (салишский), где существительное ‘лицо’ грамматикализовалось в дативный аппликативный маркер [Gerdt, Hinkson 2004].

Существительное ‘голова’ грамматикализовалось в лезгинских языках в послелого со следующими значениями: *q'aleḥ* ‘в конце’ < *q'il* ‘голова’ (крызский, [Authier 2009: 70]), *q'ule* ‘в начале’ < *q'ul* ‘голова’ (рутульский, [Махмудова 2002]), *q'iliw* ‘к’ < *q'il* ‘голова’ (лезгинский, [Haspelmath 1993: 220]) и *k'ullan* ‘вместо’ < *k'ul* ‘голова’ (табасаранский, [Магомедов 1965: 327]). Рутульский и крызский послелого могли появиться под влиянием тюркских языков, где зафиксированы полисемия ‘голова, начало’ (азербайджанский [Azərbaycanca-rusca lüğət 2006: 237], кумыкский [Бамматов, Гаджихмедов 2013], ногайский [Баскаков 1963: 71]) и полисемия ‘голова, край, конец’ (кумыкский [Бамматов, Гаджихмедов 2013]). Коллексификации значений ‘голова’ и ‘конец’ и ‘голова’ и ‘начало’ зафиксированы в базе данных CLICS: ‘голова’ и ‘конец’ выражаются одним и тем же словом в 12 языках (индо-европейские, уральские, баскский и сино-тибетский язык лотха), в то время как коллексификация значений ‘голова’ и ‘начало’ встречается только в трех индо-европейских языках и терекеменском диалекте азербайджанского.

Пути грамматикализации ‘голова’ > ‘к’ и ‘голова’ > ‘вместо’ не упоминаются вне нахско-дагестанской семьи в доступных мне источниках.

В рутульском и крызском языках зафиксирована грамматикализация ‘хвост’ < ‘после, следом (и в пространственном, и в темпоральном значении)’ (*žibra* ‘следом’ < *žibir* ‘хвост’ в рутульском (полевые данные) и *čixeḥ* ‘после’ < *žij* ‘хвост’ в крызском [Authier 2009: 72]). Послелого образованы от когнатных существительных, однако крызский послелог синхронно не связан с исходным существительным, в то время как рутульский послелог представляет собой регулярно образованную пространственную форму существительного ‘хвост’: *žibr-a* ‘хвост-IN’.

Это может быть свидетельством того, что данная грамматикализация произошла в крызском и рутульском независимо (данные языки не контактировали в течение длительного времени, поэтому маловероятно, что это заимствование), причем в рутульском позже, чем в крызском.

Данный путь грамматикализации не упоминается в типологических работах, однако он нередко встречается за пределами нахско-дагестанской семьи. Адлоги со значением ‘сзади’, образованные от существительного ‘хвост’, встречаются в иранских языках (в тальшском, зазакском, курдском и фарси [Özyurt 2016]). Также данный путь грамматикализации зафиксирован в занде (убангийский; [Pasch 2014: 212–213 через Gebreyes 2016: 7]) и двух афроазиатских языках: геэзе ([Leslau 1987: 631 по Gebreyes 2016: 25]) и оромо ([Gebreyes 2016: 53–58]).

Существительное ‘хвост’ как источник грамматикализации пространственных показателей замечательно тем, что это название части тела не человека, а животного. Исследователи выделяют две модели концептуализации частей тела: антропоморфную и зооморфную, причем зооморфная модель встречается в языках мира гораздо реже, чем антропоморфная [Svorou 1994: 74]. Существительное ‘хвост’ как источник грамматикализации послелого является примером кросслингвистически редкой зооморфной модели в нахско-дагестанских языках.

Упоминания грамматикализации *vil* ‘нога’ > *kali* ‘по причине’, которая произошла в крызском языке [Authier 2009: 71], не встречаются в доступной мне литературе, однако в [Сай (в печати)] среди источников грамматикализации причинных показателей упоминаются другие существительные, обозначающие части тела.

5. Грамматикализация послелогов из существительных, обозначающих части тела и части объектов

Некоторые существительные, являющиеся источниками грамматикализации нахско-дагестанских послелогов, обозначают как части тела, так и части объектов. К таким существительным относятся ‘бок, сторона’, ‘спина, тыл’ и ‘поясница, талия, середина’.

Послелогии, образованные от этих существительных, были вынесены в данный «промежуточный» раздел, потому что когнатные существительные в разных языках могут обозначать только часть тела (например, ‘бок’), могут иметь более общее значение и обозначать и часть тела, и часть объекта (‘бок, сторона’), а могут обозначать только часть объекта (‘сторона’). Рассматривать грамматикализации от таких когнатных существительных в одном разделе представляется более оптимальным решением, чем разводить очень близкие переходы по разным разделам из-за того, что синхронно когнатные существительные в разных языках имеют немного разные значения.

Существительное со значением ‘бок, сторона’ в ряде языков грамматикализовалось в послелог со значением ‘рядом, у’:

- аваро-андийские: *xolboq* ‘рядом’ < *xibil* ‘бок, сторона’ в аварском [Алексеев и др. 2012: 242], *esebaχ* ‘рядом’ < *eseb* ‘бок, сторона’ в багвалинском [Даниэль и др. 2001: 196], *isibala* ‘рядом’ < *isib* ‘сторона, бок’ в годоберинском [Fedorova 1996: 86], *esbaqe* ‘около’ < *esib* ‘бок, сторона’ в чамалинском [Магомедова 1999: 431–432];
- цезские: *šebła?* ‘рядом, около’ < *šeblo* ‘бок’ в бежтинском [Комри и др. 2015: 426], *puho* ‘рядом’ < *pu* ‘сторона, бок’ в хваршинском [Khalilova 2009: 134], *purho* ‘у, возле’ < *pu* ‘сторона, бок’ в цезском⁷;
- даргинские: *šulʔib* ‘около, рядом’ < *šali* ‘бок, сторона’ в литературном [Абдуллаев 1954: 199], *š:alličib* ‘рядом, у’ < *š:al* ‘бок’ в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 95], *š:ule* ‘у, рядом’ < *š:al* ‘бок, сторона’ в санжинском [Forger 2020: 155]. В кубачинском даргинском зафиксировано два послелога с близкой семантикой: *š:ul* ‘рядом’ и *š:al* ‘со стороны’ [Магомедов 1963: 245–246]. На основании их внешнего сходства с послелогами других даргинских идиомов можно сделать предположение, что они имеют общее происхождение и восходят

⁷ Данный послелог синхронно совпадает с апуд-эссивной формой существительного *pu* ‘сторона, бок’: *pu-r-ħo* (сторона-ОВЛ-АРУД).

- к существительному со значением ‘бок, сторона’, однако существующие описания не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это. То же касается мегебского послелого *ʃ:ulʔe* ‘около, рядом’ [Магометов 1982: 125];
- лезгинские: *bugulih* ‘рядом’ < *bug* ‘сторона’ в агульском [Майсак 2014: 188], *badak* ‘около’ < *bad* ‘сторона, бок’ и *janʒe* ‘около, рядом’ < *jan* ‘сторона, бок’ в будухском [Талибов 2007: 240], крызские *bigila* ‘рядом, у’ < *beg* ‘ребро, бок’ [Authier 2009: 71] и *badov* ‘рядом, у’ (существительного с таким корнем нет в современном крызском языке, но у послелого есть когнаты в других лезгинских языках [Nikolaev, Starostin 1994]), *pakuw* ‘у, около, сбоку’ < *pag^w* ‘ребро’, *q^walaw* ‘рядом, у’ < *q^wal* ‘бок, сторона’ и *pataw* ‘рядом, у’ < *p:ad* ‘сторона’ в лезгинском [Мейланова 1983: 208, Haspelmath 1993: 220], *begida*, *bejda* ‘рядом, у’ < *beg* ‘бок, ребро’ в рутульском [Махмудова 2002], табасаранские *qəwalaq* ‘рядом’ < *qəwal* ‘бок, сторона’ [Магометов 1965: 324] и *bagax* ‘около, у’ (существительного с таким корнем нет в современном табасаранском языке, но у послелого есть когнаты в других лезгинских языках [Nikolaev, Starostin 1994]), *mugleki* ‘рядом’ < *migulⁱ* ‘бок’ и *janalⁱ* ‘около’ < *jan* ‘сторона, бок’ в цахурском [Сосенская 1999: 127].

В бежтинском, агульском и рутульском источник грамматикализации имеет только значение части тела. В крызском, лезгинском, табасаранском и цахурском есть и послелого, образованные от существительного со значением ‘бок, ребро’ (только часть тела), и послелого, образованные от существительного ‘сторона’. В будухском источниками грамматикализации обоих послелогов являются существительные, обозначающие часть объекта (не только часть тела). Данный путь грамматикализации частотен как среди языков нахско-дагестанской языковой семьи, так и типологически.

Существительные со значениями ‘спина, тыл’ и ‘поясница, талия, середина’ являются источниками грамматикализации послелого ‘сзади’ в следующих нахско-дагестанских языках:

- аваро-андийские: *тиваq* ‘за’ < *тиv* ‘спина’ в аварском (зака- тальский диалект, [Саидова 2007: 176]), *raq’udara* ‘сзади’ < *=*iq*:^w*V* ‘спина’ в годоберинском⁸;
- лезгинские: *jiq’ža* ‘за’ < *jiq* ‘спина’ в крызском [Authier 2009: 70], *q’uluq^h* ‘за, после’ < *k’ul* ‘спина, лопатка’ в лезгинском [Мейланова 1983: 208], *ji^hq’aχda* ‘за’ < *ji^hq* ‘спина, середина’ в рутульском [Махмудова 2002], *q’ālaq* ‘позади’ < *q’āl* ‘спина’ в табасаранском [Магомедов 1965: 324], *ji^hqq’aliⁱ* ‘за’ < *ji^hq* ‘спина’ в цахурском [Сосенская 1999: 127].

В аварском и годоберинском послелого образованы от некогнатных существительных, что говорит о том, что данный паттерн был не унаследован из протоязыка, а появился в этих двух языках независимо. Годоберинское существительное имеет только значение части тела, в то время как аварское может обозначать и часть тела, и часть объекта. В лезгинских языках послелого образованы от двух корней: послелого когнатны в будухском, крызском, рутульском и цахурском с одной стороны и в лезгинском и табасаранском с другой. Такое распределение хорошо соответствует существующей классификации лезгинских языков (ср. [Корняков 2002]), что может говорить о том, что грамматикализация произошла внутри подгрупп лезгинской ветви, когда языки еще окончательно не разошлись. Данный путь грамматикализации является типологически частотным.

⁸ Мое предположение о том, что данные послелог и существительное связаны, основано на следующих фактах. Знак «равно» в реконструкции означает, что данный корень сопровождался префиксальным показателем рода. В современном годоберинском языке префикс *r-* является маркером неличного множественного числа [Саидова 1973: 40]. Несмотря на то, что в современном годоберинском не зафиксировано существительного, которое являлось бы рефлексом данного корня, в других языках той же ветви присутствуют его когнаты, например, ахвахское *raq’ol:i* ‘спина’. Данный послелог синхронно является производным (в годоберинском не зафиксировано однокоренных ему слов, и в нем не выделяются существующие в современном языке морфемы), грамматикализация должна была произойти в более раннем варианте годоберинского.

Во всех нахских, а также в ряде лезгинских языков произошла грамматикализация ‘поясница, талия’ > ‘посреди, в центре’.

- нахские: *juq* ‘в середине’ < *juq* ‘середина, поясница’ в бацбийском [Дешериев 1953: 210], *jiq’ie* ‘в центре, среди’ < *juq* ‘середина’ в ингушском [Nikolaev, Starostin 1994], *juq’a* ‘в середине’ < *juq* ‘середина’ чеченский [Ibid.];
- лезгинские: *jiq’ije* ‘на середине’ < *jiq’iž* ‘спина, поясница, середина’ в будухском [Мейланова 1983: 208], *juq’wa* ‘внутри, в середине’ < *juq* ‘середина, поясница’ в лезгинском [Там же], *ji’q’a* ‘среди’ < *ji’q* ‘спина, середина’ в рутульском (полевые данные), *q’ala* ‘посреди’ < *q’äl* ‘спина’ в табасаранском [Магомедов 1965: 325], *biv* в удинском (однокоренного послелого существительного в современном языке нет, однако есть параллели внутри ветви [Nikolaev, Starostin 1994]).

Послелого внутри обеих ветвей образованы от когнатных существительных. Совпадение значений ‘поясница, талия’ и ‘середина’ в одной лексеме не редко в языках мира: в базе данных CLICS колексификация этих значений встречается в 13 языках за пределами нахско-дагестанской семьи и в 21 языке всего.

Помимо существительных, которые синхронно могут обозначать и часть объекта, и часть тела, среди источников грамматикализации послелогов есть существительные, которые поменяли свое значение: исторически у них было значение части тела, а синхронно есть только значение части объекта. Неизвестно, что произошло раньше: грамматикализация послелогов от этих существительных, пока они еще имели значение части тела, или утрата этого значения.

К таким существительным относится андийское **biž*:*V*, диахронически связанное с послелогом ‘рядом, у’ в ахвахском (*bał’iq:e*), ботлихском (*beł’aru*), каратинском (*batt’ari*), тиндинском (*beł’araq*) и чамалинском (*beł’ała*). Согласно [Nikolaev, Starostin 1994], исторически данное существительное имело значение ‘бок, талия’. В современных андийских языках данное существительное имеет значение ‘основание стены’ в тиндинском [Магомедова 2003: 577] и чамалинском [Магомедова 1999: 431] и ‘край’ в ботлихском (Кьяра Наккарато,

Самира Ферхеес, л. с.). И значение ‘бок’, и значение ‘край’ являются частотными источниками грамматикализации маркеров со значением ‘рядом’.

Подобный исторический процесс произошел и в аварском. Послелог со значением ‘на краю, рядом’ синхронно связан с существительным, имеющим значение ‘край’ [Алексеев и др. 2012: 242]. Согласно [Nikolaev, Starostin 1994], исторически данное существительное имело также значение ‘лицо’. Путь грамматикализации ‘лицо’ > ‘на краю’ не является типологически частотным, что может говорить о том, что в данном случае утрата существительным значения части тела произошла раньше, чем грамматикализация послелога. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что синхронно послелог и существительное-источник прозрачно связаны: *raʃal-d-a* (край-LOC-ESS) ‘на краю’.

6. Грамматикализация послелогов из названий частей объектов

Названия частей объектов часто связаны с послелогам. Однако это не всегда грамматикализация вида существительное > послелог: в ряде случаев более вероятным выглядит предположение, что и существительное, и послелог образованы от общего корня параллельно.

В нахских и лезгинских языках существительное ‘дно’ связано с послелогом со значением ‘под’:

- нахские: *kʹel* ‘под’ ~ *kʹe:lo*: ‘днище’ в чеченском [Мациев 1961: 609];
- лезгинские: *kʹenak*: ‘внизу’ < *kʹen* ‘дно’ в агульском⁹, *qʹanik* ‘под’ < *qʹan* ‘дно, подошва’ в будухском [Талибов 2007: 240], *qʹanik* ‘под’ < *qʹan* ‘дно’ в крызском [Authier 2009: 69], *kʹanik* ‘под, внизу’ < *kʹan* ‘дно’ в лезгинском [Haspelmath 1993: 219],

⁹ Данный послелог синхронно совпадает с суб-эссивной формой существительного *kʹen* ‘дно’: *kʹen-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS).

q'anexda ‘под’ < *q'an* ‘дно’ в рутульском (полевые данные),
k'anak: ‘под’ < *k'an* ‘дно’ в табасаранском [Магометов 1965: 325].

Направление связи между чеченскими существительным и послелогом неизвестно: они могли быть образованы от одного источника или один от другого, причем источником могло быть как существительное, так и наречие-послелог. В остальных языках образование послелога от существительного кажется наиболее вероятным. Данный путь грамматикализации является частотным.

В бацбийском (нахский) от существительного *bux* ‘дно’ образован послелог *bux* ‘изнутри, со dna’ [Дешериев 1953: 210]. Коллексификация значений ‘дно’ и ‘внутри’ встречается и за пределами нахско-дагестанской семьи: в базе данных CLICS она зафиксирована в языках Мезоамерики и Южной Америки аймара (аймара), кекчи (майяский), мапуче (изолят), матако (матакский), отоми (ото-мангский) и пуйнаве (изолят).

Помимо этого, Ю. Д. Дешериев связывает бацбийский послелог *k'ik'el* ‘под’ с существительным ‘пространство под какой-нибудь вещью, навесом, домом, потолком’, которое имеет ту же форму, что и послелог [Дешериев 1953: 210].

В багвалинском (аваро-андийский; [Даниэль и др. 2001: 196]), ингушском (нахский; [Nichols 2011: 404]), кубачинском даргинском [Магометов 1963: 247] и цахурском (лезгинский; [Сосенская 1999: 127]), как и в аварском (см. *Раздел 5*), от существительного ‘край’ образован послелог ‘на краю, рядом’ (багвалинский *balala* ‘на краю’ < *bala* ‘край’, ингушский *jistie* ‘рядом’ < *jist* ‘край’, кубачинский *lumib* ‘на краю’ < *lum* ‘край’, цахурский *geravil'* ‘рядом’ < *gerav* ‘край’). Данный путь грамматикализации является частотным.

В кубачинском даргинском [Магометов 1963: 246], крызском (лезгинский; [Authier 2009: 71]), лезгинском (лезгинский; [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 106]) и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] связаны существительное ‘внутренность, внутренняя часть’ и послелог ‘внутри’ (кубачинский *buk^{we}* ‘внутри’ ~ *bak^w* ‘внутренность’, крызский *jiq'ič'a* ‘в’ < *jiq'ič* ‘внутренность’, лезгинский *qene* ‘внутри’ < *qen* ‘внутренность’, хиналугский *ičir* ‘внутри’ < *ič* ‘внутренность, внутренняя часть’).

В будухском (лезгинский; [Талибов 2007: 240]), кубачинском даргинском [Магометов 1963: 246] и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] послелог ‘на, над’ связан с существительным ‘верх’ (будухский *vada* ‘наверху’ ~ *vadiž* ‘верх’, кубачинский *qajib* ‘наверху’ ~ *qaj* ‘верх’, хиналугский *üstür* ‘на, над’ < *üst* ‘верхняя часть’).

В будухском (лезгинский; [Талибов 2007: 240]), хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] и чеченском (нахский; [Мацев 1961: 610]) связаны существительное ‘передняя сторона’ и послелог ‘перед’ (будухский *q’abavžar* ‘спереди, прежде’ ~ *q’abav* ‘передняя сторона’, хиналугский *qabavir* ‘перед’ < *qabaq* ‘передняя часть, сторона’, чеченский *xalxa*: ‘впереди’ ~ *xalxe*: ‘место впереди, передняя сторона’).

В чеченском (нахский; [Мацев 1961: 610]) и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] связаны существительное ‘задняя сторона’ и послелог ‘за, позади’ (чеченский *t’e.xa*: ‘позади’ ~ *t’e.xe*: ‘задняя часть, место позади’, хиналугский *dalir* ‘сзади, за’ < *dal* ‘оборот, обратная сторона’). В другом нахском языке — ингушском [Nichols 2011: 404] — от существительного *jux* ‘задняя сторона’ образован послелог *jixie* ‘рядом’. Мне не удалось найти упоминаний изменения существительного ‘задняя сторона’ в ‘рядом’ в языках других семей.

В хиналугском и лезгинских языках зафиксирована грамматикализация ‘промежуток, середина’ > ‘между, среди’: хиналугский (*arar* ‘между, среди’, [Кибрик и др. 1972: 145]), будухский (*araža*, [Талибов 2007: 240]), крызский (*araža*, [Authier 2009: 73]), лезгинский (*arada*, [Haspelmath 1993: 221]), рутульский (*aridi*, [Махмудова 2002]), табасаранский (*araji*, [Магометов 1965: 325]), удинский (*q’ati* ‘между’ < *q’at* ‘промежуток’, [Schulze 2005]), цахурский (*arajv*, [Сосенская 1999: 127]). Во всех перечисленных языках, кроме удинского, источником грамматикализации является заимствованное из азербайджанского существительное *ara*. Данный путь грамматикализации является типологически частотным.

В кубачинском даргинском [Магометов 1963: 247] и чеченском (нахский; [Мацев 1961: 609]) связаны существительное ‘место снаружи, внешняя сторона’ и послелог со значением ‘вне, наружу’ (кубачинский *t^{va}* ‘вне, наружу’ < *t^{va}ala* ‘внешняя сторона’, чеченский *a:ra* ‘вне, наружу’ ~ *a:re*: ‘место снаружи, поле, степь’).

В трех аваро-андийских языках от существительного ‘сторона’ образован послелог ‘со стороны’: *raqal* ‘со стороны’ < *raq* ‘сторона’ в аварском [Айтемирова 2007: 7], *raqililo* ‘со стороны’ < *raqi* ‘сторона’ в тиндинском [Магомедова 2003: 576] и *raqdo*: ‘со стороны’ < *raq* ‘сторона’ в чамалинском [Магомедова 1999: 352]. Послелог в этих трех языках формально похожи, что может говорить об их общем происхождении. Данный путь грамматикализации также является частотным.

В кубачинском даргинском связаны существительное *x:aj* ‘низ’ и послелог *x:ajib* ‘снизу’ [Магометов 1963: 247].

В крызском послелог *adeʕ* ‘на’ образован от существительного *ʕadi* ‘поверхность’ [Authier 2009: 69].

7. Грамматикализация послелогов из названий частей ландшафта

Послелог, образованные от названий частей ландшафта, встречаются в нахско-дагестанских языках редко. В основном источниками грамматикализации являются существительные, обозначающие части гор. Послелог, образованные от существительных данного семантического класса, встречаются, по моим данным, в языках, расположенных на севере нахско-дагестанского ареала.

В чеченском и ингушском (нахские; [Дешериев 1963: 488]) произошла грамматикализация: ‘вершина гор, гребень’ > ‘на’ (чеченский *t'e* ‘на’, ингушский *t'ie* ‘на’ < *t'eja* ‘вершина гор, гребень’). Послелог в этих языках образованы от когнатных существительных, данная грамматикализация, скорее всего, произошла еще до полного разделения чеченского и ингушского языков.

В гинухском (цезский; [Forker 2013: 384]) произошла грамматикализация *pur* ‘горный склон’ > *purho* ‘рядом’. Данный послелог образован от существительного, которое, судя по формальным признакам и значению, когнатно существительным со значением ‘сторона’ в других цезских языках. Возможно, гинухский послелог ‘рядом’ появился в языке еще до того, как существительное *pur* утратило значение ‘сторона’.

Мне не удалось найти упоминаний перечисленных выше путей грамматикализации за пределами нахско-дагестанской семьи.

В бацбийском (нахский; [Дешериев 1953: 210]) также есть послелог, образованный не от существительного, связанного с горным ландшафтом: *n̄hai* ‘выход’ > *n̄hai* ‘из’. Близкий путь грамматикализации упомянут в [Kuteva et al. 2019]: ‘покидать’ > АБЛАТИВ.

8. Грамматикализация послелогов из абстрактных существительных

Абстрактные существительные являются распространенным источником грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках.

Самым распространенным путем грамматикализации является ‘место’ > ‘вместо’. Данный путь зафиксирован в языках всех ветвей:

- нахские: *mettel* ‘вместо’ < *mott* ‘место’ в ингушском [Nichols 2011: 403], *metta* ‘вместо’ < *mettig* ‘место’ в чеченском [Nichols 1994: 29];
- цезские: *mica?* ‘вместо’ < *mäçe* ‘место’ в бежтинском [Комри и др. 2015: 425], *moča:* ‘вместо’ < *moči* ‘место’ в гинухском [Fogker 2013: 393];
- аваро-андийские: *bak'alda* ‘вместо’ < *bak'* ‘место’ в аварском [Алексеев и др. 2012: 243], *misalʔa* ‘вместо’ в андийском (Айгуль Закирова, л. с.), *mišahune* ‘вместо’ < *miša* ‘место’ в ахвахском [Магомедова, Абдулаева 2007: 702], *mak'ata* ‘вместо’ < *mak'a* ‘место’ в багвалинском [Даниэль и др. 2001: 196], *musula* ‘вместо’ < *musa* ‘место’ в годоберинском [Sosenskaja, Tatevosov 1996: 165], *mak'wela* ‘вместо’ < *mak'wa* ‘место’ тиндинский [Магомедова 2003: 576], *mak'aʕa* ‘вместо’ в чамалинском¹⁰;

¹⁰ Данный послелог синхронно совпадает с интер-эссивной формой существительного *mak'a* ‘место’: *mak'a-ʕa* (место-INTER).

- литературный даргинский (*merla* ‘вместо’ < *mer* ‘место’) ¹¹;
- лезгинские: *čkadal* ‘вместо’ < *čka* ‘место’ в лезгинском [Haspelmath 1993: 223], *ganu* ‘вместо’ < *ga* ‘место’ удинский [Schulze 2005].

Нахские послелогообразованы от когнатных существительных, что может свидетельствовать о том, что данная грамматикализация произошла в тот момент, когда чеченский и ингушский еще не разошлись окончательно.

Цезские послелогообразованы от когнатных существительных, однако здесь возможно как объяснение через общее происхождение, так и контактный сценарий, поскольку большинство носителей гинухского владеет бежтинским языком (по данным [Dobrushina et al. 2017]).

Аваро-андийские послелогообразованы от двух разных корней: исходные существительные когнатны в аварском, багвалинском, тиндинском и чамалинском с одной стороны и в андийском, ахвахском и годоберинском — с другой. Такое разделение плохо соответствует существующей классификации аваро-андийских языков (ср. [Когуаков 2002]), что может говорить о том, что данный паттерн распространился среди аваро-андийских языков благодаря контактам.

Лезгинские послелогообразованы друг другу, грамматикализация ‘место’ > ‘вместо’, скорее всего, произошла в них независимо. Послелогообразованы с таким же значением есть также в рутульском и табасаранском, однако в этих языках они являются заимствованием из азербайджанского, где существительное *yer-in-ə* (место-3POSS-DAT) употребляется в значении ‘вместо’. Не исключено, что лезгинский и удинский заимствовали паттерн из азербайджанского.

Данный путь грамматикализации является частотным не только внутри нахско-дагестанской семьи, но и вообще в языках мира: многочисленные примеры даны в [Kuteva et al. 2019: 334].

¹¹ Данный послелог синхронно совпадает с формой родительного падежа существительного *mer* ‘место’: *mer-la* (место-GEN).

В лезгинском и крызском (лезгинские; [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 106]) произошла грамматикализация ‘место’ > ‘рядом с чем-л.’ (лезгинский *tiq'iw* ‘рядом, около’, крызский *teq'aw* ‘близко’). Происхождение послелогов можно установить только в результате сравнения с близкородственными языками, что является свидетельством того, что это не недавняя грамматикализация. Послелогов в этих двух языках когнатны, а исходные существительные не сохранились, что может говорить о том, что они являются рефлексамы исторически существовавшего послелого, который был утерян другими языками лезгинской ветви. Данный путь грамматикализации типологически частотен, см. [Kuteva et al. 2019: 333].

В бацбийском (нахский; [Дешериев 1953: 210]) и удинском (лезгинский; [Schulze 2005]) произошла грамматикализация ‘высота, вершина’ > ‘на, над’ (бацбийский *laqiš* ‘сверху’ < *laq* ‘высота, вершина’, удинский *laxo* ‘на’ < *al* ‘вершина’). Послелогов в этих двух языках вероятнее всего были образованы независимо: бацбийский и удинский находятся почти на противоположных концах ареала, они не близкородственны и не контактировали между собой.

Частотным в нахско-дагестанских языках источником грамматикализации являются существительные со значением ‘причина’ > ‘по причине, для’. Данный путь грамматикализации засвидетельствован почти во всех ветвях нахско-дагестанской семьи:

- нахские: ингушский (*baħancie*, [Nichols 2011: 405]);
- аваро-андийские: аварский (*sabablun*, [Рамазанова 2009: 7]), андийский (*sabablj*, (Айгуль Закирова, л. с.)), багвалинский (*saballi*, [Кибрик и др. 2001: 754]), годоберинский (*sabato*)¹², тиндинский (*sabato*, [Магомедова 2003: 576]), чамалинский (*sabali*)¹³;

¹² В данном послелогое можно выделить пространственную частицу *-lo*, однако ее сочетаемость и употребление не ясны из источников.

¹³ Предположение о происхождении данного послелого от чамалинского существительного *sabab* ‘причина’ сделано на основе сравнения с другими аваро-андийскими языками. Является ли данный послелог синхронно морфологически членимым, на основании имеющихся описаний установить не удалось.

- даргинские: литературный (*baḥandan*)¹⁴, санжинский (*bahanne*, [Forker 2020: 158]);
- лезгинские: арчинский (*sababši*)¹⁵.

Источниками данной грамматикализации являются заимствованные существительные *sabab* (из арабского) и *baha:na* (из персидского). Послелого, образованные от существительного *sabab*, встречаются в аваро-андийских языках и арчинском, в то время как санжинский и ингушский послелого образованы от существительного *baha:na*. В литературном даргинском есть послелого, образованные от обоих существительных. Аварский послелог *sababhun* заимствован в ряде цезских языков: бежтинский [Халилов 1995: 408], гинухский [Forker 2013: 391], хваршинский [Khalilova 2009: 134] и цезский [Polinsky 2015: 115]. Данный путь грамматикализации широко распространен в языках мира [Сай (в печати)].

Заимствованное из арабского существительное *ḥaqq* ‘плата, истина’ (в арабском это существительное имеет значение ‘право, ответственность’) является частотным источником грамматикализации послелогов со значением ‘о, про’ в нахско-дагестанских языках.

- аваро-андийские: аварский (*ḥaqʼ:atul*, [Рамазанова 2009: 7]), ахвахский (*ḥaqʼ:elige*, [Магомедова, Абдулаева 2007: 702]), багвалинский (*ḥaqt:il:*, [Даниэль и др. 2001: 196]), тиндинский (*ḥaqʼilj*, [Магомедова 2003: 576]), чамалинский (*ḥaqʼλa*)¹⁶;
- литературный даргинский (*ḥeqʼlizib*, [Абдуллаев 1954: 207]);
- лезгинские: арчинский (*ḥaqʼliql*), лезгинский (*ḥaqqindaj*), табасаранский (*ḥāqʼnaʔan*), цахурский (*haʼkʼe:*).

¹⁴ Данный послелог не является полностью морфологически членимым: в нем можно выделить корень (*baḥana* ‘предлог, мотив, причина’), однако суффикс *-dan* не упоминается в источниках.

¹⁵ Данный послелог образован от существительного *sabab* при помощи адвербиализатора *-ši*.

¹⁶ Данный послелог синхронно совпадает с интер-эссивной формой существительного *ḥaqʼ* ‘пошлина’: *ḥaqʼ-λa* (пошлина-INTER).

Вероятно, этот паттерн распространился контактно. Данный послелог не мог быть заимствован из общего предка, т. к. первое появление арабов в Дагестане датируется VII веком н. э. [Забитов 2001]. К этому времени произошел распад не только нахско-дагестанской языковой семьи, но и распад всех ветвей [Когуаков 2002]. Данный путь грамматикализации не является типологически частотным, поэтому грамматикализация послелогов в каждом языке изолированно от других представляется маловероятной. В самом арабском данный путь грамматикализации не зафиксирован. Паттерн мог быть заимствован из тюркских языков, соседствующих с нахско-дагестанскими, ср. азербайджанский послелог *haqq-in-da* (право-Зрсс-лос) ‘о, про’.

9. Заключение

Имена являются частым диахроническим источником нахско-дагестанских послелогов. Послелогии различаются по времени грамматикализации: в некоторых случаях связь между существительным-источником и послелогом очевидна на синхронном уровне, также существуют случаи, когда синхронно существительное-источник и послелог являются независимыми.

Существительные всех семантических классов, перечисленных в [Nagège 2010: 163], встречаются в качестве источников нахско-дагестанских послелогов. Послелогии, образованные от существительных, обозначающих части ландшафта, встречаются в семье наиболее редко. Существительные, обозначающие части объектов, являются самым распространенным источником грамматикализации послелогов среди языков нахско-дагестанской семьи. Послелогии, образованные от существительных других семантических классов, распределены по ветвям неравномерно: названия частей тела как источник послелогов характерны для лезгинских и нахских языков, в то время как послелогии, образованные от абстрактных понятий, наиболее типичны для аваро-андийских языков.

Кросслингвистическая частотность путей грамматикализации пространственных показателей не соотносится напрямую с частотностью этих же путей внутри нахско-дагестанской семьи. Существуют такие кросслингвистически частотные пути грамматикализации, которые часто встречаются среди нахско-дагестанских языков (например, грамматикализация ‘сторона, бок’ > ‘рядом, у’), и такие, которые встречаются редко (например, грамматикализация ‘лоб’ > ‘перед’, зафиксированная только в гинухском языке). И наоборот: среди кросслингвистически редких путей грамматикализации есть такие, которые редки и в нахско-дагестанских языках:

- ‘нога’ > ‘по причине’ в крызском;
- ‘голова’ > ‘к’ в лезгинском и ‘голова’ > ‘вместо’ в табасаранском;
- ‘задняя сторона’ > ‘рядом’ в ингушском;
- грамматикализация послелогов из обозначений частей ландшафта: ‘вершина гор, гребень’ > ‘на’ в чеченском и ингушском, а также ‘горный склон’ > ‘рядом’ в гинухском. Замечательно, что источником грамматикализации в обоих случаях являются существительные, обозначающие части гор, что, конечно, связано с особенностями географии Кавказа.

Также в нахско-дагестанских языках встречаются такие пути грамматикализации, которые распространены внутри семьи (например, грамматикализация ‘право, истина, плата’ > ‘о, про’), но редки типологически. Вероятнее всего, они распространились благодаря контактам.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AD — локализация ‘у’; CONT — локализация ‘на поверхности, в контакте’; DAT — датив; ESS — эссив; IN — локализация ‘в’; LOC — локатив; OBL — косвенная основа; POSS — посессив; SUP — локализация ‘на’.

Литература

Абдуллаев 1954 — С. Н. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: ДГПУ, 1954.

- Айтемирова 2007 — А. Х. Айтемирова. Функционально-семантическая характеристика послелогов аварского языка и предлогов немецкого языка. Автореферат ... дисс. канд. филол. наук. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.
- Алексеев, Дешериева (ред.) 1985 — М. Е. Алексеев, Т. И. Дешериева (отв. ред.). Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: морфология, синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Алексеев и др. 2012 — М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев, М. А. Магомедов, М. И. Магомедов, Г. И. Мадиева, П. А. Саидова, Дж. С. Самедов. Современный аварский язык. Махачкала: АЛЕФ, 2012.
- Бамматов, Гаджихамедов 2013 — Б. Г. Бамматов, Н. Э. Гаджихамедов. Кумыско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013.
- Басакаков 1963 — Н. А. Басакаков. Ногайско-русский словарь. Черкесск: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.
- Даниэль и др. 2001 — М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Т. Б. Сосенская, С. Г. Татевосов. Деривационная морфология // А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словарь. М.: Наследие, 2001.
- Дешериев 1953 — Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
- Дешериев 1963 — Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1963.
- Забитов 2001 — С. М. Забитов. Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. М.: Институт языкознания РАН, 2001.
- Ибрагимов 1978 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М.: Наука, 1978.
- Кибрик и др. 1972 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловяникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1972.
- Кибрик и др. 2001 — А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Багвалинский язык: грамматика, тексты, словарь. М.: Наследие, 2001.
- Комри и др. 2015 — Б. Комри, М. Ш. Халилов, З. М. Халилова. Грамматика бежтинского языка: фонетика, морфология, словообразование. Лейпциг; Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2015.
- Магомедова 1999 — П. Т. Магомедова. Чамалинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1999.
- Магомедова 2003 — П. Т. Магомедова. Тиндинско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003.
- Магомедова, Абдулаева 2007 — П. Магомедова, И. Абдулаева. Ахвахско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007.

- Магомедов 1963 — А. А. Магомедов. Кубачинский язык (Исследование и тексты). Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963.
- Магомедов 1965 — А. А. Магомедов. Табасаранский язык: исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магомедов 1982 — А. А. Магомедов. Мегебский диалект даргинского языка: Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
- Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Агульские тексты 1900–1960-х годов. М.: Academia, 2014.
- Махмудова 2002 — С. М. Махмудова. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала: ДГУ, 2002.
- Мацев 1961 — А. Г. Мацев. Нохчийн-оьрсийн словарь. Чеченско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Мейланова 1983 — У. А. Мейланова. Функционирование и развитие некоторых послелогов лезгинского и будухского языков // Н. Т. Табулова, Р. Х. Темирова (ред.). Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1983. С. 207–212.
- Рамазанова 2009 — Р. М. Рамазанова. Послелогов в аварском языке в их сопоставлении с английскими пространственными предлогами в непространственном значении. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, ДГУ, 2009.
- Саидова 1973 — П. А. Саидова. Годоберинский язык: грамматический очерк, тексты, словарь. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1973.
- Саидова 2006 — П. А. Саидова. Годоберинско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006.
- Саидова 2007 — П. А. Саидова. Закаतालский диалект аварского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.
- Сай (в печати) — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследование анкета // Н. М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб. В печати.
- Сосенская 1999 — Т. Б. Сосенская. Послелог // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Талибов 2007 — Б. Б. Талибов. Будухский язык. М.: Academia, 2007.
- Темирбулатова 2004 — С. М. Темирбулатова. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004.
- Халилов 1995 — М. Ш. Халилов. Бежгинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1995.
- Authier 2009 — G. Authier. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.

- Azərbaycanca-rusca lüğət 2006 — Azərbaycanca-rusca lüğət [Азербайджанско-русский словарь]. Dörd cildə. I cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- DeLancey 2011 — S. DeLancey. Grammaticalization and syntax: A functional view // The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 365–377. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0029.
- Dobrushina et al. 2017 — N. Dobrushina, D. Staferova, A. Belokon (eds.). Atlas of Multilingualism in Dagestan Online. Linguistic Convergence Laboratory, Higher School of Economics, 2017. URL: <https://multidagestan.com> (дата обращения 23.07.2020).
- Fedorova 1996 — O. Fedorova. Usage of nominal forms // A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). Godoberi. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 75–90.
- Forker 2013 — D. Forker. A Grammar of Hinuq. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. DOI: 10.1515/9783110303971.
- Forker 2020 — D. Forker. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Gebreyes 2016 — A. S. Gebreyes. Grammaticalization in Ethiosemitic with Comparisons to Oromo. Doctoral dissertation. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2016.
- Gerdt, Hinkson 2004 — D. B. Gerdt, M. Q. Hinkson. The grammaticalization of Halkomelem ‘face’ into a dative applicative suffix // International Journal of American Linguistics. 2004. Vol. 70. № 3. P. 227–250. DOI: 10.1086/425600.
- Hagège 2010 — C. Hagège. Adpositions. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199575008.001.0001.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. A Grammar of Khwarshi. Doctoral dissertation. Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Kibrik et al. (eds.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). Godoberi. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996.
- Koryakov 2002 — Yu. Koryakov. Atlas of the Caucasian Languages. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2002.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Moroz 2017 — G. Moroz. Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology, 2017. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (дата обращения 15.02.2021).
- Nichols 1994 — J. Nichols. Chechen // R. Smeets (ed.). The Indigenous Languages of the Caucasus 4. Delmar; New York: Caravan Books, 1994. P. 1–77.
- Nichols 2011 — J. Nichols. Ingush Grammar. Berkeley: University of California Press, 2011.

- Nikolaev, Starostin 1994 — S. Nikolaev, S. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk, 1994.
- Polinsky 2015 — M. Polinsky. Tsez Syntax: A Description. Manuscript. Cambridge, MA: Harvard University, 2015.
- Schulze 2005 — W. Schulze. A Functional Grammar of Udi. Manuscript. 2005.
- Sosenskaja, Tatevosov 1996 — T. Sosenskaja, S. Tatevosov. Substitutive constructions // A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 164–166.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. A Grammar of Icarí Dargwa. München: Lincom Europa, 2003.
- Svorou 1994 — S. Svorou. The Grammar of Space. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. DOI: 10.1075/tsl.25.

References

- Abdullayev 1954 — S. N. Abdullayev. *Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Grammar of Dargwa Language (Phonetics and Morphology)]. Makhachkala: Dagestanian State Pedagogical University, 1954.
- Alekseyev et al. 2012 — M. E. Alekseyev, B. M. Atayev, M. A. Magomedov, M. I. Magomedov, G. I. Madiyeva, P. A. Saidova, Dzh. S. Samedov. *Sovremennyy avarskiy yazyk* [Modern Avar Language]. Makhachkala: ALEF, 2012.
- Alekseyev, Desheriyeva (eds.) 1985 — M. E. Alekseyev, T. I. Desheriyeva (eds.). *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoy grammatiki lezginских yazykov: morfologiya, sintaksis* [Issues of Comparative Grammar of Lezgian Languages: Morphology, Syntax]. Moscow: Nauka, 1985.
- Authier 2009 — G. Authier. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.
- Aytemirova 2007 — A. Kh. Aytemirova. *Funksionalno-semanticheskaya kharakteristika poslelogov avarskogo yazyka i predlogov nemetskogo yazyka* [Functional-semantic Characteristics of Avar Postpositions and German Prepositions]. Author's abstract of candidate thesis. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre, 2007.
- Azərbaycanca-rusca lüğət 2006 — *Azərbaycanca-rusca lüğət* [Azerbaijani-Russian Dictionary]. Dörd cild. I cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- Bammatov, Gadzhiakhmedov 2013 — B. G. Bammatov, N. E. Gadzhiakhmedov. *Kumyksko-russkiy slovar* [Kumyk-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2013.

- Baskakov 1963 — N. A. Baskakov. *Nogaysko-russkiy slovar* [Nogai-Russian Dictionary]. Cherkessk: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1963.
- Comrie et al. 2015 — B. Comrie, M. Sh. Khalilov, Z. M. Khalilova. *Grammatika bezhinskogo yazyka: fonetika, morfologiya, slovoobrazovaniye* [Grammar of Bezhita Language: Phonetics, Morphology, Word Formation]. Leipzig; Makhachkala: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2015.
- Daniel et al. 2001 — M. A. Daniel, N. R. Dobrushina, T. B. Sosenskaya, S. G. Tatevosov. *Derivatsionnaya morfologiya* [Derivational morphology]. A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov (eds.). *Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal Language: Grammar, Texts, Dictionary]. Moscow: Naslediye, 2001.
- DeLancey 2011 — S. DeLancey. Grammaticalization and syntax: A functional view. *The Oxford Handbook of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 365–377. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0029.
- Desheriyev 1953 — Yu. D. Desheriyev. *Batsbiyskiy yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [Batsbi Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Lexicon]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1953.
- Desheriyev 1963 — Yu. D. Desheriyev. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov* [Comparative Grammar of Nakh Languages and Issues of Origins and Historical Development of Montane People of Caucasus]. Groznyy: Checheno-ingushskoye knizhnoye izdatelstvo, 1963.
- Dobrushina et al. 2017 — N. Dobrushina, D. Staferova, A. Belokon (eds.). *Atlas of Multilingualism in Dagestan Online*. Linguistic Convergence Laboratory, Higher School of Economics, 2017. Available at: <https://multidagestan.com> (accessed on 23.07.2020).
- Fedorova 1996 — O. Fedorova. Usage of nominal forms. A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 75–90.
- Forker 2013 — D. Forker. *A Grammar of Hinuq*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. DOI: 10.1515/9783110303971.
- Forker 2020 — D. Forker. *A Grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Gebreyes 2016 — A. S. Gebreyes. *Grammaticalization in Ethiosemitic with Comparisons to Oromo*. Doctoral dissertation. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2016.
- Gerds, Hinkson 2004 — D. B. Gerds, M. Q. Hinkson. The grammaticalization of Halcomelem ‘face’ into a dative applicative suffix. *International Journal of American Linguistics*. 2004. Vol. 70. No. 3. P. 227–250. DOI: 10.1086/425600.

- Hagège 2010 — C. Hagège. *Adpositions*. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199575008.001.0001.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Ibragimov 1978 — G. Kh. Ibragimov. *Rutulskiy yazyk* [Rutul Language]. Moscow: Nauka, 1978.
- Khalilov 1995 — M. Sh. Khalilov. *Bezhtinsko-russkiy slovar* [Bezhta-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 1995.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. *A Grammar of Khwarshi*. Doctoral dissertation. Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Kibrik et al. 1972 — A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. P. Olovyannikova. *Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka* [Fragments of Grammar of Khinalug Language]. Moscow: Moscow State University Press, 1972.
- Kibrik et al. (eds.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996.
- Kibrik et al. 2001 — A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov. *Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal Language: Grammar, Texts, Dictionary]. Moscow: Naslediye, 2001.
- Koryakov 2002 — Yu. Koryakov. *Atlas of the Caucasian Languages*. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2002.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Magomedova 1999 — P. T. Magomedova. *Chamalinsko-russkiy slovar* [Chamalal-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 1999.
- Magomedova 2003 — P. T. Magomedova. *Tindinsko-russkiy slovar* [Tindi-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2003.
- Magomedova, Abdulayeva 2007 — P. Magomedova, I. Abdulayeva. *Akhvakhsko-russkiy slovar* [Akvakh-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2007.
- Magometov 1963 — A. A. Magometov. *Kubachinskiy yazyk (Issledovaniye i teksty)* [Kubachi Language (Research and Texts)]. Tbilisi: Georgian Academy of Sciences Press, 1963.
- Magometov 1965 — A. A. Magometov. *Tabasaranskiy yazyk: issledovaniye i teksty* [Tabasaran Language: Research and Texts]. Tbilisi: Metsniyereba, 1965.
- Magometov 1982 — A. A. Magometov. *Megebskiy dialekt darginskogo yazyka: Issledovaniye i teksty* [Mehweb Dialect of Dargwa: Research and Texts]. Tbilisi: Metsniyereba, 1982.

- Maisak 2014 — Т. А. Maisak. *Agul'skiye teksty 1900–1960-kh godov* [Agul Texts of 1900–1960 Years]. Moscow: Academia, 2014.
- Makhmudova 2002 — S. M. Makhmudova. *Grammaticheskiye klassy slov i grammaticheskiye kategorii rutul'skogo yazyka* [Grammatical classes of words and grammatical categories of Rutul language]. Doctoral thesis. Makhachkala: Dagestan State University, 2002.
- Matsiyev 1961 — А. G. Matsiyev. *Nokhchiyn-orsiyn slovar: Chechensko-russkiy slovar* [Chechen-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1961.
- Meylanova 1983 — U. A. Meylanova. *Funktsionirovaniye i razvitiye nekotorykh poslelogov lezginskogo i budukhskogo yazykov* [Functioning and development of some postpositions in Lezgian and Budugh]. N. T. Tabulova, R. Kh. Temirova (eds.). *Sistema preverbov i poslelogov v iberiysko-kavkazskikh yazykakh* [System of Verbal Prefixes and Postposition in Iberian-Caucasian Languages]. Cherkessk: Stavropolskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983. P. 207–212.
- Moroz 2017 — G. Moroz. *Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology*, 2017. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (accessed on 15.02.2021).
- Nichols 1994 — J. Nichols. Chechen. R. Smeets (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus 4*. Delmar; New York: Caravan Books, 1994. P. 1–77.
- Nichols 2011 — J. Nichols. *Ingush Grammar*. Berkeley: University of California Press, 2011.
- Nikolaev, Starostin 1994 — S. Nikolaev, S. Starostin. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.
- Polinsky 2015 — M. Polinsky. *Tsez Syntax: A Description*. Manuscript. Cambridge, MA: Harvard University, 2015.
- Ramazanova 2009 — R. M. Ramazanova. *Poslelogi v avarskom yazyke v ikh sopostavlenii s angliyskimi prostranstvennymi predlogami v neprostranstvennom znachenii* [Avar postpositions in comparison to English locative prepositions in non-locative meaning]. Author's abstract of candidate thesis. Makhachkala: Dagestan State University, 2009.
- Saidova 1973 — P. A. Saidova. *Godoberinskiy yazyk: grammaticheskiy ocherk, teksty, slovar* [Godoberi Language: Grammatical Sketch, Texts, Dictionary]. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 1973.
- Saidova 2006 — P. A. Saidova. *Godoberinsko-russkiy slovar* [Godoberi-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2006.
- Saidova 2007 — P. A. Saidova. *Zakatal'skiy dialekt avar'skogo yazyka* [Zakatala Dialect of Avar Language]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2007.

- Say (in print) — S. S. Say. Imennyye prichinnyye konstruksii: parametry tipologicheskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: Parameters of typological variability and questionnaire]. N. M. Zaika (ed.). *Tipologiya prichinnykh konstruksiy* [Typology of Causal Constructions]. St. Petersburg. In print.
- Schulze 2005 — W. Schulze. *A Functional Grammar of Udi*. Manuscript. 2005.
- Sosenskaya 1999 — T. B. Sosenskaya. Poslelog [Postposition]. A. E. Kibrik, Ya. G. Testelets (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur Language in Typological Perspective]. Moscow: Naslediye, 1999.
- Sosenskaja, Tatevosov 1996 — T. Sosenskaja, S. Tatevosov. Substitutive constructions. A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenbergh (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 164–166.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A Grammar of Icari Dargwa*. München: Lincom Europa, 2003.
- Svorou 1994 — S. Svorou. *The Grammar of Space*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. DOI: 10.1075/tsl.25.
- Talibov 2007 — B. B. Talibov. *Budukhskiy yazyk* [Budugh Language]. Moscow: Academia, 2007.
- Temirbulatova 2004 — S. M. Temirbulatova. *Khaydakskiy dialekt darginskogo yazyka* [Kajtag Dialect of Dargwa Language]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2004.
- Zabito 2001 — S. M. Zabito. *Arabizmy v leksike vostochnokavkazskikh yazykov* [Arabic Borrowings in East-Caucasian Languages]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2001.

Пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка

А. Д. Ногина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); sashanogina@gmail.com

Т. Б. Казакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); tanusha.kazakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка. Основными задачами являются выявление особенностей их употребления и специфики выражения ориентации и локализации, а также сравнение наших данных с материалами, представленными в работах по другим диалектам эвенского.

Статья также содержит краткий анализ возможных причин существования наблюдаемых различий. Работа основывается на данных, полученных в ходе полевого исследования путем элицитации.

Ключевые слова: локативность, пространственные падежи, ориентация, локализация, диалектные особенности, быстринский диалект, эвенский, тунгусо-маньчжурские языки.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Locative cases in the Bystraya dialect of Even

A. D. Nogina

HSE University (Moscow, Russia); sashanogina@gmail.com

T. B. Kazakova

HSE University (Moscow, Russia); tanusha.kazakova@gmail.com

Abstract. This paper discusses locative cases in the Bystraya dialect of Even. Our goal is to provide a description of locative cases and their usage in this idiom, as well as to compare them with the peculiarities of expressing orientation and localization found in other Even dialects' descriptions. The paper is based on field materials collected by elicitation with Even and Russian stimuli.

Eight out of the thirteen Even cases can express spatial meanings. For this work, the locative cases were considered in groups corresponding to the four main semantic roles they represent: Place, Path, Source, and Goal. In Standard Even, each case has its own special functions in its group, while in the Bystraya dialect, each of the four groups includes a basic case (i.e. the Locative, the Prolative, the Ablative, and the Directive, respectively) with the most general meaning that can occur in almost all contexts. The remaining cases show different behavior patterns. While some cases behave as presented in grammatical descriptions, others scope over broader contexts, though most preference is still given to the narrower contexts described in the literature. Finally, one case, the Directive-Prolative, is almost out of use in the dialect.

Apart from the differences in distribution, morphological shifts can occur in the complementary distributed allomorphs of the locative case suffixes. This feature also distinguishes the Standard Even from the Bystraya dialect.

The paper suggests possible explanations for these differences. One is that the distinctive features of this idiom arose due to contacts with other languages of the area. Another possible explanation is a gradual loss of the language and Russianization of the population.

Keywords: locativity, locative cases, orientation, localization, dialect features, Bystraya dialect, Even language, Tungusic languages.

1. Введение

Данная статья посвящена выражению пространственной ориентации и локализации при помощи локативных падежей в быстринском диалекте эвенского языка. Используемые в статье данные были получены в ходе экспедиций в с. Эссо и Анавгай Быстринского р-на Камчатского края в июне — июле 2019 г. и в январе 2020 г.

Описанию эвенского языка посвящено несколько фундаментальных грамматик, однако в них чаще всего представлены обобщенные

данные, не фиксирующие диалектных различий. При этом данные даже по отдельно взятым говорам могут сильно различаться. Существуют работы, рассматривающие черты конкретных диалектов, однако быстринский эвенский в этом плане практически не освещен.

Локализация и ориентация в эвенском языке могут быть выражены именем в одном из пространственных падежей, именем с послелогом или наречием. В статье рассматривается первый способ, а конкретнее — особенности употребления пространственных падежей и микроразличия в семантически близких доменах.

В эвенском языке выделяется тринадцать падежей, восемь из которых могут выражать пространственное значение. Перечень падежей, имеющих пространственные значения, с их условными обозначениями и показателями представлен в *Таблице 1*¹.

Таблица 1. Локативные падежи в эвенском языке

Table 1. Locative cases in Even language

Падеж	Глосса	Показатель
датель	DAT	<i>-du / -tu</i>
локатив	LOC	<i>-la / -le / -dula / -dule / -na / -ne</i>
пролатив	PROL	<i>-li / -duli / (-ni)</i>
директив	DIR	<i>-tki / -taki / -teki</i>
директив-локатив	DLOC	<i>-kla / -kle</i>
директив-пролатив	DPROL	<i>-kli</i>
аблатив	ABL	<i>-duk / -tuk</i>
элатив	ELAT	<i>-gič / -kič / -ŋič</i>

¹ Знаком косой черты разделяются алломорфы.

В скобках представлен алломорф, встречающийся в эвенском согласно описаниям эвенского языка [Цинциус 1947; Malchukov 1995; Мальчуков 2008], но не засвидетельствованный в быстринском диалекте.

Выбор алломорфа определяется морфонологическим контекстом: варианты одного показателя находятся в дополнительной дистрибуции в зависимости от последнего звука основы и гармонии гласных. В исследуемом идиоме нет четкого распределения форм у слов с носовым согласным на конце. Например, форма 'в море' (more-LOC) встречается как в виде *nam-na* (со специальным показателем для конечного носового), так и *nam-dula*, причем второй вариант используется чаще. Возможно, дело в аналогии с основами, заканчивающимися на неусеченную² *n* и на суффиксы мн. ч. *-l*, *-r*: с ними употребляется исключительно показатель *-dula* / *-dule*.

Далее будут подробно рассматриваться значения падежей, сгруппированные по четырем основным семантическим локативным ролям: Место, Путь, Источник (начальная точка движения), Цель (конечная точка движения). Идея разделения на различные роли позаимствована из монографии [Мальчуков 2008: 72], однако именно такие названия ролей установлены нами.

2. Место

2.1. Локатив и датив

Для выражения роли Место в быстринском эвенском используются локатив, датив и пролатив.

² В эвенском языке существует два типа основ, заканчивающихся на *n*: *n*-усеченные и *n*-неусеченные. К первому типу относятся основы, у которых на конце был гласный, который впоследствии отпал (усекся). У основ второго типа гласного на конце никогда не было, отсюда название «неусеченная» [Левин 1936].

Локатив и датив в эвенском, как и в большинстве тунгусо-маньчжурских языков [Pakendorf 2013], употребляются в схожих контекстах, и критерии выбора между ними требуют подробного изучения.

Авторы, описывающие диалекты эвенского, наблюдают различные тенденции. В охотском диалекте, согласно монографии В. Д. Лебедева, локатив не употребляется в значении Места, эту роль полностью берет на себя датив [Лебедев 1982: 41]. Для ольского говора К. А. Новикова утверждает: «Обстоятельственное дополнение в дательном падеже употребляется тогда, когда речь идет о каком-то определенном, конкретном месте действия, имея в виду временный характер этого действия» [Новикова 1960: 203]. А. Л. Мальчуков в работе, обобщающей данные эвенского языка по многим диалектам [Мальчуков 2008: 73–74], добавляет к параметру, выделенному К. А. Новиковой, еще два, постулируя, тем самым, следующие критерии выбора:

Таблица 2. Критерии выбора падежа для кодирования Места

Table 2. Case selection criteria for Place encoding

Локатив	Датив
отсутствие контроля субъекта над ситуацией (часто неодушевленное подлежащее)	контроль субъекта над ситуацией (часто одушевленное подлежащее)
постоянный характер локализации	временный характер локализации
бытийный и локативный семантические типы предложения	локативный семантический тип предложения ³

Если представить каждую из строк *Таблицы 2* в виде шкалы, то локатив и датив, по данным Мальчукова, оказываются на разных полюсах. Однако в быстринском эвенском предложения с контекстами, находящимися на противоположных концах шкал, разрешены с обоими падежами:

³ Под локативным типом подразумевается вынесение формы со значением Места в ремю, к примеру, при ответе на вопрос «где?».

- (1) *bi bujuše-d-de-m okre-le / okre-du*⁴
 я охотиться-PROG-NFUT-1SG поляна-LOC поляна-DAT
 ‘Я (сейчас) охочусь на поляне’⁵.
- (2) *d'u illota-Ø-n migdel-dula / migdel-du*
 дом стоять-NFUT-3SG холм-LOC холм-DAT
 ‘Дом стоит на холме’.

В первом примере одушевленное подлежащее — человек; он полностью контролирует ситуацию и находится на поляне только на время охоты. Во втором дом не способен контролировать свое местонахождение, подлежащее неодушевленное, локализация постоянная. При этом в данных примерах тип предложения может быть как бытийным, так и локативным. Несмотря на это, и датив, и локатив возможны в обоих случаях. Носители утверждают, что семантических различий между вариантами не чувствуют.

При этом почти всегда носители первым порождают пример с локативом, датив же признают грамматичным при предъявлении эвенского стимула, так что нельзя утверждать, что датив и локатив равноправны в значении Места.

Несмотря на то, что четкая граница размыта, кажется, что прослеживаются тенденции, соотносящиеся с первыми двумя критериями, выделенными А. Л. Мальчуковым. Поскольку контроль над ситуацией часто соотносится с одушевленностью, рассмотрим две группы имен: ‘люди и животные’ (обычно контролирующие свои перемещения), ‘растения и предметы’ (не контролирующие свое

⁴ Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в ходе полевой работы. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора. Долгота не отмечается, потому что фонетическая разница между краткими и долгими гласными у современных носителей, с которыми мы работали, не фиксируется.

⁵ Все примеры без ссылок, приведенные в статье, получены в ходе экспедиций путем элицитации с русского или эвенского стимула. Перевод слов проверялся по словарю [Роббек, Роббек 2005].

местонахождение). Изначально было непонятно, как интерпретировать животных, поскольку типологически с точки зрения одушевленности они могут вести себя по-разному. Однако при анализе полученных данных оказалось, что животные ведут себя так же, как люди, поэтому было принято решение эти две группы объединить.

Ниже представлены *Таблицы 3 и 4*, показывающие частотность каждого из падежей в зависимости от способности субъекта контролировать ситуацию (точнее, от его семантического типа) и от характера локализации (временная / постоянная). Данные представлены как в абсолютных величинах, так и в процентах. Частотность рассчитана по всем элицитированным примерам с формами в дативе и локативе с семантической ролью Место (общее количество — 284 примера).

Таблица 3. Частотность употребления датива и локатива в зависимости от семантического типа субъекта

Table 3. Usage frequency of dative and locative in accordance with the semantic type of the subject

	Датив	Датив (%)	Локатив	Локатив (%)
Люди и животные	51	24	164	76
Растения и предметы	9	13	60	87

Таблица 4. Частотность употребления датива и локатива в зависимости от характера локализации

Table 4. Usage frequency of dative and locative in accordance with the localization type

	Датив	Датив (%)	Локатив	Локатив (%)
Временная локализация	51	25	157	75
Постоянная локализация	9	12	67	88

По представленным данным видно, что в пространственном значении датив используется значительно реже локатива в любых контекстах. Однако в примерах про людей и животных, которые обычно контролируют свое местонахождение, и в случаях, когда это местонахождение временное, датив встречается почти в два раза чаще, чем в противоположных условиях.

Чтобы проверить влияние семантического типа субъекта и характера локализации на употребление того или иного падежа, можно рассчитать по *Таблицам 3 и 4* критерий V Крамера (Cramer's V). Для данных в *Таблице 3* $V = 0,11$, а для данных в *Таблице 4* $V = 0,14$, что говорит о том, что в обоих случаях связь между параметром и выбором падежа есть, но эта связь достаточно слабая. Таким образом, первые два критерия, выделенные А. Л. Мальчуковым, в быстринском идиоме не вполне применимы.

Влияние же семантического типа предложения (третий критерий) нуждается в дальнейшем подробном изучении, поскольку он связан с тема-рематическим членением предложения [Мальчуков 2008: 73–74] и требует наличия широкого контекста для каждого примера.

Помимо тенденций, обсуждаемых выше, было замечено, что в контекстах, где субъект находится не в том месте, где объект, используется локатив. В подобных предложениях многие носители запряцают датив:

- (3) *bi girkad-nikan it-ti-wu oro-m buj-la / *buj-du*
 я идти-CVB.SIM видеть-PST-1SG олень-ACC лес-LOC / лес-DAT
 ‘Я шел [по дороге] и увидел оленя в лесу’.

Стоит отметить еще один фактор, влияющий на выбор падежа.

В случаях, когда локализатором выступает не предмет, а событие, происходящее в определенном месте, не всегда понятно, выражается ли в предложении значение места или времени, потому что оба падежа могут использоваться и для выражения времени: так, датив употребляется с временами года (4), а локатив — с месяцами и днями недели ⁶ (5) [Мальчуков 2008: 76]:

⁶ “Calendar unit names” по [Haspelmath 1997: 26].

- (4) *tugeni-du bi-wat-te-n anŋamta anŋan*
 зима-DAT быть-FREQ-NFUT-3SG новый год
 ‘Зимой бывает Новый год’.
- (5) *bi baku-ri-wu okt'abr-la*
 я родиться-PST-1SG октябрь-LOC
 ‘Я родился в октябре’.

Конкуренция между падежами наблюдается в контекстах, где локализатором выступает событие (6): локатив здесь возможен, но датив предпочтительнее.

- (6) *čaška-w kawal-li-ten sobranie-du / sobranie-la*
 чашка-ACC разбить-PST-3PL собрание-DAT / собрание-LOC
 ‘На собрании разбили чашку’.

По-видимому, слова, обозначающие подобные события, по ведению ближе к временам года, а не к календарным единицам, поскольку их временные рамки можно установить только условно. Фактическая зима не начинается ровно с наступлением первого декабря, снег может пойти раньше, а холода ударить позже. Так же и собрание может быть в любой день и не начинается ровно в назначенное время.

2.2. Пролатив

Форма в пролативе чаще всего обозначает место при условии его множественности. В примере (7) вместо локатива может использоваться пролатив, поскольку речь идет о потенциально неограниченном количестве городов. Семантической разницы между двумя формами носители не чувствуют.

- (7) *bej-l bi-š-∅ gorodo-l-dula / gorodo-l-duli*
 человек-PL быть-NFUT-3PL город-PL-LOC / город-PL-PROL
 ‘Люди живут по городам’.

Также пролатив используется для обозначения места, где происходит неориентированное движение:

- (8) *bej gurge-wči-Ø-n d'u-li*
 человек работа-VBZ-NFUT-3SG дом-PROL
 ‘Человек работает по дому (убирается)’.

Кроме того, употребление пролатива возможно при расположении объекта на протяженном пространстве. В примере (9) подчеркивается вытянутость здания библиотеки вдоль улицы в противовес точечной локализации:

- (9) *ile=nan taŋa-d'ak bi-n-ni? —*
 где=EMPH чтение-NMZ.PLACE быть-NFUT-3SG
taŋa-d'ak Leninskaja ulitsa-li bi-n-ni
 чтение-NMZ.PLACE ленинская улица-PROL быть-NFUT-3SG
 ‘Где находится библиотека? — Библиотека находится на улице Ленина’.

В примере (10) форма в пролативе имплицитно подразумевает, что человек лежит, вытянувшись во всю длину кровати, тогда как форма в локативе означает только его местонахождение на ней:

- (10) *bej desči-d-de-n kojka-li / kojka-le*
 человек лежать-PROG-NFUT-3SG кровать-PROL / кровать-LOC
 ‘Человек лежит на кровати’.

Употребление пролатива в таких контекстах является редким, носители чаще используют локатив с более общим значением.

3. Путь

3.1. Пролатив и директив-пролатив

Объект, обозначающий путь, по которому совершается движение, также маркируется пролативом:

- (11) *girka-ri-wu otaran-duli*
 идти-PST-1SG дорога-PROL
 ‘Я прошел по дороге’.

- (12) *bi ør-rot-te-m škola-tki buj-li*
я уйти-FREQ-NFUT-1SG школа-DIR лес-PROL

‘Я хожу в школу через лес’.

Кроме того, в литературном эвенском языке выделяется директив-пролатив, который используется для обозначения предмета, вдоль которого происходит движение:

- (13) *оран куре-кли тибба-ð-ða-н*
олень ограда-DPROL скакать-PROG-NFUT-3SG

‘Олень бежит вдоль ограды’. [Авак 2018: 24]⁷

Однако в быстринском диалекте директив-пролатив не используется. Большинство информантов утверждают, что не знают такую форму, и предложений с этим падежом не понимают. Только одна носительница согласилась, что фраза со словом в директиве-пролативе может быть грамматична, хотя «так говорят редко». При этом значение, которое она приписывает данной форме, отличается от значения, встречающегося в грамматиках. Она не чувствует разницу между директивом-пролативом и директивом-локативом, который обозначает предмет, до которого совершается перемещение:

- (14) *kuŋa abdu-la-kli / abdu-la-kla øre-d-de-n*
ребенок вещь-PL-DPROL / вещь-PL-DLOC уйти-PROG-NFUT-3SG

Перевод носительницы: ‘Ребенок уходит к месту, где лежат вещи’.

Вместо директива-пролатива в быстринском диалекте используется сочетание имени с послелогом *ølilin* ‘вдоль’:

- (15) *bi bolgit øli-li-n girka-d-da-m*
я кедровник край-PROL-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-1SG

Я иду вдоль кедровника’.

Похожая ситуация наблюдается и в эвенских говорах Якутии, например, в догдо-чебогалахском [Лебедев 1978: 47].

⁷ Сохранена орфография источника, поморфемная запись и глоссирование примера наше.

Форма в пролативе в примере (11) также может переводиться как ‘вдоль [дороги]’. Однако, скорее всего, возможность такого перевода обусловлена исключительно семантикой самого слова *otaran* ‘дорога’, которая включает в себя значение обочины. В эвенском полноценного значения ‘предмет, вдоль которого происходит движение’ у пролатива нет, это можно продемонстрировать примером (16а), в котором форма в пролативе означает движение именно по забору, тогда как значение ‘вдоль’ передается только послелогом (16б):

(16) а. *nojan girka-d-da-n zabor-li*
 он-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-3SG забор-PROL
 ‘Он идет по забору’.

б. *nojan girka-d-da-n zabor eli-li-n*
 он-POSS.3SG идти-PROG-NFUT-3SG забор край-PROL-POSS.3SG
 ‘Он идет вдоль забора’.

4. Источник

4.1. Аблатив и элатив

Источник может быть выражен при помощи двух падежей: аблатива и элатива. При этом аблативом маркируется конкретная точка, от которой происходит движение, тогда как элатив нейтрален, он имплицитно указывает движение от некоего пространства вокруг точки без обязательного начального присутствия в ней (17)–(18). В случае, когда факт начального присутствия известен, используется только аблатив (19).

(17) *bu it-ti-wun anim buji-gič*
 мы.INC видеть-PST-1PL.EXC⁸ дым лес-ELAT

⁸ В быстринском диалекте утрачивается противопоставление по ключивности. Поэтому часто лично-числовые показатели на глаголе не совпадают с местоимениями по этому параметру.

‘Мы увидели дым со стороны леса’ (неизвестно, был ли дым из леса или просто с его стороны).

- (18) *d'u-la-j* *e-č* *i-re*,
 дом-LOC-POSS.REFL.SG NEG-PTC.PST входить-CVB.NEG

d'u-gič *ər-če*
 дом-ELAT уйти-PTC.PST

‘Домой не заходя, от дома ушел’.

- (19) *Anton im-ni-n* *migdīn-duk* / *#migdīn-gič*
 Антон приходить-PST-3SG гора-ABL / гора-ELAT

‘Антон пришел с горы (в контексте: Антон был на горе)’.

#‘Антон пришел от горы (со стороны горы)’.

Описанные выше особенности согласуются с представленными в литературе [Цинциус 1947: 95; Malchukov 1995: 11; Мальчуков 2008: 74–75].

При элицитации в контекстах, когда семантически допустимы обе формы, первым порождается аблатив. Мы предполагаем, что упоминание начальной точки движения является более естественным, чем упоминание стороны, с которой оно происходит. И, возможно, именно поэтому носители охотно используют аблатив даже в тех случаях, когда нет подтверждения изначального присутствия в точке. Так, многие разрешают аблатив в примере (18).

5. Цель

5.1. Директив и локатив

Для обозначения направления движения используется директив:

- (20) *kuṇa* *er-ri-n* *d'u-duk-i* *škola-tki*
 ребенок уйти-PST-3SG дом-ABL-POSS.REFL.SG школа-DIR

‘Ребенок пошел из дома в школу’.

Помимо директива, Цель может быть выражена локативом, причем, согласно описаниям эвенского языка, контексты употребления этих падежей различаются. А. Л. Мальчуков утверждает, что локатив, в отличие от директива, «имплицитно находит субъекта действия в момент его завершения в конечной точке. (...) Глаголы мгновенного действия (типа *i* - ‘войти’) не могут сочетаться с дополнением в директиве, поскольку они по определению обозначают „результативные“ действия» [Мальчуков 2008: 74].

Однако это утверждение для быстринского эвенского нельзя признать верным, с подобными глаголами носители часто употребляют директив и не чувствуют семантических различий между формами в директиве и в локативе в подобных предложениях:

(21) *bej i-w-re-n d'u-tki mo-w*
 человек войти-AD-NFUT-3SG дом-DIR дрова-ACC
 ‘Человек внес дрова в дом’.

(22) *girkad-nika=n'an zabor-la / zabor-teki*
 ходить-CV.V.SIM=EMPH забор-LOC / забор-DIR
 ‘Он врезался (вошел) в забор’.

Таким образом, директив, как и аблатив, в современном быстринском эвенском становится более базовым падежом: его употребление возможно во всех контекстах со значением Цели, тогда как использование локатива все еще ограничено. Так, в контексте направления без движения (ориентации) может употребляться только директив:

(23) *erek otaran n'amgida-tki*
 это дорога юг-DIR
 ‘Это дорога на юг’.

(24) *noŋan dešč'i-Ø-n dig-d'i okeš-teki*
 он-POSS.3SG лежать-NFUT-3SG голова-INS окно-DIR
 ‘Он лежит головой к окну’.

5.2. Директив-локатив

Отдельным падежом, выражающим Цель в эвенском, является директив-локатив. Он, в отличие от локатива, имплицитно выражает достижение не конечной точки, а пространства около нее. Это можно проиллюстрировать примером (25а–б), где контекст подразумевает возвращение Леша в дом, а форма в директиве-локативе такого значения выразить не может. Наиболее точным переводом формы в таком падеже на русский является имя с предлогом *до*:

- (25) а. *L'osa miču-d-de-n* *buj-gič d'u-tki / d'u-la*
 Леша возвращаться-PROG-NFUT-3SG лес-ELAT дом-DIR / дом-LOC
 ‘Леша возвращается из леса домой’.
- б. *??L'osa miču-d-de-n* *buj-gič d'u-kla*
 Леша возвращаться-PROG-NFUT-3SG лес-ELAT дом-DLOC
 ‘Леша возвращается из леса до дома’.

6. Заключение

В работе было рассмотрено и проанализировано использование восьми падежей с пространственными значениями в быстринском эвенском. В отличие от эвенского, описанного в грамматиках, с достаточно четким противопоставлением условий употребления всех восьми падежей, в быстринском для каждой из четырех основных семантических ролей (Место, Путь, Источник, Цель) можно выделить один наиболее общий и базовый падеж, который допустим почти в любых контекстах. Так, для роли Место это локатив, для Пути — пролатив, для Источника — аблатив, для Цели — директив. Модели поведения остальных падежей различаются. Одни соответствуют описанному в грамматиках (локатив и директив-локатив в значении Цели, элатив в значении Источника). У других наблюдаются расширенные контексты использования, хотя предпочтительными являются

более узкие, аналогичные представленным в литературе (датель в значении места). К третьей группе, т. е. к не употребляющимся падежам, относится только директив-пролатив.

К отличиям от грамматик также относится потеря строгих морфонологических критериев выбора алломорфа. Так, после основ, заканчивающихся на носовые согласные, ожидаемый алломорф пролатива (*-ni*) не употребляется вообще, а алломорфы локатива (*-na / -ne*) часто заменяются на другие (*-dula / -dule*).

К сожалению, из-за того, что быстринскому идиому посвящен очень небольшой объем литературы, сложно сделать однозначный вывод о происхождении его отличий от других диалектов и описаний в грамматиках. Неясно, являются ли наблюдаемые особенности быстринского идиома произошедшими изменениями, вызванными, например, контактами с языками ареала, или же дело в постепенной утрате языка и русификации населения.

В начале работы упоминалось, что локализация и ориентация в эвенском языке могут быть выражены не только именем в одном из пространственных падежей, но и именем с послелогом. Такой способ выражения сам по себе заслуживает пристального изучения, однако отдельное внимание стоит уделить конкретной группе послелогов, а именно отыменным послелогам. Они интересны тем, что образовались в результате частичной грамматикализации имени в падеже с посессивным суффиксом (таким является послелог *əlilin* в примерах (15) и (166)). Возможно, дальнейшее изучение подобных послелогов и падежей в их составе поможет лучше понять диахронические изменения в падежной системе языка.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адверсатив-пассив; CVB — деепричастие; DAT — датель; DIR — директив; DLOC — директив-локатив; DPROL — директив-пролатив; ELAT — элатив; EMPH — усилительная частица; EXC — эксклюзив; FREQ — фреквентатив; INC — инклюзив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFUT — будущее время; NMZ — номинализация; PL — множественное число; PLACE — место; POSS — посессивность;

PROG — прогрессив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; REFL — рефлексивная посессивность; SG — единственное число; SIM — одновременное действие; VBZ — вербализация.

Литература

- Авак 2018 — Р. Н. Авак. Изучение имени существительного в эвенском языке: методические рекомендации для учителя. Петропавловск-Камчатский: Камчатский ИРО, 2018.
- Лебедев 1978 — В. Д. Лебедев. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
- Лебедев 1982 — В. Д. Лебедев. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982.
- Левин 1936 — В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Роббек, Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эвены). Новосибирск: Наука, 2005.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. М.; Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1947.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 2). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1997.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. Even. (Languages of the World. Materials 12). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1995.
- Pakendorf 2013 — B. Pakendorf. The interplay of language-internal variation and contact influence in language change // I. Léglise, C. Chamoreau (eds.). The Interplay of Variation and Change in Contact Setting. (Studies in Language Variation 12). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 199–227. DOI: 10.1075/silv.12.08pak.

References

- Avak 2018 — R. N. Avak. *Izucheniye imeni sushchestvitelnogo v evenskom yazyke: metodicheskiye rekomendatsii dlya uchitelya* [Study of Noun in the Even

- Language: Guideline for Teachers]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatkan Institute for the Development of Education, 2018.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages*. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 2). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1997.
- Lebedev 1978 — V. D. Lebedev. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of Yakutia Evens]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1978.
- Lebedev 1982 — V. D. Lebedev. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [Okhotskiy Dialect of the Even Language]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1982.
- Levin 1936 — V. I. Levin. *Kratkiy evensko-russkiy slovar s prilozheniyem grammaticheskogo ocherka* [Short Even-Russian Dictionary with a Supplement of Grammar Sketch]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. *Even*. (Languages of the World. Materials 12). München; Newcastle: LINCOS Europa, 1995.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty* [Syntax of the Even Language: Structural, Semantic, Communicative Aspects]. St. Petersburg: Nauka, 2008.
- Novikova 1960 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Olskiy govor* [Essays on the Even Dialects: Olskiy Subdialect]. Pt. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- Pakendorf 2013 — B. Pakendorf. The interplay of language-internal variation and contact influence in language change. I. Léglise, C. Chamoreau (eds.). *The Interplay of Variation and Change in Contact Setting*. (Studies in Language Variation 12). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 199–227. DOI: 10.1075/silv.12.08pak.
- Robbek, Robbek 2005 — V. A. Robbek, M. E. Robbek. *Evensko-russkiy slovar* [Even-Russian Dictionary]. (Pamyatniki etnicheskoy kultury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka. Eveny). Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [A Sketch of the Even (Lamut) Language Grammar]. Moscow; Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1947.

К описанию системы именных классов и классного согласования в языке гиньянга

В. А. Позднякова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); victoria_poz@hotmail.com

Аннотация. В статье представлен предварительный анализ системы именных классов и классного согласования в языке гиньянга (ква, северные гуанг). По согласовательному критерию в гиньянга выделяется восемь именных классов, которые маркируются именными префиксами. Проанализированы корреляции сингулярных и плюральных классов и семантические доминанты каждого из классов. Рассмотрены морфосинтаксические явления, связанные с классным согласованием и проявляющиеся при согласовании числительных, демонстративов, кванторов, глаголов, а также при выборе конкретных местоимений базовой и объектной серии. Результаты исследования показывают, что в гиньянга сохранилась полноценная система именных классов и классного согласования, что характерно для языков северной ветви группы гуанг.

Ключевые слова: нигер-конго, языки ква, языки гуанг, именной класс, именная морфология.

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ» по гранту РФФ № 17-78-20071П.

A tentative description of Ginyanga noun class system and noun class agreement

V. A. Pozdniakova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
victoria_poz@hotmail.com

Abstract. This paper features a preliminary overview of Ginyanga (Kwa, North Guang) noun class system and agreement. This is the first study that addresses

Ginyanga morphology in detail and puts it into typological perspective. Although Kwa languages are generally known for their reduced morphology, the North Guang branch is distinguished by its rich noun class system. This is also the case with Ginyanga: based on agreement I define eight noun classes, three of which are singular and five are plural. Classes are marked with noun prefixes that are subject to ATR harmony. Agreement classes are further divided into morphological subclasses, that share the agreement paradigm, but feature different noun prefix. Singular/plural pairings of classes and semantic bases of each class are discussed; in particular, the role of the semantic parameter of animacy. Class marking alternation is observed both in singular/plural correlations and derivational processes (diminutive formation), which is characteristic of active noun class systems.

The following agreement contexts are viewed: class agreement of cardinal numerals, demonstratives and quantifiers, subject-verb agreement, pronoun series. Cardinal numerals from '1' to '6' get class indexation from the head noun, numerals from '7' to '10' retain their default marking. There are two demonstratives that agree in class with the head noun, *-bali* 'this' and *-bvvv* 'that'. Ginyanga class agreement system also includes two series of verbal prefixes: factative and imperfective, and two pronoun series, basic (independent and possessive) and object.

Based on these data I argue that Ginyanga follows the North Guang pattern and demonstrates a fully fledged system of noun classes and noun class agreement. The paper adds to the evidence of a rich class system that should have existed in Proto-Guang and contributes to the typology of noun classes in West African languages.

Keywords: Niger-Congo, Kwa, Guang, noun class, noun morphology.

1. Введение

В работе представлено предварительное описание системы именных классов и классного согласования в языке гиньянга (геньянга, аньянга).

Гиньянга принадлежит к группе тано-гуанг семьи ква (см. *Схему 1*) и распространен в префектуре Блитта на севере Того и на северо-востоке региона Вольта в Гане. Количество носителей в Того по данным 2011 г. — около 10600 человек [Kalessou 2011: 9].

Схема 1. Генетическая классификация гиньянга
[Hammarström et al. 2020; Blench 2006: 3]

Fig. 1. Ginyanga classification
[Hammarström et al. 2020; Blench 2006: 3]

нигер-конго → ква → тано → гуанг →
северные гуанг → гиньянга

Гиньянга посвящено несколько публикаций: краткий грамматический очерк [Cleal 1976], обзорная статья в энциклопедии [Gblem-Poidi, Kantchoa 2012], социолингвистическое исследование [Jordan-Diller, Diller 2008], описание сегментной фонетики [Kalessou 2011], а также доклады [Аплюнова, Мамонова, Позднякова 2019; Позднякова 2019] и работы по фонетике и фонологии [Мамонова 2019]. Несмотря на то, что данные гиньянга и близкородственного гичоде фигурируют в ряде типологических исследований [Snider 1988; Casali 2008; Fiedler, Güldemann 2018; Güldemann, Fiedler 2019], детальных описаний морфосинтаксиса гиньянга до сих пор не предпринималось.

В работе использованы данные двух экспедиций в деревни Агбанди и Дигина (Того, префектура Блитта) в 2019 и 2020 гг. Работа велась с участием шести информантов (мужчины от 30 до 60 лет). Наши данные включают грамматические анкеты, полученные методом элицитации, словарь из 1500 лексем и коллекцию естественных текстов.

Статья построена следующим образом. В *Разделе 2* производится краткий обзор исследований именных классов в языках семьи ква и языках группы гуанг, к которой принадлежит гиньянга. В *Разделе 3* дается общая характеристика системы именных классов гиньянга, обсуждаются соответствия классов по числу и семантические корреляты каждой группы. *Раздел 4* посвящен согласованию членов именной группы: числительных, демонстративов и кванторов. В *Разделе 5* обсуждаются серии личных местоимений: базовая и объектная. *Раздел 6* рассказывает о классном согласовании глагола. *Раздел 7* суммирует представленную в работе информацию.

2. Исследования именных классов в языках ква

Характерной чертой нигеро-конголезских языков являются системы именных классов. Несмотря на неоднородность именных классификаций внутри макросемьи, выделяются следующие общие черты: (а) все существительные относятся к конечному множеству классов, маркирующихся именными аффиксами; (б) система согласования по классу охватывает весь морфосинтаксис, в том числе затрагивая анафорические показатели; (в) в основе именной классификации прослеживается семантический критерий; (г) большинство классов формирует пары по единственному / множественному числу [Kießling 2013: 44; Konoshenko, Shavarina 2019: 1].

При этом языки ква традиционно рассматриваются как семья с бедной именной морфологией, в противоположность языкам банту с разветвленными системами именных классов [Good 2012: 299]. Считается, что большинство языков ква характеризуется утраченными или остаточными системами именной классификации, хотя встречаются и такие исключения, как языки гор Ганы и Того. [Aboh 2010: 11; Good 2012: 303]. Как показывает исследование [Konoshenko, Shavarina 2019] на материале 20 языков ква, в реальности именная морфология ква не сводится к этим двум крайностям и демонстрирует разные стадии упрощения полноценной классной системы, существовавшей в праязыке.

Языки гуанг выделяются сравнительно хорошо сохранившейся системой именных префиксов, в то время как сохранность системы классного согласования сильно различается между разными представителями группы [Dolphyne, Kropp Dakubu 1988: 92; Güldemann, Fiedler 2019: 121–122].

В *Таблице 1* (с. 275) представлена современная классификация языков гуанг, которые разделяются на северную и южную ветвь.

Манесси [Manessy 1987] и Снайдер [Snider 1988] независимо реконструируют систему именных классов прагуанг. Различия этих двух реконструкций обсуждаются в [Ibid.; Fiedler, Güldemann 2018: 10; Güldemann, Fiedler 2019: 127–130]. В соответствии с реконструкцией

Таблица 1. Классификация языков гуанг [Hammarström et al. 2020]

Table 1. Modern classification of Guang languages [Hammarström et al. 2020]

северные гуанг	гонджа-домпо нконья-нками нтерато горные оти-северные гуанг: фоодо, гичоде, гиньянга, навури речные оти-северные гуанг: чумбурунг, нчумуну, крачи, дванг, чумбули
южные гуанг	авуту-эфуту горные южные гуанг: лате, черепонг, анум, босо

Снайдера, северная ветвь гуанг отличается развитой системой именных классов, в то время как в южной она практически утрачена [Snider 1988: 138]. Гиньянга относится к северной ветви [Painter 1967; Stewart 1970].

Таблица 2 (с. 276) суммирует данные из исследования Снайдера: числовые пары именных классов прагуанг, их соответствия в современных гичоде и навури и семантические корреляты каждой группы. Заглавные буквы представлены в записи префиксов, имеющих алломорфы и подверженных ассимиляции. Языки гичоде и навури, данные которых использованы в реконструкции Снайдера, обнаруживают близкое генетическое родство с гиньянга по данным [Painter 1967, 1970] с совпадением 75 % и 68 % базовой лексики соответственно. Учитывая, что в гичоде и навури не наблюдается инноваций по сравнению с их общим предком (пра-горный гуанг / Proto-Mountain Guang) [Snider 1988: 153–154], это позволяет экстраполировать выводы Снайдера и на наши данные.

Еще одна реконструкция прагуанг предлагается в работе [Güldemann, Fiedler 2019]. Исследователи разделяют явления «согласовательного класса», «рода», «класса именной формы» и «дерифлекции». Класс именной формы объединяет лексемы с одинаковыми морфологическими или фонологическими характеристиками — например, именными аффиксами. Согласовательный класс выделяется на основании единого паттерна, который демонстрирует группа слов во всех согласовательных контекстах. Род определяется в соответствии с [Corbett 1991], дерифлекция

Таблица 2. Система именных классов прагуанг и современных языков гуанг [Snider 1988: 138–153]

Table 2. Noun class system of Proto-Guang and modern Guang languages [Snider 1988: 138–153]

	прагуанг	гичоде, навури	семантические корреляты
Группа А	*O- / *bA-	O- / A-	названия людей
Группа В	*O- / *N-	O- / I-	нет
Группа С	*kA- / *N-	gA- / N-	нет
Группа D	*kI- / *A-	gI- / A-	нет
Группа E	*∅- / *A-, *∅- / *I-	∅- / A-, ∅- / I-	названия животных и растений
Группа F	*kI- / *I-	gI- / I-	нет (всего два слова)
Группа G	*I-	I-	неисчисляемые существительные
Группа H	*A-	A-	абстрактные понятия
Группа I	*N-	N-	жидкости, текучие субстанции

(портманто “derivation” и “inflection”) — его морфо(но)логический аналог, т. е. соотношение сингулярных и плюралных классов с учетом их формальных признаков.

В силу методологического расхождения реконструкция [Güldemann, Fiedler 2019] отличается от предшественников: они выделяют в прагуанг 11 классов именной формы и девять согласовательных [Fiedler, Güldemann 2018: 10; Güldemann, Fiedler 2019: 127–130]. Еще одним важным отличием является добавление класса *dV- / DV*, наблюдаемого только в языке фоодо, не включенном в предыдущие работы, и особой согласовательной модели для плюралного показателя *-ana*.

Схема 2. Сравнение систем гендера и дерифлекции прагуанг в реконструкциях разных авторов [Fiedler, Güldemann 2018: 10] (слева направо: система именных классов прагуанг [Manessy 1987: 42] и [Snider 1988: 138], система дерифлекции прагуанг (данные авторов), система гендера прагуанг (данные авторов))

Fig. 2. Comparison of the gender and deriflection system of Proto-Guang [Fiedler, Güldemann 2018: 10] (from left to right: noun class systems of Proto-Guang in [Manessy 1987: 42] and [Snider 1988: 138], deriflection system of Proto-Guang (authors' data), gender system of Proto-Guang (authors' data))

SG	TN	PL	SG	TN	PL	SG	TN	PL	SG	TN	PL
*o-		*bV-	*Ø		*bA-	Ø	Ø	-ana	O-	O-	ba-
*a-		*a-	*O-		*A-	O-	O-	BA-			
*kI-		*e-	*kI-		*I-	KV ^{hi} -	KV ^{hi} -	A-	kV ^{hi} -	kV ^{hi} -	a-
*e-		*e-	*I-		*I-	I-	I-	A-	I-	I-	I-
*ka-		*N-	*kA-		*N-	KA-	KA-	N-	ka-	ka-	N-
*dI-		*N-	*N-		*N-	DV ^{hi} -	N-	N-	dV ^{hi} -	N-	N-
*ke-								BU-			BV ^{hi} -
Système classificatoire proto-guang (Manessy 1987: 42)			Noun class system of proto-Guang (Snider 1988:138)			Deriflection system of proto-Guang (Güldemann and Fiedler)			Gender system of proto-Guang (Güldemann and Fiedler)		

В настоящей работе именные классы выделяются по критерию согласования, в соответствии с синтаксической традицией [Klingenheben 1963: 51; Guthrie 1967: 343; Виноградов (ред.) 1997: 7–9]. Таким образом, мы употребляем термин «именной класс» в отношении группы существительных, разделяющих согласовательную парадигму. В рамках именного класса мы выделяем морфологические подклассы на основании формальных признаков: разных именных префиксов (см. *Раздел 3.1*). Чтобы избежать терминологической путаницы, мы не используем термин «род» и вместо этого говорим о сингулярных / плюральных корреляциях между именными классами (см. *Раздел 3.2*).

3. Система именных классов гиньянга

3.1. Общие характеристики

Как представитель северной ветви языков гуанг, гиньянга демонстрирует полноценную систему именных классов и именного согласования. На основании восьми паттернов согласования мы выделяем восемь именных классов. Первый класс (CL1) подразделяется на три морфологических подкласса по префиксу существительного: CL1 (ɔ-/o-), CL1 (t-) и CL1 (∅-).

Классы CL1, CL4 и CL5 сингулярные, остальные — множественные.

Классы маркируются именными префиксами, хотя значительная часть лексем, относящихся к 1 классу, имеют нулевое маркирование самого существительного (∅-подкласс). Классные показатели подвержены гармонии гласных по признаку продвинутости / отодвинутости корня языка ([±ATR]). Вокалическая система гиньянга включает девять фонем, из которых к [+ATR] относятся /i, e, u, o/, а к [-ATR] — /ɪ, ɛ, ə, ʊ, a/. Гласные образуют следующие гармонические пары: /i~ɪ, e~ɛ, u~ʊ, o~ɔ/.

В *Таблице 3* (с. 279) представлены именные классы гиньянга с их согласовательной парадигмой.

В гиньянга имеется две серии глагольных префиксов, фактативная и имперфективная (подробнее см. в *Разделе 6*). Имперфективные формы имеют нулевое маркирование при выраженном субъекте.

Помимо согласования субъекта с предикатом, к наиболее распространенным мишеням согласования в нигеро-конголезских языках относятся числительные, прилагательные, демонстративы и неопределенные местоимения [Herburn-Gray 2016; Konoshenko, Shavarina 2019: 28]. В гиньянга по классу согласуются количественные числительные от '1' до '6' и демонстративы *-bono* 'тот' и *-bali* 'этот'. Последние две колонки таблицы демонстрируют две серии личных местоимений: базовую, выступающую в самостоятельной (эмфатической) и посессивной функции, и объектную.

Таблица 3. Согласовательная парадигма именных классов гиньянга
Table 3. Ginyanga noun class agreement

класс	число	префикс			местоимения			пример	
		сущ.	фактатив	имперфектив	числит.	- <i>bo</i>	- <i>ba</i>		базовые объектные
CL1	SG	<i>ɔ- / o-</i>	<i>ɔ- / o-</i>	<i>ɔ- / o-</i> (Ø- при выраженном субъекте)	<i>ɔ-</i>	Ø-	<i>ma</i>	<i>ɔ-krɛ</i> 'собака' ¹	
		<i>ɪ-</i>							<i>wa / we</i>
		Ø-							
CL2	PL	<i>a-</i>	<i>ma-</i>	<i>mɛ-</i>	<i>a-</i>	<i>a-</i>	<i>mɔ</i>	<i>a-sa</i> 'люди'	
CL3	PL	<i>ɪ- / i-</i>	<i>ma-</i>	<i>mɛ-</i>	<i>ɪ- / i-</i>	<i>ɪ-</i>	<i>mɔ</i>	<i>ɪ-krɛ</i> 'собаки'	
CL4	SG	<i>ga-</i>	<i>ga-</i>	<i>gɛ-</i>	<i>ga-</i>	<i>ga-</i>	<i>gɔ</i>	<i>ga-ɪm</i> 'дом'	
CL5	SG	<i>gi- / gi- / gɔ- / gi-</i>	<i>ga-</i>	<i>gi-</i>	<i>gi- / gi- / gɔ- / gi-</i>	<i>gi-</i>	<i>gɔ</i>	<i>gi-ye</i> 'мышь'	
		<i>n-</i>							
CL6	PL	<i>n-</i>	<i>ga-</i>	<i>gɛ-</i>	<i>n-</i>	<i>n-</i>	<i>ɪma</i>	<i>n-ɪm</i> 'дома'	
CL7	PL	<i>a-</i>	<i>a-</i>	<i>ɛ-</i>	<i>a-</i>	<i>a-</i>	<i>awa</i>	<i>a-ye</i> 'мышь'	
CL8	PL	<i>ɪ- / i-</i>	<i>ya-</i>	<i>ɪ- / i-</i>	<i>ɪ- / i-</i>	<i>ɪ-</i>	<i>ɛya</i>	<i>ɪ-kitiki</i> 'маниока (мн.)'	

¹ Как и другие языки ква, гиньянга является тональным языком, но поскольку тональная система гиньянга изучена в недостаточной степени, языковые примеры в статье приводятся без тональной маркировки.

Пример (1) демонстрирует согласовательные контексты существительного *kitiki* ‘маниока’, относящегося к 1 классу:

- (1) а. \emptyset -*kitiki* ɔ-tɔl
 CL1-маниока CL1.PFV-падать
 ‘Маниока упала’.
- б. \emptyset -*kitiki* \emptyset -*tɔl*
 CL1-маниока CL1.IPFV-падать
 ‘Маниока падает’.
- в. \emptyset -*kitiki* ɔ-ku
 CL1-маниока CL1-один
 ‘одна маниока’
- г. \emptyset -*kitiki* ɔ-bono
 CL1-маниока CL1-DEM2
 ‘та маниока’
- д. \emptyset -*kitiki* \emptyset -*bali*
 CL1-маниока CL1-DEM1
 ‘эта маниока’
- е. \emptyset -*kitiki* ɔ-kɪla , *ma* ɔ-kɪla
 CL1-маниока CL1-величина CL1.POSS CL1-величина
 ‘величина маниоки, ее величина’
- ж. *n-wu* \emptyset -*kitiki*, *n-wu* *we*
 1SG.IPFV-видеть CL1-маниока 1SG.IPFV-видеть CL1.OBJ
 ‘Я вижу маниоку, я ее вижу’.

Как следует из *Таблицы 1*, существительные, относящиеся к CL2/CL7 и CL3/CL8, имеют одинаковые префиксы. Эти классы различаются по семантическому критерию одушевленности: во 2 и 3 класс входят одушевленные существительные, а в 7 и 8 класс — неодушевленные.

Одушевленность — один из определяющих параметров в системах классного согласования языков гуанг [Konoshenko, Shavarina 2019: 25]. Это выражается в том, что слова, разделяющие формальные

признаки (именной префикс), но различающиеся по одушевленности, имеют разную согласовательную парадигму. Напротив, слова, которые формально относятся к разным классам, ведут себя одинаковым образом в терминах согласования, если совпадают по одушевленности (ср. [Güldemann, Fiedler 2019: 126]).

Это проиллюстрировано в примере (2), где в парах предложений (2а), (2б) и (2в), (2г) использованы разные объектные местоимения *mɔ* и *awa*, хотя референты *a-safɔ* ‘иностранцы’ и *a-bi* ‘горы’ имеют один и тот же именной префикс *a-*. Одушевленные antecedенты в (2а) и (2в) требуют одинакового местоимения *mɔ*, несмотря на то, что относятся к разным классам (CL2 и CL3).

- (2) а. *n-wu* *a-safɔ*, *n-wu* *mɔ*
 1SG.IPFV-видеть CL2-иностранец 1SG.IPFV-видеть CL2.OBJ
 ‘я вижу иностранцев, я их вижу’
- б. *n-wu* *a-bi*, *n-wu* *awa*
 1SG.IPFV-видеть CL7-гора 1SG.IPFV-видеть CL7.OBJ
 ‘я вижу горы, я их вижу’
- в. *n-wu* *i-kpɛ*, *n-wu* *mɔ*
 1SG.IPFV-видеть CL3-собака 1SG.IPFV-видеть CL3.OBJ
 ‘я вижу собак, я их вижу’
- г. *n-wu* *i-kitiki*, *n-wu* *ɛya*
 1SG.IPFV-видеть CL8-маниока 1SG.IPFV-видеть CL8.OBJ
 ‘я вижу маниоки, я их вижу’

Продуктивность системы именной классификации оценивается [Konoshenko, Shavarina 2019] на основании регулярной смены классного показателя при изменении существительного по числу, образовании диминутивов и номинализации; при этом первый критерий считается определяющим. Гиньянга относится к языкам с активной системой, что отражено в устойчивых сингулярных / плюральных корреляциях (см. *Раздел 3.2*) и деривационных процессах: в частности, образовании диминутивов (*tiri* ‘коза’ → *ga-tiri-bi* ‘козленок’) и номинализации (*til* ‘звать, звонить’ → *ga-til* ‘звонок’).

3.2. Корреляции классов по числу

В *Таблице 4* представлены корреляции сингулярных и плюральных именных классов гиньянга. Логически возможные пары, отмеченные “п.а.”, не были обнаружены в наших данных.

Таблица 4. Корреляции именных классов гиньянга по числу

Table 4. Singular/plural correlations of Ginyanga noun classes

Класс	Префикс SG	Префикс PL	Пример	
CL1	ɔ-/o-	CL2	a- <i>ɔ-jun</i> ‘мужчина’ — <i>a-jun</i> ‘мужчины’	
		CL3	ɪ-/i- <i>ɔ-kpɛ</i> ‘собака’ — <i>ɪ-kpɛ</i> ‘собаки’	
		CL6	a- п.а.	
		CL8	ɪ-/i- <i>ɔ-kplɔ</i> ‘стол’ — <i>ɪ-kplɔ</i> ‘столы’	
	ɪ-/i-	CL2	a- <i>ɪ-safɔ</i> ‘иностранец’ — <i>a-safɔ</i> ‘иностранцы’	
		∅-	CL2	a- <i>gbede</i> ‘кузнец’ — <i>a-gbede</i> ‘кузнецы’
			CL3	ɪ-/i- <i>misin</i> ‘пчела’ — <i>ɪ-misin</i> ‘пчелы’
			CL7	a- п.а.
CL8	ɪ-/i- <i>kitiki</i> ‘маниока’ — <i>ɪ-kitiki</i> ‘маниока (мн.)’			
CL4	ga-	CL2	a- п.а.	
		CL3	i- п.а.	
		CL6	n- <i>ga-bwi</i> ‘птица’ — <i>n-bwi</i> ‘птицы’	
		CL8	ɪ-/i- <i>ga-uzwa</i> ‘борода’ — <i>ɪ-uzwa</i> ‘бороды’	
CL5	gi-/gi-	CL2	a- <i>gye</i> ‘мышь’ — <i>a-ye</i> ‘мыши’	
		CL3	i- п.а.	
		CL7	a- <i>gi-bwi</i> ‘камень’ — <i>a-bwi</i> ‘камни’	
		CL8	ɪ-/i- <i>gɔ-ju</i> ‘ямс’ — <i>ɪ-ju</i> ‘ямс (мн.)’	

Некоторые существительные, относящиеся к 1 и 2 классу, образуют мн. ч. не путем классной конверсии, а с помощью плюрального маркера *-ana*, по всей вероятности, восходящего к показателю ассоциативной множественности [Fiedler, Güldemann 2018: 10]. Мы

не выделяем эти формы как отдельную согласовательную модель, потому что обе группы существительных с суффиксом *-ana* (обычное и ассоциативное множественное) следуют характерному для 2 класса паттерну. Так, в примерах (3а) и (3б) глагол в обоих случаях имеет префикс *me-* и таким образом согласуется со множественным субъектом *ka-ana* ‘жены’ и *Kojo-ana* ‘Коджо и остальные’.

- (3) а. \emptyset -*wul* *e* *ma* *ka-ana*
 CL1-шеф DEF CL1.POSS жена-PL

me-so \emptyset -*kitiki*
 3PL.PFV-покупать CL1-маниока

‘Жены шефа покупают маниоку’.

- б. *Kojo-ana* *me-so* \emptyset -*kitiki*
 Коджо-PL 3PL.PFV-покупать CL1-маниока

‘Коджо и остальные покупают маниоку’.

Показатель мн. ч. *-ana* используется с терминами родства вместо соответствующих плюральных пар из 2 класса:

- (4) а. *a-kol* *e* *ma-jangal* *ma* *ka-ana*
 CL2-муж DEF 3PL.PFV-встречать CL2.POSS жена-PL

- б. *a-kol* *e* *ma-jangal* *ma* *a-ka*
 CL2-муж DEF 3PL.PFV-встречать CL2.POSS CL2-жена

‘Мужья встретили своих жен’.

Вторая группа слов, с которыми употребляется этот суффикс, — названия животных и растений, у которых нет ед. ч.: они имеют префикс *a-* 2 класса даже в сингулярном значении. Их мн. ч. образуется с помощью маркера *-ana*:

- (5) а. *a-ko* ‘попугай’ → *a-ko-ana* ‘попугаи’
 б. *a-bumbwi kabu* ‘египетская цапля’ →
 a-bumbwi kabu-ana ‘египетские цапли’
 в. *a-gima* ‘хамелеон’ → *a-gima-ana* ‘хамелеоны’
 г. *a-yu* ‘чеснок’ → *a-yu-ana* ‘чесноки’

3.3. Семантические доминанты классов

Именные классы принято рассматривать не только как формальную согласовательную категорию, но и как компонент когнитивной категоризации мира [Виноградов (ред.) 1997: 10]. Однако несмотря на то, что система именных классов некоторых языков ква, например, лелеми, основана на сложной семантической классификации [Allan 1974], в языках гуанг наблюдается более обобщенная система [Konoshenko, Shavarina 2019: 25].

Как уже было замечено, 1, 4 и 5 классы — сингулярные и содержат как одушевленные, так и неодушевленные объекты. Остальные классы множественные. 6 класс объединяет одушевленные и неодушевленные существительные, но 2 и 3 классы строго одушевленные, а 7 и 8 классы — неодушевленные.

Термины родства относятся к морфологическому подклассу CL1 (*ɔ-/o-*): *ɔ-ka* ‘жена’, *o-ŋi* ‘мать’, в то время как остальные слова, обозначающие людей, обнаруживаются во всех трех подклассах 1 класса: *ɔ-ŋan* ‘мужчина’, *ɪ-safɔ* ‘иностранец’, *gbede* ‘кузнец’. Соответствующие множественные формы относятся ко 2 классу. Единственное обнаруженное нами исключение — слово *gi-bi* ‘ребенок’, относящееся к 5 классу с плюральным коррелятом в 6 классе: *m-bi* ‘дети’.

В подкласс CL1 (*ɔ-/o-*) также попадают номинализации стативных глаголов: *kili* ‘быть большим’ → *ɔ-kil-a* ‘величина’. Активные глаголы номинализуются через конверсию в 5 класс: *gi-yu* ‘кража’, *gi-ka* ‘совет’. Деятели, образованные от активных глаголов, попадают в CL1 (*ɔ-/o-*) и (\emptyset -): *ɔ-yu* ‘вор’, *kumbu* ‘защитник’.

Большинство названий животных и птиц принадлежат к подклассу CL1 (\emptyset -) (Группа E в реконструкции [Snider 1988: 148]): *caga* ‘крыса’, *nari* ‘бык’, *poli* ‘сокол’.

Растения и деревья относятся к 5 классу: *gi-lal* ‘баобаб’, *gi-fe* ‘трава’, *gi-fara* ‘лист’, в то время как большая часть фруктов и овощей сосредоточена в CL1 (\emptyset -): *peya* ‘авокадо’, *bɔrɔde* ‘плантан’, *kitiki* ‘маниока’.

Заемствования из других языков не получают маркирования и, таким образом, попадают в подкласс CL1 (\emptyset -): *lori* ‘машина’ (от англ.

lorry), *waci* ‘браслет’ (от англ. *watch*), *lakumi* ‘верблюд’ (от хауса *rakumi*). Множественные корреляты попадают в CL2 / CL3 или CL7 / CL8 по критерию одушевленности: *i-waci* (CL8-браслет) ‘браслеты’, *a-lakumi* (CL2-верблюд) ‘верблюды’.

Подкласс CL1 (*i-*) содержит, по нашим данным, лишь два однокоренных существительных: *isa* ‘человек’ и *isafɔ* ‘иностранец’. Можно предположить, что они изначально принадлежали к 3 классу, но претерпели реклассификацию как собирательные существительные (collective nouns).

Некоторые обозначения частей тела относятся к 1 классу (*o-tu* ‘сердце’, *ɔ-jan* ‘нога’) и 4 классу (*ga-mal* ‘спина’, *ga-kan* ‘грудь’), но большая часть принадлежит к 5 классу: *gi-ba* ‘рука’, *gi-mili* ‘колени’.

Артефакты относятся преимущественно к 4 и 5 классу: *ga-sa* ‘удочка’, *ga-ta* ‘меч’, *gi-gba* ‘дверь’, *gi-pwal* ‘кувшины для воды’, хотя есть исключения: *o-pini* ‘пест’, *ɔ-fe* ‘веревка’.

Жидкости относятся к 6 классу (Группа I у Снайдера) и не имеют сингулярных коррелятов: *n-cu* ‘вода’, *n-ta* ‘вино’.

8 класс включает неисчисляемые существительные (*i-jesi* ‘дым’, *i-ro* ‘суп, каша’), а также ряд особых существительных (*i-la* ‘вещь’, *i-fal* ‘поле’), которые тоже не имеют соответствий в сингулярных классах.

Таблица 5 суммирует вышеперечисленные закономерности. Необходимо подчеркнуть, что семантика каждого класса очень неоднородна и не исчерпывается этими тенденциями.

Таблица 5. Семантические доминанты именных классов гиньянга

Table 5. Semantic correlates of Ginyanga noun classes

			одушевленность	семантические группы
CL1	SG	<i>ɔ- / o-</i>	одуш., неодуш.	термины родства, номинализации стативных глаголов
		<i>i-</i>	одуш.	названия людей (два слова)
		\emptyset	одуш., неодуш.	названия животных, птиц, фруктов и овощей; заимствования

			одушевленность	семантические группы
CL2	PL	<i>a-</i>	одуш.	люди (кроме терминов родства)
CL3	PL	<i>i- / i-</i>	одуш.	
CL4		<i>ga-</i>	одуш., неодуш.	артефакты
CL5	SG	<i>gi- / gi-</i>	одуш., неодуш.	артефакты, диминутивы, части тела, названия растений, номинализации активных глаголов
CL6	PL	<i>n-</i>	одуш., неодуш.	жидкости
CL7	PL	<i>a-</i>	неодуш.	
CL8	PL	<i>i- / i-</i>	неодуш.	неисчисляемые существительные

4. Согласование в именной группе

4.1. Структура именной группы и мишени согласования

В этом разделе мы рассматриваем согласование по именному классу в именной группе гиньянга. Она имеет следующую линейную структуру:

POSS — N — ADJ — NUM — DEM — DEF — REL — Q

Пример (6) иллюстрирует эту схему.

- (6) а. *n-wu* \emptyset -*wul* *e* *n-tin* *pobal*
 1SG-видеть CL1-шеф DEF CL6-дом новый
n-ro *m-bali* *kpekpe*
 CL6-два CL6-DEM каждый

‘Я вижу каждый из этих двух новых домов шефа’.

- б. *na-ji* *i-muti* *sin-se* *i-sa*
 1SG.PFV-есть CL8-апельсин спелый-ADJ CL8-три
i-bunu *fa-sa* *mi wa* *kinkim-e*
 CL8-DEM2 2SG.PFV-давать 1SG DEF каждый-DEF

‘Я съел каждый из тех трех спелых апельсинов, что ты мне дал’.

4.2. Количественные числительные

В большинстве нигеро-конголезских языков количественные числительные получают классное маркирование даже вне согласовательного контекста — например, при счете [Pozdniakov 2018: 15]. В изоляции числительные гиньянга имеют показатели, приведенные в *Таблице 6*.

Таблица 6. Простые количественные числительные гиньянга

Table 6. Ginyanga simple cardinal numerals

числительное		класс
1	<i>o-ku</i>	CL1
2	<i>i-no</i>	CL3/CL8
3	<i>i-sa</i>	CL3/CL8
4	<i>i-na</i>	CL3/CL8
5	<i>i-nu</i>	CL3/CL8
6	<i>i-si</i>	CL3/CL8
7	<i>sonu</i>	CL1
8	<i>gu-kwe</i>	CL4/CL5
9	<i>soŋu</i>	CL1
10	<i>gu-du</i>	CL4/CL5
	<i>sala</i>	CL1
20	<i>o-ku</i>	CL1
200	<i>ga-kpan</i>	CL4
	<i>n-man</i>	CL6

Количественные числительные от ‘1’ до ‘6’ согласуются с вершинным существительным, числительные от ‘7’ до ‘10’ сохраняют свое «дефолтное» маркирование.

Таблица 7. Согласование количественных числительных гиньянга по классу

Table 7. Noun class agreement of Ginyanga cardinal numerals

Контролер		Мишень						Примеры
	Префикс существительного	Префикс числительного						
		1	2	3	4	5	6	
CL1	SG	ɔ-/o-, i-/i-, Ø-	ɔ-					<i>kitiki ɔ-ku</i> ‘одна маниока’ <i>i-safo ɔ-ku</i> ‘один иностранец’ <i>ɔ-ci ɔ-ku</i> ‘одна женщина’
CL2	PL	a-				a-		<i>a-safo a-sa</i> ‘три иностранца’ <i>a-safo gu-du</i> ‘десять иностранцев’
CL3	PL	i-/i-				i-/i-		<i>ikpre i-sa</i> ‘три собаки’ <i>ikpre gakpan</i> ‘200 собак’
CL4	SG	ga-	ga-					<i>ga-nan ga-ku</i> ‘один скорпион’
CL5	SG	gi-/gi-	gi-/gi-					<i>gi-ye ɔ-ku</i> ‘одна мышь’
CL6	PL	n-				n-		<i>n-nɔ n-sa</i> ‘три рта’ <i>mbwi ɔ-kuwe</i> ‘восемь птиц’
CL7	PL	a-				a-		<i>a-su a-sa</i> ‘три уха’ <i>a-bwi gu-du</i> ‘десять камней’
CL8	PL	i-/i-				i-/i-		<i>i-kitiki i-sa</i> ‘три маниоки’ <i>i-kitiki gu-du</i> ‘десять маниоки’

Классное маркирование числительных не зависит от одушевленности в классах, содержащих одушевленные и неодушевленные существительные, как происходит, в частности, в языке нконья

(северные гуанг) [Reineke 1972: 45–46]. В примерах гиньянга (7а) и (7б) префикс *n-* получают и одушевленные существительные ('птицы'), и неодушевленные ('топоры'):

(7) а. *n-bwi* *n-sa*
 CL6-птица CL6-три
 'три птицы'

б. *n-co* *n-sa*
 CL6-топор CL6-три
 'три топора'

В дистрибутивных (8а), (8б) и партитивных (8в) контекстах количественные числительные могут подвергаться редупликации, сохраняя согласование с вершиной (и выступать в анафорической функции, как в примере (8в)):

(8) а. *m-bi* *e* *ma-ji* *i-muti* *i-sa* *i-sa*
 CL6-ребенок DEF 3PL.PFV-есть CL8-апельсин CL8-три CL8-три
 'Дети съели каждый по три апельсина'.

б. *jambw-a* *ma-de* *m-bwui* *n-ɲo* *n-ɲo*
 CL2-охотник-DEF 3PL.PFV-ловить CL6-птица CL6-два CL6-два
 'Охотники поймали по две птицы каждый'.

в. *mɛ-ba* *a-ɲo* *a-ɲo* *gi-ja* *wa* *rɔ*
 3PL.PFV CL2-два CL2-два CL5-рынок DEF LOC
 'Они ходят на рынок по двое'.

4.3. Демонстративы

В гиньянга два демонстратива, согласующихся по классу с вершинным существительным: *-bali* 'этот' and *-bono* 'тот'. Согласовательные парадигмы, показанные в *Таблице 8*, практически совпадают: различие состоит в том, что с существительными, относящимися к CL1, демонстратив *-bali* получает нулевое маркирование (ср. (9а) и (9б)).

Таблица 8. Согласование демонстративов гиньянга по классу

Table 8. Noun class agreement of Ginyanga demonstratives

класс	число	префикс	
		<i>-bono</i>	<i>-bali</i>
CL1	SG	<i>ɔ-</i>	\emptyset -
CL2	PL	<i>a-</i>	<i>a-</i>
CL3	PL	<i>ɪ-</i>	<i>ɪ-</i>
CL4	SG	<i>ga-</i>	<i>ga-</i>
CL5	SG	<i>gi-</i>	<i>gi-</i>
CL6	PL	<i>n-</i>	<i>n-</i>
CL7	PL	<i>a-</i>	<i>a-</i>
CL8	PL	<i>ɪ-</i>	<i>ɪ-</i>

- (9) а. *n-wi* *ɔ-ci* \emptyset -*bali*
 1SG-видеть CL1-женщина CL1-DEM1
 ‘Я вижу эту женщину’.
- б. *n-wi* *ɔ-ci* *ɔ-bono*
 1SG-видеть CL1-женщина CL1-DEM2
 ‘Я вижу ту женщину’.
- в. *n-wi* *ɪ-kpɛ* *ɪ-bali*
 1SG-видеть CL3-собака CL3-DEM1
 ‘Я вижу этих собак’.
- г. *n-wi* *ɪ-kpɛ* *ɪ-bono*
 1SG-видеть CL3-собака CL3-DEM2
 ‘Я вижу тех собак’.

Демонстратив *-bono* также используется в относительных предложениях. В отличие от демонстратива *-bali* (см. неграмматичный пример (10в)), он может выражать анафорическое значение (10б–г). В таком случае он согласуется по именному классу с антецедентом: в примерах (10б) и (10г) он имеет разные префиксы, поскольку

опущенный антецедент *i-sa* ‘человек’ and *ga-bwui* ‘птица’ относятся к разным классам.

- (10) а. *i-sa* *ɔ-bono* *ma-sa* *a-temi* *we*
 CL1-человек CL1-DEM2 CL1.PFV-давать CL7-деньги DEF
ɔ-ŋa
 3SG.PFV-исчезать
- б. *ɔ-bono* *ma-sa* *a-temi* *we* *ɔ-ŋa*
 CL1-DEM2 CL1.PFV-давать CL7-деньги DEF CL4.PFV-исчезать
- в. **ɔ-bali* *ma-sa* *a-temi* *we* *ɔ-ŋa*
 CL1-DEM1 CL1.PFV-давать CL7-деньги DEF CL4.PFV-исчезать
 ‘Человек, давший деньги, исчез’.
- г. *ga-bono* *ga-ji* \emptyset -*kitiki* *we* *ga-na*
 CL4-DEM2 CL4.PFV-есть CL1-маниока DEF CL4.PFV-исчезать
 ‘(Птица), съевшая маниоку, исчезла’.

4.4. Кванторы

В наших данных имеется лишь один квантор, согласующийся с вершиной в атрибутивной позиции, — *ɔ-ku* ‘какой-то’. Согласовательная парадигма совпадает с уже приводившейся для числительных и демонстратива *-bono*, поэтому мы не дублируем ее в этом разделе.

- (11) а. *ma-kra* *i-yu* *i-ku*
 3PL.PFV-ловить CL8-вор CL8-какой-то
 ‘Какого-то вора поймали’.
- б. *na-me-ji* *muti* *ɔ-ku*
 1SG.PFV-NEG-есть апельсин CL1-какой-то
 ‘Я не ел никакого апельсина’.

Квантор *крекре* ‘каждый’ маркируется, когда имеет анафорическую функцию:

(12) а. *ga-bwui kpekre ga-bu gale,*
 CL4-птица каждый 3SG.PFV-иметь здесь

ga-kpekre ga-bu gale
 CL4-каждый 3SG.PFV-иметь здесь

‘все птицы здесь, все здесь’

б. *i-safɔ kpekre bu gale,*
 CL1-иностранец каждый иметь здесь

ɔ-kpekre bu gale
 CL1-каждый иметь здесь

‘все иностранцы здесь, все здесь’

В анафорической функции он согласуется лишь с сингулярными классами и классом CL8:

(13) а. **a-safɔ kpekre ta-bu gale, a-kpekre*
 CL2-иностранец каждый 3PL.PFV-иметь здесь CL2-каждый

a-bu gale
 3PL.PFV-иметь здесь

Ожид.: ‘все иностранцы здесь, все здесь’

б. *i-la danan-se kpekre*
 CL8-вещь быть.хорошим-ADJ каждый

i-bu gale, i-kpekre i-bu gale
 3PL.PFV-иметь здесь CL8-каждый 3PL.PFV-иметь здесь

‘все нужные вещи здесь, все здесь’

5. Серии местоимений

5.1. Базовая серия

Гиньянга имеет две серии местоимений, базовую и объектную. Базовая серия используется в посессивных и эмфатических контекстах. Посессивные местоимения располагаются слева от вершинной именной группы. Эмфатические (самостоятельные) местоимения

используются при топикализации и сочинении и занимают позицию подлежащего.

(14) а. *ma* \emptyset -*kitiki*
 CL1.POSS CL1-маниока
 ‘его (мужчины) маниока’

б. *ɔ-si* *a* *ni*, *ma* *ni*
 1CL-женщина DEF COP CL1.EMPH COP
 ‘Это женщина, это она’.

В *Таблице 9* представлена базовая серия личных местоимений. Пример (15) иллюстрирует их употребление: в предложениях (15а–з) посессоры относятся к разным именным классам, в результате чего к ним отсылают разные местоимения во второй клаузе.

Таблица 9. Базовая серия местоимений гиньянга

Table 9. Ginyanga basic pronoun series

		местоимение
лицо	1SG	<i>mi</i>
	2SG	<i>fu</i>
	1PL	<i>ani</i>
	2PL	<i>fani</i>
именной класс	1	<i>ma</i>
	2	<i>mɔ</i>
	3	<i>mɔ</i>
	4	<i>gɔ</i>
	5	<i>gɔ</i>
	6	<i>ɲta</i>
	7	<i>awa</i>
	8	<i>ɛya</i>

- (15) а. *Ø-kitiki* *we* *ɔ-kɪla*, *ma* *ɔ-kɪla*
 CL1-маниока DEF CL1-величина, CL1.POSS CL1-величина
 ‘величина маниоки, ее величина’
- б. *a-gwini* *ɔ-kɪla*, *mɔ* *ɔ-kɪla*
 CL2-лев CL1-величина CL2.POSS CL1-величина
 ‘величина львов, их величина’
- в. *i-kabwi* *ɔ-kɪla*, *mɔ* *ɔ-kɪla*
 CL3-курица CL1-величина CL3.POSS CL1-величина
 ‘величина куриц, их величина’
- г. *ga-bwui* *ɔ-kɪla*, *gɔ* *ɔ-kɪla*
 CL4-птица CL1-величина CL4.POSS CL1-величина
 ‘величина птицы, ее величина’
- д. *gi-ba* *ɔ-kɪla*, *gɔ* *ɔ-kɪla*
 CL5-рука CL1-величина CL4.POSS CL1-величина
 ‘величина руки, ее величина’
- е. *m-bwui* *ɔ-kɪla*, *ɲma* *ɔ-kɪla*
 CL6-птица CL1-величина CL6.POSS CL1-величина
 ‘величина птиц, их величина’
- ж. *a-tu* *ɔ-kɪla*, *awa* *ɔ-kɪla*
 CL7-голова CL1-величина CL7.POSS CL1-величина
 ‘величина голов, их величина’
- з. *i-kitiki* *ɔ-kɪla*, *eɣa* *ɔ-kɪla*
 CL8-маниока CL1-величина CL8.POSS CL1-величина
 ‘величина маниок, их величина’

5.2. Объектные местоимения

Объектные местоимения выступают в роли прямого дополнения. Они выполняют анафорическую функцию и согласуются по классу. Полная парадигма представлена в *Таблице 10* и проиллюстрирована

примерами (16). Все предложения в (16) обладают одинаковой структурой, различаясь лишь объектом действия. Объектное местоимение во второй клаузе определяется именным классом антецедента.

Таблица 10. Объектные местоимения гиньянга

Table 10. Ginyanga object pronouns

		местоимение
лицо	1SG	<i>mi</i>
	2SG	<i>fu</i>
	1PL	<i>ani</i>
	2PL	<i>fani</i>
именной класс	1	<i>wa / we</i>
	2	<i>mɔ</i>
	3	<i>mɔ</i>
	4	<i>gɔ</i>
	5	<i>gɔ</i>
	6	<i>ɲta</i>
	7	<i>awa</i>
	8	<i>eya</i>

- (16) а. *n-wu* *ɔ-ci*, *n-wu* *e*
 1SG.IPFV-видеть CL1-женщина 1SG.IPFV-видеть CL1.OBJ
 ‘я вижу женщину, я ее вижу’
- б. *n-wu* *a-ɲan*, *n-wu* *mɔ*
 1SG.IPFV-видеть CL2-мужчина 1SG.IPFV-видеть CL2.OBJ
 ‘я вижу мужчин, я их вижу’
- в. *n-wu* *i-kabwi*, *n-wu* *mɔ*
 1SG.IPFV-видеть CL3-курица 1SG.IPFV-видеть CL3.OBJ
 ‘я вижу куриц, я их вижу’

Г.	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>gɔ-cɔ</i> , CL4-топор	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>gɔ</i> CL4.OBJ
	‘я вижу топор, я его вижу’			
Д.	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>gi-yɛ</i> , CL5-мышь	<i>nwu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>gɔ</i> CL5.OBJ
	‘я вижу мышь, я ее вижу’			
Е.	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>n-cɔ</i> , CL6-топор	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>ɲta</i> CL6.OBJ
	‘я вижу топоры, я их вижу’			
Ж.	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>a-kwɔdɔ</i> , CL7-банан	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>awa</i> CL7.OBJ
	‘я вижу бананы, я их вижу’			
З.	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>ɪ-jan</i> , CL8-нога	<i>n-wu</i> 1SG.IPFV-видеть	<i>ɛya</i> CL8.OBJ
	‘я вижу ноги, я их вижу’			

Объектное местоимение CL1 подвержено гармонии гласных по признаку [±ATR]. Оно реализуется как /wa/ или /we/ в зависимости от [±ATR]-характеристики финальной гласной предыдущего слова (примеры (17а–б)). Глайд /w/ опускается, если слово оканчивается на согласный (17в).

(17)	а.	<i>n-ni</i> 1SG.IPFV-знать	<i>ɔ-ci</i> , CL1-женщина	<i>n-ni</i> 1SG.IPFV-знать	<i>we</i> CL1.OBJ
		‘я знаю женщину, я ее знаю’			
	б.	<i>n-tasi</i> 1SG.IPFV-спрашивать	<i>ɔ-ci</i> , CL1-женщина	<i>n-tasi</i> 1SG.IPFV-спрашивать	<i>wa</i> CL1.OBJ
		‘я спрашиваю женщину, я ее спрашиваю’			
	в.	<i>n-gal</i> 1SG.IPFV-прятать	<i>ɔ-ci</i> , CL1-женщина	<i>n-gal</i> 1SG.IPFV-прятать	<i>a</i> CL1.OBJ
		‘я прячу женщину, я ее прячу’			

6. Классное согласование глаголов

В гиньянга именной класс, как и лицо и число субъекта, выражается кумулятивно с видовыми значениями глагола. Выделяется две серии префиксов: фактативная [Welmers 1973: 346] и имперфективная. Активные глаголы используют обе серии для выражения завершенных и продолжающихся событий соответственно, в то время как стативные глаголы обычно выступают с фактативными префиксами. Префиксы подвержены гармонии по $[\pm\text{ATR}]$ и реализуются с тем или иным гласным гармонической пары в зависимости от $[\pm\text{ATR}]$ -свойств корня.

Фактативные и имперфективные префиксы показаны в *Таблице 11*. Примеры (18)–(19) демонстрируют согласование с субъектом, относящимся к разным именным классам: префикс глагола *ɬɔl* ‘падать’ изменяется в зависимости от класса подлежащего. Пример (18) показывает завершенные ситуации (фактативная серия), в то время как (19) относится к незавершенным состояниям (имперфективная серия).

Таблица 11. Глагольные префиксы гиньянга

Table 11. Ginyanga verbal prefixes

		фактатив	имперфектив
лицо	1SG	<i>na-</i>	<i>n-</i>
	2SG	<i>fa-</i>	<i>fi- / fi-</i>
	1PL	<i>a-</i>	<i>ɛ- / e-</i>
	2PL	<i>fa-</i>	<i>fɛ- / fe-</i>
именной класс	1	<i>ɔ- / o-</i>	<i>ɔ- / o-, Ø-</i>
	2	<i>ma-</i>	<i>mɛ-</i>
	3	<i>ma-</i>	<i>mɛ- / me-</i>
	4	<i>ga-</i>	<i>gɛ- / ge-</i>
	5	<i>ga-</i>	<i>gi- / gi-</i>
	6	<i>ga-</i>	<i>gi- / gi-</i>
	7	<i>a-</i>	<i>ɛ- / e-</i>
	8	<i>ya-</i>	<i>i- / i-</i>

- (18) а. \emptyset -*wul* *e* \emptyset -*təl*
 CL1-шеф DEF CL1.IPFV падать
 ‘Шеф падает’.
- б. *a-wul* *e* *mε-təl*
 CL2-шеф DEF CL2.IPFV-падать
 ‘Шефы падают’.
- в. *ɪ-kəm* *a* *mε-təl*
 CL3-рыба DEF CL3.IPFV-падать
 ‘Рыбы падают’.
- г. *ga-cə* *gε-təl*
 CL4-топор CL4.IPFV-падать
 ‘Топор падает’.
- д. *gi-ye* *gi-təl*
 CL5-мышь CL5.IPFV-падать
 ‘Мышь падает’.
- (19) а. \emptyset -*wul* *e* \emptyset -*təl*
 CL1-шеф DEF CL1.FCT-падать
 ‘Шеф упал’.
- б. *a-wul* *e* *ma-təl*
 CL2-шеф DEF CL2.FCT-падать
 ‘Шефы упали’.
- в. *ɪ-kəm* *a* *ma-təl*
 CL3-рыба DEF CL3.FCT-падать
 ‘Рыбы упали’.
- г. *ga-co* *ga-təl*
 CL4-топор CL4.FCT-падать
 ‘Топор упал’.
- д. *gi-ye* *ga-təl*
 CL5-мышь CL5.FCT-падать
 ‘Мышь упала’.

В имперфективной серии глагол имеет нулевое маркирование при выраженном субъекте. Это проиллюстрировано следующей парой примеров, где в (20а) используется фактативная форма, а в (20б) — имперфективная. В первой клаузе каждого предложения подлежащее *wul* ‘шеф’ выражено, поэтому глагол *ji* ‘есть’ маркирован только в (20а). Во второй клаузе глагольные префиксы отсылают к опущенному референту и должны быть выражены.

- (20) а. *wul e ò-ji Ø-kitiki, ò-ji*
 шеф DEF CL1.FCT-есть CL1-маниока CL1.FCT-есть
 ‘шеф съел маниоку, он поел’
- б. *wul e ji Ø-kitiki, ó-ji*
 шеф DEF есть CL1-маниока CL1.IPFV-есть
 ‘шеф ест маниоку, он ест’

7. Заключение

В статье представлено описание системы именных классов и классного согласования в языке гиньянга в типологической перспективе. По согласовательному критерию в гиньянга выделяется восемь именных классов, которые маркируются именными префиксами. Классы образуют числовые пары. Семантические доминанты именной классификации не всегда очевидны, но заметна роль одушевленности.

Рассмотрены основные морфосинтаксические явления, проявляющиеся при классном согласовании. Внутри именной группы по классу согласуются количественные числительные от ‘1’ до ‘6’, демонстративы *-bali* ‘этот’ и *-bono* ‘тот’ и квантор *ɔ-ko* ‘какой-то’. Глагол также согласуется с субъектом по классу; выделяются фактативная и имперфективная парадигмы глагольных префиксов. Кроме того, в гиньянга имеется две серии местоимений, различающихся по классу: базовая и объектная.

Таким образом, гиньянга обладает полноценной системой именных классов и классного согласования, не менее сложной, чем системы, реконструируемые для праязыка и сохраняющиеся в языках северной ветви группы гуанг.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADJ — качественная лексема; CL1, CL2, CL3, CL4, CL5, CL6, CL7, CL8 — показатели именных классов; COP — копула; DEF — артикль; DEM — демонстратив; EMPH — эмфатическая частица; FCT — фактатив; IMPFV — имперфектив; LOC — локативная частица; N — вершинное существительное; NEG — маркер отрицания; NUM — количественное числительное; OBJ — объектное местоимение; PERFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; REL — относительное предложение; SG — единственное число; Q — квантор.

Литература

- Аплонова, Мамонова, Позднякова 2019 — Е. С. Аплонова, Т. В. Мамонова, В. А. Позднякова. Краткий обзор фонетики и морфосинтаксиса языка гиньянга. Доклад, прочитанный на конференции «XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки», СПбГУ. Санкт-Петербург, 19–21 июня 2019 г.
- Виноградов (ред.) 1997 — В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект-пресс, 1997.
- Мамонова 2019 — Т. В. Мамонова. Фонетическая система языка гиньянга. Курсовая работа. М.: ВШЭ, 2019.
- Позднякова 2019 — В. А. Позднякова. Система именных классов и классное согласование в языке гиньянга. Доклад, прочитанный на XVI Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.
- Aboh 2010 — E. O. Aboh. The morphosyntax of the noun phrase // E. O. Aboh, J. Essegbey (eds.). Topics in Kwa Syntax. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 78). Dordrecht; New York: Springer, 2010. P. 11–37. DOI: 10.1007/978-90-481-3189-1.
- Allan 1974 — E. J. Allan. A Grammar of Buem: The Lelemi language. PhD thesis. London: University of London, 1974.

- Blench 2006 — R. Blench. A Comparative Study of the Ghana-Togo-Mountain Languages. Cambridge: S. n., 2006. URL: <http://www.rogerblench.info/Language/Niger-Congo/GTML%20Website/GTML%20Comparative%20Data/Comparative%20Central%20Togo%20intro.pdf> (дата обращения 11.03.2021).
- Casali 2008 — R. F. Casali. ATR harmony in African languages // *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 2. P. 496–549. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2008.00064.x.
- Cleal 1976 — A. M. Cleal. Genyanga // M. E. Kropp Dakubu (ed.). *West African Language Data Sheets*. Vol. 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society (WALS); African Studies Centre (ASC), 1976. P. 261–267.
- Corbett 1991 — G. G. Corbett. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. DOI: 10.1017/CBO9781139166119.
- Dolphyne, Kropp Dakubu 1988 — F. A. Dolphyne, M. E. Kropp Dakubu. The Volta-Comoé languages // M. E. Kropp Dakubu (ed.). *The Languages of Ghana*. (African Languages. Occasional Publication 2). London: Kegan Paul International for the International African Institute, 1988. P. 50–90.
- Fiedler, Güldemann 2018 — I. Fiedler, T. Güldemann. Toward the reconstruction of the Guang gender system. Paper presented at the International workshop “Gender across Niger-Congo”, Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, November 29–30, 2018.
- Gblem-Poidi, Kantchoa 2012 — H. M. Gblem-Poidi, L. Kantchoa. *Les langues du Togo. État de la recherche et perspectives*. Paris: L’Harmattan, 2012.
- Good 2012 — J. Good. How to become a “Kwa” noun // *Morphology*. 2012. Vol. 22 (2). P. 293–335. DOI: 10.1007/s11525-011-9197-2.
- Güldemann, Fiedler 2019 — T. Güldemann, I. Fiedler. Niger-Congo “noun classes” conflate gender with deriflection // F. Di Garbo, B. Olsson, B. Wälchli (eds.). *Grammatical Gender and Linguistic Complexity*. Vol. 1: General Issues and Specific Studies. (Studies in Diversity Linguistics 26). Berlin: Language Science Press, 2019. P. 95–145.
- Guthrie 1967 — M. Guthrie. *Comparative Bantu: An Introduction to the Comparative Linguistics and Prehistory of the Bantu Languages*. Vol. 1: The Comparative Linguistics of the Bantu Languages. London: Gregg International, 1967. DOI: 10.4324/9781315105536-1.
- Hammarström et al. 2020 — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. *Glottolog 4.2.1*. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2020 (электронный ресурс). URL: <http://glottolog.org> (дата обращения 16.07.2020).
- Hepburn-Gray 2016 — R. Hepburn-Gray. A survey of Niger-Congo noun class agreement systems. Paper presented at the 2nd International congress “Towards

- Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction”, LLACAN. Paris, September 1–3, 2016.
- Jordan-Diller, Diller 2008 — K. Jordan-Diller, J. Diller. *Ginyanga Literacy Development: A Survey of Attitudes and Strategies*. S. 1.: SIL International, 2008.
- Kalessou 2011 — T. K. Kalessou. *Système phonologique de ginyanga*. Mémoire. Lomé: Université de Lomé, 2011.
- Kießling 2013 — R. Kießling. On the origin of Niger-Congo nominal classification // R. Kikusawa, L. A. Reid (eds.). *Historical Linguistics 2011: Selected Papers from the 20th International Conference on Historical Linguistics, Osaka, 25–30 July 2011*. (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series IV: Current Issues in Linguistic Theory 326). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 43–65.
- Klingenheben 1963 — A. Klingenheben. *Die Sprache der Ful (Dialekt von Adamaua): Grammatik, Texte und Wörterverzeichnis*. (Afrikanistische Forschungen 1). Hamburg: Verlag J. J. Augustin, 1963.
- Konoshenko, Shavarina 2019 — M. Konoshenko, D. Shavarina. A microtypological survey of noun classes in Kwa // *Journal of African Languages and Linguistics*. 2019. Vol. 40. Iss. 1. P. 75–114. DOI: 10.1515/jall-2019-0004.
- Manessy 1987 — G. Manessy. *La Classification nominale en Proto-Guang // Afrikanistische Arbeitspapiere*. 1987. Vol. 9. P. 5–49.
- Painter 1967 — C. Painter. The distribution of Guang in Ghana, and a statistical pre-testing on twenty-five idiolects // *Journal of West African Languages*. 1967. Vol. 4. Iss. 1. P. 25–78.
- Painter 1970 — C. Painter. *Gonja: A Phonological and Grammatical Study*. (Indiana University Publications African Series 1). Bloomington, IN; Berlin: Mouton de Gruyter, 1970.
- Pozdniakov 2018 — K. Pozdniakov. *The Numeral System of Proto-Niger-Congo: A Step-by-Step Reconstruction*. (Niger-Congo Comparative Studies 2). Berlin: Language Science Press, 2018.
- Reineke 1972 — B. Reineke. *The Structure of the Nkonya Language, with Texts and Glossary*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972.
- Snider 1988 — K. Snider. The noun class system of Proto-Guang and its implications for internal classification // *Journal of African Languages and Linguistics*. 1988. Vol. 10. P. 137–164.
- Stewart 1970 — J. M. Stewart. Tongue root position in the Volta-Comoe languages and its significance for the reconstruction of the original Bantu vowel sounds // *African Language Studies*. 1970. Vol. 11. P. 340–350.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. *African Language Structures*. Berkeley: University of California Press, 1973.

References

- Aboh 2010 — E. O. Aboh. The morphosyntax of the noun phrase. E. O. Aboh, J. Essegbey (eds.). *Topics in Kwa Syntax*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 78). Dordrecht; New York: Springer, 2010. P. 11–37. DOI: 10.1007/978-90-481-3189-1.
- Allan 1974 — E. J. Allan. A Grammar of Buem: The Lelemi language. PhD thesis. London: University of London, 1974.
- Aplonova, Mamonova, Pozdnyakova 2019 — E. S. Aplonova, T. V. Mamonova, V. A. Pozdnyakova. Kratkiy obzor fonetiki i morfosintaksisa yazyka ginyanga [Preliminary overview of Ginyanga phonetics and morphosyntax]. Paper presented at the conference “The XXX International congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa”, St. Petersburg State University. St. Petersburg, June 19–21, 2019.
- Blench 2006 — R. Blench. *A Comparative Study of the Ghana-Togo-Mountain Languages*. Cambridge: S. n., 2006. Available at: <http://www.rogerblench.info/Language/Niger-Congo/GTML%20Website/GTML%20Comparative%20Data/Comparative%20Central%20Togo%20intro.pdf> (accessed on 11.03.2021).
- Casali 2008 — R. F. Casali. ATR Harmony in African Languages. *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 2. P. 496–549. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2008.00064.x.
- Cleal 1976 — A. M. Cleal. Genyanga. M. E. Kropp Dakubu (ed.). *West African Language Data Sheets*. Vol. 1. Legon; Leiden: West African Linguistic Society (WALS); African Studies Centre (ASC), 1976. P. 261–267.
- Corbett 1991 — G. G. Corbett. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. DOI: 10.1017/CBO9781139166119.
- Dolphyne, Kropp Dakubu 1988 — F. A. Dolphyne, M. E. Kropp Dakubu. The Volta-Comoe languages. M. E. Kropp Dakubu (ed.). *The Languages of Ghana*. (African Languages. Occasional Publication 2). London: Kegan Paul International for the International African Institute, 1988. P. 50–90.
- Fiedler, Güldemann 2018 — I. Fiedler, T. Güldemann. Toward the reconstruction of the Guang gender system. Paper presented at the international workshop “Gender across Niger-Congo”, Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, November 29–30, 2018.
- Gblem-Poidi, Kantchoa 2012 — H. M. Gblem-Poidi, L. Kantchoa. *Les langues du Togo. État de la recherche et perspectives*. Paris: L’Harmattan, 2012.
- Good 2012 — J. Good. How to become a “Kwa” noun. *Morphology*. 2012. Vol. 22 (2). P. 293–335. DOI: 10.1007/s11525-011-9197-2.

- Güldemann, Fiedler 2019 — T. Güldemann, I. Fiedler. Niger-Congo “noun classes” conflate gender with deriflection. F. Di Garbo, B. Olsson, B. Wälchli (eds.). *Grammatical Gender and Linguistic Complexity*. Vol. 1: *General Issues and Specific Studies*. (Studies in Diversity Linguistics 26). Berlin: Language Science Press, 2019. P. 95–145.
- Guthrie 1967 — M. Guthrie. *Comparative Bantu: An Introduction to the Comparative Linguistics and Prehistory of the Bantu Languages*. Vol. 1: *The Comparative Linguistics of the Bantu Languages*. London: Gregg International, 1967. DOI: 10.4324/9781315105536-1.
- Hammarström et al. 2020 — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. *Glottolog 4.2.1*. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2020. Available at: <http://glottolog.org> (accessed on 16.07.2020).
- Hepburn-Gray 2016 — R. Hepburn-Gray. A survey of Niger-Congo noun class agreement systems. Paper presented at the 2nd International congress “Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and reconstruction”, LLACAN. Paris, September 1–3, 2016.
- Jordan-Diller, Diller 2008 — K. Jordan-Diller, J. Diller. *Ginyanga Literacy Development: A Survey of Attitudes and Strategies*. S. 1.: SIL International, 2008.
- Kalessou 2011 — T. K. Kalessou. *Système phonologique de ginyanga*. Mémoire. Lomé: Université de Lomé, 2011.
- Kießling 2013 — R. Kießling. On the origin of Niger-Congo nominal classification. R. Kikusawa, L. A. Reid (eds.). *Historical Linguistics 2011: Selected Papers from the 20th International Conference on Historical Linguistics, Osaka, 25–30 July 2011*. (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series IV: Current Issues in Linguistic Theory 326). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 43–65.
- Klingenheben 1963 — A. Klingenheben. *Die Sprache der Ful (Dialekt von Adamaua): Grammatik, Texte und Wörterverzeichnis*. (Afrikanistische Forschungen 1). Hamburg: Verlag J. J. Augustin, 1963.
- Konoshenko, Shavarina 2019 — M. Konoshenko, D. Shavarina. A microtypological survey of noun classes in Kwa. *Journal of African Languages and Linguistics*. 2019. Vol. 40. Iss. 1. P. 75–114. DOI: 10.1515/jall-2019-0004.
- Mamonova 2019 — T. V. Mamonova. *Foneticheskaya sistema yazyka ginanga* [Phonetic System of Ginyanga]. Course paper. Moscow: HSE University, 2019.
- Manessy 1987 — G. Manessy. La Classification nominale en Proto-Guang. *Afrikanistische Arbeitspapiere*. 1987. Vol. 9. P. 5–49.
- Painter 1967 — C. Painter. The distribution of Guang in Ghana, and a statistical pre-testing on twenty-five idiolects. *Journal of West African Languages*. 1967. Vol. 4. P. 25–78.

- Painter 1970 — C. Painter. *Gonja: A Phonological and Grammatical Study*. (Indiana University Publications African Series 1). Bloomington, IN; Berlin: Mouton de Gruyter, 1970.
- Pozdniakov 2018 — K. Pozdniakov. *The numeral system of Proto-Niger-Congo: A step-by-step reconstruction*. (Niger-Congo Comparative Studies 2). Berlin: Language Science Press, 2018.
- Pozdnyakova 2019 — V. A. Pozdnyakova. Sistema imennykh klassov i klassnoye soglasovaniye v yazyke ginanga [Noun Classes and Agreement in Ginyanga]. Paper presented at the 16th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, Institute for Linguistic Studies RAS. St. Petersburg, November 21–23, 2019.
- Reineke 1972 — B. Reineke. *The Structure of the Nkonya Language, with Texts and Glossary*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972.
- Snider 1988 — K. Snider. The noun class system of Proto-Guang and its implications for internal classification. *Journal of African Languages and Linguistics*. 1988. Vol. 10. P. 137–164. DOI: 10.1515/jall.1988.10.2.137.
- Stewart 1970 — J. M. Stewart. Tongue root position in the Volta-Comoe languages and its significance for the reconstruction of the original Bantu vowel sounds. *African Language Studies*. 1970. Vol. 11. P. 340–350.
- Vinogradov (ed.) 1997 — V. A. Vinogradov (ed.). *Osnovy afrikanskogo yazykoznanija. Imennyye kategorii* [Fundamentals of African Linguistics. Noun Morphology]. Moscow: Aspekt-press, 1997.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. *African Language Structures*. Berkeley: University of California Press, 1973.

Клитика *teə* в малокарачкинском говоре чувашского языка: копула, показатель ретроспективного сдвига, фокусная частица

Е. А. Романова

Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);
pinknoiseontv@gmail.com

Д. А. Сапарова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия); dashasaparovaa@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются контексты употребления клитики *teə/teĕ* в малокарачкинском говоре чувашского языка. На материале полевых данных нами были выявлены значения, которые дает клитика *teə / teĕ* при присоединении к разным глагольным формам и именам: копула прошедшего времени при неглагольной предикации, показатель плюсквамперфекта, прямо-засвидетельствованный имперфектив, показатель, употребляющийся при ирреальном и контрфактивном условии, оптатив, пермиссивный вопрос, а также контрастивный фокус при прямой засвидетельствованности.

Ключевые слова: чувашский язык, неглагольная предикация, контрастивный фокус, плюсквамперфект, ирреалис, контрфактивное условие, пермиссивный вопрос.

Благодарности: Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Clitic *teə* in Maloe Karachkino dialect of Chuvash: A copula, a retrospective shift marker, a focus particle

E. A. Romanova

Independent researcher (St. Petersburg, Russia); pinknoiseontv@gmail.com

D. A. Saparova

HSE University (St. Petersburg, Russia); dashasaparovaa@gmail.com

Abstract. In this paper, we consider the distribution of the clitic *teə* / *teë* in the Maloe Karachkino (Poshkart) dialect of Chuvash. The study builds on data collected during the field trips to Maloe Karachkino village in 2017–2019. We identified a wide range of functions with this marker. In this paper, we separately consider the usage of *teə* in non-verbal and verbal predications. In non-verbal predications, the clitic *teə* performs the function of a copula of the past tense. It can attach to non-verbal predicates or to the verb *pol-* ‘be’, with its usage in both contexts only limited to direct evidentiality contexts. This marker can also attach to both the predicate and the focused phrase. Our analysis of the distribution of the clitic in verbal predications shows that in Maloe Karachkino Chuvash, when attached to verb forms the marker *teə*, can be used in a wide range of contexts that are usually associated with a marker of retrospective shift in the languages of the world. We identified the following functions: the pluperfect marker, the discontinuous imperfect marker, the marker used in the protasis and apodosis of irrealis and counterfactual condition clauses, the optative marker, and the permissive question marker. We established that the clitic can stand after the predicate or occupy the Wackernagel’s position (i.e. be attached to the first phrase in the clause). When attached to a non-predicative component, *teə* can express contrastive focus (in direct evidentiality contexts) or optative meanings. Our findings also show that there can be more than one *teə* in one sentence.

Keywords: Chuvash, non-verbal predication, contrastive focus, pluperfect, irrealis, counteractive conditional, permissive question.

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются функции клитики *teə / teĕ*¹ в малокарачкинском говоре (далее МК) чувашского языка. В литературе отмечается несколько функций данного показателя. Со времен грамматики Ашмарина [Ашмарин 1898] в литературе [Левитская 1976; Павлов 1957] в разных терминах выделяются следующие функциональные зоны, охватываемые этим показателем²:

- копула прошедшего времени при неглагольной предикации;
- давнопрошедшее категорическое [Павлов 1957: 197];
- прямозасвидетельствованное давнопрошедшее;
- оптатив;
- показатель, используемый в протазисе и аподозисе условных конструкций;
- смягчающая примперативная частица.

В МК дистрибуция частицы *teə* частично отличается от описанной выше. Во-первых, частица не выступает в качестве примперативной (ср. примеры (1) и (2)).

литературный чувашский

- (1) *Хула-на кай-ăр=ччĕ*³.
 город-овл ехать-имр.2PL=COP_PST
 ‘Поезжайте-ка в город’.

- (2) **xola-ja kaj-ər=teə*
 город-овл ехать-имр.2PL=COP_PST
 Ожид.: ‘Поезжайте-ка в город’.

¹ В литературном языке этот показатель всегда содержит переднерядный гласный, тогда как в исследуемом говоре подчиняется сингармонизму.

² Данные в статье о литературном чувашском основаны на описаниях в литературе [Ашмарин 1898; Павлов 1957; Левитская 1976; Savelyev 2020], а также опросе носителей. Если при примере не указано обратное, он получен авторами от носителей.

³ В настоящей статье примеры из литературного чувашского записываются кириллицей в традиционной орфографии.

Во-вторых, как будет показано в статье, в МК у клитики *тə* были зафиксированы не описанные в литературе значения пермиссивного вопроса и контрастивного фокуса.

Работа структурирована следующим образом. В *Разделе 2* мы рассмотрим показатель *тə* при неглагольной предикации. *Раздел 3* посвящен функциям клитики при глагольной предикации. В *Разделе 4* мы рассмотрим употребление *тə* в качестве маркера контрастивного фокуса. В *Разделе 5* рассмотрены позиции копулы. *Раздел 6* завершает работу и кратко суммирует основные выводы.

2. Неглагольная предикация

Как отмечает Н. И. Ашмарин [Ашмарин 1898: 338], в чувашском языке есть «особый глагол-существительный (Verbum Substantivum)» *тə*, который употребляется только в застывшей форме 3 л. ед. ч. прошедшего времени с референцией ко всем лицам и числам, ср. примеры (3а–е).

- (3) а. *jep xitre=tə̃*
я красивый=COP_PST
‘Я была красивой’.
- б. *es xitre=tə̃*
ты красивый=COP_PST
‘Ты была красивой’.
- в. *vəl xitre=tə̃*
он красивый=COP_PST
‘Она была красивой’.
- г. *per xitre=tə̃*
мы красивый=COP_PST
‘Мы были красивыми’.
- д. *ser xitre=tə̃*
вы красивый=COP_PST
‘Вы были красивыми’.

- е. *vəzam xitre=teə*
они красивый=COP_PST
'Они были красивыми'.

Согласно [Левитская 1976: 59], клитика *teə* (**eli* > **ilə* > *teə*) восходит к форме 3 л. прошедшего категорического времени древнетюркского глагола **i-* < **e-* < **er-* со значением 'быть', который не представлен в современном чувашском в качестве корневой морфемы⁴.

Показатель *teə* маркирует неглагольный предикат, конкурируя с формами прошедшего времени копулы *pol* 'быть', см. пример (4).

- (4) а. *peʔə toxtər=teə*
Петя врач=COP_PST

б. *peʔə toxtər pol-za*
Петя врач быть-CV_SIM
'Петя был врачом'.

Следует отметить, что в чувашском для выражения прошедшего времени используются различные формы. В данном разделе будет рассмотрена только одна форма — деепричастие одновременности на *-sa/-za/-sel-ze*, которое в МК может употребляться финитно (как и в других северо-западных говорах чувашского языка, [Сергеев 1963])⁵.

В случае присоединения *teə* к неглагольному предикату обязательно условие прямой засвидетельствованности, понимаемой в соответствии с [Плунгян 2001, 2004], ср. пример (5):

- (5) *jidə oram-ra=teə*
собака улица-LOC=COP_PST
i. 'Собака была на улице'. {Я это сам видел.}
ii. *'Собака была на улице'. {Я сам этого не видел.}

⁴ Л. С. Левитская возводит к глаголу **i-* < **e-* < **er-* в отрицательной форме причастия на *-r* также показатель именного отрицания *mar* [Левитская 1976: 59].

⁵ В литературном чувашском деепричастие на *-sa* не может использоваться в качестве вершины независимой предикации.

Стоит отметить, что деепричастие на *-sa* не требует прямой за-
свидетельствованности, ср. пример (6):

- (6) *jida oram-ra pol-za*
собака улица-LOC быть-CV_SIM
i. ‘Собака была на улице’. {Я сам это видел.}
ii. ‘Собака была на улице’. {Я сам этого не видел.}

В *Таблице 1* показаны условия употребления клитики *teə* при не-
глагольной предикации.

Таблица 1. Неглагольная предикация

Table 1. Non-verbal predication

Связка	прямая засвидетельствованность	косвенная засвидетельствованность
<i>teə</i> (COP_PST)	ОК	*
<i>pol-za</i> (быть-CV_SIM)	ОК	ОК

Таким образом, для формы на *teə* возможна одна альтернатива,
в то время как для формы на *-sa* — обе.

3. Глагольная предикация

В данном разделе мы будем рассматривать функции клитики *teə*
при глагольной предикации. Согласно нашим и литературным дан-
ным, в МК данная клитика выступает в контекстах, которые обычно
в языках мира ассоциируются с показателем ретроспективного сдвига
[Плунгян 2001].

Согласно [Плунгян 2001: 72], под явлением ретроспективного
сдвига понимается присоединение к самостоятельной глагольной
форме особых вторичных модификаторов («ретроспективизато-
ров»), которые смещают ситуацию с определенной временной со-
отнесенностью по временной оси в прошлое. В результате такого

присоединения «ретроспективизаторов» можно наблюдать различные семантические эффекты. В зависимости от временной локализации к ним относятся: перенос ситуации в некую зону «сверхпрошлого» с центральными значениями предшествования в прошлом, а также отдаленного и «прекращенного» прошлого. В иных случаях ретроспективный сдвиг переносит ситуацию в так называемую «антирезультативную» семантическую зону, в результате чего появляются значения ирреального условия, дуратив, оптатив, пермиссивный вопрос.

В ранних работах по чувашскому языку функционал показателя ретроспективного сдвига подробно не рассматривался. В литературе указывается, что клитика =ччĕ в литературном чувашском возможна в сочетании со следующими глагольными формами индикатива: «прошедшее неопределенное», «давнопрошедшее категорическое», «прошедшее несовершенное» [Павлов 1957: 195–201].

В МК присоединение *теэ* допускают формы непрошедшего времени (NPST), деепричастия одновременности (CV_SIM), деепричастия предшествования (CV_ANT), инфинитива долженствования (INF-ATTR), гортатива (HORT), юссива (JUSS) и причастия будущего времени (PC_FUT). При добавлении клитики к глагольным формам происходит сдвиг временной перспективы ситуации и/или появляются ирреальные значения, свойственные показателям ретроспективного сдвига. В *Таблице 2* (с. 312–313) сопоставляется семантика этих форм при их независимом употреблении и в сочетании с клитикой *теэ*.

Таблица 2. Сопоставление глагольных форм с клитикой и без клитики *теэ*

Table 2. Difference between verbal forms with and without the clitic *teə*

Форма	Без клитики <i>теэ</i> (наиболее релевантные значения)	С клитикой <i>теэ</i>
CV_ANT	Глагольная форма, используемая в протасисе условного предложения	Контрфактив и ирреальное условие, ирреальный оптатив

Форма	Без клитики <i>tə</i> (наиболее релевантные значения)	С клиткой <i>tə</i>
NPST	Событие в настоящем и будущем	Имперфективное прямозасвидетельствованное событие в прошлом, пермиссивный вопрос, оптатив
CV_SIM	Событие в прошлом	Плюсквамперфект
PC_FUT	Событие в будущем	Пермиссивный вопрос, оптатив
INF-ATTR	Инфинитив долженствования	Оптатив
HORT, JUSS	Гортатив и юссив	Оптатив

В МК клитика *tə* не присоединяется к финитной форме прошедшего времени:

- (7) *ik ɛol kajala pilək xut tort-ən-sa=tə* /
 два год назад пять раз тянуть-REFL-CV_SIM=COP_PST
 **tort-ən-r-əm, xali tort-ən-m-a-p*
 тянуть-REFL-PST-1SG сейчас тянуть-REFL-NEG-NPST-1SG
 ‘Два года назад я подтягивался пять раз, сейчас не подтягиваюсь’.

В МК прошедшее время используется для предельных интерпретаций в недавнем прошлом:

- (8) *ëner ep sagər seget-re tər-d-əm / *tər-za=tə*
 вчера я восемь час-LOC встать-PST-1SG встать-CV_SIM=COP_PST
 ‘Вчера я встала в 8 часов’.

Семантика форм с показателем *tə* подробнее рассматривается в следующих разделах статьи.

3.1. Прямозасвидетельствованный имперфектив

Чаще всего неопределенные интерпретации предиката в зоне прошедшего выражаются в МК формой деепричастия одновременности на *-sa* (CV_SIM). В МК конверб на *-sa* функционирует как предикат в независимом предложении:

- (9) *atea-zam vila-za*
ребенок-PL играть-CV_SIM
'Дети играли'.

При наличии прямой засвидетельствованности вместо формы на *-sa* используется форма неопределенного времени с клитикой *teə*, см. пример (10):

- (10) *vəl komnat-a kër-zen,*
он комната-ОБВ войти-CV_ANT
jep eiru-ja eəd-e-p=teə / **eēt-se*
я письмо-ОБВ рвать-NPST-1SG=COP_PST рвать-CV_SIM
'Когда он вошел в комнату, я рвала письмо'.

Неопределенное время в литературном чувашском локализует действие в настоящем или в будущем (если говорящий уверен, что действие непременно свершится) [Павлов 1957: 187]. Это актуально и для МК. В данном случае ретроспективный сдвиг при присоединении к форме неопределенного времени переносит действие в прошлое⁶. При этом обязательны наличие прямой засвидетельствованности и неопределенная интерпретация, как в (11).

- (11) *ëner es olma vər-l-a-n=teə* /
вчера ты яблоко красть-NPST-2SG=COP_PST,
**vər-la-za ep xa-m kor-d-əm*
красть-CV_SIM я сам-P_1SG видеть-PST-1SG
'Вчера ты воровал яблоки, я сам видел'.

⁶ Также при присоединении клитики к форме неопределенного времени возможны интерпретации опатива, пермиссивного вопроса, ирреального условия, см. о них ниже.

Здесь важно отметить, что обычно ситуации с субъектом в первом лице кажутся по умолчанию прямозасвидетельствованными (т. к. восприятие говорящего и является его прямым источником информации). Но, тем не менее, есть ситуации, когда субъект в первом лице совершил что-либо непреднамеренно (например, ‘Я разбила тарелку (случайно, т. к. не увидела ее на столе)’ или ‘Я сломала ноготь’)) или субъект удивляется услышанной информации о себе (‘(Они сказали,) что я богатый! (ложь)’) и прочее [Curnow 2002]. Подобные контексты относятся к косвенной или непрямозасвидетельствованной эвиденциальности.

В эвиденциальной системе МК, в частности, для описания ситуаций, в которых субъект в первом лице действовал неосознанно, используется показатель непрямой засвидетельствованности:

- (12) *es kër-ze, ep eur-za / *eur-a-p=teə*
 ты идти-CV_SIM я спать-CV_SIM спать-NPST-1SG=COP_PST
 ‘Когда ты пришел, я спал’.

Следующие примеры иллюстрируют случаи, в которых использование данной формы невозможно в силу предельной интерпретации предиката (13) или косвенной засвидетельствованности (14), ср. (11).

- (13) *ëner es pilëk olma vərļa-r-ən /*
 вчера ты пять яблоко красть-PST-2SG
**vərļ-a-n=teə, ep xa-m kor-d-əm*
 красть-NPST-2SG=COP_PST, я сам-P_1SG видеть-PST-1SG
 ‘Вчера ты украл 5 яблок, я сам видел’.

- (14) *ëner es olma vərļa-nə /*
 вчера ты яблоко красть-PC_PST
**vərļ-a-n=teə, man abi kor-d-ë*
 красть-NPST-2SG=COP_PST я.GEN мать видеть-PST-3SG
 ‘Вчера ты воровал яблоки, моя мать видела’⁷.

⁷ В этом предложении информант выбрал форму причастия прошедшего времени на *-nə*, которая функционирует в литературном чувашском аналогично форме конверба на *-sa* в верховых диалектах чувашского [Павлов 1957: 197].

В 3 л. мн. ч. ожидаемая форма непрошедшего времени в сочетании с клитикой *тə* не используется, и вместо нее выступает форма, формально соотносимая с формой имперфекта в чувашском литературном языке:

- (15) **vul-atə*=*тə* → *vul-atə-ə*
 читать-NPST.3PL=COP_PST → читать-IPF-3PL
 ‘Они читали’.

- (16) *student-sam=da poε-tar-ən-atə-ə*=*ta* /
 студент-PL=и собираться-CAUS-REFL-IPF-3PL=и
 **poε-tar-ən-atə*=*тə*=*da* *park-ra* *εyr-etə-ĕ* /
 собираться-CAUS-REFL-NPST3PL=COP_PST=и парк-LOC идти-IPF-3PL
 **εyr-etə-ĕ*
 идти-NPST3PL=COP_PST
 ‘Бывало, студенты собирались и гуляли в парке (я был свидетелем)’.

Неизвестно, верно ли это для формы 3 л. ед. ч., т. к. форма непрошедшего времени с клитикой *тə* омонимична ожидаемой форме имперфекта (*-at=тə* (NPST[3SG]=COP_PST) и *-atə-ə* (IPF-3SG)).

Остальные личные формы имперфекта не встречаются в МК:

- (17) *vul-a-pər=тə* / **vul-at-pər*
 читать-NPST-1PL=COP_PST читать-IPF-1PL
 ‘Мы читали’.

[Левитская 1976: 65] рассматривает показатель имперфекта (*-at/-atə* в 3 л.) в диахронии как сочетание аффикса *-a/-at*, который идентичен показателю непрошедшего времени, с неправильным экзистенциальным глаголом (**e(r)-*) в прошедшем времени (**-t-*). Учитывая происхождение клитики *тə* (см. подробнее *Раздел 2*), мы можем предположить, что диахронически сочетание показателя непрошедшего времени с клитикой *тə* (указывающее на прямозаставительствованную неопредельную ситуацию) аналогично структуре имперфекта. В таком случае присутствие имперфекта в форме 3 л. мн. ч. из литературного чувашского в парадигме формы косвенной

засвидетельствованности с неопредельным значением объясняется фонетической избыточностью и фонемной тавтологией формы на *-atkə=teə*; фонетически более удачной выглядит аналогичная форма имперфекта на *-atk-əc*.

3.2. Плюсквамперфект

Согласно [Павлов 1957: 197], в литературном чувашском существует так называемое «давнопрошедшее категорическое» время. Оно используется для обозначения прошедшего действия, которое предшествует другому действию в прошлом или является уже неактуальным для говорящего. При этом говорящий должен быть очевидцем данных событий. «Давнопрошедшее категорическое» образуется от деепричастия на *-ca / -ce* с помощью глагольных показателей имперфекта. Аффикс имперфекта, как было упомянуто выше, восходит к сочетанию аффикса непрошедшего времени (*-a / -at*) и экзистенциального древнетюркского глагола (**e(r)-*) в прошедшем времени (**-t-*) [Левицкая 1976: 72]. В грамматике [Павлов 1957] также указывается, что дополнительно к форме «давнопрошедшего категорического» в 1 и 2 л. можно присоединять «частицу» *-ччĕ*:

- (18) *Сыр-са-тт-ăн(-ччĕ).*
 писать-CV_SIM-IPF-2SG(-COP_PST)
 ‘Ты написал было’.

Однако информация о семантике конструкций с «частицей» и без отсутствует.

Как отмечено в [Savelyev 2020: 28], в литературном чувашском плюсквамперфект также образуется сочетанием формы причастия прошедшего времени на *-nə*⁸ и клитики *-(ĕ)ĕă* («давнопрошедшее неопределенное» у [Павлов 1957]) и указывает на перфективную ситуацию в прошлом с непрямой засвидетельствованностью, см. (19).

⁸ Здесь и далее сохраняется запись чувашских предложений и морфем из [Savelyev 2020].

литературный чувашский

- (19) *Pəltər sad-a mulkaç pi-nə-ččə.*
 прошлый.год сад-DAT/ACC заяц появиться-PST.PTCP-RETR
 ‘В прошлом году в саду (видимо) появился заяц’.

В МК форма причастия прошедшего времени на *-nə* в сочетании с клитикой *тə* почти не используется. Синтетический плюсквамперфект образуется добавлением *тə* к форме конверба на *-sa*, см. примеры (25)–(27) ниже.

Как было упомянуто в Разделе 3.1, форма на *-sa* употребляется в МК нефинитно в качестве предиката:

- (20) *atəa-zam vıla-za*
 ребенок-PL играть-CV_SIM
 ‘Дети играли’.

Это, в целом, не свойственно большинству тюркских языков, где конверб в предикативной позиции должен использоваться вместе со вспомогательным финитным глаголом [Johanson 1995]:

- киргизский
 (21) *Oqu-p tu-r-du.*
 читать-CONV стоять-TRM.PAST-3.SG
 ‘Он продолжал читать’.

Й. Бенциг [Benzing 1959: 743–744] отмечает, что для верхового диалекта чувашского характерно использование конверба *-sa* без финитного глагола, и предполагает, что все конвербы отсылают к ситуации, локализованной в прошлом, с актуальным на момент речи результатом.

В МК выбор «чистой» формы на *-sa* не зависит от эвиденциальности (в примере (22) — инференция, (23) и (24) — прямая засвидетельствованность).

- (22) *ëner kaε-ra atəa-zam εur-za / *εur-za=təə,*
 вчера вечер-LOC ребенок-PL спать-CV_SIM спать-CV_SIM=COP_PST
mën-zën te-zen şav-lə mar=təə
 что-CSL говорить-CV_ANT шум-PROP NEG_ASCR=COP_PST
 ‘Вчера вечером дети спали, так как было тихо’ (говорящий делает вывод на основе косвенных свидетельств).

- (23) *ep maldan vola-za,*
я раньше читать-CV_SIM
xali vol-a-p malala=da vol-a-p
теперь читать-NPST-1SG вперед=ADD читать-NPST-1SG
'Я читала, читаю и буду читать'.
- (24) *ik eol kajala pørt lart-sa / *lart-sa=təə,*
два год назад дом посадить-CV_SIM посадить-CV_SIM=COP_PST
xali ep onda porən-a-p
теперь я здесь жить-NPST-1SG
'Два года назад я построил дом, и теперь я там живу'
- Глагольная форма на *-sa=təə* указывает на действие, которое происходило давно (25), предшествовало другому действию в прошлом (26), было прекращено или результат которого был аннулирован (27). В случае если эти условия не выполняются, использование формы невозможно, ср. (22)–(24). Для выбора этой формы эвиденциальность так же нерелевантна (в примере (25) — косвенная засвидетельствованность, в (26) и (27) — прямая).
- (25) *ta-xəan ta-xəan jur'je-zem*
INDEF-когда INDEF-когда песня-PL
xitre jorla-za=təə
красивый петь-CV_SIM=COP_PST
'Давным-давно пели красивые песни'.
- (26) *atəa-zam jor krepoz-a eəmər-ze tək-sa=təə*
ребенок-PL снег крепость-ОБВ ломать-CV_SIM лить-CV_SIM=COP_PST
'(Когда я проходил мимо, я увидел, что) дети сломали / доломали снежную крепость'.
- (27) *ik eol kajala pørt lart-sa=təə,*
два год назад дом посадить-CV_SIM=COP_PST
xali vəl eok
теперь он NEG_EX
'Два года назад я построил дом, сейчас его уже нет'.

3.3. Контрфактив и ирреальное условие

В протазисе условного предложения, как правило, используется форма деепричастия предшествования на *-san/-sen*. Для выражения ирреального следствия в условной конструкции (28) и контрфактивного (29) условия глагольная форма в аподозисе присоединяет клитику *тэ*. Данная форма обязательна в аподозисе.

- (28) *es iran kil-në pol-zan*
ты завтра идти-PC_PST быть-CV_ANT
jer kokəl' pëzër-e-p=тэ
я пирог готовить-NPST-1SG=COP_PST

‘Если бы ты завтра пришел, я бы приготовил пирог’.

- (29) *ëner pevə xola-ja kaj-za=тэ*
вчера Петя город-ОВJ идти-CV_SIM=COP_PST

‘Вчера Петя поехал бы в город (, но он заболел).’

3.4. Оптатив

В сочетании с некоторыми глагольными формами показатель *тэ* может также выражать значения оптатива, см. *Таблицу 3* (с. 321).

- (30) *mişə xola-ja kaj-zan=тэ*
Миша город-ОВJ ехать-CV_ANT=COP_PST
‘Если бы только Миша поехал в город!’
- (31) *per-ën telej-lë pol-as=тэ*
мы-GEN счастье-PROP быть-PC_FUT=COP_PST
‘Вот бы мы были счастливы’.
- (32) *vot xəl' çur-ma-la=тэ*
вот сейчас спать-INF-ATTR=COP_PST
‘Вот бы сейчас поспать’.

- (33) *telej-lë pol-ar / ^{OK}pol-ar=teə*
 счастье-PROP быть-NORT.1PL быть-NORT.1PL=COP_PST
 ‘Пусть мы будем счастливы!’

Таблица 3. Формы с оптативной семантикой

Table 3. Forms with optative semantics

Формы	Оптативная семантика с <i>teə</i>	Оптативная семантика без <i>teə</i>
CV_ANT	+	–
PC_FUT	+	–
INF-ATTR	+	–
HORT.1SG	%	
HORT.1PL ⁹	%	%
IMP.2SG ¹⁰		–
IMP.2PL		–
JUSS.3SG	%	+
JUSS.3SPL	%	+
NPST	+	–

Таблица устроена следующим образом: в первом столбце представлены глагольные формы, во втором и третьем указывается возможность для них оптативного значения. В таблице используются следующие обозначения: «+» — выражение оптатава возможно, «–» — невозможно, «%» — данные контексты были разрешены только частью информантов, зачеркнутые клетки — данных форм не существует.

⁹ Особенность данного примера в том, что формы гортатива большинством носителей оцениваются как литературные. Форма гортатива мн. ч. с показателем *teə* также оценивается как грамматичная не всеми носителями

¹⁰ Несмотря на то, что формы императива изолированно не выражают оптатив, а также не сочетаются с *teə*, они были включены в эту таблицу, для сравнения с формами гортатива и юссива.

Стоит отметить, что в литературном чувашском перечисленные формы не могут выражать значение опатива, ср. (34) и (35).

- литературный чувашский
- (34) *Миша кӑнтӑр-ла-хи* *апат* *ци-ем-чӑӗ*
 Миша полдень-АТТР-АТТР_ТЕМП обед есть-NPST.3SG=COP_PST
 i. ‘Миша пообедал’.
 ii. *‘Вот бы Миша пообедал’.
- (35) *мишӑ* *кӑндӑр-ла-хи* *абат* *ӗiet=тӗӗ*
 Миша полдень-АТТР-АТТР_ТЕМП обед есть-NPST.3SG=COP_PST
 i. ‘Миша пообедал’.
 ii. ‘Вот бы Миша пообедал’.

В литературном чувашском для выражения значений из опативной зоны используется специализированная парадигма. Н. И. Ашмарин называет данные формы «уступительно-желательным наклонением» [Ашмарин 1898: 294], в то время как в [Павлов 1957: 210] отмечено, что форма «желательного наклонения» образуется «от уступительного наклонения путем присоединения к формам последнего частицы *-чӑӗ* (...) придающей глаголам в некоторых формах значение усилительного желания совершить какое-нибудь действие» и имеет свою парадигму, см. *Таблицу 4*.

Таблица 4. Парадигма глагола в желательном наклонении в литературном чувашском [Павлов 1957: 211]

Table 4. Paradigm of the verb in optative in Standard Chuvash [Павлов 1957: 211]

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>сыр-ӑп-ин=чӑӗ</i> писать-NPST.1SG-CONC=COP_PST	<i>сыр-ӑпӑр-ин=чӑӗ</i> писать-NPST.1PL-CONC=COP_PST
2 л.	<i>сыр-ӑс-ӑн=чӑӗ</i> писать-CONC-NPST.2SG=COP_PST	<i>сыр-ӑс-ӑр=чӑӗ</i> писать-CONC-NPST.2PL=COP_PST
3 л.	<i>сыр-ин=чӑӗ</i> писать-CONC=COP_PST	<i>сыр-еҫ-ин=чӑӗ</i> писать-NPST.3PL-CONC=COP_PST

В МК данные формы признаются не всеми носителями¹¹ (см. пример (36)), и их заменяют формы из *Таблицы 3*.

- (36) *vəl xola-ja *kaj-in=teə / ^{OK}kaj-ma-la=teə*
 он город-ОВИ ехать-CONC=COP_PST ехать-INF-ATTR=COP_PST
 ‘Вот бы он в город поехал’.

3.5. Пермиссивный вопрос

Помимо значений, описанных выше, клитика *teə* может также выражать значение пермиссивного вопроса (вопроса, выражающего просьбу о разрешении совершить действие). Значение пермиссивного вопроса может быть выражено при присоединении *teə* к формам гортатива (HORT), юссива (JUSS), непрошедшего времени (NPST) и причастия будущего времени (PC_FUT).

- (37) *ep kaj-am=teə xola-ja*
 я ехать-HORT.1SG=COP_PST город-ОВИ
 ‘Можно я поеду в город?’
- (38) *%per kaj-ar=teə xola-ja*
 мы ехать-HORT.1PL=COP_PST город-ОВИ
 ‘Можно мы поедem в город?’
- (39) *per-ən telej-lë pol-as=teə*
 мы-GEN счастье-PROP быть-PC_FUT=COP_PST
 ‘Можно мы будем счастливыми?’
- (40) — *iran mişə maskva-ja kaj-at=teə*
 завтра Миша Москва-ОВИ ехать-NPST.3SG=COP_PST
 — *jorat pust^l kaj-at*
 ладно пусть ехать-NPST.3SG
 ‘— Можно Миша поедет завтра Москву?
 — Ладно, пусть поедет’.

¹¹ Теми, кто признает эти формы возможными, они оцениваются как литературные.

Важно отметить, что конструкция с *тə* не употребляется при обычном вопросе. В данном случае будет употребляться вопросительный маркер *ij*, ср. примеры (40) и (41).

- (41) — *iran mişə maskva-ja kaj-ad=i /*
 завтра Миша Москва=ОБВ ехать-NPST.3SG=Q
 **kaj-at=tə*
 ехать-NPST.3SG=COP_PST
 — *çok iran vəl ěel-et*
 нет завтра он работать-NPST.3SG
 ‘— А Миша поедет завтра Москву?
 — Нет, он завтра работает’.

Как отмечено в [Mithun 1995: 377; Добрушина 2009: 299], формы с ирреальной семантикой употребляются в вопросах и в других языках. Например, в русском языке частица *бы* может входить в конструкцию, выражающую вежливый вопрос. Так, в [Там же] отмечено, что русское сослагательное наклонение в сочетании с отрицанием и/или модальными словами может выражать вежливое побуждение, которое реализуется в форме вопроса (‘Не могли бы Вы зайти попозже?’).

Вероятно, функция, сходная с данной, также реализуется в литературном чувашском, в котором клитика *тə* используется для смягчения императива, гортатива и юссива, см. примеры (42)–(44). Как было отмечено в *Разделе 1*, в МК частица *тə* с формами императива не сочетается.

- литературный чувашский
- (42) *Хула-на кай-дӑр=ччӗ.*
 город-ОБВ ехать-JUSS.3SG=COP_PST
 ‘Ну пусть он поедет в город’. {Я надеюсь, что он поедет в город}
- (43) *Хула-на кай-ар=ччӗ.*
 город-ОБВ ехать-NORT.1PL=COP_PST
 ‘Поедем-ка мы в город’.
- (44) *Хула-на кай-ӑр=ччӗ.*
 город-ОБВ ехать-IMP.2PL=COP_PST
 ‘Поезжайте-ка в город’.

4. Контрастивный фокус

В МК клитика *тə* развила еще одно употребление, не свойственное литературному языку — она используется в качестве маркера контрастивного фокуса, присоединяясь к именным и местоименным формам, см. пример (45).

- (45) *pet'ə=tə* *paxtea-ra* *ěcl-et*
 Петя=СОР_PST огород-ЛОС работать-NPST.3SG
 ‘Именно Петя работает в огороде {а не кто-то другой}’.

В литературном чувашском *тə* не выполняет данную функцию, ср. пример (46).

- литературный чувашский
 (46) **Петя=ччё* *naxča-ra* *ёсл-ет*
 Петя=СОР_PST огород-ЛОС приезжать-NPST.3SG
 Ожид.: ‘Именно Петя работает в огороде’.

Для выражения многих фокусных значений и в МК, и в литературном чувашском используется эмфатическая частица *-ak*, см. примеры (47) из МК и (48) из литературного чувашского.

- (47) *pet'-ak* / ^{OK}*pet'ə=tə* *paxtea-ra* *ěcl-et*
 Петя-ЕМРН Петя=СОР_PST огород-ЛОС работать-NPST.3SG
 ‘Именно Петя работает в огороде’.

- литературный чувашский
 (48) *Лещенко мар, Кобзон-ах* *кил-нё*
 Лещенко NEG Кобзон-ЕМРН приезжать-PC_PST
 ‘Не Лещенко, а именно Кобзон приехал’.

Как отмечено в [Закирова 2019], рефлексy данной частицы встречаются и в других языках Поволжья¹². В работе [Козлов 2017]

¹² «<<в> чувашском (=ax / =ex), луговом марийском (=ak, в некоторых говорах =ok), горномарийском (=ok), татарском (=uk / =iik), башкирском (=uk / =iik) и удмуртском (=ik)» [Закирова 2019: 4].

предлагается анализ частицы в горномарийском языке (там она выглядит как =ok).

Согласно [Козлов 2017], «<п>рисоединяясь к референциальным выражениям (т. е. неквантифицированным именным группам), <=ok> обычно переводится на русский одной из трех следующих частиц: же «присоединительное»¹³, именно или все-таки» [Козлов 2017: 242].

Показатель *teə*, в отличие от *-ak*, может употребляться только в контекстах со значением ‘именно’ [Закирова 2017], ср. примеры (49)–(51).

Антиаддитивный фокус (*же* «присоединительное»)

- (49) а. *maʂə paxteə-ra ěel-et atəa-zam-ba=da*
 М. огород-LOC работать-NPST.3SG ребенок-PL-INS=ADD
maʂ-ak lar-at
 М.-EMPH сидеть-NPST.3SG

‘В огороде работает Маша, с детьми сидит Маша же’.

- б. **maʂə paxteə-ra ěel-et atəa-zam-ba=da*
 М. огород-LOC работать-NPST.3SG ребенок-PL-INS=ADD
maʂə=teə lar-at
 М.=COP_PST сидеть-NPST.3SG

Ожид.: ‘В огороде работает Маша, с детьми сидит Маша же’.

Эмфатический приглагольный фокус (*всё-таки*)

- (50) *ep ɛərbe ɛ-e-b-ek / #ɛ-e-p=teə*¹⁴
 я суп есть-NPST-1SG-EMPH есть-NPST-1SG=COP_PST

‘Я все-таки ем суп’.

¹³ В [Козлов 2017: 242] контексты, которые обслуживает *же* «присоединительное», называются антиаддитивными (анализируются как имеющие следующую пресуппозицию: «относительно референта фокусной альтернативы верно еще одно свойство, кроме того, о котором говорится в высказывании.

¹⁴ Данный пример с формой не прошедшего времени и показателем копулы прошедшего времени может иметь интерпретации опатива ‘Вот бы мне поесть суп’, пермиссивного вопроса (‘Можно я поем суп?’), а также значение прошедшего неопределенного прямозасвидетельствованного действия (‘Я ел суп’), см. Раздел 3.

Для частицы *-ak* важно, чтобы референт именной группы был задан, и обязательна пресуппозиция данности (т. е. референт должен быть введен в дискурс заранее и оставаться активированным), а также пресуппозиция исчерпанности [Kozlov 2018; Закирова 2019]. Это же верно и для *teə*. Так, в примере (51) невозможно употребление фокусных маркеров.

- (51) *temle student-(*ak) / student=(*teə) ku*
 какой-то студент-EMPH студент=COP_PST этот
teorim-in-e dokazaŋ tu-za
 теорема-P_3-OBJ доказать делать-CV_SIM
 ‘Какой-то студент доказал эту теорему’.

Следует также отметить, что показатель *teə*, в отличие от маркера *-ak* возможен только в условиях контраста и прямой засвидетельствованности, ср. (52) и (53):

- (52) *kobzon-ak / *kobzon=teə kil-ze*
 Кобзон-EMPH Кобзон=COP_PST приезжать-CV_SIM
 ‘Именно Кобзон приехал’.

- (53) *leŋenko mar; kobzon=teə kil-ze*
 Лещенко NEG Кобзон=COP_PST приезжать-CV_SIM
 i. ‘Не Лещенко, а именно Кобзон приехал’. {Я сам видел}
 ii. *‘Не Лещенко, а именно Кобзон приехал’. {Но я сама не видела.}

Мы также отметим, что показатель *teə* не может выражать контрастивный топик (о контрастивном топике и его отличии от фокуса см. [Büring 2016]), см. пример (54).

- (54) — *vzam əsta kaj-ateə peŋə / *peŋə=teə*
 они куда ехать-NPST.3PL Петя Петя=COP_PST
xola-ja kaj-at
 город-OBJ ехать-NPST.3SG
 ‘— Куда они едут?
 — [Петя]_{CT} едет [в город]_F’

5. Позиция клитики

В разделах выше мы показали, что клитика *тə* может присоединяться к предикату, а также к контрастивной фокусной непредикативной составляющей.

В данном разделе мы рассмотрим ограничения на присоединение *тə* к непредикативной составляющей (*Раздел 5.1*), а также случаи, когда в предложении употребляются несколько показателей *тə* (*Раздел 5.2*).

5.1. Вакернагелевская позиция

Как отмечалось выше, клитика *тə* может присоединяться не только к предикату. Так, мы выявили, что она может занимать две позиции: после предиката и вакернагелевскую (позицию после первой составляющей клаузы). Следующие примеры показывают, что в МК клитика *тə* допускает позицию после первой (55а), (56а), однако, как правило, не после второй (55б), (56б) непредикативной составляющей.

(55) а. *мишə=тə* *xola-ja* *kaj-za*
Миша=СОР_PST город-ОВJ идти-CV_SIM

б. **xola-ja* *мишə=тə* *kaj-za*
город-ОВJ Миша=СОР_PST идти-CV_SIM
‘Именно Миша ездил в город’.

(56) а. *xola-ja=тə* *мишə* *kaj-za*
город-ОВJ=СОР_PST Миша идти-CV_SIM

б. **мишə* *xola-ja=тə* *kaj-za*
Миша город-ОВJ=СОР_PST идти-CV_SIM
‘Миша ездил именно в город’.

Позиция после второй составляющей возможна в том случае, если ей предшествует пауза, ср. (56б) и (57).

- (57) *miʂə* # *xola-ja=teə* *kaj-at*
 Миша город-ОБВ=СОП_PST ехать-NPST.3SG

‘Миша в город именно поедет’.

Позиция после первой составляющей возможна для клитики *teə* не только в значении контрастивного фокуса, но также в функции копулы и оптативного маркера.

При неглагольной предикации *teə* также может занимать как позицию после предиката, так и ваккерангелевскую позицию после узкого фокуса, ср. (58а–б) и (59а–б). Так, в (58) присоединять показатель *teə* может и предикат, и фокусная составляющая. В случае же если предикат находится в фокусе, присоединять показатель *teə* может только он, как в (57).

- (58) а. *EBĖ=teĕ* *xola-ra*
 я=СОП_PST город-LOC

б. *EBĖ* *xola-ra=teə*
 я город-LOC=СОП_PST

{Кто был в городе?} ‘Я был в городе’.

- (59) а. *ebĕ* *XOLA-RA=teə*
 я город-LOC=СОП_PST

б. **ebĕ=teĕ* *XOLA-RA*
 я=СОП_PST город-LOC

{Где ты был?} ‘Я был в городе’.

Как и при глагольной предикации, *teə* может присоединяться только к первой составляющей, см. пример (60).

- (60) **ebĕ* *xitre=teĕ* *xola-ra*
 я красивый=СОП_PST город-LOC

Ожид.: ‘Я была в именно красивом городе’.

Допустимость присоединения клитизованной копулы не только к предикату, но и к составляющей в узком фокусе находит типологическую параллель в мокшанском языке, см. [Kholodilova 2016].

Стоит отметить, что в литературном чувашском возможно присоединение клитики только к предикату и невозможно присоединение к фокусной составляющей, ср. примеры (61а–б) и (62а–б).

литературный чувашский

(61) а. *Энӗ=ччӗ хула-ра
я=COP_PST город-LOC

б. Энӗ хула-ра=ччӗ
я город-LOC-COP_PST
{Кто был в городе?} ‘Я был в городе’.

(62) а. Энӗ хула-ра=ччӗ
я город-LOC=COP_PST

б. *Энӗ=ччӗ хула-ра
я=COP_PST город-LOC
{Где ты был?} ‘Я был в городе’.

Допустимость ваккернагелевской позиции в оптативном контексте показывает пример (63).

(63) miʂə=teə xola-ja kaj-at
Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG
‘Вот бы именно Миша поехал в город’.

Как было отмечено в *Разделе 3.4*, показатель *teə* выражает оптативную семантику не только в сочетании с формой непрошедшего времени, как в примере (63), но и в сочетании с рядом других глагольных форм. Однако, поскольку остальные глагольные формы и изолированно могут выражать значение оптатива или близкое к нему, для них оказывается сложно определить, выступает ли в примере показатель *teə* в составе глагольной формы или же в качестве показателя контрастивного фокуса.

Невозможность ваккернагелевской позиции *teə* в контекстах ирреального и контрфактивного условия (64), пермиссивного вопроса (65) и прямозасвидетельствованного ретроспективного сдвига (66) показана в примерах ниже.

- (64) **es iran kil-ně pol-zan jep=teě kokəlʲ*
 ты завтра идти-PC_PST быть-CV_ANT я=COP_PST пирог

pězer-e-p

готовить-NPST-1SG

Ожид.: ‘Если бы ты завтра пришел, я бы приготовил пирог’.

- (65) **ep=teě kaj-am xola-ja*
 я=COP_PST ехать-NORT.1SG город-OBJ

Ожид.: ‘Можно я поеду в город?’

- (66) **mišə=teə xola-ja kaj-at*
 Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG

Ожид.: ‘Миша ездил в город’.

Таким образом, при присоединении к первой непредикативной составляющей в клаузе *teə* может выполнять функцию копулы и выражать значение оптатива или контрастивного фокуса, но не может выполнять других функций. Данные о возможном расположении клитики обобщены в *Таблице 5*.

Таблица 5. Положение клитики

Table 5. Clitic position

Функция	Положение клитики	
	На предикате	На непредикативной составляющей
1. Копула	+	+
2. Оптатив	+	+
3. Ирреальное и контрфактивное условие	+	–
4. Пермиссивный вопрос	+	–
5. Прямозасвидетельствованный ретроспективный сдвиг	+	–
6. Контрастивный фокус	–	+

5.2. Наличие нескольких *тə* в одном предложении

Как отмечалось в начале данного раздела, в МК возможно употребление нескольких показателей *тə* в одном предложении. В данном случае у клитики также возможны две позиции: ваккернагелевская и после глагола. Так, в (67) один из показателей, вероятно, маркирует фокус, а другой — либо оптатив, либо прямозасвидетельствованное прошедшее, либо пермиссивный вопрос.

- (67) *miʂə=tə* *xola-ja* *kaj-at=tə*
 Миша=COP_PST город-ОВJ ехать-NPST.3SG=COP_PST
- i. ‘Пусть именно Миша в город поедет’.
 - ii. ‘Именно Миша ездил в город’.
 - iii. ‘Можно именно Миша поедет в город?’

6. Выводы

Таким образом, были выявлены следующие употребления показателя *тə* в МК:

- копула прошедшего времени;
- прекращенное прошлое;
- аннулированный результат;
- прямозасвидетельствованный имперфектив;
- ирреальное и контрфактивное условие;
- оптатив;
- пермиссивный вопрос;
- контрастивный прямозасвидетельствованный фокус.

Показатель *тə* имеет функции, схожие с функциями клитик *əl'ə / ələn* в ареально близком горномарийском, которые также выражают антирезультатив, прекращенное прошлое и, помимо этого, маркируют миративность [Mordashova 2017], чего не было замечено в МК.

И чувашская и горномарийские клитики этимологически представляют собой застывшие формы прошедшего времени глагола 'быть' [Mordashova 2017].

Согласно [Сичинава 2018], показатели плюсквамперфекта часто помимо своей «основной» функции маркирования давнопрошедшего времени также выступают и в других контекстах. Так, функции, которые выполняет показатель *teə*, находят типологические параллели во многих языках:

- Ирреальное значение ретроспективного сдвига

Употребление в конструкциях со «значением ирреального (контрафактивного) условия» является одним из наиболее типологически распространенных значений плюсквамперфекта, [Сичинава 2018: 33–37]. Например, в английском языке формы плюсквамперфекта используются также и в ирреальных условных конструкциях, см. пример (68).

(68) *If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for a girl.*

Русская частица *бы*, используемая в протазисе и аподозисе ирреальных условий, изначально имела плюсквамперфектное значение, потом грамматикализовалась в показатель условного наклонения [Сичинава 2018: 34].

О причинах грамматикализации показателей плюсквамперфекта в маркеры ирреалиса см. [Steele 1975: 200; Dahl 1997; Плунгян 2004], а также разбор этих теорий в [Сичинава 2013: 36].

- Вежливость

Также часто происходит грамматикализация маркеров плюсквамперфекта в показатели вежливости и смягчения категоричности.

См. пример из языка волоф [Church 1981], приведенный в [Сичинава 2013]:

волоф (атлантические)

(69) *loo beg-oon?*

‘Чтого бы вам хотелось?’ (‘что вам угодно?’ ‘qu’est-ce que vous aimez?’)

В литературном чувашском языке при присоединении к формам императива, гортатива и юссива показатель *ӓӓ* маркирует смягченный вежливый императив, однако в МК данную функцию клитика не выполняет.

- Фокус

В [Heine, Kuteva 2002: 96] отмечено, что грамматикализация фокусных маркеров из копул происходит и в ряде других языков мира. Так, в креолах копулы с референцией к третьему лицу, функционирующие как матричный предикат в клефтовой конструкции, начинают интерпретироваться как маркеры новой информации, а затем и фокуса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; аттр_темп — темпоральный атрибутивизатор; сор_пст — копула прошедшего времени; cv_ant — деепричастие предшествования; cv_sim — деепричастие одновременности; горт — гортатив; имп — императив; инф — инфинитив; инф_аттр — инфинитив долженствования; юсс — юссив; лок — локатив; npst — непрошедшее время; овл — объект; pc_fut — причастие будущего времени; pc_pst — причастие прошедшего времени; пл — множественное число; pst — прошедшее время; sg — единственное число.

Литература

- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Добрушина 2009 — Н. Р. Добрушина. Семантика частиц *бы* и *б* // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 283–313.

- Закирова 2019 — А. Н. Закирова. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа. М.: МГУ, 2019.
- Козлов 2017 — А. А. Козлов. Горномарийская частица *=ok* и грани эмфатической идентичности // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Вып. 4. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. С. 240–254.
- Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. С. 273–291.
- Сергеев 1963 — Л. П. Сергеев. Некоторые материалы для диалектологического атласа чувашского языка // Г. Е. Корнилов (ред.). Материалы по чувашской диалектологии. Вып. II. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1963. С. 101–109.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // *Rhema*. Рема. 2018. № 1. С. 82–101.
- Büring 2016 — D. Büring. (Contrastive) topic // C. Féry, S. Ishihara (eds.). *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 64–85.
- Church 1981 — E. Church. *Le système verbal du wolof*. Dakar: CLAD, 1981.
- Curnow 2002 — T. J. Curnow. Types of interaction between evidentials and first-person subjects // *Anthropological Linguistics*. 2002. Vol. 44. No. 2. P. 178–196.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 97–114.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511613463.
- Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347. DOI: 10.1515/9783110884463-010.

- Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication // K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin Languages in the Field*. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.
- Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irrealis // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388. DOI: 10.1075/tsl.32.16mit.
- Mordashova 2017 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *əl'ə / ələn*: Discontinuous past and beyond // K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). *CONSOLE XXV*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2017. P. 297–310.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.
- Savelyev 2020 — A. Savelyev. Chuvash and the Bulgharic languages // M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). *The Oxford Guide to the Trans Eurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 446–464. DOI: 10.1093/oso/9780198804628.003.0028.
- Steele 1975 — S. Steele. Past and irrealis: Just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics*. 1975. Vol. 41. No. 3. P. 200–217. DOI: 10.1086/465362.

References

- Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the Study of the Chuvash Language]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898.
- Büiring 2016 — D. Büiring. (Contrastive) topic. C. Féry, S. Ishihara (eds.). *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 64–85.
- Church 1981 — E. Church. *Le système verbal du wolof*. Dakar: CLAD, 1981.
- Curnow 2002 — T. J. Curnow. Types of interaction between evidentials and first-person subjects. *Anthropological Linguistics*. 2002. Vol. 44. No. 2. P. 178–196.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look. A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 97–114.
- Dobrushina 2009 — N. R. Dobrushina. Semantika chastits *by* i *b* [Semantics of particles *by* and *b*]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungian, E. V. Rahilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus Studies on Russian Grammar]. Moscow: Probel, 2009. P. 283–313.

- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511613463.
- Johanson 1995 — L. Johanson. On Turkic converb clauses. M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347. DOI: 10.1515/9783110884463-010.
- Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication. K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin Languages in the Field*. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.
- Kozlov 2017 — A. A. Kozlov. Gornomariyskaya chastitsa =ok i grani emfaticheskoy identichnosti [Hill Mary particle =ok and emphatic identity edges]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Materials of the International Conference]. Vol. 4. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute, 2017. P. 240–254.
- Levitskaya 1976 — L. S. Levitskaya. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical Morphology of the Chuvash Language]. Moscow: Nauka, 1976.
- Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irrealis. J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388. DOI: 10.1075/tsl.32.16mit.
- Mordashova 2017 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *â'â' / â'lân*: Discontinuous past and beyond. K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). *ConSOLE XXV*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics Press, 2017. P. 297–310.
- Pavlov (ed.) 1957 — I. P. Pavlov (ed.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Materials on the Grammar of the Modern Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1957.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antiresultative: Before and after result]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 1: *Glagolnyye kategorii* [Verbal Categories]. Moscow: Russkiye slovari, 2001. P. 50–88.
- Plungian 2004 — V. A. Plungian. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh plyuskvamperfekta [On counterfactual uses of pluperfect]. Y. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 3: *Irrealis i irrealnost* [Irrealis and Irreality]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 273–291.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 317–349. DOI: 10.1524/stuf.2006.59.4.317.

- Savelyev 2020 — A. Savelyev. Chuvash and the Bulgharic languages. M. Roberts, A. Savelyev (eds.). *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 446–464. DOI: 10.1093/oso/9780198804628.003.0028.
- Sergeyev 1963 — L. P. Sergeyev. Nekotoryye materialy dlya dialektologicheskogo atlasa chuvashskogo yazyka [Some materials for the dialectological atlas of the Chuvash language]. G. E. Kornilov (ed.). *Materialy po chuvashskoy dialektologii* [Materials on Chuvash Dialectology]. Iss. 2. Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1963. P. 101–109.
- Sichinava 2013 — D. V. Sichinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt* [Typology of Pluperfect. Slavic Pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013.
- Sichinava 2018 — D. V. Sichinava. Chastitsa *bylo*: poryadok slov, semantika i informatsionnaya struktura predlozheniya [Particle *bylo*: Word order, semantics and information structure of sentence]. *Rhema*. 2018. No. 1. P. 82–101.
- Steele 1975 — S. Steele. Past and irrealis: Just what does it all mean? *International Journal of American Linguistics*. 1975. Vol. 41. No. 3. P. 200–217. DOI: 10.1086/465362.
- Zakirova 2019 — A. N. Zakirova. Chastitsy emfaticheskoy identichnosti v povolzhskom yazykovom soyuze [Particles of emphatic identity in the Volga-Kama sprachbund]. Master's thesis. Moscow: Moscow State University, 2019.

В поисках антипассива в амгуэмском диалекте чукотского языка

А. М. Старченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); aleksey-starchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена антипассиву в амгуэмском диалекте чукотского языка. В работе показано, что деривация на *ine-* / *ena-*, подробно описанная для чукотского языка и имеющая исключительно антипассивное значение, в амгуэмском диалекте практически полностью уходит из употребления в финитной клаузе, а также значительно сужает область употреблений в нефинитных конструкциях. В работе разбираются свойства лексемы *enarerək* ‘искать’, сохранившей показатель *ine-* / *ena-* в финитной клаузе, и предлагается сценарий диахронической эволюции, в соответствии с которым его сохранение стало результатом фонетических изменений в основе этой лексемы. Деривация на *-tku* / *-tko*, совмещающая функции антипассива и итератива, в амгуэмском диалекте сохраняется. Обе деривации сопоставляются с точки зрения общих черт их диахронического развития: генерализации в инверсивный показатель и лексикализации.

Ключевые слова: антипассив, залог, лексикализация, эволюция грамматических категорий, чукотский язык, чукотско-камчатские языки.

Благодарности: Исследование проведено в рамках проекта «Морфология согласования» (грант РФФИ № 20-512-26004). Автор благодарен Ивану Стенину, Алексею Козлову, Инне Зибер и Полине Касьяновой за помощь и поддержку при сборе материала и написании работы; чукотским информантам — за чукотский язык, терпение и гостеприимство; а также Сергею Сергеевичу Саю и анонимному рецензенту, замечания которых помогли улучшить текст статьи и избежать в нем ряда неаккуратных утверждений. Все оставшиеся неточности остаются на совести автора.

In search for antipassive in Amguema Chukchi

A. M. Starchenko

HSE University (Moscow, Russia); aleksey-starchenko@mail.ru

Abstract. The article focuses on antipassive derivation in Amguema Chukchi. Antipassive in Chukchi can be formed by means of two affixes: the prefix *ine-/ena-* forms a pure antipassive and the suffix *-tku/-tko* combines antipassive and iterative functions. The former is described in literature for some varieties of Chukchi as a highly productive derivation; the latter is reported to be lexically restricted. In Amguema Chukchi, the antipassive formed by the prefix *ine-/ena-* is almost lost. It is not found in finite clauses with the exception of one lexeme and is more restricted in non-finite constructions, compared to other Chukchi varieties. The *-tku/-tko*-derivation, on the other hand, is preserved in the Amguema dialect.

The paper describes the diachronic development of antipassive derivations. As a result of the generalization process, both of them became a part of the Chukchi agreement paradigm, namely, the inverse agreement markers in some forms with a possible further grammaticalization into a person marker. Both antipassives undergo lexicalization to some extent but behave differently with respect to it. Forms with antipassive-iterative *-tku/-tko* often show a shift of meaning, leading to the emergence of a non-compositional complex with the suffix. The *ine-/ena*-derivation does not show lexicalization of this kind. On the other hand, generally gone, it leaves the lexeme *enarerək* ‘search for’ with *ine-/ena-* prefix that still exhibits some properties of the antipassivized form. In the paper, this lexeme is described in detail, revealing that both the antipassivized variant and the stem show peculiar behavior. We suggest a diachronic scenario that explains the preservation of this form in Amguema Chukchi. It includes a series of phonological changes in the stem in combination with the preceding prefix or an incorporated noun.

Keywords: antipassive, voice, lexicalization, evolution of grammar, Chukchi, Chukotko-Kamchatkan.

1. Введение

Эта статья посвящена антипассивной конструкции в амгуэмском диалекте чукотского языка.

Чукотский язык (чукотско-камчатская языковая семья) распространен на крайнем северо-востоке России на территории Чукотского автономного округа, в Республике Саха (Якутия) и в Камчатском крае.

Ряд посвященных чукотскому языку работ [Скорик 1977: 113–117; Недялков 1979; Kozinsky et al. 1988 и др.] описывает продуктивный антипассив, т. е. маркированную конструкцию, в которой синтаксический статус семантически присутствующего Р-участника оказывается понижен: из позиции прямого дополнения Р-участник или удаляется, или смещается в позицию косвенного. В названных работах перечисляются две наиболее распространенных деривации с функцией антипассива. Одна из них образуется с помощью префикса *ine-/ena-*¹ и имеет исключительно антипассивное значение. Другая употребляется реже и образуется с помощью суффикса *-tku/-tko*, который обладает широким кругом функций, в том числе выступает как маркер антипассива и итератива².

Амгуэмский диалект отличается от вариантов языка, которым посвящены указанные выше работы: при том, что деривация на *-tku/-tko* в амгуэмском диалекте в целом соответствует тому, что описано для других вариантов чукотского [Волков, Игнатенко 2018], в нем практически полностью отсутствуют употребления антипассива на *ine-/*

¹ Здесь и далее мы указываем фонетические варианты морфемы с разными степенями сингармонизма через косую черту. Краткое описание чукотской системы сингармонизма можно видеть в *Разделе 6*.

² Помимо двух названных дериваций, в качестве антипассивных [Kozinsky et al. 1988] или декаузативных [Dunn 1999] характеризуются некоторые употребления одного из основных чукотских вербализаторов *-et/-at*. Так как деривация на *-et/-at* в этом значении не является продуктивной, в настоящей работе мы ее рассматривать не будем.

ena- [Касьянова 2019: 23; Стенин (рук.)]. Единственным известным нам примером собственно антипассивного использования этого показателя в амгуэмском диалекте является его употребление в составе глагола *enarerə-k* ‘искать’ (основа *-rer-*). При этом синтаксическое поведение конструкции с этим глаголом частично соответствует тому, что мы видим у продуктивного антипассива на *ine-/ena-* в других диалектах, но по ряду параметров, которые подробно рассматриваются в *Разделе 5*, отличается от него. Другим результатом развития антипассива, общим для амгуэмского диалекта и других вариантов чукотского, является его встраивание в согласовательную парадигму. Наличие, с одной стороны, следов антипассива в согласовательной парадигме и, с другой стороны, сохранение лексемы с ним позволяет предположить, что амгуэмский диалект чукотского языка на каком-то этапе имел, но затем утратил деривацию на *ine-/ena-* — наиболее продуктивный, «чистый» антипассив в других диалектах. Противопоставляя эту деривацию в амгуэмском диалекте свободно образующемуся и употребляющемуся антипассиву в других вариантах чукотского языка, последний мы будем называть продуктивным антипассивом.

Цель настоящей работы — охарактеризовать состояние антипассива и единиц, возникших в результате его развития, в амгуэмском диалекте чукотского языка. Мы представим материал, показывающий ограниченность употреблений деривации на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте, и кратко охарактеризуем особенности антипассива на *-tku/-tko*. Для обеих дериваций мы рассмотрим, как они в процессе своего развития подверглись превращению в единицы, не являющиеся в строгом смысле маркерами антипассива: с одной стороны, в результате лексикализации, с другой стороны, из-за генерализации в показатели в составе согласовательной парадигмы.

Материалы, на которых основано это исследование, происходят из разных источников. Говоря о продуктивном антипассиве на *ine-/ena-*, мы обращаемся к посвященным ему работам. Основная часть данных амгуэмского диалекта собрана автором методом элицитации в экспедиции в с. Амгуэма Иульгинского р-на Чукотского автономного округа

летом 2019 г.³ — если при примере нет указания на источник, он относится к амгуэмскому диалекту. Каждый пример подтвержден не менее чем тремя информантами. В случае неодинаковых суждений у разных информантов или неуверенности в оценке пример проверялся у большего числа носителей. Другая часть данных амгуэмского диалекта взята из работ, базирующихся на материале, который получен в серии экспедиций в с. Амгуэма в 2016–2019 гг., или извлечена из Мультимедийного корпуса амгуэмского диалекта чукотского языка (далее Мультимедийный корпус), тексты для которого собраны в этих экспедициях⁴.

Приводя пример из работы, посвященной амгуэмскому диалекту, мы будем каждый раз дополнительно на это указывать. Соответственно, если пример содержит отсылку к источнику, но не содержит указания на диалект, он представляет собой материал других вариантов чукотского языка. Такая несимметричная и в какой-то степени неудобная система обозначений обусловлена тем, что для источника часто невозможно точно определить, какой диалект он описывает. Так, работа [Скорик 1977] скорее характеризует наддиалектный вариант чукотского, а [Kozinsky et al. 1988] не дает точной информации о происхождении информантов, с которыми работали авторы (насколько нам известно, ни одна из этих работ при этом не содержит материал амгуэмского диалекта; более подробно о диалектной принадлежности текстов и примеров в разных работах с первичными данными чукотского языка см. [Стенин 2018]).

Следует заметить, что представленные в этой статье образцы амгуэмского говора отличаются от данных других вариантов чукотского не только (предположительно) диалектной принадлежностью, но и временем фиксации: публикация самой поздней работы, на которую мы опираемся [Dunn 1999]⁵, отстоит от момента записи лю-

³ Экспедиция была поддержана в рамках конкурса «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инициатив НИУ ВШЭ. Подробнее об экспедиции и информантах можно узнать на сайте <http://chuklang.ru/>.

⁴ Корпус доступен по ссылке <http://chuklang.ru/corpus>.

⁵ В работе М. Данна, как будет сказано ниже, тоже есть указание на меньшую продуктивность антипассива в сравнении с данными более ранних

бых амгуэмских данных более чем на 20 лет. Это значит, что разница между нашими примерами и собранным ранее материалом может быть не только следствием диалектных различий, но и результатом исторических изменений в языке, представляющих его естественное историческое развитие или же вызванных языковой аттрицией или влиянием русского языка.

Структура настоящей работы такова: в *Разделе 2* кратко даются сведения о маркировании ядерных актантов в чукотском языке, необходимые для того, чтобы рассуждать о залоге. В *Разделе 3* мы воспроизводим описание продуктивного чукотского антипассива. В четвертой части статьи дается общая характеристика антипассива в амгуэмском чукотском и рассматриваются единицы, в которые он перешел в результате грамматикализации или лексикализации. *Раздел 5* посвящен характеристике сохранившейся в амгуэмском диалекте единицы с показателем *ine- / ena-* (*enarərə-k* ‘искать’) в сравнении с литературным антипассивом. *Раздел 6* содержит попытку диахронического объяснения того факта, что именно эта лексема сохранила префикс антипассива, а также особых свойств ее основы. Последняя часть статьи представляет собой *Заключение*.

2. Маркирование ядерных актантов в чукотском языке

В чукотской клаузе падежное маркирование ядерных актантов организовано по эргативной схеме (1).

- (1) а. *ətla* *pənnək-wʔ-i*
 мать[ABS.SG] [2/3.S/A]расстроиться-ТН-2/3SG.S
 ‘Мама расстроилась’.

работ. Заметим, что объяснением этой меньшей продуктивности может служить и разделяющее их время, и тот факт, что материал М. Данна, собранный в основном в с. Тавайваам городского округа Анадырь, может показывать диалектные отличия от материала более ранних работ.

б. *ətʃa-ta* *əpən-ne-n* *əppe~en*
 мать-ERG [2/3.S/A]варить-3SG.A.3.O-3SG.O рыба~RED.ABS.SG

‘Мама сварила рыбу’.

Эргатив выражается суффиксом *-(t)e / -(t)a* (ERG) в основном склонении существительного и суффиксом *-ne / -na* (AN.ERG) в личном склонении. По личному склонению изменяются имена собственные и часть терминов родства, факультативно его могут иметь некоторые другие обозначения лиц. В обоих склонениях показатель эргатива формально совпадает с показателем инструменталиса. Абсолютив, в зависимости от лексемы, передается нулем, суффиксом (*-n* или *-ŋə*) или редупликацией.

Чукотский глагол согласуется с субъектом и объектом по лицу и числу, согласование в различных видовременных формах нетривиальным образом выражается с помощью префиксов и суффиксов. В рамках этой работы мы, к сожалению, не сможем подробно описать эту систему⁶. Наиболее важным при анализе примеров далее будет то, является ли в каждом случае согласование субъектным или субъектно-объектным. Так, в (1a) можно видеть пример субъектного согласования, которое отличается от субъектно-объектного в (1б). Хотя в случаях, где это будет принципиально важно, мы будем дополнительно указывать тип согласования, для удобства чтения примеров заметим, что если глагол содержит показатель инверсива (INV), низкого статуса агентивного участника (LOW.A) или любой показатель, в глоссе которого содержится *o*⁷, то он согласуется и с субъектом, и с объектом.

Чукотский язык активно использует механизм инкорпорации. Для непереходных неаккузативных глаголов возможна инкорпорация подлежащего:

⁶ Ее подробное описание можно видеть в грамматиках чукотского языка [Скорик 1977: 14–109; Dunn 1999: 175–195], а также в работе [Стенин (рук.)] для амгуэмского диалекта. В Разделе 4.4 этой работы представлен пример спряжения переходного и непереходного чукотского глагола в одной из видовременных форм.

⁷ За исключением глоссы *s/o*: все примеры в статье с этой глоссой демонстрируют непереходное согласование с S-участником.

- (2) *n-wʔej-mejnet-qin*
 ст-трава-расти-ст.3SG
 ‘Трава растет’.

В переходный глагол может инкорпорироваться прямой объект, при этом клауза или становится непереходной (3), или сохраняет переходность, если в позицию объекта продвигается исходный косвенный объект или именное зависимое [Виняр 2018а: 6] (4).

- амгуэмский диалект
- (3) *ereqej ənn-əpat-γʔ-e*
 бабушка[ABS.SG] [2/3.S/A]рыба-варить-тн-2/3SG.S
 ‘Бабушка сварила рыбу’. [Виняр 2018а, пример (16)]
- (4) *ətʔa-ta ekək ənn-əpan-ne-n*
 мать-ERG сын[ABS.SG] [2/3.S/A]рыба-варить-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Мама варит рыбу для сына’.

В описанных в этом разделе аспектах амгуэмский диалект не отличается от других вариантов чукотского, с которыми мы встречаемся в рамках этой работы.

3. Чукотский продуктивный антипассив

В этом разделе мы рассмотрим основные характеристики продуктивного антипассива в чукотском языке.

Согласно работе [Kozinsky et al. 1988], в продуктивной антипассивной конструкции в чукотском языке по сравнению с прямой переходной конструкцией:

- А-участник получает абсолютное маркирование;
- Р-участник удаляется из клаузы или выражается косвенным падежом (датель, локатив или инструменталис, [Kozinsky et al. 1988: 655]);
- глагол получает маркер антипассива;
- согласование глагола становится непереходным.

В (5) можно видеть все перечисленные различия между прямой диатезой (5а) и антипассивом (5б) с Р-участником, пониженным в позицию косвенного объекта: в (5а) участники маркированы эргативом и абсолютивом, согласование субъектно-объектное, в (5б) зависимые глагола в абсолютиве и инструменталисе соответственно, согласование происходит только с одним участником. Пример (6) показывает антипассив с удалением Р-участника из клаузы.

- (5) а. *ḡaaček-a kimitʔə-n ne-nlʔetetə-n*
 парень-ERG груз-ABS.SG LOW.A-нести-3SG.O
- б. *ḡaačekə-t ine-nlʔetet-gʔe-t kimitʔ-e*
 парень-ABS.PL [2/3.S/A]АНТИ-нести-ТН-PL груз-INS
 ‘Парни унесли груз’. [Kozinsky et al. 1988: 652]⁸
- (6) а. *ətʔa ine-nni-gʔ-i*
 мать.ABS.SG [2/3.S/A]АНТИ-шить-ТН-2/3SG.S
 ‘Мать шила’. [Ibid.]

Префикс *ine-/ena-* может маркировать еще одно залоговое преобразование, которое предполагает понижение Р-участника и продвижение косвенного дополнения или косвенного участника с ролью Места в позицию прямого дополнения:

- (7) а. *ətʔag-e təkečʔə-n utkucʔə-k*
 отец-ERG приманка-ABS.SG ловушка-LOC
pela-ne-n
 [2/3.S/A]оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
- б. *ətʔag-e təkečʔ-a utkucʔə-n*
 отец-ERG приманка-INS ловушка-ABS.SG
ena-pela-ne-n
 [2/3.S/A]АНТИ-оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Отец оставил приманку в ловушке’. [Kozinsky et al. 1988: 667]

⁸ Здесь и далее примеры других авторов даются с русским переводом и в нашей системе глосс, но с сохранением исходной транскрипции.

Это залоговое преобразование можно рассматривать как серию дериваций, включающую в себя антипассивизацию: понижение Р-участника с последующим повышением переходности клаузы. С другой стороны, т. к. клауза остается переходной (в обоих примерах (7а–б) субъектно-объектное согласование) и А-участник не участвует в перераспределении синтаксических ролей, в некоторых работах эта конструкция рассматривается как отдельная залоговая деривация: аппликатив в терминологии [Dunn 1999], «пермутатив 2/3» в терминологии [Мельчук 2004]. Далее, когда будет необходимо выделить эту конструкцию среди других употреблений *ine-/ena-*, мы будем использовать термин *пермутатив*.

В качестве основной функции чукотского антипассива как продуктивной категории называют прагматическую: его употребление, в отличие от прямой диатезы, предполагает, что изменение или сохранение состояния референта прямого объекта не является важным для говорящего [Kozinsky et al. 1988].

В ряде случаев антипассив в чукотском выступает исключительно как синтаксический механизм, служащий для понижения переходности клаузы. Такие случаи практически ограничены употреблением причастий, образуемых с помощью суффикса *lʔ-*. Так, отрицательные причастия, имеющие, помимо суффикса *lʔ-*, выражающий отрицание циркумфикс *e-...-kə / a-...-kə*, могут служить только для релятивизации S- или Р-участника (8)–(9). Для релятивизации А-участника становится необходимым понизить переходность клаузы — для этого используется антипассивизация (10).

- (8) *e-tipʔeyne-kə-lʔ-in newəʃqet ragtə-gʔ-e*
 CAR-петь-CAR-ATTR-ABS.SG женщина идти.домой-3SG.S

‘Женщина, которая не пела, пошла домой’.

- (9) *iʔər a-jʔo-kə-lʔ-etə enm-etə*
 сейчас CAR-достигать-CAR-ATTR-DAT холм-DAT

mənə-lqən-mək

1PL.S/A.SUBJ-идти-1PL.S

‘Давайте пойдем сейчас на холм, который никто не посещал’.
 [Comrie 1979: 226]

- (10) *en-agtat-kə-lʔ-a* *ʔaačək-a* *qaa-k*
 ANTI-преследовать-CAR-ATTR-ERG мальчик-ERG олень-LOC
winretə-rkə-ni-ne-t *ɲewəčqet-ti*
 [2/3.S/A]помогать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL женщина-Abs.PL
 ‘Парень, который не преследует оленя, помогает женщине’.
 [Comrie 1979: 229]

Сходным образом ведут себя и положительные *lʔ*-причастия, за исключением того, что они не могут служить для релятивизации Р-участника — для этого используется другая форма, образуемая суффиксом *-jo*. Тем не менее, чтобы релятивизовать А-участника с помощью *lʔ*-формы, может использоваться антипассив.

В этом разделе для иллюстрации свойств антипассива мы использовали примеры с деривацией на *ine-* / *ena-*. Деривация на *-tku* / *-tko* с итеративным значением, употребляясь в качестве антипассива, проявляет в целом аналогичное синтаксическое поведение, но показывает следующие отличия от деривации на *ine-* / *ena-*: она не способна образовывать пермутатив и проявляет тенденцию к тому, чтобы оставлять пониженного Р-участника невыраженным, допуская тем не менее его выражение в позиции косвенного объекта.

4. Общая характеристика антипассива в амгуэмском диалекте

4.1. Собственно антипассив на *ine-* / *ena-*

Как уже было сказано, собственно антипассив на *ine-* / *ena-* в амгуэмском диалекте регулярно не образуется (минимальная пара в примере (11) аналогична представленной в (5)):

- амгуэмский диалект
- (11) а. *ʔaasek-a* *kimitʔə-n* *ne-n.lʔet.etə-n*
 парень-ERG груз-ABS.SG LOW.A-нести-3SG.O

б. **ʔaasekə-t* *ine-n.ʔet.et-yʔe-t* *kimitʔ-e*
 парень-ABS.PL [2/3.S/A]АНТИ-нести-ТН-PL груз-INS

‘Парни унесли груз’. [Касьянова 2019: 23, пример (i)]

В частности, эта деривация ни разу не встречается в Мультимедийном корпусе, за исключением единственного случая — глагола *enarerə-k* ‘искать’, о котором пойдет речь ниже.

М. Данн в своей грамматике чукотского языка указывает, что в описываемых им диалектах антипассив ограниченно употребляется в финитных клаузах, но регулярно встречается в отглагольных деривациях [Dunn 1999: 216–217]. В частности, он используется при описанной выше необходимости релятивизации А-участника с помощью причастия на *ʔ-*. В амгуэмском диалекте *ʔ-*причастие сохраняет свое свойство образовываться только от непереходных глаголов, но в качестве механизма детранзитивизации используется инкорпорация [Kasyanova 2019: 39–40]. Пример такого использования можно видеть в (12): относительная клауза оказывается грамматичной только с инкорпорацией дополнения в причастие (12б), но не с отдельно стоящим дополнением в абсолютиве (12а). Антипассив в этой конструкции не может быть употреблен (12в).

амгуэмский диалект

(12) а. **ʔe.ekke.ʔej* *kuke-ʔə*
 девочка[ABS.SG] кастрюля-ABS.SG
a-male-kə-ʔ-en *yəntek-wʔ-i*
 [2/3.S/A]CAR-вытирать-CAR-ATTR-ABS.SG [2/3.S/A]убегать-ТН-2/3.SG.S

б. *ʔe.ekke.ʔej* *a-koka-male-kə-ʔ-en*
 девочка[ABS.SG] [2/3.S/A]CAR-кастрюля-вытирать-CAR-ATTR-ABS.SG
yəntek-wʔ-i
 [2/3.S/A]убегать-ТН-2/3.SG.S

‘Девочка, которая не вымыла кастрюлю, убежала’. [Kasyanova 2019: пример (51)]

в. **ʔe.ekke.ʔej* *koka-ytə*⁹
 девочка.ABS.SG кастрюля-DAT

⁹ Другие варианты маркирования пониженного объекта тоже признаются неграмматичными.

б. *yisi-k uunʔə-t taŋə-sʔə-yəryə-n murə-k*
 собирать-INF ягода-ABS.PL хороший-ADJ-NMLZ-ABS.SG мы-LOC

‘Нам интересно собирать ягоды’.

Таким образом, по крайней мере для некоторых глаголов в некоторых нефинитных формах, сохраняющих глагольный синтаксис, употребление антипассива признается возможным. Сфера его употребления явным образом оказывается уже, чем в материале, представленном в [Dunn 1999] (и тем более чем в других источниках), — в частности, антипассив не эксплуатируется как синтаксический механизм, предшествующий релятивизации А-участника. Какой круг форм и какой набор глаголов все еще позволяет антипассивизацию и насколько это продуктивный процесс, еще предстоит узнать.

4.2. Пермутатив

В отличие от собственно антипассива на *ine- / ena-*, приводящего к детранзитивизации клаузы, пермутатив в амгуэмском диалекте оказывается продуктивной деривацией. Он регулярно образуется от глаголов, имеющих валентности на участников с ролью Темы и Места или Цели.

амгуэмский диалект

(15) а. *ətʔa-ta ewirʔ-ət jəme-ne-na-t*
 мать-ERG одежда-ABS.PL [2/3.S/A]вешать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL

(*ŋeɣ-ətə / ŋiɣ-ək*)
 веревка-DAT веревка-LOC

‘Мать повесила одежду на веревку’.

б. *ətʔa-ta ətəlʔ-ətə ŋiɣə-n (ewirʔ-e)*
 мать-ERG весь-DAT веревка-ABS.SG одежда-INS

ena-jme-ne-n
 [2/3.S/A]АНТИ-вешать-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Мать полностью завесила веревку одеждой’. [Стенин (рук.): 4–5]

Подобные употребления этой морфемы встречаются и в Мультимедийном корпусе. В примере (16) можно видеть пермутатив от глагола *kee-k* (срединная основа *-rkee-*) ‘мазать (что-то, абсолютив) (на что-то, локатив)’ с продвижением участника с ролью Место в позицию прямого объекта¹¹.

- амгуэмский диалект
 (16) *ena-rkee-ne-n* *yatka-lyə-qaj*
 ANTI-мазать-3SG.A.3.O-3SG.O нога-SING-DIM[ABS.SG]
 ‘[Птичка] ножку намазала’. [Мультимедийный корпус]

Хотя в этом разделе мы сохраняем у показателя *ine- / ena-* глоссу ANTI, для амгуэмского диалекта, по всей видимости, имеет смысл говорить о пермутативе исключительно как о самостоятельной деривации.

4.3. Антипассив на *-tku / -tko*

Семантические и синтаксические особенности деривации на *-tku / -tko* в амгуэмском диалекте подробно описаны в работе [Волков, Игнатенко 2018: 118–124]. Этот суффикс может функционировать как антипассивизирующий, что видно из сравнения примеров (17) и (18б): в присутствии *-tku / -tko* оказывается возможной диатеза с Р-участником в косвенном падеже (18б), тогда как без него она невозможна (17б). При этом его присоединение не обязательно предполагает понижение объекта (18а).

- (17) а. *ətəy-e* *penrə-ne-n* *yənnik*
 отец-ERG атаковать-3SG.A.3.O-3SG.O зверь[ABS.SG]
 б. ^{???} *ətəyə-n* *penrə-γʔ-e* *yənnik-etə*
 отец-ABS.SG атаковать-TH-2/3SG.S зверь-DAT
 ‘Отец атаковал зверя [один раз]’.

¹¹ В самом корпусе показатель *ena-* от глагола не отделен, показатель и основа вместе отгlossированы как ‘намазывать’.

- (18) а. *ətłəy-e* *penrə-tko-ne-n* *yənnik*
отец-ERG атаковать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O зверь[ABS.SG]
- б. *ətłəyən* *penrə-tko-yʔ-e* *yənnək-etə*
отец-ABS.SG атаковать-ITER-TH-2/3SG.S зверь-DAT
- ‘Отец атаковал зверя [несколько раз]’. [Волков, Игнатенко 2018: 119–120]

Вне зависимости от диатезы суффикс имеет итеративную семантику: глагол *penrə-k* в неимперфективной форме без *-tku / -tko* может интерпретироваться только как однократное действие (17), а с ним обязательно выражает повторяемое действие (18). Таким образом, этот суффикс можно охарактеризовать как итератив, который может употребляться в функции антипассива.

В некоторых случаях при присоединении *-tku / -tko* объект понижается и не может быть выражен [Волков, Игнатенко 2018: 119], пример такого глагола можно видеть в (19).

- (19) *ʔəttʔən* *nə-ju-tku-qin*
собака-ABS.SG ст-кусать-ITER-ST.3SG
‘Собака кусается’. [Волков, Игнатенко 2018: 119]

Важно сказать, что антипассив на *-tku / -tko* после утраты высокопродуктивной конструкции на *ine- / ena-* не распространяется на все те контексты, в которых использовалась последняя, и образуется от закрытого класса слов [Волков, Игнатенко 2018: 120]. Как мы видели ранее, при необходимости понижения переходности клаузы в амгуэмском чукотском используется инкорпорация.

4.4. Грамматикализация антипассива: инверсив или показатель лица субъекта

До сих пор мы говорили об употреблении аффиксов *ine- / ena-* и *-tku / -tko* в качестве маркеров залоговых дериваций. Далее мы рассмотрим употребления этих аффиксов, которые уже нельзя назвать антипассивными в чистом виде: генерализованное употребление

в составе словоизменяющей парадигмы и употребление в составе лексикализованных образований.

Оба антипассивизирующих чукотских аффикса встроились в парадигму словоизменения чукотского глагола, выступая в качестве маркера инверсива.

Как было сказано в *Разделе 2*, чукотский глагол в переходной и непереходной клаузе имеет разные парадигмы, нетривиальным образом выражая лицо и число S-, A- и P-участника. Показатель инверсива, присоединяясь к глагольной форме, переключает согласование остальных показателей с объекта на A-участника. Так, в формах статива (20)–(22) суффикс согласуется с подлежащим непереходного и с дополнением переходного глагола. В некоторых клетках парадигмы, однако, глагол имеет инверсивный префикс *ine-/ena-*: в таких формах суффикс выражает лицо и число A-участника. Описанные закономерности можно наблюдать в (20)–(22): в примерах (20) и (21) суффикс *-iyəm / -eyəm* выражает лицо и число S- и P-участников соответственно, а в (22), где есть инверсивный префикс, он относится к A-участнику.

(20) *nə-lqut-iyəm inʔ-e*
 ST-вставать-NP.1SG утро-INS
 ‘Я встаю утром’. [Мультимедийный корпус]

(21) *ənqo mren-e yəm n-aytat-ewəm*¹²
 потом комар-ERG я[ABS.SG] ST-гнать-NP.1SG
 ‘Потом комары меня загоняли’. [Мультимедийный корпус]

(22) *ajwe əmʔətojet yəm-nan sinit-kin walə*
 вчера весь.день я-ERG свой-REL нож.ABS.SG
n-ine-lqərir-iyəm
 ST-INV-искать-NP.1SG
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

Наличие в клаузе инверсива не приводит к использованию непереходного падежного маркирования — клауза остается переходной.

¹² Суффикс *-ewəm* представляет собой фонетический вариант суффикса *-iyəm / -eyəm*, о смешении *y/w* в амгуэмском диалекте см. подробнее [Зибер 2019: 39–41].

Так, в (22) А- и Р-участник получают эргатив и абсолютив соответственно, что было бы невозможно, если бы *ine-* выступало в этом примере в качестве антипассива, понижающего переходность клаузы.

В *Таблице 1* можно видеть спряжение в небудущем неимперфективном времени¹³ непереходного глагола *jetə-k* ‘приходить’, в *Таблице 2* (с. 357) — спряжение переходного глагола *tʔu-k* ‘видеть, находить’ (приводятся для амгуэмского диалекта по [Стенин (рук.)]). В качестве примера инверсива приведем форму *ine-tʔu-(yʔ)-i* ‘ты увидел / он увидел меня’. Суффиксы *-(yʔ)-i* в этой форме принадлежат парадигме субъектного согласования и выражают в ней 2 или 3 л. S-участника — *jet-yʔ-i* ‘ты пришел / он пришел’, — но в присутствии инверсива маркируют лицо и число агентивного участника в переходной клаузе. Ячейки с инверсивными употреблениями аффиксов, восходящих к маркерам антипассива, выделены в *Таблице 2* серым.

Таблица 1. Небудущее неимперфективное спряжение непереходного глагола *jetə-k* ‘приходить’ (адаптирована из работы [Стенин (рук.)])

Table 1. Non-future non-imperfective conjugation of the intransitive verb *jetə-k* ‘come’ (adapted from [Stenin ms.]

Лицо	Число	
	SG	PL
1	<i>t-jet-(yʔe)-k / t-jet-yʔe-(k)</i>	<i>mət-jen-mək</i>
2	<i>jet-(yʔ)²-i</i>	<i>jet-tək</i>
3	<i>jet-(y)²-i</i>	<i>jet-yʔe-t</i>

Показатель *ine- / ena-* в функции инверсива во всех видовременных парадигмах чукотского глагола встречается в ряде форм с 1 л. в позиции объекта (в том числе в *Таблице 2*). Суффикс *-tku / -tko*

¹³ Термин неимперфективный используется на основании того, что маркированным в чукотской глагольной системе является имперфектив [Dunn 1999; Стенин (рук.)].

Таблица 2. Небудущее неимперфективное спряжение переходного глагола *lʔu-k* ‘видеть, найти’ (адаптирована из работы [Стенин (рук.)])

Table 2. Non-future non-imperfective conjunction of the transitive verb *lʔu-k* ‘see, find’ (adapted from [Stenin ms.]

A \ O	1SG	1PL	2SG	2PL	3SG	3PL
1SG	—	—	<i>tə-lʔu-γət</i>	<i>tə-lʔu-tək</i>	<i>tə-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>tə-lʔu-ne-t</i>
1PL	—	—	<i>mət-lʔu-γət</i>	<i>mət-lʔu-tək</i>	<i>mət-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>mət-lʔu-ne-t</i>
2SG	<i>ine-lʔu-(γ)ʔ-i</i>	<i>lʔu-tku-(γ)ʔ-i</i>	—	—	<i>lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>lʔu-ne-t</i>
2PL	<i>ine-lʔu-tək</i>	<i>lʔu-tku-tək</i>	—	—	<i>lʔu-tkə</i>	<i>lʔu-tkə</i>
3SG	<i>ine-lʔu-(γ)ʔ-i</i>	<i>ne-lʔu-mək</i>	<i>ne-lʔu-γət</i>	<i>ne-lʔu-tək</i>	<i>lʔu-ni-n</i>	<i>lʔu-ni-ne-t</i>
3PL	<i>ne-lʔu-γəm</i>	<i>ne-lʔu-mək</i>	<i>ne-lʔu-γət</i>	<i>ne-lʔu-tək</i>	<i>ne-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>ne-lʔu-ne-t</i>

во всех парадигмах возникает при множественном объекте первого лица. На этом основании в некоторых работах (например, [Недялков 1979]) делается вывод о том, что эти морфемы выражают лицо объекта (в конфигурации с определенными лицами и числами субъекта): *ine-* / *ena-* — 1 л. ед. ч., *-tku* / *-tko* — 1 л. мн. ч. Однако, если для *-tku* / *-tko* такой анализ естественен (мы отражаем его в глоссах), для *ine-* / *ena-* он менее предпочтителен по крайней мере для одной из парадигм — парадигмы статива, где этот префикс распространен шире и выступает в ряде других клеток парадигмы (ср. (23)–(24) с субъектом и объектом в 3 л.).

(23) *ekək* *nə-miγsir-et-qin*
сын[ABS.SG] ст-работа-вб-ст.3SG
‘Сын работает’.

(24) *ətłəγ-e* *ekək* *n-ine-lqərir-qin* *ɲaryən*
отец-ERG сын[ABS.SG] ст-INV-искать1-ст.3SG на.улице
‘Отец ищет сына на улице’.

Чукотская система согласования и согласование в родственных чукотско-камчатских языках широко обсуждаются в литературе

(см., например, [Comrie 1980; Кибрик 1997; Bobaljik, Branigan 2006; Bobaljik 2019]). В рамках этой статьи мы не будем подробно рассматривать особенности чукотского согласования и диахронический сценарий возникновения парадигмы. Что касается инверсивных аффиксов в ней, есть ряд аргументов в пользу того, что употребление их в словообразовательной парадигме вторично и происходит из антипассивных употреблений.

Во-первых, эти показатели не занимают в словоформе согласовательный слот, а располагаются в той же позиции, где находятся аффиксы соответствующих дериваций. Так, в парадигме будущего времени *ine-* / *ena-* располагается после префиксального показателя будущего времени (25а), тогда как другие согласовательные префиксы — до него (25б). Суффикс *-tku* / *-tko* в этой же парадигме отделяется от других лично-числовых суффиксов суффиксальным компонентом показателя будущего времени (25в). В обоих случаях аффикс инверсива располагается ближе к корню, чем аффикс, выражающий время.

- (25) а. *r-ine-lʔu-n-tək*
 [2/3.S/A]FUT-INV-видеть-FUT-2PL.S/O
 ‘Вы меня увидите’.
- б. *t-re-lʔu-n-tək*
 1SG.S/A-FUT-видеть-2PL.S/O
 ‘Вы нас увидите’.
- в. *re-lʔu-tku-n-tək*
 [2/3.S/A]FUT-INV-видеть-1PL.O-FUT-2PL.S/O
 ‘Я увижу вас’.

Во-вторых, клетки с инверсивом оказываются «чужеродными» в парадигме переходного спряжения в том смысле, что, помимо собственно инверсива, они могут содержать только аффиксы субъектного спряжения. В том числе в формах с инверсивом выступает аффикс *-(ʔ?)-i*, который не встречается ни в каких других формах переходного глагола. Такая ситуация естественным образом объясняется, если исходить из предположения, что эти формы возникли при

понижении переходности с помощью антипассивизации. При гипотезе об историческом развитии в обратном направлении описанное устройство парадигмы требовало бы независимого объяснения, о существовании которого нам неизвестно.

Помимо субъектно-объектной парадигмы глагола, префикс *ine- / ena-* передает информацию о лице зависимых глагола в некоторых формах, в остальном не присоединяющих словоизменительных показателей. Так происходит в отрицательной форме глагола, которая образуется с помощью транскатегориального циркумфикса *e-...-k-e / a-...-k-a* и в первом приближении представляет собой конверб, способный употребляться независимо.

(26) а. *ənje ətton / *yəm a-jʔo-k-a*
 ПРОН ОН.ABS.SG я[ABS.SG] CAR-достигать-CAR-INS
 ‘Не подходи к нему / *ко мне!’

б. *ənje yəm / *ətton ena-jʔo-k-a*
 ПРОН я[ABS.SG] ОН.ABS.SG INV-достигать-CAR-INS
 ‘Не подходи ко мне / *к нему!’

Как можно видеть из примеров в (26), отрицательная форма, в данном случае с маркером прохибитива, при наличии префикса *ine- / ena-* обязательно интерпретируется как управляющая дополнением 1 л. При отсутствии префикса глагол в этой форме не может иметь 1 л. в качестве дополнения (соответствующие местоимения могут быть опущены с сохранением значения). Аналогичным образом функционирует форма, образуемая циркумфиксом *ye-...-(t)e / ya-...-(t)a*, со значением ‘надо бы, чтобы Р’:

амгуэмский диалект
 (27) *ye-yite-te ʔəttʔə-t*
 СОМ-смотреть-INS собака-ABS.PL
 ‘Надо бы присмотреть за собаками’. [Стенин (рук.): 40]

(28) *y-ine-winret-e*
 СОМ-INV-помогать-INS
 ‘Надо мне помогать’. (И. А. Стенин, л. с.)

Работа [Dunn 1999] рассматривает аналогичное распределение *ine-* / *ena-* в отрицательных формах, указывая на то, что оно наблюдается в текстах, но, в отличие от амгуэмского диалекта, не подтверждается при элицитации у информантов. М. Данн, однако, классифицирует подобные формы как содержащие антипассив, делая вывод о том, что практически все примеры переходных глаголов с отрицанием в его текстах содержат маркер антипассива. В рамках наших данных, однако, анализ префикса как показателя антипассива в примерах типа (26) и (28) невозможен: присоединение *ine-* / *ena-* к отрицательной форме не приводит к понижению переходности клаузы — это видно из того, что Р-участник при глаголе с *ine-* / *ena-* выступает в абсолютиве (26).

Едва ли, однако, в представленных формах, в отличие от личных, возможен анализ префикса *ine-* / *ena-* и как инверсива: префикс оказывается в них единственным показателем, который можно было бы назвать согласовательным, и не может (без постулирования каких-то нулевых показателей) выполнять функцию «переключения» согласования. В результате для этих нефинитных форм можно говорить о том, что показатель инверсива грамматикализовался далее — в показатель 1 л. ед. ч. объекта.

4.5. Лексикализация антипассива

Деривации на *-tku* / *-tko* в амгуэмском диалекте нередко лексикализуются:

- (29) *keti-k* — *keti-tku-k*
 писать-INF — писать-ITER-INF
 ‘писать’ — ‘учиться’

амгуэмский диалект

- (30) а. *tə-piri-ʔe-n* *kawkaw*
 1SG.S/A-брать-TH-3SG.O хлеб[ABS.SG]
 ‘Я взял хлеба’.

б. *tə-priri-tku-ʔe-k* *kawkawə-k*
 1SG.S/A-брать-ТН-1SG.S хлеб-ЛОС

‘Я украл хлеб’. / *‘Я взял хлеба’. [Kasyanova 2019: 23]

В таких примерах, как (29)–(30), уже не вполне можно говорить об антипассивизирующей роли суффикса. Хотя присоединение *-tku / -tko* в подобных случаях сопровождается изменением диатезы, он вместе с основой начинает формировать единицу с новым лексическим значением, не выводимым композиционно из них по отдельности.

По всей видимости, лексикализация образований с *-tku / -tko* свойственна не только амгуэмскому чукотскому: словарь Ш. Венстена [Венстен 2015], включающий в себя материал различных диалектов и во многом базирующийся на литературных источниках, содержит не один подобный пример, в том числе (29).

Антипассив на *ine- / ena-* содержится в некоторых лексикализованных отглагольных образованиях, таких как *ine-n-melewə-lʔə-n / ine-n-melew-atə-lʔə-n* (ANTI-TR-выздоровливать-АТТТ-ABS.SG / ANTI-TR-выздоровливать-ВВ-АТТТ-ABS.SG) ‘врач’. Однако для этой деривации нетипично, присоединяясь к глаголу, некомпозиционным образом модифицировать его значение: нам неизвестно о существовании таких пар в амгуэмском диалекте, о подобных случаях нет информации в источниках, посвященных антипассиву на *ine- / ena-*.

При этом, в соответствии с нашими данными, в амгуэмском диалекте чукотского языка существует ровно одна лексема, а именно глагол *enarərə-k* ‘искать’, которая часто присоединяет к себе показатель антипассива, используясь как с ним (31), так и без него (32). О существовании других подобных слов, как уже было сказано, нам неизвестно: они не представлены в корпусе и их не удастся элицировать.

- (31) *maša* *ena.rərə-rkən*¹⁴
 Маша[ABS.SG] [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV
 ‘Маша (что-то) ищет’.

¹⁴ Далее в примерах мы будем записывать и глоссировать фрагмент *enarərə-* с использованием точки: *ena.rərə-* (ANTI.искать). Такое решение вызвано, с одной

- (32) *ətłəyə-n akka-rerə-rkən ɲaryən*
отец-ABS.SG сын-искать-IPFV на.улице

‘Папа ищет сына на улице’.

Этот глагол является одним из основных средств выражения соответствующего значения и несколько раз встречается в Мультимедийном корпусе. В примере (33) представлено использование *enar-er-k* в рассказе, посвященном поиску пропавшего в тундре человека. Объект и ситуация поиска уже введены в рассказе, и при дальнейшем обсуждении способа поиска (в какую сторону ехать) используется форма с антипассивом.

- (33) *opopə toryə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək*
лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать-IPFV-2PL.S/O
jəqcej ra-łmał-aw-ɲə-tək ɣəm-nan reqə-n
разве [2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG
iwə-k
сказать-LOC

‘Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю’. [Мультимедийный корпус]

Следует заметить, что *enar-er-k* нельзя назвать лексикализацией в том же смысле, что и формы с *-tku* в (29)–(30): в случае этого глагола не происходит некомпозиционного сдвига в значении сочетания антипассива и основы по сравнению с основой в отдельности. С другой стороны, отсутствие продуктивной антипассивной конструкции на *ine-* / *ena-* делает допустимость соответствующей деривации (без итеративного значения, которое всегда присутствует в случае суффикса *-tku* / *-tko*) свойством отдельной лексемы. Далее мы более подробно рассмотрим свойства этого глагола.

стороны, невозможностью выделить эту деривацию в амгуэмском диалекте, сопоставляя эту лексему с другими глаголами, с другой стороны, значительными отличиями в ее поведении от ожидаемого для деривации с чукотским антипассивом.

5. Сохранившийся глагол с антипассивом на *ine-* / *ena-*: синтаксические свойства

5.1. Глагол с антипассивом

В этом разделе мы рассмотрим особенности глагола *enarerə-k* в сравнении с поведением глагола с продуктивным антипассивом. Его сохранение в амгуэмском диалекте дает нам уникальную возможность увидеть, какие черты утраченного залога сохраняет финитная, т. е. гипотетически позволяющая все синтаксические преобразования, связанные с антипассивизацией, форма. Так как эта же самая лексема регулярно встречается в примерах в посвященных антипассиву статьях без указаний на ее особые свойства (например, в [Kozinsky et al. 1988]), мы можем предполагать, что в диалектах с продуктивным антипассивом она их не имеет.

Как и у продуктивного антипассива, у глагола *enarerə-k* в амгуэмском диалекте не может быть выражен Р-участник в виде прямого дополнения в абсолютиве¹⁵:

- (34) **ənʔeɟej-ne* *ena.rerə-rkə-ne-n*
старший.брат-AN.ERG [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O
walə
нож[ABS.SG]
Ожид.: ‘Старший брат ищет нож’.

В отличие от продуктивного антипассива, Р-участник, с одной стороны, не может быть выражен отдельно и в косвенном падеже:

- (35) **maša* *ker-etə* / *ker-a* / *kerə-k*
Маша[ABS.SG] керкер-DAT керкер¹⁶.-INS керкер-LOC

¹⁵ Следует заметить, что для небольшого числа носителей такие примеры, как (34) оказываются допустимыми. Для них можно говорить о полном исчезновении антипассива из финитной клаузы и превращении этой лексемы в обычный глагол.

¹⁶ Керкер — традиционная чукотская женская одежда из меха.

ena.rerə-rkən

[2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV

Ожид.: ‘Маша ищет керкер’.

С другой стороны, Р-участник может быть инкорпорирован:

(36) *nə-qaə-mk-ena.rer-qen*

ST-олень-COLL-ANTI.искать-ST.3SG

‘Он ищет часть стада оленей’.

Согласно [Kozinsky et al. 1988], инкорпорация в глаголы с анти-пассивом невозможна.

Локативное зависимое глагола, выражающее место поиска, может быть продвинуто в позицию прямого объекта, в таком случае клауза становится переходной:

(37) *əmətʔ-ətə jara-ŋə t-ena.rer-γʔa-n*

весь-DAT яранга-Abs.SG 1SG.S/A-ANTI.искать-TN-3SG.O

‘Я обыскал весь дом’.

Продвижение косвенного дополнения в позицию прямого оценивается как неграмматичное:

(38) **nenene-te ətla ena.rerə-rkə-ne-n*

ребенок-ERG мать[Abs.SG] [2/3.S/A]ANTI.искать-3SG.A.3.O-3SG.O

Ожид.: ‘Ребенок ищет (что-то) для мамы’.

Как было указано выше (вслед за работой [Стенин (рук.)]), пермутатив продуктивно образуется от глаголов с валентностью на Место или Цель. Если первую у глагола со значением ‘искать’ предполагать естественно, то вторую, к которой можно было бы причислить выраженного косвенным дополнением Бенефицианта, — едва ли.

При инкорпорированном Р-участнике возможно продвижение из локатива (39), продвижение же косвенного дополнения оценивается неоднозначно ((40); возможность продвижения обеих позиций ожидается от глагола с инкорпорированным прямым объектом):

- (39) *maša-na tejusyə-n saj-ena.rerə-rkə-ne-n*
 Маша-AN.ERG сумка-ABS.SG чай-ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Маша ищет чай в сумке’.

- (40) *nenene-te ətla*
 ребенок-ERG мать[ABS.SG]
koka-ena.rerə-rkə-ne-n
 [2/3.S/A]кастрюля-ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Ребенок ищет кастрюлю для мамы’.

Продвинутый прямой объект не может быть инкорпорирован:

- (41) **maša əmətʔə-jara-ena.rer-ʏʔe*
 Маша[ABS.SG] [2/3.S/A]весь-яранга-искать-ТН-2/3SG.S

Ожид.: ‘Маша всю ярангу обыскала’.

5.2. Основа глагола

Прежде чем перейти к обобщению особенностей глагола с показателем *ine- / ena-*, следует рассмотреть употребление основы без него, которая показывает нетипичное поведение для глагола с прямой диатезой.

Р-участник при этой основе не может быть выражен отдельно — ни в абсолютиве (42б), ни в косвенном падеже (42в), — но может быть инкорпорирован (42а).

- (42) а. *ətri nə-saat-rer-qena-t*
 они.ABS.SG ст-аркан-искать-СТ.3SG-PL
- б. **əryə-nan na-rerə-rkən saat*
 они-ERG LOW.A-искать-IPFV аркан[ABS.SG]
- в. **ətri rerə-rkə-t saat-etə / saat-a / saatə-k*
 они.ABS.SG искать-IPFV-PL аркан-DAT аркан-INS аркан-LOC
- ‘Они ищут аркан’.

Оценка грамматичности в (42) полностью параллельна оценке сходных примеров с *enarərə-k* (34)–(36). Однако, в отличие

от варианта с префиксом, основа сама по себе не может употребляться отдельно и требует выраженного инкорпорированного дополнения. Это нетипично для обычных глагольных лексем чукотского языка, но нормально для т. н. «лексических аффиксов» (или суффиксальных предикатов; см. их подробное описание в работе [Виняр 2018b]).

Следует сказать, что, в соответствии с приведенным выше описанием управления (*ena*)*rerə-k*, резонным является вопрос, можно ли говорить об объекте поиска при этом глаголе как о Р-участнике. Объект поиска при (*ena*)*rerə-k* никогда не может выражаться абсолютивом, а именно эту синтаксическую позицию в чукотском языке можно выделить как связанную с Р-участником на основании соответствующей процедуры [Dixon 1994: 6–8]. Мы, однако, будем использовать этот термин, сравнивая поведение этого глагола с особенностями других, на основании того, что он позволяет инкорпорацию. Возможность инкорпорации ассоциирована с пациентивной семантикой и доступна для большинства прямых объектов, в том числе для аргументов того класса глаголов со значительно затронутым пациенсом, на основании которого выделяется Р-участник в конкретном языке¹⁷. Аргументом в пользу того, что этот глагол (*ena*)*rerə-k* хотя бы на каком-то этапе своего существования имел Р-участника, является сама возможность образования им антипассива. Тем не менее, когда мы будем далее обсуждать нетипичность поведения (*ena*)*rerə-k*, следует помнить тот факт, что он необычен уже в том смысле, что семантико-синтаксический статус его зависимых находится под вопросом.

В случае инкорпорации Р-участника локативный участник (43а) и косвенный объект (43б) могут быть продвинуты в позицию прямого, хотя инкорпорация косвенного дополнения оценивается некоторыми информантами как находящаяся на грани грамматичности.

¹⁷ Заметим, что в отношении инкорпорации чукотское маркирование следует считать организованным не по эргативной, а по активно-стативной схеме (Р и S_P могут инкорпорироваться, А и S_A не могут, см. *Раздел 2*).

- (43) а. *wasⁱa-na jara-ŋə wala-rer-ne-n*
 Вася-AN.ERG яранга-Abs.SG [2/3.S/A]нож-искать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Вася поискал нож в доме’.
- б. [?]*nenene-te ətla koka-rerə-rkə-ne-n*
 ребенок-ERG мать[Abs.SG] [2/3.S/A]кастрюля-искать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Ребенок ищет кастрюлю для мамы’.

Инкорпорация участника со значением места поиска в отсутствии прямого объекта невозможна:

- (44) **maša əməŋə-jara-rer-ŋə*
 Маша[Abs.SG] [2/3.S/A]весь-яранга-искать-ТН-2/3SG.S
 Ожид.: ‘Маша всю ярангу обыскала’.

5.3. Обсуждение

В процессе описания единиц *enarərə-k* и *-rerə-k* мы уже отмечали их необычные свойства. При этом *enarərə-k* отличается от антипассивизированного глагола (чего, в принципе, можно было бы ожидать, учитывая утрату этого грамматического преобразования в диалекте), а *-rerə-k* — от чукотского глагола с прямой диатезой. В *Таблице 3* (с. 368) мы суммируем перечисленные выше сведения об этих единицах. Мы также приводим в ней информацию о том, какое поведение ожидается в аналогичных контекстах от продуктивного антипассива (для диалектов, где он есть; в соответствии с описанием в *Разделе 4*) и от глагола с прямой диатезой (в том числе для амгуэмского диалекта; в соответствии с описанием в *Разделе 2*).

В клаузах с *enarərə-k* Р-участник не может быть выражен в позиции косвенного объекта, но может быть инкорпорирован. Первое из этих свойств можно описывать, оставаясь в рамках характеристики этой лексемы как содержащей антипассивный префикс — аналогичное поведение, например, показывает деривация на *-tku / -tko* при некоторых основах. Второе свойство, однако, отклоняется от ожидаемого при антипассивизации поведения: инкорпорация сама по себе

Таблица 3. Особенности *enarərə-k* и *-rerə-k* по сравнению с глаголом с продуктивным антипассивом и глаголом с прямой диатезойTable 3. Properties of *enarərə-k* and *-rerə-k*, in contrast with a verb with productive antipassive and a regularly aligned verb

	<i>enarərə-k</i>	глагол с ANTI	<i>-rerə-k</i>	прямая диатеза
Р-участник в абсолютиве	–	–	–	+
понижение Р-участника в косвенный падеж	–	+	–	–
инкорпорация Р-участника	+	–	+	+
продвижение из локатива (без инкорпорации)	+	+	NA ¹⁸	–
продвижение косвенного объекта (без инкорпорации)	–	? ¹⁹	NA	–
продвижение из локатива (с инкорпорацией)	+	+	+	+
продвижение косвенного объекта (с инкорпорацией)	?	+	?	+

является преобразованием, понижающим статус прямого дополнения, и в диалектах чукотского с продуктивным антипассивом эти деривации не сочетаются [Kozinsky et al. 1988].

Как уже было сказано, *-rerə-k*, не будучи способным присоединять прямое дополнение в абсолютиве, объединяется в этом с чукотскими лексическими аффиксами, и только единица с тем же корнем (собственно *enarərə-k*), все-таки не требующая обязательной инкорпорации, не позволяет без колебаний причислить его к этой группе

¹⁸ Так как основа *-rerə-k* не допускает употребления без инкорпорации.

¹⁹ Мы ставим здесь вопрос, потому что не располагаем информацией о допустимости продвижения Бенефицианта при этом глаголе в пермутативе за пределами амгуэмского диалекта.

морфем. Вопрос о том, можно ли это сделать, по всей видимости, является терминологическим.

Интересно, что, демонстрируя необычное поведение, сами *enarera-k* и *-rera-k* оказываются очень похожи, различаясь только тем, что первое способно выступать в предложении без инкорпорации, хотя бы в этом сохраняя свое антипассивное прошлое, а второе нет. Условно поведение рассматриваемых единиц можно описать так: они требуют, чтобы прямой объект был каким-то образом понижен, отличаясь в том, допускается ли понижение путем опущения.

Рассмотрев свойства сохранившегося в амгуэмском диалекте глагола с антипассивом на *ine- / ena-*, нам кажется резонным задать вопрос: почему именно эта лексема — причем с нетипично ведущей себя основой — сохранила возможность его присоединять?

В следующем разделе мы предлагаем диахронический сценарий, который мог бы объяснить этот факт.

6. Диахронические предпосылки к особенностям основы *-rer-*

Прежде чем перейти к диахронии, следует сказать, что глаголы со значением ‘искать’ можно отнести к так называемым «естественным антипассивам» [Сай 2004] — глаголам, которые наиболее легко позволяют присоединение соответствующего маркера, в том числе чаще оказываются среди глаголов с этой деривацией в системах с ограниченно продуктивным антипассивом. Значение ‘искать’, в частности, предполагает такие свойственные естественному антипассиву черты, как агентивность А-участника и внутреннюю неопредельность [Say 2021]. Интересно, однако, что чукотский язык выбрал только этот глагол, не сохранив деривации на *ine- / ena-* для других, даже более склонных к антипассивизации глаголов, таких как, например, ‘есть’. Таким образом, семантика *enarera-k* благоприятствует антипассивизации, однако не может объяснить уникальность этого слова.

Итак, чем может быть обусловлено сохранение антипассива на *ine- / ena-* именно у глагола *enarerə-k* ‘искать’?

Мы предлагаем сценарий, в соответствии с которым префикс *ena-* закрепляется в составе этого слова в результате особенностей исторического развития этой основы.

Помимо глагола (*ena*)*rerə-k*, в чукотском языке есть другой глагол значением ‘искать’ — *qərirə-k*. Эти два глагола взаимозаменяемы в широком круге контекстов, не различаются способом того, как выполняется поиск, и не показывают каких-либо других различий в семантике.

Учитывая распределение контекстов для основы *-rer*, можно было бы предположить, что последняя является срединной, т. е. выступающей не в начале слова основой глагола *qərirə-k*, как это делается в работе [Kozinsky et al. 1988]. Для амгуэмского диалекта это, однако, не так: глагол *qərirə-k* в нем имеет срединную основу *-lqərir-* (основа в начале слова представлена в (45), в середине слова — в (46)).

(45) *ənʔeɟej-ne qərirə-rkə-ni-n wələ*
 старший.брат-AN.ERG искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O нож[ABS.SG]
 ‘Старший брат ищет нож’.

(46) *ate-qajə-na ne-lqərir-səqik-wət*
 папа-DIM-AN.ERG LOW.A-искать-MCP-2SG.O
 ‘Папочка пошел искать тебя’. [Мультимедийный корпус]

Тогда как преобразование *qərir-* ~ *rer-* для современного чукотского являлось бы нерегулярным, выпадение *l* в начале слова перед *q* и *p* — стандартное морфонологическое преобразование для чукотских глагольных основ: *qət-* / *-lqət-* ‘идти’, *qut-* / *-lqut-* ‘вставать’, *pənrə-* / *-lpənrə-* ‘давать’ и т. д. Кроме того, что более важно, *-lqərir-* как типичная срединная основа выступает в любой позиции, кроме начала слова (46), тогда как *-rer* может выступать после показателя антипассива или инкорпорированного имени, но не после словоизменительных префиксов (47).

(47) (=426) **əryə-nan na-rerə-rkən saat*
 они-ERG LOW.A-искать-IPFV аркан
 Ожид.: ‘Они ищут аркан’.

Таким образом, синхронно говорить о связи основ *-rer-* и *(t)q̄arir-* нельзя. Мы, однако, предлагаем считать, что эти основы связаны диакронически, а именно, первая происходит от последней. Этот переход предполагает ряд фонетических преобразований, которые мы приведем ниже.

Прежде чем переходить к описанию этих преобразований, следует сказать, что на прачукотско-корякском уровне восстанавливается только лексема *enarērə-k* [Мудрак 2000], уже содержащая *ena-*, *q̄arirə-k* же наблюдается только в чукотском языке. При этом *enarērə-k* в современных чукотско-корякских языках уже не обязательно членился: корякско-русский словарь не содержит когнатную основу без антипассивного префикса [Молл 1960], в аллоторском языке когнатный глагол *inaritə-k* употребляется переходно [Кибрик и др. 2000: 314], а глагол *ritə-k*, который мог бы соответствовать основе без префикса, значит 'попадать в цель' и, по-видимому, является омонимом. Такое положение дел в родственных чукотскому языках не кажется нам чем-то странным. Скорее наоборот, существование двух частотных лексем с практически абсолютно одинаковым значением может оказываться нестабильным и приводить или к расхождению их значений, или к вытеснению одного другим, что и происходит. С другой стороны, исходя из данных о сопоставлении чукотско-корякских языков, можно сделать предположение об исходной неделимости лексемы *enarērə-k*, начало которой только фонетически совпадает с антипассивом. В таком случае в чукотском языке произошло переразложение этой лексемы с выделением в ней антипассивного префикса. Такая гипотеза, однако, не может объяснить наличия в современном чукотском пары глаголов — *(t)q̄arirə-k* и *enarērə-k* — с практически полностью совпадающими значениями, в определенной степени сопоставимой формой и рядом своеобразных морфосинтаксических особенностей.

Итак, приведем фонетические преобразования при переходе *(t)q̄arirə-k* в *(ena)rērə-k*.

Шаг первый. Основа *q̄arir-* переосмысливается как срединная основа глагола *(t)q̄arirə-k*, т. е. перестает присоединять *t* в середине слова.

После этого она начинает подвергаться действию регулярного чередования, в соответствии с которым согласный *q* перед другим согласным чередуется с гортанной смычкой и, в случае, если перед ней находится гласный звук, происходит метатеза гласной и гортанной смычки. Схематично это преобразование можно записать следующим образом: $qC \rightarrow ?C$; $V? \rightarrow ?V$.

В результате первого фонетического изменения форма с антипассивом изменяется следующим образом: *ine-lqarirə-k* → **ine-qrirə-k*²⁰ > *in-?erirə-k*. Эта последняя форма указывается в чукотско-русском словаре В. Г. Богораз [Богораз 1937: 52]²¹, поэтому мы не ставим перед ней знак *.

При инкорпорации существительных, заканчивающихся на гласную, описанное выше правило применялось бы так же, как в случае присоединения антипассива (*koka-lqarerə-k* → **kok?arerə-k* ‘искать кастрюлю’). Для существительных на согласную сохранение звука *q* или его переход в гортанную смычку определялся бы местом, в котором бы появлялась шва, разделяющая кластер из трех согласных: перед *q* (*kerə-lqarirə-k* → **ker?arirə-k* ‘искать керкер’) или после (*kerə-lqarirə-k* → **kerqarirə-k* ‘искать керкер’). Правила вставки звука шва в чукотском языке устроены нетривиальным образом, однако в середине слова шва имеет тенденцию к появлению на морфемной границе [Muravjova et al. 2001: 301–302], поэтому более ожидаемым вариантом является вариант с появлением гортанной смычки.

Шаг второй. Происходит выпадение смычки (*in?erirə-k* → **inerirə-k*).

Процесс выпадения смычки не описан в чукотских грамматиках: авторы обычно не указывают этот звук среди тех, которые подвергаются выпадению, говоря о нерегулярном процессе утери звуков

²⁰ При восстановлении этой формы мы предполагаем выпадение *ə*, которое регулярно происходит с глаголами с этим гласным в первом слове после морфем, оканчивающихся на гласный (например, *rəwə- / -rəwə-* ‘стругать’, *ŋəto- / -nto-* ‘вынимать’ с дополнительным чередованием согласного).

²¹ Учитывая уровень, на котором восстанавливается глагол *enarərə-k*, сложно говорить о том, отражают ли примеры начала прошлого столетия описываемые

j, *w*, *l* и реже *t* в позиции между гласными (см., например, [Скорик 1961: 58]).

Однако И. А. Зибер с опорой на акустический анализ данных амгуэмского диалекта показывает, что гортанная смычка может ослабляться или полностью исчезать, сообщая следующей гласной скрипучую фонацию (которая часто возникает рядом со смычкой и без ее ослабления) или фарингализацию [Зибер 2018: 22]. Это значит, что выпадение смычки в амгуэмском диалекте регулярно происходит по крайней мере на фонетическом уровне.

Говоря о смычке как о единице фонологического уровня, заметим, что словарь [Венстен 2015] содержит немалое количество слов, допускающих в разных фонетических позициях вариативность в наличии в них смычки: *?itumkən / ?itʔumkən* ‘стая гусей’, *pʔusurmən / ?pəsurmən* ‘промежность’, *?urʔen / ?uren / uren* ‘кожа, идущая на носовую и кормовую части байдары’, *emulʔən / emulʔən* ‘работник, слуга’, *ritʔulʔuk / ritʔulʔuk* ‘найти выброшенную на берег тушу морского зверя’, *kokʔoʔʔən / kʔokoʔʔən* ‘нарост на дереве, бородавка’, *rojʔəlʔəʔʔawjo / rəroʔəʔʔawjo* ‘побежденный’, *ejʔut / ejut* ‘зловредный разговор’, *weloqoʔasʔən / weloqʔoʔasʔən* ‘барабанная перепонка’ и другие.

Вариативность (или в рамках одного диалекта, или между ними, учитывая, что упомянутый словарь содержит материал разных диалектов), по всей видимости, указывает на произошедшее выпадение смычки — о существовании в чукотском языке фонетического процесса, который бы приводил к вставке согласных внутрь морфемы, нам не известно.

Шаг третий. Изменяется степень сингармонизма основы (-*rir*- → -*rer*-).

Чукотская система сингармонизма устроена следующим образом:

— гласные полного места образования делятся на две группы и показывают следующие чередования: *i* — *e*, *u* — *o*, *e* — *a*.

изменения или как бы повторяют их. Тем не менее само их наличие подтверждает возможность обсуждаемых переходов.

Гласные, располагающиеся слева от тире, мы будем называть относящимися к слабой ступени сингармонизма, звуки справа от тире — относящимися к сильной ступени. Звук *e*, упомянутый в списке пар дважды, фонетически реализуется одинаково, но в одном случае, чередуясь с *i*, сам относится к сильной ступени чередования, а в другой, чередуясь с *a*, сам относится к слабой ступени;

- каждая морфема, в том числе не содержащая указанных выше гласных или гласных вообще, относится к слабой или к сильной ступени сингармонизма;
- если хотя бы одна морфема в слове относится к сильной ступени сингармонизма, все гласные в этом слове реализуются в своей сильной ступени;
- звук шва не подвержен сингармонизму.

Проиллюстрируем действие приведенных выше принципов. В слове *tə-lqərirə-rkə-ne-t* (2/3.S/A-искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O) ‘я ищу их’ основа и все аффиксы относятся к слабой ступени сингармонизма, и, соответственно, все гласные в нем принадлежат к слабой ступени. При добавлении к этому глаголу показателя инхоатива *-ŋŋo* с сильной ступенью сингармонизма меняется качество гласных во всех остальных морфемах: *tə-lqərerə-ŋŋo-na-t* (2/3.S/A-искать-INCH-3SG.A.3.O-3SG.O) ‘я начал их искать’.

Подобное изменение, которое, однако, нельзя на синхронном уровне связать с какой-либо морфемой, мы предлагаем видеть при переходе от *qərirə-k* к *rerə-k*.

К предлагаемому нами «переключению» сингармонизма у основы можно подобрать хотя и не полные, но параллели. Так, нам известен случай изменения сингармонизма у показателя пролатива *-jekwe* по сравнению с когнатным ему суффиксом *-jikwi* ‘ряд X-ов; пространство между X-ов’. Это изменение, скорее всего, связано с утерей какого-то показателя с сильным сингармонизмом, следующего за маркером пролатива. Кроме того, в чукотском есть морфема *-ŋ* — так называемый архаичный датив, который участвует в образовании адвербиалов. Сам звук *ŋ* иногда может

не произносятся, в таких случаях наличие этой морфемы становится заметным только из-за изменения ступени чередования в морфемах со слабым сингармонизмом.

Косвенным подтверждением приведенной последовательности изменений можно считать форму *n-ine-ir-qin* (ST-ANTI-искать-ST.3SG) ‘он поискал’²², встречающуюся один раз в сборнике текстов [Bogoras 1910: 22], собранных В. Г. Богоразом. Эта форма возможна только в том случае, если глагол уже утратил смычку, но еще не сменил сингармонизм, и от современного *enarērā-k* основу отделяет только этот последний переход. В этой форме также происходит выпадение *r* между гласными, о котором мы бегло упоминали ранее и которое факультативно происходит для глагола *qərirā-k* (давая в исходном варианте этой лексемы форму *qiirāk*).

Следует заметить, что, если два предыдущих фонетических перехода логически упорядочены, третий происходит независимо от них и может происходить как до них, как и после (или изменения могут идти параллельно). Тот факт, что в *Таблице 4* этот переход помещен после других, обусловлен исключительно линейностью порядка изложения; выбор именно такого порядка сделан с опорой на свидетельства словаря и текстов В. Г. Богораз.

В *Таблице 4* мы кратко суммируем описанный выше предполагаемый путь преобразования основы *qərir-* в основу *-rer-*.

Таблица 4. Процесс преобразования основы *qərir-* в основу *-rer-*

Table 4. The process of change of the stem *qərir-* into the stem *-rer-*

Шаг	Описание фонетического изменения	Фонетическое изменение
1	<i>qərir-</i> переосмысливается как срединная основа глагола (<i>!</i>) <i>qərirā-k</i>	<i>ine-lqərirā-k</i> → <i>inɖerirā-k</i>
2	Смычка выпадает	<i>inɖerirā-k</i> → <i>inerirā-k</i>
0–3	Меняется ступень сингармонизма основы	<i>-rirā-k</i> → <i>-rerā-k</i>

²² Возможен также разбор ST-INV-искать-ST.3SG со значением ‘он поискал ее (Смерть)’, оба варианта разбора удовлетворяют контексту.

Описанный сценарий позволяет объяснить сразу два факта. Во-первых, наличие в чукотском языке двух глаголов ‘искать’ с практически полным отсутствием семантических различий между ними: один (*(ena) rerə-k*) из них возник из другого (*qərirə-k*). Во-вторых, предложенный сценарий частично объясняет особенное поведение основы *-rerə-k*, которая не может выступать отдельно, требуя инкорпорированного имени или антипассива перед собой: эта основа требует наличия перед собой морфологического материала, потому что развилась в результате взаимодействия основы с этим материалом. Предложенный сценарий, однако, не вполне объясняет распределение основы *-rerə-k*: как было сказано выше, она способна выступать только после показателя антипассива или инкорпорированного имени, тогда как описанные выше фонетические изменения могли в равной степени произойти в любой позиции в середине слова. Развилось ли такое распределение *-rerə-k* из сосуществования на каком-то этапе сразу двух срединных основ глагола *qərirə-k* — регулярной и нерегулярной, — или оно происходит из каких-то не найденных нами факторов, остается открытым вопросом.

Заметим, что если предложенный нами сценарий верен, то единственный сохранившийся в амгуэмском диалекте антипассив на *ine- / ena-* сохранился в нем исключительно благодаря фонетике, благодаря слиянию с основой в результате диахронических изменений, а не в результате семантических или синтаксических предпосылок.

7. Заключение

В настоящей работе мы охарактеризовали антипассив в амгуэмском диалекте чукотского языка в сравнении с материалом других диалектов (или хронолектов) чукотского языка.

Сравнение развития двух антипассивных конструкций в амгуэмском диалекте — продуктивной и выражающей в других вариантах чукотского исключительно залоговое значение деривации на *ine- / ena-* и менее продуктивной деривации на *-tku / -tko* — показывает интересный результат.

Первая из них практически уходит из языка в своем исходном значении, подтверждая наблюдение [Сай 2008] о том, что антипассив является нестабильной категорией с коротким циклом жизни.

Обе деривации в той или иной степени пережили два сценария разрушения этой категории, описанные в названной работе: генерализацию и лексикализацию.

Генерализация для обоих аффиксов заключается в переходе в инверсив (и дальнейшей возможной грамматикализацией в показатель лица объекта).

С точки зрения лексикализации два типа антипассива демонстрируют значительные различия. Для антипассива, сопряженного с итеративом, лексикализация нередка. Для «чистого» же антипассива единственный случай, в котором лексема имеет глагольный синтаксис и который можно назвать лексикализацией (глагол *enarerə-k*), оказывается таковой только в результате исчезновения антипассива. Префикс в этом слове продолжает композиционально с точки зрения своего исходного значения сочетаться с основой, но синхронно делает это некомпозиционально, потому что других таких глаголов нет.

Этот сохранившийся глагол с антипассивом в своих синтаксических свойствах далеко отходит от исходной точки, показывая сходное поведение с соответствующей, тоже нетипично себя ведущей, основой без антипассива. Если наш сценарий диахронического развития этой единицы верен, амгуэмский диалект обязан сохранением этого следа ранее продуктивного антипассива в финитной клаузе исключительно фонетическим преобразованиям соответствующей лексемы.

Несмотря на практически полное отсутствие лексикализации, именно деривация на *ine- / ena-* покидает чукотский язык, оставляя менее продуктивный и чаще лексикализирующийся антипассив-итератив существовать в одиночку.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентивный участник; ABS — абсолютив; ADJ — адъективизатор; AN — личное склонение; ANTI — антипассив; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; COLL — собирательная множественность; COM — комитатив;

DAT — датив; DIM — диминутив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; LOW — низкий; MCP — движение с целью (что-то сделать); NMLZ — номинализация; NP — именная группа (используется при глоссировании лично-числовых показателей имен и стативных и перфектных форм глагола); O — пациентивный участник; PL — множественное число; PRON — прохобитив; RED — редупликация; REL — относительное прилагательное; S — подлежащее непереходной клаузы; SG — единственное число; SING — сингулятив; ST — статив; SUBJ — субьюнктив; TH — тематический элемент; VB — вербализатор.

Литература

- Виняр 2018a — А. И. Виняр. Инкорпорация прямого объекта // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_DO_incorporation.pdf (дата обращения 19.11.2019).
- Виняр 2018b — А. И. Виняр. Суффиксальные предикаты // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (дата обращения 19.11.2019).
- Волков, Игнатенко — О. С. Волков, Д. И. Игнатенко. Глагольные деривации чукотского языка сквозь призму глагольной множественности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 111–131.
- Зибер 2018 — И. А. Зибер. Консонантизм // Грамматический очерк чукотского языка. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IZ_consonants.pdf (дата обращения 25.07.2020).
- Касьянова 2019 — П. А. Касьянова. Непоследовательная эргативность в чукотском языке. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27–57.
- Мельчук 2004 — И. А. Мельчук. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы. М.: Знак, 2004. С. 286–314.

- Недялков 1979 — В. П. Недялков. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация // Г. К. Широков и др. (ред.). XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докладов. М.: Б. и., 1979. С. 266–268.
- Сай 2004 — С. С. Сай. Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, С. С. Сай (ред.). Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г. СПб.: Наука, 2004. С. 86–90.
- Сай 2008 — С. С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2008.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л.: Наука, 1977.
- Стенин 2018 — И. А. Стенин. Общие сведения о чукотском языке и исследуемом говоре // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IS_introduction.pdf (дата обращения 19.07.2020).
- Стенин (рук.) — И. А. Стенин. Лично-числовое согласование. Рукопись.
- Bobaljik 2019 — J. D. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective // Е. В. Головкин, А. М. Певнов, М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева (ред.). Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935–2017). СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 415–435.
- Bobaljik, Branigan 2006 — J. D. Bobaljik, P. Branigan. Eccentric agreement and multiple case checking // A. Johns, D. Massam, J. Ndayiragije (eds.). Ergativity: Emerging Issues. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 65). Dordrecht: Springer, 2006. P. 47–77. DOI: 10.1007/1-4020-4188-8_3.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence // F. Plank (ed.). Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal // Folia Linguistica Historica. 1980. Vol. 14. Iss. Historica I/1. P. 61–74. DOI: 10.1515/flih.1980.1.1.61.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. Ergativity. (Cambridge Studies in Linguistics 69). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511611896.

- Dunn 1999 — M. J. Dunn. Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Š. Kozinsky, V. P. Nedjalkov, M. S. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. (Typological Studies in Language 16). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 651–706. DOI: 10.1075/tsl.16.21koz.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. Chukchi Language and Folklore in Texts Collected by V. G. Bogoraz. Moscow: S. n., 2001.
- Say 2021 — S. Say. The antipassive derivation and the lexical meaning of the verb // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: Typology, Diachrony, and Related Constructions*. (Typological Studies in Language 130). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2021. P. 177–212.

Источники

- Богораз 1937 — В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.
- Венстен 2015 — Ш. Венстен. Чукотско-французско-англо-русский словарь. В 3-х т. Анадыр: Б. и., 2015.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000.
- Молл 1960 — Т. А. Молл. Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1960.
- Мудрак 2000 — О. А. Мудрак. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. (Studia philologica). М.: Языки русской культуры, 2000.
- Bogoras 1910 — W. Bogoras. Chukchee Mythology. (Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 12. Pt. 1; Publications of The Jessup North Pacific Expedition. Vol. 8. Pt. 1). Leiden; New York: E. J. Brill Ltd.; G. E. Stechert & Co., 1910.

References

- Bobaljik 2019 — J. D. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective. E. V. Golovko, A. M. Pevnov, M. Yu. Pupynina, A. A. Syuryun, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Lingvistika i drugiye vazhnyye veshchi: Pamyati Aleksandra Pavlovicha Volodina (1935–2017)* [Linguistics and Other Important Things: In Memory of Aleksandr Pavlovich Volodin (1935–2017)]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2019. P. 415–435.

- Bobaljik, Branigan 2006 — J. D. Bobaljik, P. Branigan. Eccentric agreement and multiple case checking. A. Johns, D. Massam, J. Ndayiragije (eds.). *Ergativity: Emerging Issues*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 65). Dordrecht: Springer, 2006. P. 47–77. DOI: 10.1007/1-4020-4188-8_3.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence. F. Plank (ed.). *Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations*. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal. *Folia Linguistica Historica*. 1980. Vol. 14. Iss. Historica 1/1. P. 61–74. DOI: 10.1515/flih.1980.1.1.61.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. (Cambridge Studies in Linguistics 69). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511611896.
- Dunn 1999 — M. J. Dunn. Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Kasyanova 2019 — P. A. Kasyanova. Neposledovatel'naya ergativnost v chukotskom yazyke [Inconsistent ergativity in Chukchi]. Graduation paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2019.
- Kibrik 1997 — A. E. Kibrik. Iyerarkhii, roli, nuli, markirovannost' i "anomal'naya" upakovka grammaticheskoy semantiki [Hierarchies, roles, zeroes, markedness and "anomalous" package of grammatical semantics]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 1997. No. 4. P. 27–57.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Š. Kozinsky, V. P. Nedjalkov, M. S. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. (Typological Studies in Language 16). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 651–706. DOI: 10.1075/tsl.16.21koz.
- Melchuk 2004 — I. A. Melchuk. Opredeleniye kategorii zaloga i ischisleniye vozmozhnykh zalogov: 30 let spustya [Definition of voice and calculus of possible voices]. V. S. Khrakovskiy, A. L. Malchukov, S. Yu. Dmitrenko (eds.). *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 Years of the St. Petersburg Typological School]. Moscow: Znack, 2004. P. 286–314.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. *Chukchi Language and Folklore in Texts Collected by V. G. Bogoraz*. Moscow: S. n., 2001.
- Nedyalkov 1979 — V. P. Nedyalkov. Chukotskiy antipassiv i vtorichnaya tranzitivatsiya [Chukchi antipassive and secondary transitivity] // G. K. Shirokov et al. (eds.). *XIV Tikhookeanskiy nauchnyy kongress. SSSR, Khabarovsk, avgust 1979 g. Komitet L. Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Sektsiya "Etnokulturnyye problemy izucheniya narodov Tikhookeanskogo regiona"*. *Yazyki basseyna Tikhogo*

- okeana* [XIV Pacific Scientific Congress. USSR, Khabarovsk, August 1979. Committee L. Social and Human Sciences. Section “Ethno-Cultural Problems of Research of the Peoples of the Pacific Region”. Pacific Basin Languages]. Moscow: S. n., 1979. P. 266–268.
- Say 2004 — S. S. Say. Leksicheskaya semantika glagola i antipassivnaya derivatsiya [Lexical semantics of the verb and antipassive derivation]. D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika, S. S. Say (eds.). *Pervaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley* [First Conference on Typology and Grammar for Young Scholars]. St. Petersburg, September 24–25, 2004. St. Petersburg: Nauka, 2004. P. 86–90.
- Say 2008 — S. S. Say. K tipologii antipassivnykh konstruksiy: semantika, pragmatika, sintaksis [Towards the typology of antipassive constructions: Semantics, pragmatics, syntax]. PhD thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2008.
- Say 2021 — S. Say. The antipassive derivation and the lexical meaning of the verb. K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: Typology, Diachrony, and Related Constructions*. (Typological Studies in Language 130). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. P. 177–212.
- Skorik 1961 — P. Ya. Skorik. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi Grammar]. Pt. 1: *Fonetika i morfologiya imennykh chastey rechi* [Phonetics and Morphology of Nominal Categories]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Skorik 1977 — P. Ya. Skorik. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi Grammar]. Pt. 2: *Glagol, narechiye, sluzhebnyye slova* [Verb, Adverb, Function Words]. Leningrad: Nauka, 1977.
- Stenin 2018 — I. A. Stenin. Obschiye svedeniya o chukotskom yazyke i issleduyemom govore [General information on Chukchi and the studied dialect]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IS_introduction.pdf (accessed on 19.07.2020).
- Stenin ms. — I. A. Stenin. Lichno-chislovoye soglasovaniye [Personal agreement]. Manuscript.
- Vinyar 2018a — A. I. Vinyar. Inkorporatsiya pryamogo obyektu [Direct Object incorporation]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_DO_incorporation.pdf (accessed on 19.11.2019).
- Vinyar 2018b — A. I. Vinyar. Suffiksialnyye predikaty [Suffixal predicates]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (accessed on 19.11.2019).

- Volkov, Ignatenko — O. S. Volkov, D. I. Ignatenko. Glagolnyye derivatsii chukotskogo yazyka skvoz prizmu glagolnoy mnozhestvennosti [Verbal derivations in Chukchi towards the domain of pluractionality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 111–131.
- Ziber 2018 — I. A. Ziber. Konsonantizm [Consonantism]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskiy ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IZ_consonants.pdf (accessed on 25.07.2020).

Preposition *à* in Natoro: From comitatives to clausal conjunction

V. V. Dyachkov

Institute of Linguistics (Moscow, Russia); hypocentaurus@mail.ru

Abstract. The paper deals with the syntax and semantics of the preposition *à* in Natoro, an underdescribed Gur language. This preposition is used as a comitative marker and expresses typical comitative meanings such as an instrument, companion, means of transportation etc. It can also conjoin NPs as well as finite clauses, with these two functions rarely combined in the languages of Sub-Saharan Africa. The aim of the paper is twofold. First, it describes the basic properties of comitative constructions and the positional restrictions imposed on comitative constructions of various semantic types. In particular, constructions with inanimate participants share some properties with clause-level adjuncts, and their position within the clause is fixed. In contrast, other comitative constructions have different syntactic properties and can be used in postposition to verbs as well as to nouns. This results in two possible configurations, namely the one where the comitative adjunct follows the noun it modifies, and the other where the comitative adjunct is inserted after the SOV or SVO sequence. It is also shown that all Natoro comitatives can be regarded as subordinate structures, and Natoro is a typical ‘with’-language where the comitative strategy is the basic medium used to express NP conjunction. Thus, both constituents expressing NP conjunction and comitative constructions expressing other meanings can be treated in a uniform way, although the semantic relations between the head nouns in such constructions and the comitative marked NPs may differ significantly. Second, the paper gives a typologically-based overview of the phenomenon and discusses the Natoro data in comparison with other languages of the African area. Namely, it establishes some parallels with the Mande languages where comitative constructions have similar syntactic properties.

Keywords: Natoro, Gur languages, comitative constructions, comitative coordination.

Acknowledgments. The research was supported by RSCF grant No. № 17-78-20071.

Предлог *à* в языке натиоро: от комитатива к клаузалъному сочинению

В. В. Дьячков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
hyppocentaurus@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксис и семантика предлога *à* в языке натиоро (семья гур). Этот предлог используется в качестве комитативного маркера и выражает типичные комитативные значения, но может также сочинять ИГ и финитные клаузы. Совмещение этих функций нетипично для языков Африки к югу от Сахары. В статье описываются основные свойства комитативных конструкций и позиционные ограничения, характерные для таких конструкций разных семантических типов. Данные натиоро обсуждаются в сравнении с данными других языков африканского ареала.

Ключевые слова: натиоро, языки гур, комитативные конструкции, комитативное сочинение.

1. Introduction

The article deals with semantic and syntactic properties of comitative constructions in Natioro (< Gur < Niger-Congo) spoken by some 4000–5000 speakers in several villages of Burkina Faso. The language is underdescribed, and the only sources containing some basic data on Natioro are [Prost 1968] and [Miehe, Winkelmann (eds.) 2007]. The variety discussed here is the dialect of Timba village. The data is based on my own fieldwork in 2018–2020 with a French-speaking consultant and a small corpus of oral texts collected in Timba.

The paper focuses on comitative constructions which are highly polysemous in Natioro. Comitative constructions can be subdivided into several types [Stolz et al. 2006; Arkhipov 2009a, 2009b]. Arkhipov defines the comitative construction as “an asymmetrical construction

employed to introduce a non-obligatory participant with the same role as one of the core participants” [Arkhipov 2009a: 240]. Among such constructions, genuine comitatives are distinguished which are “used to express a non-obligatory participant set in a given situation S, such that: (i) the predicate denoting S is not repeated more than once; (ii) the individual participants making up the participant set are expressed separately; (iii) the expressions denoting these participants differ in structural rank” [Ibid.: 224]. An example is an English sentence *John came with Mary* where there are two NPs, *John* and *Mary*, and they differ in their structural rank, *John* being the subject and *Mary* being an oblique NP. Markers used in genuine comitative constructions can also give rise to several constructions expressing closely related, but not identical meanings, such as NP coordinating structures, inclusory constructions etc. [Ibid.: 230–240]. In this paper, I will consider all semantic types of comitative constructions (for a larger list, see [Stolz et al. 2006] and *Section 3* of this paper).

It is well-known that in the languages of the world, there exist two main strategies of conjoining NPs, which are comitative and coordinating strategies, cf. [Stassen 2000]. All the languages can be divided into two classes with respect to which strategy is used as basic, and these languages are commonly referred to as ‘WITH’- and ‘AND’-languages. The former strategy is regarded as more frequent cross-linguistically and typical of Sub-Saharan languages [Ibid.]. However, ‘WITH’-languages tend to evolve into ‘AND’-languages, and one can see that some Natoro comitative constructions exhibit coordinating properties and some subordinating ones. Stassen also notes that languages with cases tend to be ‘WITH’-languages [Ibid.: 44]. Natoro is a ‘WITH’-language, as I will show below, and it does have cases, although the case system is reduced and case forms can only be found with pronouns.

In Natoro, comitative expressions are represented by constructions with prepositions. Semantically, they are associated with typical comitative meanings (such as companion, instrument, means of transportation etc.) but they are also used as markers of clausal coordination and subordination. In African languages, comitatives are frequently used

as coordination markers connecting NPs, see [Creissels 2016; 2018], which is also true of Natoro. However, their use as clause-connecting conjunctions is not widespread. In the present paper, I will give a typologically-oriented overview of Natoro comitative constructions and describe their syntactic properties. The paper is structured as follows. *Section 2* provides some basic information on Natoro. *Section 3* describes semantics and syntax of comitative constructions as well as functional domains covered by them. *Section 4* compares Natoro comitatives with similar constructions in languages of Sub-Saharan Africa, including the languages of Mande family which are in a long-term language contact with Natoro. The section also discusses some possible sources of grammaticalization for comitative markers, and *Section 5* concludes.

2. Natoro language

Natoro (or Samu Kune) is spoken by a minor community which has established long-term contacts with the neighbouring Dioula and Senufo ethnic groups. Dioula (< Mande < Niger-Congo) is the lingua franca of the region and is spoken by most Natoro people. Its influence on the Natoro is obvious, and many loanwords of Dioula origin were attested in my data, including both cultural and non-cultural vocabulary. I was told that only some elder people understand Senufo, and French is not spoken in the country and not used in everyday communication. However, my consultant is one of the few Natoro people speaking French, and this language was used as intermediate in my fieldwork.

Like most African languages, Natoro is a tonal language and has three tone levels (high, mid and low). Nouns are marked by class suffixes triggering number agreement on adjectives modifying them. Class markers are suffixed to nouns and can be deleted in some contexts:

- (1) $s\bar{t}si-\bar{a}$ 'rice.cake-CL'
 $s\bar{t}st\ f\bar{o}$: 'white rice cake'

- (2) *kàfēḡ-wà* ‘donkey-CL’
kàfēḡ kā:bà ‘one donkey’

Verbal derivation in Natoro is represented by a small set of affixes (causatives and TAM markers). Many TAM meanings are expressed analytically by particles which occupy the position after the clausal subject. An example is (3) where the verb is used in its Future form:

- (3) *nzēⁿ nā-mí lōⁿ swè=: kwā=: tō*
 today 1SG-OBL FUT go.NMLZ market DAT
 ‘Today, I am going to go to the market’.

In Natoro, two basic word orders must be distinguished with respect to the TAM form of the predicate. Perfective forms require SVO order, whereas Imperfective forms require SOV order. Case marking is also different in Perfective and Imperfective clauses. In clauses of the former type, the subject does not require any special case marking. In Imperfective clauses, subjects are obligatorily marked by the same case which marks direct objects (5) and is labeled as oblique. It is noteworthy that only pronouns can have special case-marked forms. Nouns do not have case forms but are subject to tonal overlays (indicated by superscripts as in (4)). The same noun can occur both with and without overlay, and it is not clear whether these overlays can be analyzed as case markers or they are due to downdrift. Hereafter, I do not mark the oblique noun forms in interlinears.

- (4) *nāⁿ cèrēⁿ ^Ltāⁿ-wà*
 1SG throw.PFV stone-CL
 ‘I threw a stone’.
- (5) *nā-mí tāⁿ-wà cèrē-wⁿ*
 1SG-OBL stone-CL throw-IPFV
 ‘I am throwing stones’.
- (6) *pōḡ-wā tā: ^Lnà-mì*
 dog-CL bite.PFV 1SG-OBL
 ‘A/the dog bit me’.

3. Comitatives in Natioero: basic properties

3.1. Semantic types of comitatives

Comitative meanings are expressed in Natioero by the preposition *à*. It is the only preposition in Natioero, since other function words are postpositions. The preposition assigns the same case which marks direct objects and which is labeled here as oblique. The most confident test revealing the case marking is using the 1SG pronoun *nā* which has a segmentally different oblique form *nāmí*. Combining it with the comitative marker, one can see that the latter is compatible only with oblique but not zero-marked forms.

- (7) *mádū pā à *nā / nā-mì*
 M. come.PFV COM 1SG 1SG-OBL
 ‘Madou came with me’.

The preposition *à* covers a wide range of meanings which are typical of comitatives, cf. [Stolz et al. 2006]. *Table 1* (p. 390) lists meanings of comitative constructions attested in [Ibid.] and gives some simple English examples. The table also indicates whether these meanings were attested in Natioero. As can be easily seen, the majority of typical comitative meanings can be expressed by the Natioero construction with *à*, with the exception of PART-WHOLE and HUMAN INSTRUMENT meaning, which were not found in our data. The following examples illustrate some of comitative meanings.

- INSTRUMENT
 (8) *mádū tùmāsīā jà-wā à sòwá*
 M. cultivation cultivate-IPFV COM hoe
 ‘Madou is working in the field with a hoe’.

- MEANS OF TRANSPORTATION
 (9) *mádū pā à mōtō=’*
 M. come.PFV COM motorcycle
 ‘Madou has come by bike’.

Table 1. Typical comitative contexts and examples of their realization [Stolz et al. 2006]

semantic type	Natioro	semantic type	Natioro
CO-OPERATIVE <i>Mary drinks coffee with John</i>	OK	PART-WHOLE <i>woman with blue eyes</i>	(*)
RECIPROCAL <i>John kisses with Mary</i>	OK	POSSESSION <i>man with an axe</i>	OK
ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION <i>work with other people</i>	OK	HUMAN INSTRUMENT <i>threaten people with one's children</i>	(*)
CONFECTIVE <i>walk with an umbrella</i>	OK	BODY PART INSTRUMENT <i>show with one's finger</i>	OK
PASSIVE COMITATIVE <i>walk with a dog</i>	OK	MEANS OF TRANSPORTATION <i>come by bicycle</i>	OK
TEMPORAL PROPERTY <i>come with a broken leg</i>	OK	MATERIAL <i>build of bricks</i>	OK
COMBINATION <i>coffee with milk</i>	OK	TOOL <i>write by pen</i>	OK

HUMAN COMPANION

- (10) *mádū pá à tà cwā=:*
M. come.PFV COM 3SG.POSS wife

‘Madou came with his wife’.

RECIPROCAL

- (11) *mádū tē: à ísiákā*
M. quarrel.PFV COM I.

‘Madou quarreled with Isiaka’.

The position of comitative phrase in the clause varies with respect to the meaning of the former. First of all, it is noteworthy that the word order in Natioro is rigid and there are positions where no constituents can be inserted. The whole structure of the clause can be depicted as follows:

(Adjunct) — Subject — Verb — (Adjunct) — Direct Object — (Adjunct)¹. Adjuncts following the (Perfective) verb and the direct object ('with force') are given in (12) and (13), respectively. However, no constituent can be inserted between the subject and the verb both in Perfective and Imperfective clauses, which is illustrated by (14) and (15).

(12) *mádū dībī à fàṅā swā-bòndà*
 M. shut.PFV COM force house.POSS-door
 'Madu shut the door with force'.

(13) *mádū dībī swā-bòndà à fàṅā*
 M. shut.PFV house.POSS-door COM force
 'Madu shut the door with force'.

(14) a. *nā jà:ná ʔjī bā:bā kàwà*
 1SG buy.PFV yesterday sheep meat
 b. **nā ʔjī jà:ná bā:bā kàwà*
 1SG yesterday buy.PFV sheep meat
 'Yesterday I bought some sheep meat'.

(15) a. *sānī té jā:-kà jé*
 tomorrow 1PL work-RES work.NMLZ
 b. **té sānī jā:-kà jé*
 1PL tomorrow work-RES work.NMLZ
 'Tomorrow we will be working'.

Comitative phrases behave like adjuncts and occupy positions that are accessible for them. However, different semantic types of comitative constructions may show different syntactic behavior. Three general restrictions come at play. The first restriction guarantees that comitatives are infelicitous in preclausal position. This restriction holds for all semantic types of comitatives and is exemplified by (16) and (17).

¹ Imperfective clauses follow the pattern Subject — Direct Object — Verb and the position of adjuncts is more restricted than in Perfective clauses — for instance, they cannot intervene between the direct object and the verb.

- (16) *à *mádū* *siātā* *swé* *kwā=:* *t̄*
 COM M. S. go.PFV market DAT

Int.: ‘With Madou, Sata came to the market’.

- (17) *à *súkārā=:* *mádū* *né* *tē=:*
 COM sugar M. drink.PFV tea

Int.: ‘Madou drank tea with sugar’.

The second restriction ensures that all NPs denoting inanimate participants (such as instrument, means of transportation, confectionary, material or tool) cannot be embedded into a simple clause. This follows from the fact that they are adjuncts but not central arguments and, therefore, they can only occur in positions accessible for adjuncts. For instance, in (18) they cannot be inserted between the subject and the verb, since no constituents can appear in this position. However, this position is accessible for some comitative constructions, for instance, those denoting human companions (19). As will be shown below, these comitatives are in fact dependents of the head (= leftmost) NP and form a constituent with it. In contrast, inanimate participants, when inserted in this position, are infelicitous, since they are reinterpreted as a part of conjoined NP construction (20).

- (18) a. *mádu* *pâ* à *mōtō=:*
 M. come.PFV COM motorcycle

- b. **madu* à *mōtō=:* *pâ*
 M. COM motorcycle come.PFV

‘Madou has come by motorcycle’.

- (19) *mádū* à *tà* *cwā=:* *pâ*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV

‘Madou came with his wife’.

- (20) #*siāta* à *tà* *mārāfā=:* *nàkà-w̄n*
 S. COM 3SG.POSS rifle march-IPFV

#‘Sata and her gun are walking’.

The sentences (18)–(20) are intransitive clauses, but the same effect can be observed with transitive verbs which also do not allow intervening

comitative phrases. In the example below, the verb is Perfective and the comitative phrase cannot be inserted between it and its direct object.

- (21) **mádū* *séⁿ* *à* *sōⁿ-wā* *kāw-à*
 M. cut.PFV COM knife-CL meat-CL
 Int.: ‘Madou cut the meat with a knife’.

Some exceptions to the second restriction known to me are the following examples where the subject is followed by participants which are not active. It is PASSIVE COMITATIVE in (22) and TEMPORAL PROPERTY in (23). In both cases, the participant marked by *à* is followed by resultative participles that constitute a separate clause in Natioero. Taking this fact into consideration, I assume that these examples are somehow structurally different from all the examples above where no separate clauses are present. However, no account of this fact can be proposed at the moment.

- (22) *siātā* *à* *tà* *pyā* *māmá-ká* *nàkà-wⁿ*
 S. COM 3SG.POSS child fetch.on.back-RES march-IPFV
 ‘Sata is walking with her child on her back’.

- (23) *mádū* *à* *tà* *kīlá* *pwà-kà* *pā*
 M. COM 3SG.POSS arm break-RES come.PFV
 ‘Madou came with a broken arm’.

Comitative phrases denoting animate companions behave differently from inanimate ones. Their position within the clause may vary — they are felicitous in postposition both to nouns and verbs.

- (24) a. *mádū* *kàfùlà-wⁿ* *à* *zàkt^ʔ*
 M. chat-IPFV COM Z.
 b. *mádū* *à* *zàkt^ʔ* *kàfùlà-wⁿ*
 M. COM Z. chat-IPFV
 ‘Madou and Zaki are chatting with each other’.
- (25) a. *mádū* *à* *tà* *cwā=:* *pā*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV
 ‘Madou came with his wife’.

b. *mádū pá à tà cwā=:*
 M. come.PFV COM 3SG.POSS wife

‘Madou came with his wife’.

Comitatives denoting animate companions cannot be detached too far from the noun they modify. In (24) and (25), the comitative constituent is close to the noun, and they are only separated by the verb. In other cases like (26), the comitative is detached from the subject and is reinterpreted as an instrument-denoting constituent. The meaning of concomitance (‘together with X’) is inaccessible in such contexts, suggesting that it is prone to be expressed via juxtaposition of the head NP and comitative.

(26) #*mádū tùmāsā jà-wⁿ à siātā*
 M. cultivation cultivate-IPFV COM S.

#‘Madou is cultivating (= working in the field) using his wife [as an instrument]’.

*‘Madou is cultivating together with his wife’.

The preposition *à* can be also used in nominal conjunction contexts, as predicted by the semantic map in [Haspelmath 2004: 20]. In Natorio, there are two different ways to express the conjunction. Apart from comitative markers, the conjunction *mí⁻* is also used in this function. However, the two conjunctions can be easily distinguished, since *mí⁻* is semantically restricted and can only be used with animate nouns, as can be seen in (28) and (29).

(27) *nā já:ná [bā:bā kàw-á^H à nán kàw-à]*
 1SG buy.PFV sheep meat-CL COM cow meat-CL

‘I bought sheep meat and beef’.

(28) *nā já: [mádū mí⁻ zàkt̄]*
 1SG see.PFV M. CRD Z.

‘I saw Madou and Zaki’.

(29) **nā já:ná [bā:bā kàw-á^H mí⁻ nán kàw-à]*
 1SG buy.PFV sheep meat-CL CRD cow meat-CL

Int.: ‘I bought sheep meat and cow meat’.

As predicted in [Haspelmath 2004], noun-linking conjunctions can develop into verb-linking ones. In Natoro, *à* can conjoin VPs as well as clauses. Examples of two VPs² coordinated by *à* are given in (30) and (31).

- (30) *mádū kīnīy=gā à wāḥ*
 M. lie=RES COM go.to.sleep.PFV
 ‘Madou lay down and slept’.

- (31) [*ní mā pìn-ε*] *à* [*má tó lōⁿ swé*
 1SG.OBL 2SG ask-NMLZ COM 2SG PST FUT come.NMLZ
cê:nesā^ˀ: sī] [*má p-ē: nà-wⁿ à pè:pō*
 hunt LOC 2SG.OBL thing-PL do-IPFV COM what
cwāⁿ wā?]
 take-IPFV Q

‘I would like to ask you: if you would go hunting, what do you do and what do you take {with you}?’

Of interest is the fact that *à* can be used both as a coordinating and subordinating conjunction. Although its position is fixed and the marker occupies the leftmost slot in the clause, there are at least two different types of contexts where *à* can be used. First, it can link two independent clauses, cf. (31) and (32). Second, it is used to mark conditional antecedents as in (33). Third, it can introduce some sentential arguments (34).

- (32) [*má yīlā sāmú-tēn-jé*] *à* [*kéⁿ-tēnje^ˀ*
 2SG invite person-man.PL-PL COM marabout-person.PL
tí pā bilá pyā nīnā^ˀ:]
 3PL come.PFV put child name

‘You invite people, and marabouts come to baptize a child’.

² In fact, both (30) and (31) are not pure cases of VP coordination. There is no additional evidence that two Perfective verbs linked by *à* in (30) form a coordinate and not subordinate structure. Imperfective clauses in (31) might have nominal properties and, taken as such, are not structurally different from coordinate nominal constructions discussed above. So, the problem needs further research.

- (33) *mbōñ* [*ǎ nāⁿ tó sò-wⁿ cè:nèsā=: s̄t̄*]
 well COM 1SG PST go-IPFV hunt LOC
né=: nà t̄r̄s̄iā nàmbè-wⁿ bāf̄ól̄
 1SG.OBL 1SG.POSS torch make-IPFV first
 ‘Well, if I would go hunting, I am verifying my torch first’.
- (34) *má sùmà=: [ǎ kàwá^H s̄ānì s̄t̄]*
 2SG know COM meat this.place LOC
má tà cè:nà-wⁿ fāgā-fāgā fīnà yà?
 2SG 3SG.POSS hunt-IPFV in.such.way what Q
 ‘If you know that the animal is there, how do you hunt it?’

3.2. Syntax of comitative constructions: Coordination vs. subordination

In the previous section, I have shown that comitative constructions differ in their syntactic behavior. Below, I will show that these differences partially correlate with the parameter of (a)symmetry between the two NPs constituting a comitative construction.

Constructions expressing inanimate participants such as instruments or means of transportations are adjuncts, although they do not occur clause-initially or cannot be embedded like, say, temporal adjuncts. In these constructions, semantic relations between the clausal subject and the comitative-marked NPs are asymmetrical. For instance, in (9) repeated here as (35), the semantic role of the NP ‘Madou’ is not the same as the semantic role of the NP ‘motorcycle’.

- (35) *mádū pá à mōtō=:*
 M. come.PFV COM motorcycle
 ‘Madou has come by motorcycle’.

In contrast, constructions where relations between the head NP and the comitative phrase are symmetrical represent a different case. For instance, in (10) repeated here as (36) the NPs ‘Madou’ and ‘his wife’ have the same semantic role, since both participants are involved in the action in the same way.

What brings these constructions together with VPs or clause-level adjuncts discussed above is the fact that some of them can be detached from the NP they are related to. This is illustrated by (36) and (19), repeated here as (37).

- (36) *mádū pá à tū cwā=:*
 M. come.PFV COM 3SG.POSS wife
 ‘Madou came with his wife’.

- (37) *mádū à tū cwā=: pá*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV
 ‘Madou came with his wife’.

My data show that symmetrical comitatives cannot be unambiguously classified as coordinating or subordinating constructions. If these constructions are indeed those having some coordinating properties, then some of their properties can be accounted for straightforwardly. For instance, in (26) two NPs cannot be detached from each other, like any coordinated constituents. The fact that extraposition of the comitative construction, as in (16), is impossible would also be expected for coordinate structures.

However, some additional examples show that, at least in some cases, semantically symmetrical constructions pattern together with adjunct comitatives. Evidence comes from interrogation of NP constituents. In Natoro, *wh*-words tend to remain *in situ*, which is exemplified in (38). Separate interrogation of coordinated constituents is usually ungrammatical, which is an instantiation of the Coordinate Structure Constraint as formulated by [Ross 1967]. I have already shown that comitative constructions can be used in contexts which are typical of coordination (‘X and Y’). However, these constructions are not subject to Coordinate Structure Constraint since one of conjoined NPs can be interrogated separately from another, see (39).

- (38) *má tùmāsā nà-wⁿ à pè:pō yā?*
 2SG.OBL cultivation cultivate-IPFV COM what Q
 ‘With what are you cultivating?’

- (39) *má [tùmāsā à pè:pō] nà-wⁿ yā?*
 2SG cultivation COM what do-IPFV Q
 ‘You are doing cultivation and what else?’

I have not applied other tests which can be used in order to distinguish coordinating and subordinating syntactic structures, and this question needs further research. However, there is an additional argument in favor of the subordination analysis. As was shown in the beginning of *Section 2*, the constituent marked by *à* receives the oblique case, suggesting that it does not share case marking with the head NP. Thus, comitative-marked constituents are prone to be dependents rather than constituents equal in their syntactic status with the noun they are attached to. If this is so, then all comitatives have to be regarded as dependent phrases. Asymmetrical comitatives exemplified in (38) are adjuncts due to their position within a clause. Symmetrical comitatives exemplified in (39) are also dependent constituents which do not change their position and cannot be neither extracted leftwards nor detached from the head noun. It is noteworthy that the structure of clause-level adjunct comitatives is parallel to the structure of postnominal comitatives in that both are located right to their heads.

Comitative markers used as clause-linking conjunctions can be potentially subdivided into coordinating and subordinating structures. We have already seen that *à* linking clauses can be used as a conditional antecedent marker as well as a marker of simple clause conjunction ('and'), suggesting that there are at least two different underlying structures. Available elicited examples show that the latter exhibit some coordination properties which can be revealed by ellipsis. For instance, the following Russian clauses can be differentiated by their ability to undergo elliptical deletion. Clauses containing a coordinating conjunction *i* (40) allow it, while subordinated clauses containing *kogda* do not (41).

- (40) *Segodnya ya rabotal, i Vasiliy tozhe.*
 today 1SG work.PFV and V. also
 'Today I worked, and Vasiliy as well'.

- (41) **Segodnya ya rabotal, kogda Vasiliy tozhe.*
 today 1SG work.PFV when V. also
 Int.: 'Today I worked, when Vasiliy as well'.

If the Natoro marker *à* is used as a conjunction marker, it patterns with coordinating but not subordinating structures, compare (41) and (42).

- (42) *nzε̄ⁿ nā ja tùmāsia^H à mádū fáná*
 today 1SG do.PFV cultivation COM M. also

‘Today I was working in the field, and Madou as well’.

However, it is well-known that same markers may exhibit both properties of coordination and subordination in different contexts (see, for instance, [Belyaev 2015] for a possible solution of the problem). Thus, a more thorough investigation of clausal conjunction in Natioero is the subject of future research.

4. Typology of the phenomenon and Sub-Saharan comitatives

To sum it up, Natioero can be regarded typologically as a ‘WITH’-language where the comitative marker can be used as a marker of conjunction as well. Conjoined NPs exhibit some properties of subordinating structures, and the Natioero data fit well in typological generalizations.

Unexpected is the fact that the same marker is used for NP and clause conjunction, which seems to be a rare phenomenon in Sub-Saharan languages. Welmers claims that he is not aware of any African languages where verbal and NP conjunction is expressed by the same marker [Welmers 1973: 365]. Creissels notes that in Sub-Saharan languages “the grammatical word or clitic used for the additive coordination of NPs tends to be used also as a comitative adposition” [Creissels 2016: 15]. He also observes that “among Sub-Saharan languages, the use of the same grammatical word or clitic for the additive coordination of NPs and for the additive coordination of clauses is not common” [Ibid.: 15]. From the above analysis, it can be easily seen that, indeed, the first generalization might be confirmed by the Natioero data since the same marker is used in coordinating constructions (‘X and Y’) and as a comitative preposition. In contrast, the second observation is not relevant for Natioero, since the comitative preposition is also used as a clause-linking conjunction.

Although the same marker is used in many languages of the African area for coordination and subordination, the difference between VP/ clause-level comitatives and comitative coordination can be revealed by additional tests. For instance, in Tswana (< Bantu < Niger-Congo) the two constructions can be distinguished by their ability to trigger the verbal agreement. Clause-level comitatives do not affect the agreement (43), and the verb bears the same class marker as the subject. In contrast, when a comitative construction follows nouns as in (44), the verb bears a plural class marker reflecting the plural feature of the NP it agrees with.

Tswana

- (43) *kítsó* *ó-tsilé* *li-m.p^hʒ*
 (CL1)Kitso CL1-come.PRF.CJ with-(CL1)Mpho
 ‘Kitso came with Mpho’.

- (44) *kítsó* *li-m.p^hʒ* ¹*bá-tsî:lè*
 (CL1)Kitso with-(CL1)Mpho CL2-come.PRF.DJ
 ‘Kitso and Mpho came’. [Creissels 2016: 26]

In other Sub-Saharan languages, comitative constructions can be used as markers subordinating one NP to another. This is the case of the Mande languages. According to [Creissels 2018: 738–740], in Mandinka the comitative marker *nîŋ* can be used in coordinating contexts as well as in subordinating ones. He cites sentences like (45) as examples of coordination of two NPs. However, it is not clear what tests were used to reveal the coordinating properties of such constructions. Other contexts where *nîŋ* can be used are examples like (46) where an NP subordinates another (deverbal) NP. These constructions are used to express the manner in which an action is performed.

- (45) *ŋá* [*ñòò* *nîŋ* *tîyóo*] *séné.*
 1SG.CPL millet.D with peanut.D cultivate
 ‘I cultivated millet and peanuts’. [Creissels 2018: 739]

- (46) [*kàmbàanóo* *nîŋ* *bòróo*] *nāa-tà.*
 boy.D with running.D come-CPL
 ‘The boy came running (lit. The boy with running came)’. [Ibid.: 740]

When used postverbally, comitatives must preserve their structure [N₁ *níj* N₂] and include a resumptive pronoun:

- (47) *ɲá ñǎo sɛné, à, níj tìyôo*
 1SG.CPL millet.D cultivate 3SG with peanut.D

‘I cultivated millet, and also peanuts [*lit.* it with peanuts]’. [Creissels 2018: 740]

Another important feature noted in [Creissels 2018] is the fact that elements of the comitative construction can be marked independently with focus. For instance, in (48), the focus marker follows the first conjunct, and Creissels claims that such operations are not possible with coordinating structures.

- (48) *i-tè lè níj Músáa bè kúwòo táamándì-lá*
 2SG-EMPH FOC with Musaa LOC.COP problem.D fix-INF

‘You will fix the problem with Musaa’. [Creissels 2018: 741]

To summarize, the facts presented in [Creissels 2018] suggest that Sub-Saharan comitative constructions are represented by at least two different types. In Tswana, comitatives can follow both clauses and NPs, like their Natoro counterparts. In two cases, their syntactic structures are different and they affect verbal agreement in different ways. In Natoro, this criterion cannot be applied straightforwardly since verbs lack agreement markers. The second type of comitative constructions is represented by Maninka where NP conjunction is expressed by a comitative marker and this construction is regarded as a subordinate structure.

I have shown in previous sections that Natoro comitatives can be subdivided into at least two subclasses and that NP- and clause level adjuncts can be distinguished. What brings together Maninka and Natoro constructions is the fact that conjoined NPs can be independently subject to similar processes such as interrogation (Natoro) and focalization (Maninka). At the same time, in Maninka comitative markers are also used to mark dependent converb clauses, which is not a frequent polysemy pattern but can be also found in Chukotko-Kamchatkan and Caucasian languages [Arkhipov 2009b: 196–197].

A question arises whether comitative markers in Natoro can be structurally similar to Mande ones and whether prepositional comitatives can

be regarded as an areal feature, which might have arisen due to language contacts. My consultant claimed that *à* is not an original Natoro preposition but a loanword, but I cannot find any direct evidence of this. However, comitative prepositions are presumably an areal phenomenon, since Mande comitatives are structurally similar to Natoro constructions. In Natoro, the comitative marker is the only preposition, and this structural property is shared by many Mande languages which are basically SOV languages with postpositions. The comitative marker is the only preposition in a Mande language Boko [Perekhval'skaya 2017]. In many other Mande languages, comitatives are also prepositions but not postpositions, see for instance, [Idiatov, Aplonova 2017] for information on Tura and [Konoshenko 2017] for Kpelle.

Simultaneously, my consultant felt some association of *à* with the 3SG pronoun. In Natoro, its initial form is \bar{a} :

- (49) \bar{a} $n\bar{e}=\bar{}$
 3SG drink.PFV=MED
 ‘He drank’.

Tonal contours of the comitative marker and the 3SG pronoun are different, and a process which would “lower” the tone of the latter needs to be justified if the two markers are indeed associated with each other. However, I would not exclude this possibility from consideration. Moreover, some typological observations suggest that clausal coordination may involve comitatives combined with pronouns [Arkhipov 2009b: 44–48].

Although it is not clear whether the comitative marker was borrowed or not, we have to suppose that *à* conjoining clauses is the result of functional extension of *à* conjoining NPs, as suggested by [Haspelmath 2004] and [Arkhipov 2009b: 44–48]. However, it is noteworthy that if NP conjunction is expressed by a subordinate construction, as I suggested, it is hard to explain how a subordinate construction (NP + *à* + NP) could have evolved into a coordinate structure (clause + *à* + clause). Thus, another scenario can be proposed according to which structures of both types can be reduced to a single invariant. However, a detailed investigation of this problem goes beyond the scope of this paper.

5. Conclusion

In this paper, I have explored some basic properties of comitative constructions in the Natoro language. I have shown that Natoro is a language where the comitative strategy is used in typical comitative contexts as well as in contexts of NP coordination. Nominal conjoined constructions can be treated on a par with postverbal adjuncts, since they both have subordination properties. Among the languages of Sub-Saharan Africa, Natoro is standing out since clauses are conjoined using the same comitative marker which is used to conjoin NPs, which is quite atypical of the languages of the area. Moreover, the comitative marker used as a clause linker, has various meanings and is used as a marker of conjunction, as a conditional antecedent marker and as a conjunction introducing some sentential arguments.

The *Table 2* summarizing some of the properties investigated in this paper is given below.

Table 2. Summary: Properties of different types of comitative constructions in Natoro

	NP conjunction (N + <i>á</i> + N)	clausal adjunct comitatives (S + <i>á</i> + N)	clause conjunction (S + <i>á</i> + S)
syntactic relation	subordination	subordination	(coordination / subordination)
semantically symmetrical relations	possible	impossible	possible
interrogation of the comitative-marked constituent	yes	yes	—
preposition of Comp	no	no	—

Based on syntactic tests, three types of comitative constructions can be distinguished in Natioro — constructions expressing NP conjunction, clause conjunction, and adjunct comitatives. All three types are subordinate structures, but it is possible that the comitative marker *à* is used for both coordination and subordination of clauses, which must be investigated further in detail. Symmetrical semantic relations between the head NP and its dependent are possible in comitative constructions expressing conjunction ('X and Y'). In constructions expressing nominal conjunction, conjuncts can be interrogated separately, which brings these constructions together with adjunct comitatives. Finally, all types of comitatives cannot be used in preposition to the main clause and this property distinguishes them from other types of adjuncts.

Abbreviations

= — vowel lengthening; 1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; CJ — conjoint (form); CL — classifier; COM — comitative; COP — copula; CPL — completive; CRD — coordinating conjunction; D — definite; DAT — dative; DJ — disjoint (form); EMPH — emphatic; FOC — focus; FUT — future tense; H — tone raising; INF — infinitive; IPFV — Imperfective; LOC — locative; MED — middle voice; NMLZ — nominalization; OBL — oblique; PFV — Perfective; PL — plural; POSS — possessor; PRF — perfect; PST — past tense; Q — question particle; RES — resultative; SG — singular.

References

- Arkhipov 2009a — A. V. Arkhipov. Comitative as a cross-linguistically valid category. W. Bisang (ed.). *New Challenges in Typology 2: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 217). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 223–246.
- Arkhipov 2009b — A. V. Arkhipov. *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of Comitative Constructions]. Moscow: Znak, 2009.
- Belyaev 2015 — O. I. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 51. Iss. 2. P. 267–326.
- Creissels 2016 — D. Creissels. Additive coordination, comitative adjunction, and associative plural in Tswana. *Linguistique et langues africaines*. 2016. Vol. 2. P. 11–42.

- Creissels 2018 — D. Creissels. Current issues in the morphosyntactic typology of Sub-Saharan languages. T. Güldemann (ed.). *The languages and Linguistics of Africa*. (The World of Linguistics 11). Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2018. P. 712–821.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: An overview. M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. (Typological Studies in Language 58). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2004. P. 3–39.
- Idiatov, Aplonova 2017 — D. I. Idiatov, E. S. Aplonova. Tura yazyk [Tura language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 583–616.
- Konoshenko 2017 — M. B. Konoshenko. Kpelle yazyk [Kpelle language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 284–343.
- Miehe, Winkelmann (eds.) 2007 — G. Miehe, K. Winkelmann (eds.). *Noun Class Systems in Gur Languages*. Vol. 1: *Southwestern Gur Languages (without Gurunsi)*. (Gur Monographs 9). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2007.
- Perekhval'skaya 2017 — E. V. Perekhval'skaya. Boko yazyk [Boko language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 1051–1093.
- Prost 1968 — A. Prost. *Deux langues voltaïques en voie de disparition: le wara et le natio*. (Documents linguistiques 14). Dakar: Publications de Département de linguistique générale et linguistique africaine de la Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Dakar, 1968.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD thesis. Cambridge: MIT, 1967.
- Stassen 2000 — L. Stassen. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–54.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. *On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology 33). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. *African Language Structures*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973.

Event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash

F. V. Golosov

HSE University (Moscow, Russia); golosovfv@gmail.com

Abstract. This article addresses the semantic properties and selective restrictions of the grammaticalized verb *lart* ‘seat, put’ in the Poshkart dialect of Chuvash. I show that the light verb can combine with lexical verbs with external arguments to form telic complex predicates signaling significant scalar change of state of one of the arguments. A description of the different behavior the light verb *lart* demonstrates with verbs that already have a scale of change and those that lack it is proposed. Further, I offer a formal analysis of the event structure of complex predicates with *lart* undertaken in the first phase syntax framework. The light verb *lart* has an impoverished event structure of its own that consists of three eventual heads (*init*, *proc*, and *res*) with Initiator, Undergoer, and Resultee as their specifiers. As the paper shows, this analysis predicts both the selective restrictions of the light verb and the resulting semantics of the complex predicates. In particular, the suggested analysis predicts the distribution of the two basic (the gradative and the accumulative) meanings of the light verb *lart*. I claim that these meanings can be reduced to a single meaning of a scalar change of the state affecting the Undergoer of the event. The gradative meaning arises in contexts where the Undergoer is non-coreferential to the Initiator and the accumulative meaning, in contexts where the Initiator is coreferential to the Undergoer. The data were collected by elicitation during my field trip to the Chuvash village of Poshkart (Maloye Karachkino).

Keywords: complex predicates, serialization, grammaticalization, Chuvash, actionality, event structure, accumulative, gradative.

Acknowledgments: The research is supported by the grant RFBR 20-512-14003 “Language diversity in Volga Sprachbund. Typology of grammatical phenomena and language contacts”.

Структура события сложных глаголов с легким глаголом *lart* ‘посадить, поставить’ в малокарачкинском диалекте чувашского языка

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); golosovfv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена семантическим особенностям и селективным ограничениям грамматикализованного глагола *lart* ‘посадить, поставить’ в малокарачкинском говоре чувашского языка. В статье показывается, что этот легкий глагол сочетается с лексическими глаголами с внешним аргументом и образует предельные сложные предикаты со значением заметного изменения состояния одного из участников события по некоторой шкале. Кроме этого, предлагается предварительный анализ структуры события сложных глаголов с *lart* в рамках синтаксиса первой фазы, объясняющий селективные ограничения сложного глагола и дистрибуцию двух основных его значений: собственно градативного и аккумулятивного.

Ключевые слова: сложные глаголы, сериализация, грамматикализация, чувашский язык, акциональность, аспект, структура события, аккумулятив, градатив.

1. Introduction

Chuvash features **complex predicates** that represent constructions consisting of two verbal forms denoting a single event (1):

- (1) *vaεə* *εur-za* *lart-ri-ə*
V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
‘Vasya slept enough’.

The meaning of (1) differs from what could be expected: the verb *lart*¹ ‘seat, put’ does not describe a situation of seating or putting. It is used in this sentence as a so-called **light verb** that, rather than describing a separate situation, modifies the event structure of the verb used in the converbal form, also labeled a **lexical verb**.

Complex predicates are widespread in Turkic languages (see, e.g., [Grashchenkov 2015]), including in Chuvash. The semantics of and selective restrictions on light verbs in Chuvash have been a focus of many studies ([Ashmarin 1923; Yegorov 1957; Lebedev 2016, etc.]). A notable work is [Shluinskiy 2006], describing the meaning of the light verb *il* ‘take’ in combination with lexical verbs of different actional classes. Most light verbs, however, still lack a detailed description or theoretical understanding: only some general facts about their meaning and distribution are known, and no minimal pairs are provided to corroborate these generalizations.

This paper describes the selection restrictions and the actional semantics of **the light verb *lart* ‘seat, put’**, proposing a formal analysis to systemize and explain its behavior. I argue that the light verb *lart* is a telicizing operator which forms punctive complex predicates denoting a significant change of a state associated with some scale. My analysis of the light verb *lart* in consistence with the first phase syntax theory will show that the light verb *lart* has its own impoverished event structure defining its selectional restrictions and actional semantics.

The paper is structured as follows. After an introduction in *Section 1*, *Section 2* provides an overview of the existing literature on the light verb *lart*. *Section 3* lays out the methodology of the research. The data are presented in *Section 4* with three subsections where *Subsection 4.1* describes the general properties of complex predicates with *lart*, *Subsection 4.2* looks into the light verb’s relations with incremental lexical verbs, and *Subsection 4.3* discusses the behavior of the light verb with non-incremental lexical verbs. *Section 5* proposes a final analysis, and *Section 6* draws conclusions and presents perspectives for future research.

¹ Henceforth, I use the bare stem of a Chuvash verb as its lemma.

2. Literature review

One of the first mentions of the light verb *lart* ‘seat’ seems to belong to Ashmarin [1923]. He describes this light verb together with its intransitive variant *lar* ‘sit down’ as denoting “seat, sitting ⟨...⟩ or fixed position, ⟨...⟩ entering a hopeless, miserable, inert, or disastrous state”².

In his dissertation on aspectual light verbs in Chuvash, E. Lebedev [2016] also addresses the light verb *lart*. In his study, Lebedev describes the various actionality meanings of light verbs and their interaction with verbs of different lexical classes. According to Lebedev, light verbs *lart* ‘seat’ and *lar* ‘sit down, sit’ represent a single element *lar(t)* encoding “an actional meaning of the end of an action”³, especially in its causative variant. These light verbs combine with two classes of lexical predicates: inactive atelic and active telic verbs. The examples provided show the former to only combine with *lar* ‘sit down’, and the latter, to also combine with *lart* ‘seat’. Finally, Lebedev claims that “the actional meaning of this element is supplemented with the meaning of effectiveness of action”⁴.

Overall, the existing works on the light verb *lart* demonstrate its general actional nature: it is grammaticalized into a telicizing operator which preferably combines with agentive lexical verbs (while patientive lexical verbs prefer its intransitive counterpart, the light verb *lar* ‘sit down’). This description is, however, too holistic and lacks reliable proof: we do not see, for instance, any inverse examples where this light verb would occur in atelic contexts or combine with patientive light verbs. In addition, the exact meaning of this light verb is not specified, so that it is not clear if: it a) differs from the other telicizing light verbs, b) its meaning is always the same, c) it depends on some properties of a lexical verb, or d) there are any other restrictions on the contexts where the light verb *lart* can occur.

² «[С]идение, сидячее ⟨...⟩ или неподвижное положение; ⟨...⟩ попадание в безысходное, жалкое, инертное или бедственное положение» [Ashmarin 1923: 48].

³ «[А]кционсартовое значение окончания действия» [Lebedev 2016: 86].

⁴ «Акционсартовое значение данной формы дополнено смыслом результативности совершения действия» [Lebedev 2016: 86].

In a bid for an answer to all these questions, this paper proposes a detailed description of the general actional behavior of the light verb *lart*, its selectional restrictions, and its different meanings arising in combination with various classes of lexical verbs, as well as a formal analysis predicting the results observed.

3. Methodology

The examples used in this paper were collected by elicitation during my fieldwork in the Chuvash village of Poshkart (Maloye Karachkino) in August 2019 and in March 2020. My consultants were native speakers of the local Poshkart Chuvash dialect differing from the Standard Chuvash in many respects. Thus, all my generalizations are only based⁵ on Poshkart Chuvash.

Two methods of elicitation were employed: I asked my consultants to translate a Russian sentence into Chuvash, or asked them to rate the acceptability of a Chuvash sentence (and translate it, if the sentence was interpretable). The examples obtained sometimes differ in their acceptability for different speakers, as reflected in the specific notes in the text below in some cases.

Examples, collected from and approved by at least three different consultants, are taken as grammatically felicitous and provided below without any acceptability indications. Examples collected from less than three consultants, are marked in the text as preliminary to mean that their acceptability rate may change based on other native speakers' judgement.

If an obtained example shows inconsistent evaluation, it is prefixed by % where the numbers of positive and negative judgements are split evenly, or by ?? where most estimations were negative. All examples consistently estimated as negative are marked by * or #, depending on their grammatical or pragmatic infelicity, respectively.

⁵ Notably, all my consultants also speak Standard Chuvash, so that there could be minor inclusions of particular Standard Chuvash words in some examples.

Finally, some examples, evaluated as acceptable but not entirely natural, are marked by [?]. These are viewed as tentatively grammatically felicitous with a view to possible accommodation difficulties. Notably, the nature of the constructions addressed here makes it difficult to expect a general consensus with respect to their felicity/infelicity among native speakers.

4. The data

This section consists of three parts. The first part considers the general properties of the complex predicates with *lart*: their general actional meanings, semantics, and selection restrictions. The following two parts look into the behavior of *lart* with incremental and non-incremental lexical verbs, respectively.

Many tests used in this section were developed for an analysis of the Hill Mari light verb *šändäš* ‘seat, put’ [Kashkin 2018a, 2018b; Golosov 2019], since *lart* turns out to have a lot in common with its Hill Mari counterpart. I will briefly comment on this similarity in the concluding remarks.

4.1. The general properties of complex predicates with *lart*

The lexical meaning of the verb *lart* is ‘seat, put’ (2):

- (2) *vaεə* *vaz-in-e* *sədəl* *εi-n-e* *lart-rʲ-ə*
 V. vase-P_3-OBJ table surface-P_3-OBJ seat-PST-3SG
 ‘Vasya put the vase on the table’.

As a light verb, it has been grammaticalized into a telicizing operator that forms punctual complex predicates:

- (3) a. *vaεə* *pilək* *minut-ra* *εi-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. 5 minute-LOC eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough in five minutes’.

- b. **væə pilək minut ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. 5 minute eat-CV_SIM seat-PST-3SG

Int.: ‘Vasya satisfied his hunger by eating for five minutes’.

- c. *væə ei-ze lard-at*
 V. eat-CV_SIM seat-NPST.3SG

‘Vasya will satisfy his hunger / *is satisfying his hunger’.

In (3), I demonstrate that the complex predicates with *lart* are punctives⁶ in the sense of [Tatevosov 2016], i.e. they belong to the actional class <ES, ->, always denoting a culmination point. This is illustrated by the traditional adverbial and progressive interpretation tests: a complex predicate *eize lart* in the past tense (3a–b) can combine with time-span adverbials but cannot combine with durative ones. In the non-past tense (3c), it does not have a progressive interpretation.

The general semantic property of complex predicates with *lart* is that they denote a scalar change of the undergoer’s state (4):

- (4) *væə gu əzət-sa lart-rⁱ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya heated the water’.

In (4), the water changes its properties along a temperature scale or, to be precise, the water’s temperature grows to some contextually relevant degree.

The degree of change must be contextually high and significant. This is illustrated by asymmetric compatibility with adverbials of different degree. Namely, complex predicates with *lart*, quite felicitous with adverbials of high degree, are less so with those of low degree:

- (5) a. *vəl nomaj ěe-se lart-rⁱ-ə*
 3SG many drink-CV_SIM seat-PST-3SG

‘He drank a lot’.

⁶ Note that “punctive” in this use does not mean “momentary”. A punctive predicate can denote only a culmination point of an event, but this does not entail that the event itself is momentary: complex predicates with *lart* can combine with term-span adverbials as in (3a).

- b. #*vəl sagal ěe-se lart-rʲ-ə*
 h3SG little drink-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘He drank little’.
- (6) a. *ebĕ nomaj xot ěĕt-se lart-r-əm*
 1SG many paper tear-CV_SIM seat-PST-1SG
 ‘I tore a lot of paper’.
- b. %*ep*⁷ *sagal xot ěĕt-se lart-r-əm*
 1SG little paper tear-CV_SIM seat-PST-1SG
 Int.: ‘I tore a little paper’.
- (7) a. *səmalʲot pin kilometr vĕe-se lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.
- b. #*səmalʲot igĕ kilometr vĕe-se lart-rʲ-ə*
 plane 2 kilometer fly-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘A plane flew two kilometers’.

Thus, it is possible to mark a high grade of saturation as in (5a), a large volume of the accumulated object as in (6a), or a contextually long path covered as in (7a), while examples denoting a low degree of saturation, a smaller volume of the accumulated object, or a contextually short path covered are infelicitous. For instance, my consultants find (7b) pragmatically strange: our experience tells us that two kilometers is too insignificant a path for any plane. Such restrictions do not seem to apply to isolated lexical verbs.

The light verb *lart* shows restrictions on the argument structure of lexical verb. Namely, it can combine with transitive, agentive, or stative lexical verbs, i.e. verbs that have an external argument in terms of, for instance, [Ramchand 2008a], while it cannot combine with patientive verbs, i.e. verbs denoting an uncontrolled change of state:

- (8) a. *væə oj soxala-za lart-rʲ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.

⁷ The pronunciation of the first singular personal pronoun is variative.

- b. *væə nomaj sek-se lart-rʲ-ə*
 V. many jump-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya jumped enough’.
- c. *væə eur-za lart-rʲ-ə*
 V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya slept enough’.
- d. **kēbe tip-se lart-rʲ-ə*
 shirt dry-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘A shirt dried up’.

In (8a), the light verb *lart* combines with the transitive verb *soxala* ‘plow’; in (8b), with the verb *sek* ‘jump’ denoting an agentive process; and in (8c), with the state verb *eur* ‘sleep’. It cannot combine, however, with lexical verbs denoting a change of state of the patient, such as *tip* ‘dry’ in (8d) where the synonymous light verb *lar* ‘sit down’ is used instead:

- (9) a. *man eyε tip-se lar-tə-ə*
 1SG.GEN hair dry-CV_SIM sit.down-PST-3PL
 ‘My hair dried’.
- b. *ʂu əzən-za lar-tə-ə*
 water heat-CV_SIM sit.down-PST-3SG
 ‘The water heated’.

The exact set of distribution rules or the way it aligns with the other unaccusativity diagnostics remains, however, unclear. This problem needs further research. Nevertheless, I will preliminarily identify patientive intransitives with unaccusatives and agentive intransitives with unergatives.

The light verb *lart* combines with different lexical verbs with varying semantic impact on the meaning, partially depending on whether they already have a scalar argument. Below, I will first consider the verbs that already have a kind of a scalar argument, i.e. incremental verbs, and then discuss the way the light verb interacts with non-incremental lexical verbs.

4.2. The light verb *lart* and incremental lexical verbs

Before a description of the data obtained, a brief theoretical introduction for incremental verbs will be in order here. The notion of incrementality was first introduced in [Krifka 1989, 1992]. Krifka defines incrementality as a one-to-one relation between an event and its argument (10):

(10) *John ate an apple.*

The sentence in (10) describes an event of eating, where the object, an apple, undergoes a change (disappears) in the course of the event. The relation between the event and the object is incremental, since each part of the event corresponds to some unique part of the object, and vice versa. A verb with an argument incremental with respect to the event is labeled an incremental verb.

There are three types of incremental arguments: an incremental theme, an incremental property, and an incremental path; see, for instance, [Tatavosov 2015]. An incremental theme is an argument whose parts are involved in the incremental relation to the event. Thus, (10) shows a one-to-one relation between the event of eating and the parts of the apple. Another example of a verb with an incremental theme is (11):

(11) *The house burnt.*

Here, the house is also an incremental theme object: there is a one-to-one relation between the process of burning and the parts of the house.

Another type of incremental argument is an incremental property:

(12) *John cooled the water.*

In contrast to (10) and (11), the internal argument is not an incremental theme here, since the progress of the event does not involve an increase in the amount of the water affected. At the same time, the changing property of the water, its temperature, is incremental with respect to the event, since a one-to-one relation does evolve between the event components

and points on the water temperature scale. Verbs with a scale argument in their event structure are labeled degree achievements.

The last type of an incremental argument is an incremental path. Consider the example below:

(13) *John ran to the station.*

In (13), there is an incremental relation between the event and the path (the route of John's running): the more John runs, the greater portion of the path is involved.

The light verb *lart* behaves inconsistently with verbs with different incremental arguments. The group of the incremental verbs which combine with the light verb *lart* with the least semantic impact is that of degree achievements, or verbs with an incremental property in their event structure. Namely, the light verb *lart* specifies the telic interpretation, and the complex predicate denotes a change of state of the object to some contextually relevant high degree:

- (14) a. *vaεə at-in-e tazat-sa lart-ri-ə*
 V. boot-P_3-OBJ clean-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya cleaned his boots'.
- b. *vaεə teašk-a šu-ba tol-dar-za lart-ri-ə*
 V. cup-OBJ water-INS fill-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya filled the cup with water'.
- c. *vaεə šu əzət-sa lart-ri-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya heated the water'.
- d. *vaεə εan-in-e mədək-la-t-sa lart-ri-ə*
 V. sleeve-P_3-OBJ short-VBZ-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya shortened his sleeves'.

In combination with verbs with an incremental theme, the light verb *lart* behaves differently depending on whether the object comes into existence during the event, disappears after it, or just changes its state or even remains the same. I distinguish four classes of verbs based on this

parameter: verbs of creation, verbs of destruction⁸, verbs of impact on the object, and verbs with a non-patient incremental theme, respectively.

In combination with verbs of creation, the light verb *lart* simply forms complex predicates denoting accumulation of the created object:

- (15) a. *væə əavraʃka yger-ze lart-rʲ-ə*
 V. circle draw-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya drew a circle’.

- b. *papi ʃarf ɛik-sa lart-rʲ-ə*
 grandma scarf tie-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Grandma knitted a scarf’.

If a creation verb is not incremental, it combines with the light verb *lart*, but preferably, with a plural object:

- (15) c. *ʔaniə ul ɛorat-sa lart-rʲ-ə*
 A. son give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Anya gave birth to her son’.

- d. *anʲə nomaj atea ɛorat-sa lart-rʲ-ə*
 A. many child give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Anya gave birth to many children’.

In combination with incremental verbs of destruction, the light verb *lart* behaves inconsistently. I have only three verbs of destruction in my sample with an incremental theme in their event structure: *ɛondar* ‘burn’, *erëlder* ‘melt’, and *kajdar* ‘erase’. Admittedly, all the three verbs form complex predicates with different semantic output.

In combination with *lart*, the lexical verb *ɛondar* ‘burn’ forms complex predicates as in (16):

- (16) a. *væə kastrʲulʲ-a ɛon-dar-za lart-rʲ-ə*
 V. saucepan-OBJ burn-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya burnt the saucepan’.

⁸ I use the terms “creation” and “destruction” in a “referential” sense: creation is a kind of event where a new object is to come into existence, while destruction is a kind of event where the object is to disappear.

- b. %*væə* *pərd-e* *ɛon-dar-za* *lart-rʲ-ə*
 V. house-OBJ burn-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya burnt the house to some extent / *completely’.

In (16a), there is no incremental theme interpretation: it is not true that the pan gradually becomes smaller in size through the process of burning. Instead, the complex predicate *ɛondarza lart* denotes some change of the incremental property similar to degree achievement: indeed, the pan gets increasingly stronger effect of burning during the process. The same is true of (16b), though it is pragmatically less natural and is thus rejected by some consultants.

In contrast, the other verb *erëlder* ‘melt’ in combination with *lart* denotes reaching the endpoint of the melting, i.e. the moment when the ice completely turns into water:

- (17) *væə* *pər* *erël-der-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. ice melt-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya melted the ice (completely)’.

The third verb, *kajdar* ‘erase’ can combine with *lart* in only few idiolects where it denotes entering into a state (disappearance of the drawing):

- (18) %*væə* *yɡertëg-e* *kaj-dar-za* *lart-rʲ-ə*
 V. drawing-OBJ go-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya erased a drawing’.

Another verb that can be used in situations of destruction is *synder* ‘extinguish’; in combination with *lart*, it forms a complex predicate with a completive meaning:

- (19) *væə* *vod-a* *syn-der-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. fire-OBJ go.out-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya extinguished the fire’.

In this case it is not clear, however, whether the verb’s object is indeed an incremental theme or a patient with an incremental property affected.

Overall, the behavior of the light verb *lart* with destruction verbs is inconsistent and needs further investigation. It is possible that a patient

of a destruction verb should have an incremental property for this verb to combine with *lart*.

In combination with most incremental theme verbs denoting other types of change of state, the light verb *lart* also has a completive meaning, i.e. it denotes coverage of an incremental theme:

- (20) a. *vaεə oj soxala-za lart-rⁱ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.
- b. *vaεə karda sərla-za lart-rⁱ-ə*
 V. fence paint-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya painted the fence’.
- c. *vaεə oraj şəl-za lart-rⁱ-ə*
 V. floor sweep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya swept the floor’.

The only observed exclusion from this generalization is the class of consumption verbs, i.e. the verbs *ei* ‘eat’ and *ëε* ‘drink’. In contrast to the other verbs of this class, the light verb *lart* forms complex predicates with accumulative meaning, often with saturativity inference:

- (21) a. *vaεə (şørbe) ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. soup eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough (soup)’.
- b. *vəl nomaj ëε-se lart-rⁱ-ə*
 3SG many drink-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘He drank a lot’.

In (21a) and (21b), the culmination point of the denoted event is the contextually relevant moment of the agent’s saturation with consumption. In contexts where the exhaustification of the object is specified, the light verb *lart* is prohibited:

- (22) **vaεə pëdëm çørbe ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. totally soup eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya ate all the soup’.

The same saturative meaning of complex predicates with *lart* arises in combination with verbs with an incremental object that does not change its state during the event:

- (23) *væə kino-zam pək-sa lart-rʲ-ə*
 V. film-PL watch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya had his fill of watching films’.

For example, the culmination point in (23) is not the moment when all the films are being watched, but the moment of Vasya’s saturation with film watching, when it becomes obvious that he had seen enough movies. In other words, it seems that incremental argument is not used as a scale, on which *lart* operates; rather, the relevant scale is the scale of accumulation associated with the agent.

The last subpart of incremental verbs to consider here are verbs with an incremental path. In combination with verbs of motion, *lart* forms complex predicates that at first glance operate on a path scale:

- (24) a. *væə vizě kilometr iʃ-se lart-rʲ-ə*
 V. 3 kilometer swim-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya swam for three kilometers’.
- b. *væə pěr kilometr tɛop-sa lart-rʲ-ə*
 V. 1 kilometer run-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ran for one kilometer’.
- c. *səmolʲot pin kilometr vęc-se lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.

It is not clear, however, whether the scale light verb *lart* operates on in these cases is a proper path scale; at least, it is not clear whether it is the only option. Sometimes native speakers translate sentences like (24) into Russian using the cumulative prefix *na-*; for example, the verb from (24c) could be translated as Rus. *naletatʲ* ‘log [1000 kilometers]’. However, judging by the preliminary data, the light verb *lart* can be used in contexts where experiential interpretation is problematic:

- (25) *væə kil-den poəla-za škol-a eid-e*
 V. home-ABL begin-CV_SIM school-OBJ reach-CV_ATT
tsop-sa lart-ri-ə
 run-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ran from home to school’.

Thus, in combination with incremental-path lexical verbs, *lart* can form a complex predicate either with incremental path, or accumulative “experiential” reading; though in any case, the degree of the effort must be contextually significant.

4.3. The light verb *lart* and non-incremental lexical verbs

Considered next are non-incremental lexical verbs combining with *lart*. The meaning of the resulting complex predicates can differ depending on whether the object undergoes change during the event.

In combination with some non-incremental verbs of a durative change of the state of the object, such complex predicates can denote a telic process of object accumulation:

- (26) a. *væə nomaj xot ɛət-se lart-ri-ə*
 V. many paper tear-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya tore a lot of paper’.
- b. *væə nomaj kajək tit-sa lart-ri-ə*
 V. many bird catch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya caught a lot of birds’.
- c. *væə vodə ɛor-za lart-ri-ə*
 V. wood chop-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya chopped a lot of wood’.

Thus, (26a) describes a culmination point where the accumulation of paper reaches a contextually relevant high degree, while the degree of destruction of the paper is irrelevant. In fact, there is an evident similarity between such examples and the complex predicates formed from

creation verbs: in both cases, an entity is created during the action. There are some restrictions on the formation of such cumulative complex predicates, discussed below in the analysis.

If the lexical verb denotes a durative event without a patientive object, the complex predicate has a cumulative interpretation, often with a saturativity inference. Thus, in combination with transitives with non-incremental theme objects (27a), as well as with activities (27b) or states (27c), the light verb *lart* forms complex predicates denoting that the agent has performed the action up to the satisfaction point:

- (27) a. *vaεə tɛdɛk ʂəŋla-za lart-ri-ə*
 V. flower smell-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya had his fill of smelling the flower’.
- b. *vaεə nomaj sek-se lart-ri-ə*
 V. many jump-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya jumped enough’.
- c. *vaεə ɛur-za lart-ri-ə*
 V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya slept enough’.

In such cases, the accumulator of effect is not the object, but rather the subject: in (27a), it is the person who has satisfied his wish for smelling the flower; in (27b), it is the person who has achieved some effect (saturation or fatigue) as a result of his jumping; and in (27c), it is the person who has slept enough for some contextually relevant scale (most probably, a scale of wakefulness).

Finally, *lart* generally does not combine with verbs denoting a momentary change of state on a binary scale:

- (28) a. **vaεə ʂarik sek-ter-ze lart-ri-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- b. **vaεə ɛələg-e top-sa lart-ri-ə*
 V. hat-OBJ find-CV_SIM seat-PST-3S
 Int.: ‘Vasya found the hat’.

So, in (28a), the object entered the ungradable state of bursting (it is impossible to be more or less burst. The same holds for (28b).

Note that, in contrast to creatives, such verbs cannot combine with the light verb *lart* even with a plural object:

- (28) c. **vaεə nomaj šarik sek-ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. many balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst a lot of balloons’.

However, I found some examples where the light verb *lart* does combine with verbs denoting momentary events. Some of them are provided below:

- (29) a. *vaεə petʲ-a bulavkə-ba ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. P.-OBJ pin-INS poke-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya pricked Petya with a pin’.
- b. *vaεə jid-a tap-sa lart-rʲ-ə*
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog’.
- c. *vaεə kostʲ-a εap-sa lart-rʲ-ə*
 V. K.-OBJ hit-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya hit Kostya’.

It is not clear whether one should consider such cases together with the other instances of the usage of *lart*, since there is no meaning of incremental change of a property arising in all the other examples. However, what these examples have in common with the rest is that they denote events with some effect produced on one of the arguments; and, furthermore, this effect is possibly gradable, because a bite, a kick, or a hit can be stronger or weaker. Thus, some scale may be activated in such sentences, with the only difference that it is not incremental to the process subevent. However, the presence of the scale should be proved in this case to avoid an *ad hoc* stipulation. In addition, it is not clear why the meaning (or implicature) of an accident arises in at least some of the consultants’ translations. This case certainly needs further investigation.

Overall, the verb *lart* ‘seat’ is grammaticalized into a telicizing operator which can combine with (scalar!) non-ergative or transitive lexical

verbs. It usually forms incremental predicates from verbs denoting durative events, but in the specific case of momentary events, it can presumably⁹ operate on a scale of the effect on the object, where possible. In addition, it requires a high enough grade on a scale. My analysis of this light verb is proposed in the next section.

The distribution of different meanings of the light verb *lart* with different classes of lexical verbs is summarized in *Table 1* (p. 425) (recall that the light verb does not combine with unaccusatives or some of momentary event verbs).

Before moving on to the analysis, I need to admit that it is not completely clear whether the accumulative meaning of complex predicates with the light verb *lart* can emerge with any verbs that basically form complex predicates denoting a change of state of the object. However, even if this meaning is possible in some cases, it has not been detected during the elicitation: my consultants consistently translate complex predicates with the change-of-state interpretation, but never with accumulative meaning. Thus, my analysis addresses the basic, most natural interpretations of complex predicates with the light verb *lart*, while a more precise analysis of the distribution of the two meanings is certainly needed. Below, I will also comment on how the possible expansion of the accumulative meaning of *lart* may affect my analysis.

5. Analysis

To summarize, the core properties of the light verb *lart* mentioned above, are as follows. First, *lart* can form punctive complex predicates and thus function as a telicizing operator. Second, it can only combine with verbs with an external argument. Third, complex predicates with *lart* describe a kind of a (significant!) scalar change of the state of one of the arguments.

⁹ It is not still clear whether the light verb *lart* in such cases has the same structure. It can be the case that there is “another” light verb *lart* in this context. This problem needs further investigation.

Table 1. Distribution of the meanings of *lart* with different classes of lexical verbs

Class of the lexical verb		The meaning of the complex predicate with <i>lart</i>	
Incremental verbs	Verbs with incremental property	A change of state of the object to some contextually relevant high degree	
	Verbs with incremental path	Accumulation of the object (large path covered)	
	Verbs with incremental theme	Verbs of creation	Accumulation of the created object
		Verbs of destruction	Completeness of the action
		Verbs of impact on the object	
		Verbs with a non-patientive incremental theme	Contextual saturation of the agent
	Ingestives		
Non-incremental verbs	Durative	Verbs without patientive object	
		Verbs with patientive object	Accumulation of the object
	Non-durative	Suddenness of the action (could be another meaning)	

The most interesting property of complex predicates with *lart* is that the choice of the scale depends on the thematic properties of the lexical verb. Namely, the light verb chooses a scale associated with the object if the lexical verb denotes a scalar change of state of the object (unless this verb is ingestive or creative). In all other cases, viz. in those of ingestives, creatives, non-incremental durative verbs, or with verbs with

non-patientive objects and unergatives, the light verb *lart* operates on the scale of accumulativity, associated with the agent. The key issue here is to identify the factor behind such a distribution of meanings.

Primitive syntactic and semantic factors cannot predict this distribution. It is not true that the light verb *lart* chooses the scale of the lexical verbs already containing it and introduces its own accumulative scale otherwise, because incremental verbs are split into two different groups. It is also false that the key factor is transitivity: transitive verbs behave with *lart* inconsistently. Finally, it is not completely true that the choice of scale depends on whether the lexical verb has a patient: for example, though the verbs *tazat* ‘clean’ and *ei* ‘eat’ both contain a patientive object in their argument structure, they belong to different groups in terms of the choice of the scale. In addition, it is not clear why the “default” scale is a scale of accumulation.

The first phase syntax theory can explain the distribution of the meanings of complex predicates with *lart*. This formal theory of event decomposition was first proposed in [Ramchand 2003] and later developed in [Lytikova et al. 2006; Ramchand 2008a, 2009b; Lytikova, Tatevosov 2014]. It claims that the event and argument structure of a predicate is represented in syntax by a combination of three heads (*init*, *proc*, and *res*) introducing the subevents of an event. Namely, *init* usually introduces a causing subevent, *proc* denotes a process subevent, and *res* introduces a resultant subevent or a resultant state. Each of the heads has specifiers and complements of its own. The specifier of an eventual head is an obligatory participant of this subevent. The eventual head *init* projects a specifier called Initiator (the participant-source of the causing subevent), *proc* introduces the Undergoer (the participant, physically involved in the process), and *res* introduces the Resultee (the holder of the resultant state). The complements of the subeventual heads are filled with other entities that specify the descriptive properties of the corresponding subevent. Such complements could be other eventual phrases, causally dependent on the subevent, or nominal or scalar arguments specifying some properties of the subevent. Such non-eventual arguments are called Rhemes.

The maximal projection of an event structure of the first phase syntax looks as follows:

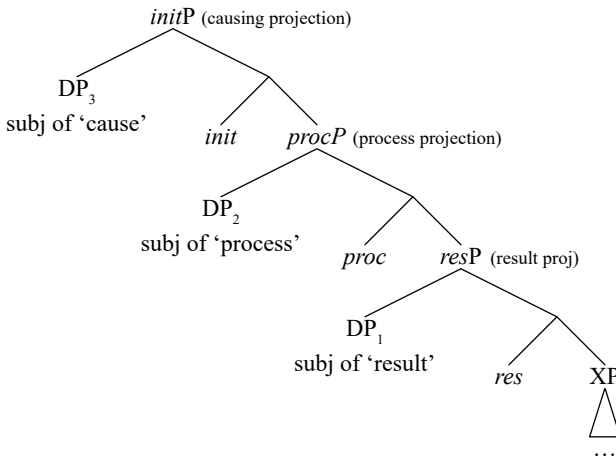

Fig. 1. A first phase syntax (copied from [Ramchand 2008a: 46])

This approach can differentiate a diversity of various event structures. The two crucial parameters are the set of the subevents and the reference relation between the specifiers. For example, unaccusatives differ from unergatives and transitives in that they lack *initP* (and hence cause the subevent and the Initiator), and unergatives differ from transitives in that the Initiator of unergatives is coreferential¹⁰ to the Undergoer, while the Initiator of transitives is not coreferential to their Undergoer.

Leaving aside many interesting formal details of the first phase syntax concerning various event structure issues, I will only touch on some key points of this framework, crucial for my analysis of the complex predicates. As shown above, despite their agentive nature, unergatives do have an Undergoer in their event structure, with this Undergoer usually coreferential to the Initiator. This structure logically follows from that of the first phase syntax: activities should contain *proc*, because this head is the source of dynamic inference, but at the same time, they should have *init*

¹⁰ Note that in the first phase syntax, there is no restriction on how many theta-roles a DP could get: a single DP could, for example, get all the three roles (Initiator-Undergoer-Resultee) as with some agentive verbs of motion, such as *arrive*.

to contain an external argument (the Initiator). Ramchand, however, proposes independent arguments for this analysis. For example, some contexts may allow transitivity with usually unergative verbs of motion, as illustrated in (30) (cited from [Ramchand 2008a: 128]):

- (30) a. *Karena walked the dog.*
 b. *Michael jumped the horse.*

Moreover, Ramchand also analyzes some transitives as verbs with coreferential Initiators and Undergoers — despite the existence of a direct object. Namely, she analyses both creation verbs and ingestives as verbs where the subject is simultaneously the Initiator and the Undergoer, while the object is in the complement of *proc* (it is also called Path); see examples below (cited from [Ramchand 2008a: 20]):

- (31) a. *John painted a picture.*
 b. *John painted a wall.*
- (32) a. *John painted me a picture.*
 b. *??John painted me a wall.*

These examples illustrate the syntactic difference between the two usages of the verb *paint* (as a creation verb and as a verb denoting change of state), namely the inability of *paint* in the latter meaning to take a beneficiary argument. Ramchand argues that this contrast comes from the difference in the event structure: in its creative usage, *paint* takes the object as a Path, while the position of Undergoer is reserved for the future possessor of the creative entity: by default, it is Initiator itself, but it is possible to fill this position with another DP. In contrast, *paint* as a change-of-state verb lacks such an ability: its Undergoer is obligatorily a DP denoting the changed entity, i.e. the object of painting.

On the other hand, only *paint* in its change-of-state usage can get a resultative secondary predication, since creation verbs do not project resP (the place of the complement of *proc*, where resP could merge, is already filled with the Path argument); the examples are cited from [Ramchand 2008a: 77]:

- (33) a. *John painted a wall red.*
b. **John painted a picture red.*

This specific behavior of ingestives and creatives is crucial for my research, since it explains why such verbs cluster with unergatives: they also have a coreferential Initiator and Undergoer.

The first phase syntax makes it possible to analyze derivations on the borderline between syntax and morphology, such as causatives and actional preverbs [Ramchand 2008a]. Particularly, this framework is well developed to adequately describe the structure of aspectual complex predicates in Indo-Arian languages [Ramchand 2008a, 2008b; Ozarkar, Ramchand 2018]. The authors analyze light verbs as verbs that have lost their lexical content, i.e. a capacity to denote their own situation, but preserved to some extent their event structure, i.e. the set of eventual heads and some argument structure restrictions.

Combining the ideas from [Ramchand 2008b; Ozarkar, Ramchand 2018], I argue that similar analysis is preliminarily applicable to light verbs in Chuvash, at least to the light verb *lart* 'seat' that can also form telic complex predicates.

The light verb *lart* (at least, in one of its meanings) forms complex predicates with the meaning of significant scalar change of state of the arguments of verbs with different event structure; thus, it is plausible that the event structure of such complex predicates is defined by *lart* rather than by the lexical verb.

Thus, if a light verb has its own event structure, this structure should be evident from its selective restrictions and actional properties. The fact that the light verb *lart* combines with only unergatives and transitives implies that it has an *init* head, as well as an Initiator corresponding to the external argument, or, informally speaking, an agent / causer of the event. Further, since complex predicates with *lart* denote a kind of change of state with one of the arguments, there should be a *proc* head in its event structure, as well as an Undergoer, i.e. the patient of the event. Since the light verb *lart* forms telic complex predicates denoting entering a gradable state, the light verb *lart* should also project a Resultee and an eventual head *res*, responsible for the resultant state and requiring the resultant subevent to be gradable and denote a significant degree of a state.

Finally, since the light verb *lart* can combine with both transitives and unergatives, the Initiator and the Undergoer can (not) be coreferential. As is standard in the first phase syntax, the Resultee is coreferential to the Undergoer, except for some very specific cases [Ramchand 2008a: 136–137]. Thus, the event structure of complex predicates with *lart* is as follows:

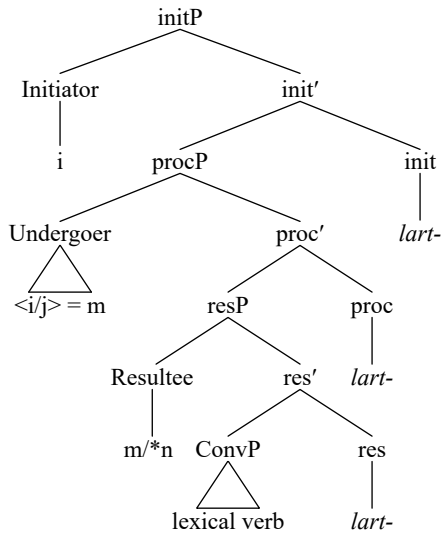

Fig. 2. The event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat’

The structure of complex predicates with *lart* functions as follows. The light verb *lart* has an impoverished event structure without a lexical component, and it needs a lexical verb to fulfill the idiosyncratic component of its meaning. I tentatively¹¹ argue that the light verb *lart* takes a converbal phrase in the complement of *res* (a similar analysis was proposed in [Ozarkar, Ramchand 2018] for Marathi telic predicates), and here events are identified via a formal semantic operation called generalized

¹¹ The position of the lexical verb phrase certainly needs a special proof. My analysis just mirrors the simple idea that the light verb takes a lexical verb phrase as its complement before it builds an event structure of its own.

event identification [Tatevosov, Kiseleva 2019]. To avoid an explanation of the formal details of this operation, its essence is that the merged events intersect their truth conditions. A simplified informal explanation may be as follows. Consider the complex predicate in (34), equivalent to (4):

- (34) *væə gu əzət-sa lart-rʲ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya heated the water’.

The verb *əzət* ‘heat’ lexicalizes the event of heating, while the light verb *lart* has a bare event template and roughly means ‘Initiator significantly changes a scalar state of the Undergoer-Resultee’. The light verb requires the semantics of the lexical verb to fulfill its event template, and the resultant complex predicate means ‘Vasya as Initiator causes the water as Undergoer to enter the state of being significantly hotter as Resultee’.

While this analysis needs further development, my intention here is to give a general view on the possible formalization of complex predicate formation and show how the first phase syntax approach can explain some properties of such complex predicates.

Another important advantage of the analysis is that it also predicts the distribution of different meanings of the light verb *lart*, i.e. the choice of the scale and the argument changing its state during the event. Namely, it predicts that complex predicates with *lart* will denote a scalar change of state of the Undergoer of an event.

To be more precise, the analysis correctly predicts the distribution of “degree achievement” and accumulative meanings. If the Undergoer of the lexical verb is not coreferential to the Initiator, the complex predicate will have a meaning of a scalar change of the Undergoer (35):

- (35) a. *væə gu əzət-sa lart-rʲ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya heated the water’.
- b. *væə ɛan-in-e mədək-la-t-sa lart-rʲ-ə*
 V. sleeve-P_3-OBJ short-VBZ-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya shortened his sleeves’.

The impact of the light verb *lart* is invisible in this case, except for telicizing: since the light verb is already a degree achievement, it just maps its own event structure onto the structure of the lexical verb: the “empty” scale of *lart* is identified with the lexical scale of a degree achievement.

If the lexical verb has a non-coreferential Initiator and Undergoer, but it is not a degree achievement, then the possibility of complex predicate formation depends on whether it is possible to accommodate a kind of a scale. It is indeed possible if the Undergoer is itself an incremental argument, and *lart* works with incremental theme predicates as with degree achievements containing a mereological scale¹²:

- (36) a. *vaεə pər erəl-der-ze lart-rʲ-ə*
 V. ice melt-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya melted ice’.
- b. *vaεə oj soxala-za lart-rʲ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.

It is possible that there are other cases where the scale is accommodated, but I have not come across them yet.

If a change of state is lexically specified and non-scalar, it is difficult to accommodate an appropriate scale, and the light verb *lart* is forbidden with such verbs (37):

- (37) a. **vaεə ʒarik sek-ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- b. **vaεə εələg-e top-sa lart-rʲ-ə*
 V. hat-OBJ find-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya found the hat’.

¹² The only observed exclusions are complex predicates from the verbs *εondar* ‘burn’ (which has a trickier resulting meaning) and *kajdar* ‘erase’, which has the corresponding meaning in combination with *lart* but is incompatible with the light verb in some idiolects for some reason. Note, however, that complex predicates with *εondar* still follow the general trend, since they denote events with an incremental change of the state of the object.

If the Initiator and the Undergoer of the lexical verb are coreferential, the light verb *lart* forms complex predicates with accumulative interpretation. The more precise type of accumulation is contextually dependent: it could be accumulation of nutrients (38a), of information (38b), or of experience (38c):

- (38) a. *væə* *ei-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough’.
- b. *væə* *kino-zam* *pək-sa* *lart-rʲ-ə*
 V. film-PL watch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya watched films enough’.
- c. *səmolʲot* *pin* *kilometr* *vęc-se* *lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.

Presumably, an accumulative inference can be explained here by the fact that the light verb *lart* tries to scalarize the event where the Undergoer is coreferential to the Initiator. In fact, what we call the accumulative scale is a scale of any contextually possible impact made on the external argument during the event¹³. If this line is correct, then the analysis can predict accumulative meaning with such verbs without any additional assumptions.

Note that the first phase syntax correctly predicts cases where the accumulative meaning should arise: the common trait of all unergatives, transitive verbs of perceptive interaction with a theme object¹⁴, verbs

¹³ This idea goes in line with a similar suggestion in the analysis of the incrementalization phenomenon in Tuba [Tatevosov 2009].

¹⁴ The analysis of perception verbs such as *pək* ‘watch’ and *širšla* ‘smell’ as containing coreferential Initiator and Undergoer comes from [Ramchand 2008a], where she discusses the behavior of causatives in Hindi/Urdu. Namely, she distinguishes a special class of ‘ingestive’ verbs which differ from the other transitives and behave similarly to unergatives in that they obligatorily decrease their valency after causativization; for more detail, see [Ibid.: 165–211]. Thus, Ramchand includes perception verbs

of creation and ingestives is that the Initiator is coreferential with the Undergoer in their event structure, while the object, if present, is located in the Path position.

This analysis also explains the following contrast between verbs of creation and verbs of destruction:

- (39) a. [?]*anʲə* *ul* *ɛorat-sa* *lart-rʲ-ə*
 A. son give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Anya gave birth to a son’.
- b. **vaɛə* *ʂarik* *sek-ter-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- c. *anʲə* *nomaj* *atea* *ɛorat-sa* *lart-rʲ-ə*
 A. many child give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Anya gave birth to many children’.
- d. **vaɛə* *nomaj* *ʂarik* *sek-ter-ze* *lart-r-ʲə*
 V. many balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya burst many balloons’.

The difference between the two verbs in (39) is in the NP corresponding to the Undergoer. In the structure of *sekter* ‘burst’, the Undergoer is the object of bursting. Thus *lart*, operating on the destruction scale, fails to accommodate it because of its binary nature: while an object either can or cannot not be dead, a situation where it is, for instance, half-dead, is impossible. Therefore, (39b) is ungrammatical.

In contrast, the Undergoer of *ɛorat* ‘give birth to’ is not an object; it is rather a subject of birthing according to the analysis provided in [Ramchand 2008a] for verbs of creation. The object of creation is a complement of *proc*, i.e. it is a Path argument. In this case, the contextually relevant

in the extended set of the already mentioned ingestives such as *drink* or *eat*. Note that the proposed “intransitive” event structure also logically follows from the definition of Undergoer: in cases of watching and smelling, it is rather the subject than the object that changes its state.

scale is a scale of possession associated with the mother, and this scale is not binary: you can have a single child, two children, or more. That is why (39c) is grammatical.

Why is (39a) problematic then? I argue that it is infelicitous, because it describes the minimal possible grade of possession: a single child is the minimum you can get from birthing. Hence, the restriction on the significant degree is violated. Note that (39a) is a more natural sentence than (39b)¹⁵.

But why is (39d) ungrammatical? One could argue that here the analysis is incorrect, because *sekteŕ* forms a scale of the quantity of the burst balloons, and it is non-binary. I think the problem is that *lart* requires here the incremental property of the whole Undergoer, and the scale of quantity does not fulfill this requirement. It is not true, that you *burst balloons more* if you burst more balloons. This is my explanation of (39d)'s infelicity.

An interesting and at first glance problematic case arises in contexts where *lart* combines with non-incremental verbs with a patientive object (40):

(40) a. *vaɛə ɛip ɛət-se lart-ri-ə*
 V. thread tear-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya tore some threads’.

b. *vaɛə vodə ɛor-za lart-ri-ə*
 V. wood chop-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya chopped some wood’.

It is not clear which DP takes the Undergoer position here — the accumulator or the accumulated entity? In a way, both participants experience a change of state: the accumulator changes its state of wealth, while the accumulated entity changes its physical state. Moreover, these verbs, *ɛət* ‘tear’ and *ɛor* ‘chop’, are destruction verbs in their “prototypical” usages,

¹⁵ In fact, some native speakers partially accept (39a) if Anya gives birth to her first son. Maybe it is an attempt to represent the birth of a single child as a significant possession, marking the opposition with a lack of any children.

and it is not clear how something other than the object of destruction can be the Undergoer.

A possible solution to this problem is that these verbs are used here as creation verbs, and complex predicates denote a change of the accumulator's state of wealth, the same as postulated for creatives, ingesives, unergatives, and transitives without a patientive object. Note that the complex predicates in (41) do not describe a significant effect on the object as degree achievements usually do: the degree of the destruction is not important here. The only important value is the amount of the destroyed resource accumulated — and this accumulation is a change of the agent's state.

Why not all destruction verbs can behave like that? For instance, why cannot *sekteŕ* 'burst' or *vęler* 'kill' occur in such contexts, be these even forced accumulative contexts? I do not have a good answer for this, but a possible explanation is that verbs like *ęęť* 'tear' or *ęor* 'chop' differ from verbs like *sekteŕ* 'burst' or *vęler* 'kill' in that they describe events that are more pragmatically compatible with the idea of accumulativity. One of the other possible explanations is that verbs like *ęęť* 'tear' or *ęor* 'chop' have a lexical specification of their processual and resultant subevents¹⁶, while verbs like *vęler* 'kill' idiosyncratically specify only the resultant state. Thus, the verbs from the first group are more "friendly" to the accumulative interpretation: they can at least save the processual part of their idiosyncratic constant, while the idiosyncratic component of result verbs is in complementary distribution with the possessive scale. However, it is still not clear whether *sekteŕ* 'burst' is a verb of manner or result. As mentioned in *Section 4*, no strict distribution of the accumulative meaning is established, and some verbs with usually non-coreferential Initiator and Undergoer can form accumulative complex predicates in combination with *lart*. If it is the case, they must behave the same way as verbs like *ęor* 'chop' or *tip* 'tear', reinterpreted as verbs of creation.

Finally, the analysis is preliminarily applicable to cases where *lart* combines with verbs of momentary effect, though with a reservation: the

¹⁶ See [Lyutikova et al. 2006] for similar suggestions for corresponding Karachay-Balkar verbs.

scale provided by such a lexical verb is not incremental, it just characterizes the event in terms of the effect it had on the object, while this effect is still non-binary. However, further research is needed. Maybe the restriction the light verb *lart* applies to resultant state is not connected with scalarity directly: it could be that complex predicates with *lart* denote entering some pragmatically important state. Maybe the light verb *lart* has several meanings, only one of these relating to scalarity. Again, this is rather a topic for further research.

Overall, my analysis, made in the first phase syntax framework, can shed some light on why the light verb *lart* works the way it does: it still has some verbal properties defining its distribution and semantics, such as the presence of an external argument and the requirement of a scalar resultant state. The crucial thing this analysis predicts is the distribution of two meanings of the light verb and their semantic invariance. However, it is not completely clear how this event structure relates to its lexical meaning, and this topic needs further investigation.

6. Conclusions and future perspectives

A summary of the findings above could be presented as follows. The verb *lart* has grammaticalized into an actional operator forming punctive complex predicates. It can combine with lexical verbs with an external argument (transitives and unergatives) and form complex predicates with the meaning of reaching a significantly high degree of effect on the Undergoer of the event. According to my analysis, all these properties can be explained by the fact that the light verb *lart* has an event structure of its own containing eventual heads *init*, *proc*, and *res*, as well as Initiator, Undergoer, and Resultee, with the first two unspecified in terms of coreference. In addition, it specifies the resultant state that should be scalar, non-binary.

Admittedly, this analysis may have certain weak points. It is not clear, for example, how to explain the compatibility of *lart* with verbs like *cap* ‘hit’ that are not obviously scalar. Nevertheless, the first phase syntax analysis helps to explain some important properties of the light verb, such as its

interaction with the event and argument structure of lexical verbs. It is especially useful in that it explains the distribution of degree achievement and accumulative meanings as different instances of the scalar change of state of the Undergoer. However, more detailed analysis is needed.

Speaking of a typological perspective for this research, grammaticalization of verbs with the meaning SEAT found in Chuvash is not unique. This phenomenon takes place in many other Turkic languages; see [Grashchenkov 2015] for a general overview, or a description of the Tuba light verbs *qoj* ‘stand’ and *sal* ‘put’ in [Shluinskiy 2009]. Most such verbs form telic complex predicates, but as far as I know, the accumulative interpretation is rarely observed. The only known exception is the Hill Mari light verb *šändäš* ‘seat, put’ which looks very similar to *lart*: it is also grammaticalized into a telicizing operator denoting a scalar change of the Undergoer and also has accumulative and saturative interpretations [Kashkin 2018a, 2018b; Golosov 2019]. Since Hill Mari is areally close to Chuvash and, especially, to its Poshkart dialect, this similarity may be an areal feature, which evidently calls for a detailed typological survey.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative case; CAUS — causative; CV_SIM — neutral converb (also used as a past tense verb form); INS — instrumental case; LOC — locative case; NPST — non-past tense; OBJ — objective case; P_3 — possessive of the third person; PL — plural number; PST — past tense; SG — singular number; VBZ — verbalizer.

References

- Ashmarin 1923 — N. I. Asmarin. *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa* [Chuvash Syntax Research Experience]. Pt. 2. Simbirsk: S. n., 1923.
- Golosov 2019 — F. V. Golosov. Legkiye glagoly-telisizatory gornomariyskogo yazyka: grammaticheskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 13–37. DOI: 10.30842/alp2306573715201.

- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. *Tyurkskiye konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics and Grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Kashkin 2018a — E. V. Kashkin. O semantike slozhnykh glagolnykh kompleksov v gornomariyskom yazyke: konstruksii so znacheniyem dostizheniya prede-la [On semantics of complex verb constructions in Hill Mari: Completive constructions]. M. K. Amelina, A. A. Anufriyev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeyeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh" (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the 6th Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Kantsler, 2018. P. 110–129.
- Kashkin 2018b — E. V. Kashkin. Grammatikalizatsiya gornomariyskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. A. M. Ivanova, E. V. Fomin (comps., eds.). *Yazykovyye kontakty narodov Povolzhya i Urala: sbornik statey XI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.)* [Language Contacts in Povolzhye and Ural. Collection of articles of the 11th International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Cheboksary: Chuvash State University, 2018. P. 178–184.
- Krifka 1989 — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds). *Semantics and Contextual Expression*. (Groningen-Amsterdam Studies in Semantics 11). Dordrecht: Foris Publications, 1989. P. 75–115. DOI: 10.1515/9783110877335-005.
- Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. I. A. Sag, A. Szabolsci (eds). *Lexical Matters*. (CSLI Lecture Notes 24). Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1992. P. 29–53.
- Lebedev 2016 — E. Ye. Lebedev. *Aksionsartovyye znacheniya slozhnoverbalnykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke* [Actional Meanings of Complex Verbal Analytic Forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2016.
- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. B. Shluginskiy, A. G. Pazelskaya. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevobalkarskom yazyke* [Event Structure and Semantics of the Verb in Karachay-Balkar]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS, 2006.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure. B. Copley, F. Martin (eds.). *Causation in Grammatical Structures*.

- (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 52). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279–327. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199672073.003.0011.
- Ozarkar, Ramchand 2018 — R. Ozarkar, G. Ramchand. Structure matching and structure building in Marathi complex predicates. *Journal of South Asian Linguistics*. Vol 8. Iss. 1. P. 3–28.
- Ramchand 2003 — G. Ramchand. *First Phase Syntax*. Manuscript. Oxford: University of Oxford, 2003.
- Ramchand 2008a — G. Ramchand. *Verb Meaning and the Lexicon: A First-Phase Syntax*. (Cambridge Studies in Linguistics 116). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. DOI: 10.1017/CBO9780511486319.
- Ramchand 2008b — G. Ramchand. Lexical items in complex predications: Selection as underassociation. *Nordlyd*. Vol. 35. Iss. 1. P. 115–141. DOI: 10.7557/12.139.
- Shluinskiy 2006 — A. B. Shluinskiy. Aktsionalnost i aspektualnyy pokazatel: konstruktziya so vspomogatelnyy glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Actionality and the aspect marker: Constructions with the verb *il-* in Chuvash]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9, Filologiya*. 2006. Vol. 1. P. 32–47.
- Shluinskiy 2009 — A. B. Shluinskiy. Biverbalnyye konstruktzii i ikh leksicheskiye ogranicheniya [Biverbal constructions and their lexical restrictions]. S. G. Tatevosov (ed., comp.). *Tubalarskiye etyudy* [Tubalar Sketches]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS Press, 2009. P. 6–53.
- Tatevosov 2009 — S. G. Tatevosov. Aspektualnaya kompozitsiya [Aspectual composition]. S. G. Tatevosov (ed., comp.). *Tubalarskiye etyudy* [Tubalar Sketches]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS, 2009. P. 78–133.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsionalnost v leksike i grammatike: glagol i struktura sobytiya* [Actionality in Lexicon and Grammar: Verb and Event Structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Tatevosov 2016 — S. G. Tatevosov. *Glagolnyye klassy i tipologiya aktsionalnosti* [Verbal Classes and Typology of Actionality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016.
- Tatevosov, Kiseleva 2019 — S. G. Tatevosov, K. L. Kiseleva. Identifikatsiya sobytiiy v prefiksialno-postfiksialnom slovoobrazovanii [Event identification in prefixal and postfixal derivations]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9, Filologiya*. 2019. Vol. 1. P. 7–35.
- Yegorov 1957 — V. G. Yegorov. *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Materials on the Grammar of Modern Chuvash]. Pt. 1: *Morfologiya* [Morphology]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1957.

Inanimate demonstrative pronouns in Kullui (Indo-Aryan)

E. A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
jennyrenk@gmail.com

Abstract. The article deals with two inanimate demonstratives in Kullui, an Indo-Aryan language of Himachali group — the proximal *ūi* and the distal *tūi*. They have not been previously studied and are not even mentioned in practically a half of the grammatical descriptions of Kullui. The present data comes from the field work conducted in the Kullu district (Himachal Pradesh, India) in 2014–2018.

As far as can be judged, the demonstrative systems of the majority of New Indo-Aryan languages are based on three reflexes of Old Indo-Aryan demonstratives, one proximal and two distal. The proximal demonstratives are considered to go back to the OIA *eṣa* ‘this’. The two distal demonstratives are derived from the OIA *sa* (non-direct stem *ta-*) ‘that’ and *asau* (OBL *amu-*) ‘that’. The presence of two distal demonstratives in NIA languages naturally leads to functional competition between them. As a result, one of the two usually serves as a distal pronoun, while the other either acquires an additional meaning or is completely lost.

Inanimate demonstratives, existing in Kullui alongside animate demonstratives, can refer to inanimate nouns, verbal phrases, or sentential arguments. In other Himachali languages, we find inanimate demonstratives with similar functions that etymologically go back to OIA neuter demonstrative pronouns. Since in the majority of Himachali languages the nominal system does not distinguish neuter gender, the neuter demonstratives acquire a set of new functions.

However, the inanimate demonstratives in Kullui show no neuter-pronoun heritage. While the other Kullui demonstratives derive from the OIA pronouns *eṣa* (proximal) and *sa* (distal), the inanimate proximal demonstrative *ūi* goes back to the OIA distal pronoun *asau*, with the distal pronoun *tūi* formed directly from *ūi* by analogy. Presumably, the reason is that after Kullui had lost its neuter demonstratives, under the influence of neighbouring genetically related languages that retained these demonstratives, their functions have been taken over by the previously little used reflex of *asau*.

Keywords: demonstrative pronouns, inanimate pronouns, neuter gender, contact influence, New Indo-Aryan languages, Himachali, Kullui.

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00355.

Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи

Е. А. Ренковская

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); jennyrenk@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются неодушевленные указательные местоимения в индоарийском языке куллуи, их происхождение и функции. Если в других языках химачали такие местоимения имеют общую с одушевленными этимологию и представляют собой рефлексы древнеиндийских местоимений среднего рода (*etad* и *tad*), то в куллуи они имеют иное происхождение. Предположительно, куллуи утратил собственные местоимения среднего рода, однако под влиянием соседних близкородственных языков функции таких местоимений перешли к рефлексам другого древнеиндийского местоимения (*asau*).

Ключевые слова: указательные местоимения, неодушевленные местоимения, средний род, контактное влияние, новоиндоарийские языки, химачали, куллуи.

1. Introduction

The paper deals with inanimate demonstrative pronouns in Kullui language. Kullui is an Indo-Aryan language of the Himachali (formerly, Western Pahari) group of languages. It is spoken in the Kullu district of the state of Himachal Pradesh, India. The work builds on data, collected during my four field trips to the Kullu district in 2014–2018

in the Kullu Tehsil (the town of Kullu, the villages of Naggar, Bashing, Katrain, Jagatsukh, Suma, Bhalyani) and the Manali Tehsil (the town of Manali, the villages of Kanyali, Barua, Shanag). Inanimate demonstratives in Kullui have not been previously studied and, moreover, are not even mentioned in practically a half of the grammatical descriptions of Kullui; cf. [Diack 1896; Bailey 1908; Sharma 2014]. At the same time, they are of great typological interest, since their formal and functional development has been influenced by closely related contact languages of the Himachali group.

2. Demonstratives in New Indo-Aryan languages

The demonstrative systems of New Indo-Aryan languages are relatively similar; the pronouns, characterized by both attributive and substantive use, function as third-person pronouns and derive from the same stem. As far as can be judged, the demonstrative systems of the majority of New Indo-Aryan languages are based on three reflexes of Old Indo-Aryan demonstratives, one proximal and two distal.

The proximal demonstratives are considered to go back to Old Indo-Aryan *eṣa* ‘this’ (Table 1, p. 444). In the New Indo-Aryan languages, they usually begin with a front vowel or a diphthong (*i*, *e*, *ei*) as well as the sonant *j*; e.g., Hindi *jah* (OBL *is*), Bengali *e*, Odia *e*, Maithili *ī*, Nepali *jo*, Kumaoni *jo*, Lahnda *e* (OBL *is*), Punjabi *eh*, *ih*, *e*, Bhalesi *ī*, etc. [Turner 1962–1985: 122, № 2530].

Descendants of another widespread Old Indo-Aryan proximal demonstrative *ayam* are found mostly in Dardic and only in some New Indo-Aryan languages [Turner 1962–1985: 26, № 587]. In the course of their historical development, these demonstratives may have been influenced by the reflexes of *eṣa* due to the presence of a front vowel at the beginning of the paradigm forms of both pronouns.

The other two types of demonstratives in the New Indo-Aryan system are distal. The first features pronouns that begin in *s-* (less often, *t-*) in the direct case and in *t-* in the other forms. These pronouns derive from the

Table 1. The declension of the proximal demonstrative *eṣa* in Sanskrit

Pronouns		PROX <i>eṣa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>eṣa</i>	<i>etad</i>	<i>eṣā</i>
	ACC	<i>etam</i>		<i>etām</i>
	INS	<i>etena</i>		<i>etayā</i>
	DAT	<i>etasmai</i>		<i>etasyai</i>
	ABL	<i>etasmād</i>		<i>etasyās</i>
	GEN	<i>etasya</i>		
	LOC	<i>etasmīn</i>		<i>etasyām</i>
DU	NOM, ACC	<i>etau</i>	<i>ete</i>	
	INS, DAT, ABL	<i>etābhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>etayos</i>		
PL	NOM	<i>ete</i>	<i>etāni</i>	<i>etās</i>
	ACC	<i>etān</i>		
	INS	<i>etais</i>		<i>etābhis</i>
	DAT, ABL	<i>etebhyas</i>		<i>etābhyas</i>
	GEN	<i>eteṣām</i>		<i>etāsām</i>
	LOC	<i>eteṣu</i>		<i>etāsu</i>

Old Indo-Aryan *sa* (non-direct stem *ta-*) ‘that’, like Hindi *so*, Marwari *so*, Odia *se*, Maithili *se*, Marathi *to*, Nepali *tjo*, Kumaoni *to*, Bhalesi *sē*, Kotgarhi *so* (OBL *tes-*), Mandeali *se* (OBL *tes-*), etc. [Masica 1991: 225; Turner 1962–1985: 744, № 12815] (see Table 2, p. 445).

Distal demonstratives of the second type have forms with the rounded back vowels or diphthongs *u*, *o*, *ou*, as well as with the word-initial sonant *w*(~*b*); cf. Hindi *wah* (OBL *us*), Lahnda *o* (OBL *us*, *ũ*), Punjabi *o* (OBL *aus*, *us*), Nepali *u* (OBL *us*), Kumaoni *u* (in some dialects OBL *wi*), Old Marwari *wo* (OBL *ũ*), etc. [Turner 1962–1985: 43, № 972]. Unlike the reflexes of the Old Indo-Aryan *sa*, the etymology of these

Table 2. The declension of the distal demonstrative *sa* in Sanskrit

Pronouns		DIST <i>sa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>sa</i>	<i>tad</i>	<i>sā</i>
	ACC	<i>tam</i>		<i>tām</i>
	INS	<i>tena</i>		<i>tayā</i>
	DAT	<i>tasmai</i>		<i>tasyai</i>
	ABL	<i>tasmād</i>		<i>tasyās</i>
	GEN	<i>tasya</i>		
	LOC	<i>tasmīn</i>		<i>tasyām</i>
DU	NOM, ACC	<i>tau</i>	<i>te</i>	
	INS, DAT, ABL	<i>tābhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>tayos</i>		
PL	NOM	<i>te</i>	<i>tāni</i>	<i>tās</i>
	ACC	<i>tān</i>		
	INS	<i>tais</i>		<i>tābhis</i>
	DAT, ABL	<i>tebhyas</i>	<i>tābhyas</i>	
	GEN	<i>teṣām</i>	<i>tāsām</i>	
	LOC	<i>teṣu</i>	<i>tāsu</i>	

pronouns is less clear. In [Turner 1962–1985: 43, № 972], they are traced back to the Old Indo-Aryan *asau* (OBL *amu-*) ‘that’, cf. Prakrit *aho*. However, according to [Masica 1991: 225], as the reflexes of this pronoun are not widely used in Middle Indo-Aryan texts, they cannot account for the sudden and widespread appearance of these forms in New Indo-Aryan languages after the 12th century. C. Masica surmises that this change could have occurred under the influence of Persian. The time period and the area where such forms were used coincide with the Muslim conquests of the northern parts of India, and the formal similarity between the reflexes of *asau* and the Persian third-person pronoun

\bar{o} (\bar{u} in modern Farsi) might have triggered the resurgence of the *asau*-derived pronouns.

Table 3. The declension of the distal demonstrative *asau* in Sanskrit

Pronouns		DIST <i>sa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>asau</i>	<i>adas</i>	<i>asau</i>
	ACC	<i>amum</i>		<i>amūm</i>
	INS	<i>amunā</i>		<i>amuṣyā</i>
	DAT	<i>amuṣmai</i>		<i>amuṣyai</i>
	ABL	<i>amuṣmād</i>		<i>amuṣyās</i> <i>amuṣyām</i>
	GEN	<i>amuṣya</i>		
	LOC	<i>amuṣmin</i>		
DU	NOM, ACC	<i>amū</i>		
	INS, DAT, ABL	<i>amūbhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>amuyos</i>		
PL	NOM	<i>amī</i>	<i>amūni</i>	<i>amūs</i>
	ACC	<i>amūn</i>		
	INS	<i>amībhis</i>		<i>amūbhis</i>
	DAT, ABL	<i>amībhyas</i>		<i>amūbhyas</i>
	GEN	<i>amīṣām</i>		<i>amūṣām</i>
	LOC	<i>amīṣu</i>		<i>amūṣu</i>

The presence of two distal demonstratives in New Indo-Aryan languages naturally leads to functional competition between them. One pronoun usually functions as distal, while the other acquires an additional meaning; it can become an invisible distant demonstrative, a correlative, a third-person pronoun, or it can disappear completely [Zograf 1976: 160–165; Masica 1991: 224–225]. The languages of the central part of New Indo-Aryan area (Hindi, Braj, Avadhi, Kumaoni, Maithili,

Bhojpuri, Chhattisgarhi, Punjabi, Lakhnda, Sindhi, Rajastani) use the reflexes of *asau* as distal demonstratives, while those of the northern (Himachali and Dardic), southwestern (Gujarati, Marathi, Konkani) and eastern (Bengali, Oriya, Assamese) parts prefer the reflexes of *sa*.

Another typologically important distinctive feature of demonstratives in New Indo-Aryan languages is the category of gender. Languages that show gender agreement of adjectives and participles may have no gender-differentiated pronouns, while those with gender-differentiated pronouns may show no gender agreement with adjectives and participles. New Indo-Aryan demonstratives may show no gender at all or have two- or threefold gender distinctions. The reflexes of *asau* mostly have no gender or distinguish two genders (masculine and feminine). Rather than being inherited from earlier historical stages, the feminine forms are built by analogy [Masica 1991: 224]. Where differentiated for gender, the reflexes of *sa* can show inherited masculine, feminine, or sometimes even neuter forms. The Old Indo-Aryan neuter gender in nouns is preserved in two groups of languages: the languages of the southeast of India (Gujarati, Marathi, Konkani) and those of the Himachali group (Bhadravahi, Bhalesi, Pangwali). In some Himachali languages (Mandeali, Kiunthali, Kotgarhi), only demonstratives retain the neuter gender. As a common feature, the Himachali languages use the reflexes of *sa* as distal demonstratives while retaining the Old Indo-Aryan three-gender system.

3. Inanimate demonstratives in Kullui

While the system of demonstratives in Kullui includes proximal and distal pronouns, the real difference between them is based not on deixis, but on visibility for the speaker. There are animate and inanimate demonstratives in Kullui. Similarly to adjectives and participles, animate demonstratives have masculine and feminine forms, with twofold contrast shown on non-direct singular forms. These pronouns have both attributive and substantive use and can function as third-person pronouns. Along

with these, there is a separate set of inanimate demonstratives. These pronouns can also be proximal or distal, they have only substantive use and do not show plural or direct singular forms. The proximal inanimate demonstrative is *ũi* (in some dialects *đi*) and the distal demonstrative is *tũi*. The system of demonstratives in Kullui is shown in Table 4.

Table 4. The system of demonstratives in Kullui

Pronouns		PROX = VIS			DIST = INVIS		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	F	INAN	M	F	INAN
SG	DIR	<i>e</i>			—		
	OBL	<i>ei</i>	<i>esa</i>	<i>ũi</i>	<i>tei</i>	<i>tesa</i>	<i>tũi</i>
	ERG/INS	<i>eie</i>	<i>ese</i>	<i>ũie</i>	<i>teie</i>	<i>tese</i>	<i>tũie</i>
PL	DIR	<i>e</i>			—		
	OBL	<i>inha</i>			—		
	ERG/INS	<i>inhe</i>			—		

Though coexistence of inanimate demonstratives along with masculine and feminine demonstratives typologically suggests that masculine and feminine demonstratives only can refer to animate referents, this is not so for Kullui. The masculine and feminine demonstratives in Kullui can refer to both animate and inanimate objects; cf. (1)–(2):

- (1) *e mhar-e grã-ri fohri sa esa-be*
 this our-OBL village-GEN girl COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT
mhar-e ghər-a-be fad-at
 our-OBL house-OBL-ACC/DAT call-IMP.PL

‘This is a girl from our village, invite her to our house’.

- (2) *e saři bəhu fobhl-i sa esa-be*
 this saree very good-F COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT
bja-re rodz la-i
 wedding-GEN.OBL day wear-IMP.FUT

‘This saree is very beautiful, wear it on the day of the wedding’.

The inanimate demonstratives in Kullui have a set of specific functions, the main of which are as follows:

— inanimate demonstratives are used to refer to inanimate objects in combination with all (except the accusative-dative) postpositions. In (3)–(6) below where the masculine, feminine, and inanimate demonstratives have the same antecedent, the masculine and feminine forms are used, respectively, in the direct case, in the oblique case without postposition, and with the accusative-dative postposition, while the inanimate demonstratives occur with other postpositions.

- (3) *le e pen ũi senge likh tēbe*
 take.IMP PROX.DIR pen INAN.PROX INS write.IMP then
ei mumbē bapās de-i
 PROX.M.OBL I.ACC/DAT back give-IMP.FUT
 ‘Take this pen, write with it and then give it back to me’.

- (4) *e tusar-i tfah sa esa-be pi*
 PROX.DIR your-F tea(F) COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT drink.IMP
mē ũi-ne kheŋd nei pa-i
 I.ERG INAN.PROX-LOC sugar NEG put-PFV.F
 ‘This is your tea, drink it, I haven’t put sugar in it’.

- (5) *e beksa sa ei dħok-a*
 PROX.DIR box COP.SG PROX.M.OBL grasp-IMP.PL
pər ũi andre mōta her-d-e
 but INAN.PROX inside PROH.PL look-PTCP-PL
 ‘This is a box, take it, but don’t look inside it’.

- (6) *dzun ġħor asa kōtse sa tui-n koi*
 which house we.OBL near COP.SG INAN.DIST-LOC somebody
nei rħ-nd-a sō khali sa
 NEG live-PTCP-M DIST empty COP.SG
 ‘The house that is next to us, no one lives in it, it is empty’.

— inanimate demonstratives are used in non-direct cases where their antecedents are verbal phrases or sentential arguments, see (8)–(10). At the same time, the animate demonstratives are used in the direct

case (7). Referring to verbal phrases or sentential arguments, inanimate demonstratives can also occur in the oblique case (9) or with the accusative-dative postposition (10):

- (7) *sərgit mɔta pi-nd-e e*
 cigarette PROH.PL drink-PTCP-PL PROX.DIR
sət-ri tēje fobhl-i nei hu-nd-i
 health-GEN.F for good-F NEG be-PTCP-F
 ‘Don’t smoke, it is not good for [your] health’.
- (8) *eŋd-i murti bəŋa-ŋ-i muʃkil sa*
 such-F statue make-INF-F difficult COP.SG
ūi-ri tēje khase rodz lag-a si
 INAN.PROX-GEN for many day be_taken-GER COP.PL
 ‘Making such a statue is difficult, it takes many days’.
- (9) *gur ūi ker-ija nik]-a si*
 shaman INAN.PROX do-CVB come_out-GER COP.PL
 ‘By doing this, one becomes a shaman’.
- (10) *dze dze kəl təkhe hu-a tūi-be*
 which which yesterday there be-PFV.M INAN.DIST-ACC/DAT
tu dəs-i sək-a sa
 you tell-CVB can-GER COP.SG
 ‘Can you tell what happened there yesterday?’

The above-mentioned seem to be the main functions of inanimate demonstratives in Kullui, since they are the most common cases, also confirmed by all my consultants. The fact that demonstratives used with adpositions can formally differ from demonstratives without adpositions is not typologically rare as confirmed, for example, by the so-called pronominal adverbs in Germanic languages. Thus, the German demonstratives *der* (M), *die* (F), *das* (N) in substantive use do not combine with prepositions where their antecedents are inanimate nouns. Special pronominal adverbs with the initial formants *da-* or *dar-* are used instead, cf. *dafür* (← *für das*) ‘for this’, etc.¹

¹ I am grateful to Maria Kholodilova who drew my attention to this fact.

Other uses of inanimate demonstratives in Kullui require further study. In particular, these include several cases, confirmed by some native speakers:

— inanimate demonstratives can be used in non-direct cases where their antecedents are nouns with non-specific (generic) reference.

- (11) *mer-a fohru məthjai bəhu pəsand kər-a*
 my-M son sweets very preferable do-GER
sa pər dəktər-e tei-be
 COP.SG but doctor-ERG DIST.OBL-ACC/DAT
tūi kha-n-e-be na kər-u
 INAN.DIST eat-INF-OBL-ACC/DAT refuse do-PFV.M

‘My son loves sweets very much, but the doctor forbade him eating them’.

— inanimate demonstratives refer to the word *kəhaŋi* ‘story’ in non-direct cases. Most likely, the reason is that this word semantically correlates with a set of events like a sentential argument. Probably, there is a set of such words, but my data currently contain only one example:

- (12) *e fobhl-i kəhaŋi sa*
 PROX.DIR good-F story COP.SG
ui-be dzərur pər-i
 INAN.PROX-ACC/DAT surely read-IMP.FUT

‘This is a beautiful story, surely read it’.

Despite the wide use of inanimate demonstratives in Kullui, their description is either lacking in the existing reviews as in [Diack 1896; Bailey 1908; Sharma 2014], or is very sketchy [Grierson 1916; Thakur 1975; Ranganatha 1981].

Grierson [1916: 670–687] characterizes Kullui demonstratives as follows: “They (demonstrative pronouns) have feminine forms in the singular, but nothing corresponding to the neuter forms of the Simla dialects has been noted”. Further, the text provides a table of the declension of demonstratives showing only masculine and feminine forms. However, Grierson mentions another demonstrative encountered in a sample from a Kullui text, the “Parable of the Prodigal Son”²: “In the specimen

² Grierson’s work contains translations of this text into many languages.

the form *uī* or *oī* (once in each form) occurs instead of *teī*. The phrase is *uī (oī) jōgā nahī* (INAN worthy NEG), ‘I am not worthy of that’ [Grierson 1916: 675]. The quote with this demonstrative is not complete; in the text, the sentence ends with a dependent clause *je phiri tērā bēṭā bōl-nū* (that again your son say-FUT.1SG) ‘to be called your son again’. Thus, an inanimate demonstrative in the text sample has a sentential argument as an antecedent.

In [Thakur 1975: 258], the inanimate demonstrative *ūi* is mentioned, which, according to the author, is found in only some areas of the Kullu district. He gives no further information about *ūi* and no mention of the distal inanimate demonstrative *tūi*, nor provides examples of their use. Ranganatha [1981: 90] makes the following remark on the third-person pronouns: “Pronouns in singular show a three way distinction of masculine, feminine and neuter. This distinction appears to be purely semantic and they do not seem to have any bearing on the general set up of two way gender distinction made elsewhere”. This phrase, however, is the only mention of neuter pronouns in the work; nor does the author include them in the table showing the declension of demonstratives.

4. Inanimate demonstratives in other Himachali languages

Although never studied in Kullui before, inanimate demonstratives are noted in other Himachali languages. For example, Hendriksen [1986: 115–116] describes inanimate demonstratives in Kotgarhi and Kochi, while Grierson [1916: 566] discusses such pronouns in Kinthali. The functions of such pronouns are not studied in detail, but in all three languages, these demonstratives can only be used substantively and refer to only inanimate objects. However, unlike Kullui, inanimate demonstratives in these languages are reflexes of Old Indo-Aryan neuter pronouns. Similar neuter demonstratives are also noted in Shimla Siraji [Grierson 1916: 594] and Mandeali [Ibid.: 723; Ranganatha 1981: 38].

Table 5. The system of demonstratives in Kiunthali [Grierson 1916: 566]

Pronouns		PROX			DIST		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	N	F	M	N	F
SG	DIR	<i>ēh</i>			<i>sē</i>		
	OBL	<i>ēs</i>	<i>ētthī</i>	<i>ēssō</i>	<i>tēs</i>	<i>tētthī</i>	<i>tēssō</i>
	ERG	<i>inīē</i>		<i>ēssē</i>	<i>tinīē</i>		<i>tēssē</i>
PL	DIR	<i>ēh</i>			<i>sē</i>		
	OBL	<i>īhnō</i>		<i>īhnī</i>	<i>tīhnō</i>		<i>tīhnī</i>
	ERG	<i>īhnē</i>		<i>īhnīē</i>	<i>tīhnē</i>		<i>tīhnīē</i>

Table 6. The system of demonstratives in Mandeali [Ranganatha 1981: 38]

Pronouns		PROX			DIST		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	N	F	M	N	F
SG	DIR	<i>je</i>			<i>se</i>		
	OBL	<i>jes</i>	<i>jetta</i>	<i>jessa</i>	<i>tes</i>	<i>tetta</i>	<i>tessa</i>
	ERG	<i>inne</i>	<i>jette</i>	<i>jesse</i>	<i>tinne</i>	<i>tette</i>	<i>tesse</i>
PL	DIR	<i>jō</i>			<i>sjō</i>		
	OBL	<i>innha</i>			<i>tinnha</i>		
	ERG	<i>innhe</i>			<i>tinnhe</i>		

All the Himachali languages above that retain neuter demonstratives only distinguish masculine / feminine nouns, having lost the Middle Indo-Aryan neuter gender. This, naturally, changed the function of neuter demonstratives that had formerly referred to neuter nouns. I could not find a detailed analysis of these functions in any of the descriptions of Himachali but for some isolated remarks. In particular, Hendriksen [1986: 115–116] compares inanimate demonstratives, used with postpositions, to English pronominal adverbs (*therefore* ← *for that*, *thereto* ← *to that*, etc.).

5. Formation of inanimate demonstratives in Kullui

As far as one can judge, the inanimate demonstratives in Kullui are functionally comparable to neuter demonstratives in other Himachali languages. However, in contrast to animate demonstratives, they do not descend from the Old Indo-Aryan neuter gender forms of *eṣa* ‘this’ and *sa* ‘that’ (*etad* and *tad*, respectively). The pronoun *ūi* formally resembles a reflex of another Old Indo-Aryan distal demonstrative, *asau*. According to Hendriksen, the reflexes of *asau* are not used in Himachali languages (though he classifies as Himachali only a limited number of languages, viz. Sirmauri, Jaunsari, Baghati, Kiunthali, Kotgarhi, Kochi, Mandeali and Kullui [Hendriksen 1986: 3, 115]). At the same time, reflexes of *asau* are common in Chambeali, Gaddi, Churahi, Pangwali, Bhadravahi, and Bhalesi that are located northeast of the languages listed by Hendriksen and are usually included into the Himachali group either. Moreover, in Pangwali and Bhadravahi the reflexes of *sa* and *asau*, according to grammatical descriptions, have similar functions and are probably interchangeable [Grierson 1916: 779, 798, 823–824, 851, 891; Dwivedi 2015: 136]. Reflexes of *asau* are also found in Suketi, a language bordering on Kotgarhi and Mandeali, not mentioned in Hendriksen’s work; Suketi uses the pronoun *ōh* (OBL *us*, ERG *unē* < *asau*) alongside *sē* (< *sa*) as a distal demonstrative [Grierson 1916: 757]. Thus, reflexes of *asau* could be preserved in Kullui.

Kullui borders on Mandeali in the west and on Sainji and Inner Siraji in the south. Tibeto-Burman languages are spoken in the east and northeast of Kullui, with the rugged mountainous terrain in the northwest minimizing the options for language contact. Mandeali has inherited neuter demonstratives (Table 6). Sainji and Inner Siraji remain largely undescribed, with Grierson [1916: 691, 702] characterizing them as languages without neuter demonstratives. The Inner Siraji text sample from the ‘Parable of the Prodigal Son’, however, contains the phrase *teta jogi nahi rauhu* (INAN worthy NEG stay.PFV) ‘I am not worthy of that (to be called your son)’, similar to the one where the demonstrative *ūi* is used in Kullui. This phrase features the form *teta*, etymologically a neuter distal demonstrative (cf. Mandeali

tetta). Thus, Kullui finds itself surrounded by closely related Himachali languages, in which the neuter demonstratives are well preserved.

Based on the above, I suggest that, while the original neuter demonstratives have been lost in Kullui, the rarely used reflex of *asau* has taken over the neuter pronoun functions, still retained in the neighbouring Himachali contact languages. Since neuter demonstratives distinguish proximal and distal meanings, the pronoun *tūi* derived from *ūi* by analogy with the rest of the paradigm where distal demonstratives formally differ from proximal demonstratives by only the initial *t-*. The fact that, while *ūi* is mentioned in several grammatical descriptions of Kullui, *tūi* does not appear in any of them, also confirms the secondary nature of *tūi*. Thus, the reflex of *asau* and the new word derived from it by analogy replace the former neuter pronouns in the system of the demonstratives of Kullui.

6. Conclusion

Inanimate demonstratives in Kullui (the proximal *ūi* and the distal *tūi*) have only non-direct singular forms and can refer to inanimate nouns, verbal phrases, or sentential arguments. In many cases, combinations of these demonstratives with postpositions are similar to pronominal adverbs in Germanic languages. Other Himachali languages also have inanimate demonstratives that etymologically descend from the Old Indo-Aryan neuter pronouns. Since nouns in most Himachali languages do not distinguish the neuter gender, their neuter demonstratives have acquired new functions. However, in Kullui, inanimate demonstratives do not go back to neuter pronouns. While other demonstratives in Kullui derive from the Old Indo-Aryan pronouns *eṣa* (proximal) and *sa* (distal), the inanimate proximal demonstrative *ūi* goes back to the Old Indo-Aryan distal pronoun *asau*, whereas the distal pronoun *tūi* is formed directly from *ūi* by analogy. Presumably, this happened because Kullui, having lost its original neuter demonstratives, developed a new system based on the rarely used reflex of *asau* under the influence of its neighbouring closely related languages that have retained their neuter demonstratives.

Abbreviations

1 — 1st person; ABL — ablative; ACC — accusative; ACC/DAT — accusative-dative postposition; COP — copula; CVB — converb; DAT — dative; DIR — direct; DIST — distal demonstrative; DU — dual; ERG — ergative; F — feminine gender; FUT — future tense; GEN — genitive; GER — gerund; IMP — imperative; INAN — inanimate; INF — infinitive; INS — instrumental; INVIS — invisible; LOC — locative; M — masculine gender; N — neuter gender; NEG — negative particle; NOM — nominative; OBL — oblique; PFV — perfective; PL — plural; PROH — prohibitive particle; PROX — proximal demonstrative; PTCP — participle; SG — singular; VIS — visible.

References

- Bailey 1908 — T. G. Bailey. *The Languages of the Northern Himalayas, Being Studies in the Grammar of Twenty-Six Himalayan Dialects*. (Asiatic Society Monographs 12). London: Royal Asiatic Society, 1908.
- Diack 1896 — A. H. Diack. *The Kulu Dialect of Hindi: Some Notes on Its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs and Sayings Current amongst the People, and a Glossary*. Lahore: The “Civil and Military Gazette” Press, 1896.
- Dwivedi 2015 — A. V. Dwivedi. Bhadarwahi: A typological sketch. *Acta Linguistica Asiatica*. 2015. Vol. 5. Iss. 1. P. 125–148. DOI: 10.4312/ala.5.1.125-148.
- Grierson 1916 — G. A. Grierson. *Linguistic Survey of India*. Vol. 9: *Indo-Aryan Family: Central Group*. Pt. 4: *Specimens of the Pahārī Languages and Gujurī*. Delhi: Varanasi Patna, 1916.
- Hendriksen 1986 — H. Hendriksen. *Himachali Studies*. Vol. 3: *Grammar*. (Historisk-Filosofiske Meddelelser 48, 3). Copenhagen: Regia Academia Scientiarum Danica, 1986.
- Masica 1991 — C. P. Masica. *The Indo-Aryan Languages*. (Cambridge Languages Surveys). Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Ranganatha 1981 — M. R. Ranganatha. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh*. (Census of India, 1971. Series 1: India. Language Monograph 7). Delhi: Language Division, Office of the Registrar General, India, 1981.
- Sharma 2014 — D. Sharma (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* [Kuluti and Hindi Grammar. A Comparative Analysis]. New Delhi: Lekhni, 2014.
- Thakur 1975 — M. R. Thakur. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* [The Pahari Language with Special Reference to Kului]. Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.

- Turner 1962–1985 — R. L. Turner. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London: Oxford University Press, 1962–1966. Includes three supplements, published 1969–1985. Available at: <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/> (accessed on 17.03.2021).
- Zograf 1976 — G. A. Zograf. *Morfologicheskiy stroy novykh indoariyskikh yazykov: opyt strukturno-tipologicheskogo analiza* [Morphological Structure of New Indo-Aryan Languages: An Attempt of Structural and Typological Analysis]. Moscow: Nauka, 1976.

Form-frequency correspondence in adjectives: A cross-linguistic corpus approach

Jingting Ye

Fudan University (Shanghai, China); Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology (Leipzig, Germany); jingting_ye@eva.mpg.de

Abstract. The adjective has always been a puzzle despite the long-standing discussion in the previous literature, e.g., [Chomsky 1970; Dixon 1982]. Cross-linguistically, a substantial variation can be observed regarding the syntactic behavior of adjectives. Adjectives are more noun-like in some languages, while more verb-like in other languages [Wetzer 1992, 1996]. In some languages, adjectives are marked by a copula when used as predicates, while in other languages adjectives are used as predicates without any further marking. Likewise, adjectives behave differently across languages when used as modifiers.

The aim of this study is twofold. The first aim is to explain the cross-linguistic coding pattern of adjectives with reference to the form-frequency correspondence hypothesis [Zipf 1935; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. The second aim is to test the hypothesis, using cross-linguistic corpus data from the Universal Dependencies Corpora [Nivre et al. 2017] and the BCC Mandarin Corpus [Xun et al. 2016].

According to the form-frequency correspondence hypothesis, the more frequent forms are less likely to be marked with extra markers. Within the realm of adjectives, the effect of the form-frequency correspondence hypothesis can be understood as follows. Firstly, the relative frequency of the attributive use of adjectives correlates negatively with the probability of their co-occurrence with a relativizer; secondly, the relative frequency of the predicative use of adjectives correlates negatively with the probability of their co-occurrence with a copula. These hypotheses are tested using the logistic regression model on the basis of an 84-language sample from the Universal Dependencies Corpora, which is a suitable database for the purposes of the present study because it has cross-linguistically consistent annotation for parts of speech and their syntactic contexts. In addition, I have also tested the form-frequency correspondence hypothesis based on the data from the BCC

Mandarin Chinese Corpus based on the frequency of different adjectives. These results have provided positive evidence for the form-frequency correspondence hypothesis.

Keywords: adjective, universal dependencies, frequency, typology, relativizer, copula.

Корреляция между формой и частотностью прилагательных: кросс-лингвистический корпусный анализ

Цзинтин Е

Университет Фудань (Шанхай, КНР); Институт эволюционной антропологии общества Макса Планка (Лейпциг, Германия); jingting_ye@eva.mpg.de

Аннотация. Несмотря на то, что статус прилагательного обсуждается в литературе уже достаточно давно (см., например, [Chomsky 1970; Dixon 1982]), для исследователей эта область до сих пор остается проблемной. Прилагательные характеризуются значительной типологической вариативностью с точки зрения синтаксиса. Если в одних языках они обнаруживают преимущественно именные свойства, то в других они скорее ведут себя, как глаголы [Wetzer 1992, 1996]. Так, в языках первого типа прилагательные, выступающие в качестве предикатов, требуют глагола-связки, в то время как в языках второго типа они выступают в этой позиции без какого-либо дополнительного маркирования. Аналогичным образом прилагательные, выступающие в качестве определений, ведут себя в разных языках по-разному.

В настоящем исследовании решаются две задачи. Первая из них заключается в том, чтобы объяснить формальные свойства прилагательных в разных языках с опорой на гипотезу о наличии корреляции между формой и частотностью [Zipf 1935; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. Вторая задача заключается в том, чтобы протестировать эту гипотезу на материале различных языков, используя данные корпусов Universal Dependencies Corpora [Nivre et al. 2017], а также BCC Mandarin Corpus [Xun et al. 2016].

Согласно гипотезе о наличии корреляции между формой и частотностью, более частотные формы с меньшей вероятностью присоединяют дополнительные показатели. В области прилагательных эта гипотеза может быть сформулирована следующим образом. Во-первых, предполагается, что относительная

частотность атрибутивного употребления прилагательного находится в отрицательной корреляции с вероятностью маркирования этого прилагательного при помощи релятивизатора; во-вторых, предполагается, что относительная частотность предикативного употребления прилагательного находится в отрицательной корреляции с вероятностью употребления этого прилагательного с глаголом-связкой. Выдвинутые предположения проверяются методом логистической регрессии на материале выборки из 84 языков, входящих в корпуса Universal Dependencies Corpora: эта база данных представляется подходящей для целей настоящего исследования, поскольку она содержит типологически последовательную аннотацию частеречной принадлежности единиц, а также синтаксических контекстов, в которых они употребляются. Кроме того, я протестировала рассматриваемую гипотезу на материале корпуса BCC Mandarin Chinese Corpus, опираясь на частотность прилагательных. Результаты исследования подтверждают гипотезу о наличии корреляции между формой и частотностью.

Ключевые слова: прилагательное, универсальные зависимости, частотность, типология, релятивизатор, глагол-связка.

1. Introduction

The adjective has been recognized as a mixed category in the previous literature, e.g., [Chomsky 1970; Wetzer 1996], and there is a great cross-linguistic variation regarding the behavior of adjectives in the attributive and predicative position. Chomsky [1970] argued that the adjective has a mixed feature of [+N] and [+V], which is also reflected in the cross-linguistic coding pattern of adjectives. Wetzer [1992, 1996] identified two types of adjectives: nouny and verby. In some languages, adjectives pattern more like nouns in that they are used with a copula in the predicative position whereas in other languages, adjectives pattern more like verbs because they are used with a relativizer in the attributive position. This phenomenon is illustrated by the examples from English and Mandarin Chinese, as shown in (1)–(2). In English, a copula is used with adjectives in the predicative position but there is no extra marker in the

attributive position. On the other hand, Mandarin Chinese has a relativizer in the attributive position but does not use any marker in the predicative position.

English

(1) a. *red flower*

b. *The flower is red.*

Mandarin Chinese

(2) a. *hóng de huā*
red REL flower

‘red flower’

b. *Huā hóng*
flower red

‘The flower is red’.

This paper attempts to explain this type of coding asymmetry using the form-frequency correspondence hypothesis (FFCH). According to FFCH, more frequent forms are more predictable and, therefore, they are less likely to be marked with an extra marker [Zipf 1935; Greenberg 1966; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014]. More specifically, the claim of this article concerning the cross-linguistic coding pattern of adjectives is generalized as follows:

Cross-linguistically, a higher relative frequency of attributive use correlates with a lower probability of adjectives occurring with a relativizer in the attributive position. Similarly, a higher frequency of predicative use correlates with a lower probability of adjectives occurring with a copula in the predicative position.

This hypothesis will be tested using frequency data based on a sample of 84 languages from the Universal Dependencies Corpora. In the rest of the article, I will first introduce the form-frequency correspondence hypothesis and address the data in *Section 2*. The results are discussed in *Section 3*. Finally, I will draw some conclusions in *Section 4*.

2. Theoretical background and data

2.1. The form-frequency correspondence hypothesis

The form-frequency correspondence hypothesis (FFCH) was first introduced in Zipf's seminal work [Zipf 1935]. In this book, he used statistical evidence to persuasively show that languages demonstrate a negative correlation between the length of the words and their relative frequency. In particular, Zipf claimed that words with higher relative frequency tend to have shorter forms. This insight has proven to be true in many subsequent studies. For instance, the Leipzig Corpora Collection [Quasthoff et al. 2014; Leipzig Corpora Collection 2018] provides copious evidence from more than 100 languages to support Zipf's law.

Zipf's law has been extended to grammatical markers and been used to explain the cross-linguistic coding patterns in many previous typological studies. For example, Greenberg [1966] pointed out that the unmarked features that are coded with shorter forms (or at least with forms of the same length) are more frequent than the corresponding marked features. More recently, Hawkins [2004] also suggested that frequency factor can be used as an important tool to predict the cross-linguistic variation of the complexity of forms. Haspelmath showed that frequency can be used to explain a number of cross-linguistic phenomena concerning coding asymmetries [Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. I will follow the form-frequency correspondence hypothesis as generalized by Haspelmath:

“When two grammatical construction types that differ minimally (i.e. that form a semantic opposition) occur with significantly different frequencies, the less frequent construction tends to be overtly coded (or coded with more segments), while the more frequent construction tends to be zero-coded (or coded with fewer segments), if the coding is asymmetric” [Haspelmath 2021: 2].

With respect to the coding patterns of adjectives, the attributive and predicative uses are considered to be a minimal pair. By comparing this minimal pair cross-linguistically, four possible coding patterns can be

identified, as shown in *Table 1*. These coding patterns are also illustrated in examples (5)–(8).

Table 1. Four coding patterns in the attributive and predicative use of adjectives

Coding Types	Attributive use	Predicative use	Example Language
Zero coding	unmarked	unmarked	Koyra Chiini
Equipollent coding	marked	marked	Japanese uninflected adjectives
Attributive coding	marked	unmarked	Lango
Predicative coding	unmarked	marked	English, Jarawara

Koyra Chiini (Songhay, Africa)

- (3) a. *ni beer*
 2SG big
 ‘You were big’. [Heath 1999: 73]

b. *har beer di*
 man big DEF
 ‘the big man’ [Ibid.: 73]

Japanese (Japonic, Eurasia)

- (4) a. *rippa na setubi*
 impressive REL facilities
 ‘impressive facilities’ [Backhouse 2004: 59]

b. *setubi rippa da*
 facilities impressive COP
 ‘Facilities are impressive’. [Ibid.: 57]

Lango (Nilotic, Africa)

- (5) a. *rwòt à ràc*
 king REL bad
 ‘a bad king’ [Noonan 1992: 104]

b. *rwòt ràc*
 king bad
 ‘The king is bad’. [Ibid.: 106]

Jarawara (Arawan, South America)

- (6) a. *jifari tati*
 banana unripe
 ‘an unripe banana’ [Dixon 2004: 339]
- b. *jifari tati amake*
 banana unripe COP
 ‘The banana is unripe’. [Ibid.]

From the examples quoted above, it is clear that the latter two of these four coding patterns are asymmetric. I argue therefore that they might be explained by their relative frequency. In other words, the attributive coding pattern (i.e. the occurrence of relativizers with adjectives) correlates negatively with the relative frequency of the attributive use, and the predicative coding pattern (i.e. the occurrence of copulas with adjectives) correlates negatively with the relative frequency of the predicative use. This hypothesis will be tested using the frequency data from the Universal Dependencies Corpora and the Mandarin Chinese Corpus.

2.2. The Universal Dependencies Corpora

The Universal Dependencies (UD) is a cross-linguistic project that uses a consistent annotation of grammar. The current version of UD consists of 150 treebanks in 90 languages [Nivre et al. 2017; Croft et al. 2017]. In the last decade, some typological studies have attempted to explain the cross-linguistic pattern of the word order employing the data from UD [Liu 2010; Naranjo, Becker 2018; Levshina 2019]. As they have shown, UD proves to be a valuable source for cross-linguistic studies.

UD is a suitable database to test the hypotheses discussed above, primarily because a part of speech and a function is attributed to every word. In the corpora, various labels are used to tag the different functions and parts of speech; the labels that are relevant for the present discussion are presented in *Table 2* (p. 465).

For adjectives in each language, I have included all the occurrences of amod and nmod as the frequency of the attributive use, all

Table 2. The labels in the UD corpora

Function	Labels	Definition in UD
Attribution	amod	An adjectival modifier of a noun (or pronoun) is any adjectival phrase that serves to modify the meaning of the noun (or pronoun).
	nmod	The nmod relation is used for nominal modifiers.
Predication	root	The root of a sentence is the predicate of the main clause. This may be a verb, a predicate adjective, or a nominal in a copular construction.
	xcomp	An open clausal complement (xcomp) of a verb or an adjective is a predicative or clausal complement without its own subject.
Reference	nsubj	A nominal subject (nsubj) is a nominal which is the syntactic subject and the proto-agent of a clause.
	obj	The object of a verb is the second most core argument of a verb after the subject.
	iobj	The indirect object of a verb is any nominal phrase that is a core argument of the verb but is not its subject or (direct) object.
	obl	The obl relation is used for a nominal (noun, pronoun, noun phrase) functioning as a non-core (oblique) argument or adjunct. This means that it functionally corresponds to an adverbial attaching to a verb, adjective or other adverb.

the occurrences of root and xcomp as the frequency of the predicative use, and all the occurrences of nsubj, obj, iobj, and obl as the frequency of the referential use. In this way, I was able to collect the frequency data for adjectives in attributive, predicative, and referential use. Since in some languages the frequency of adjectives is too low, I have excluded six languages.¹ The final sample consists of 84 languages from 16 language families, and the areal distribution of the sample is presented in *Fig. 1*, which shows that the sample covers four macro-areas:

¹ The languages that I excluded are Skolt Sami, Komi Permyak, Assyrian, Wolof, Coptic, and Warlpiri.

Eurasia, Africa, Papunesia, and South America. It is also shown that the sample is not a balanced one. There are clearly more languages in Eurasia than in other areas.

Fig. 1. The areal distribution of the sample

3. Results

In this section, I will present the main findings of my study. Firstly, the relative frequencies of adjectives in the attributive, predicative, and referential use are presented in *Fig. 2*. As it shows, the relative frequency of the attributive use is always the highest in comparison with the relative frequency of the referential and predicative use. In the previous literature, it has always been taken for granted that the primary function of adjectives is modification (or attribution) [Bhat 1994; Baker 2003; Lehmann 2013]. However, until now, this claim has never been supported with evidence from the corpus. The data in *Fig. 2* demonstrates that the most frequent

function of adjectives is indeed attribution. This result is not surprising but is still worth testing.

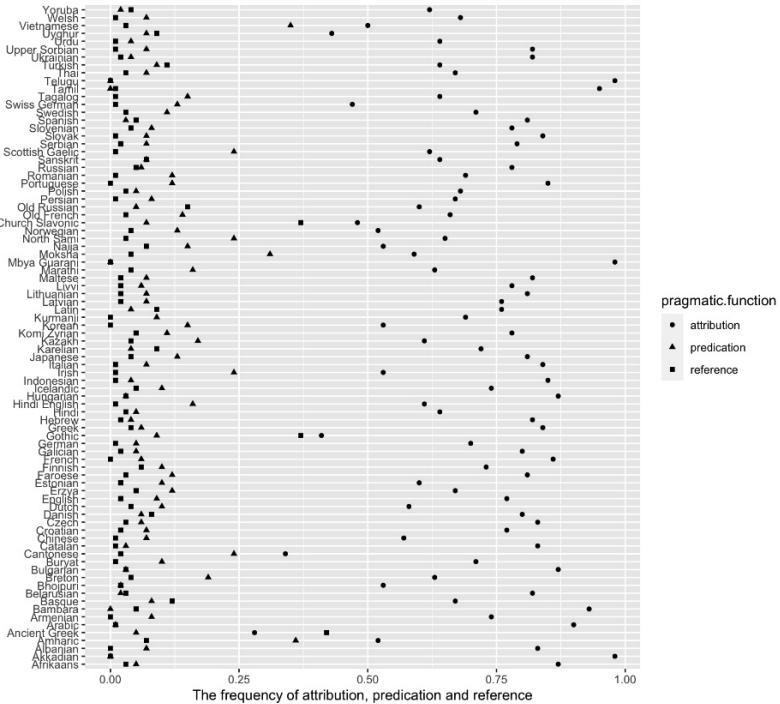

Fig. 2. The relative frequency of various pragmatic functions

The next step is to test whether frequencies correlate with coding patterns. For this purpose, I have manually collected data based on grammatical descriptions of all 84 languages from my sample regarding whether a copula or a relativizer is used with adjectives. In total, there are 73 languages that feature a copula in the predicative position, and four languages that use a relativizer with adjectives in the attributive position.

Since the relative frequency is a continuous variable and the occurrence of copula or relativizer is a binary variable, the logistic regression model is suitable for testing whether there is a correlation between these

two variables. I have calculated the correlation between the relative frequency and the occurrence of copula or relativizer using the Fitting Generalized Linear Models (i.e. the “glm”) in R [R Core Team 2013]. The results are shown in *Fig. 3* and *4*. These results support the FFCH.

Fig. 3 shows that when the relative frequency of the predicative use increases, the probability of an adjective occurring with a copula decreases. The actual occurrences of copulas across languages are represented by black dots distributed along either ‘1’ or ‘0’, each dot representing a language. In order to identify whether there is a coefficient between the relative frequency and the probability of adjectives occurring with a copula, I have calculated the coefficient using the Fitting Generalized Linear Models in R. The result presented below in *Fig. 3* shows that the estimated coefficient between the relative frequency and the probability of adjectives occurring with a copula is -7.385 , and the p-value is significant (i.e. below 0.05).

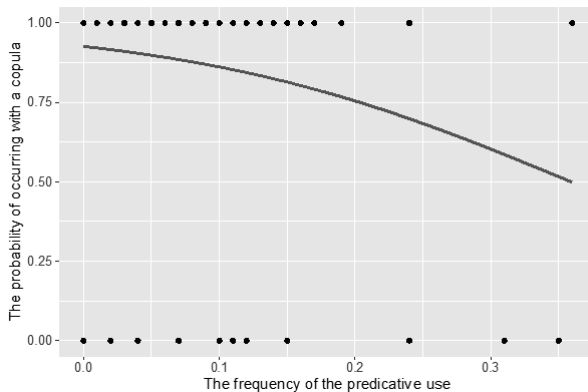

Fig. 3. The correlation between the predicative frequency and the copulas

The Coefficient of the predicative frequency and the occurrence of a copula

	Estimate	Std. Error	z value	Pr ($> z $)
(Intercept)	2.115	0.610	3.467	0.000527 ***
predication	-7.385	3.716	-1.987	0.046874 *
reference 15.014	14.777	1.016		0.309630

The correlation between the relative frequency of the attributive use and the probability of using a relativizer with adjectives is shown in *Fig. 4*. The general trend is that the probability of using a relativizer decreases when the relative frequency of the attributive use increases. The coefficient between these two variables is -10.414 , and the p-value is 0.0219 , which is also significant. However, it is noticeable that the p-value of the intercept is 0.0952 , which is slightly higher than the general threshold of 0.05 . This may lie in the fact that languages in UD are not balanced, and only a small number of languages use relativizers with adjectives. However, it is extremely hard to acquire relevant frequency information from other sources of cross-linguistic corpora. In addition, the effect of frequency on languages may sometimes be very hard to detect. For this reason, though the p-value of intercept is less significant, the data still suggests that there is a weak correlation between these two variables.

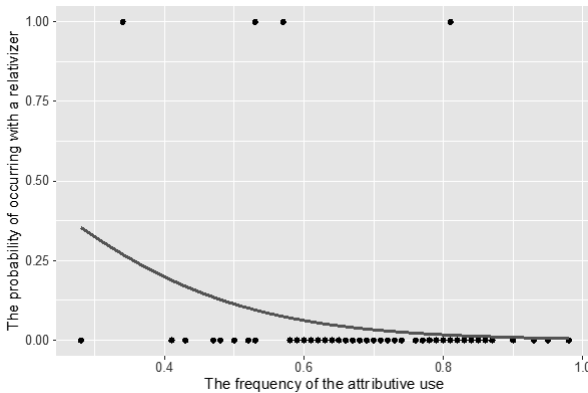

Fig. 4. The correlation between the attributive frequency and the relativizers

The Coefficient of the attributive frequency and the occurrence of a relativiser

	Estimate	Std. Error	z value	Pr (> z)
(Intercept)	4.836	2.898	1.669	0.0952 .
attribution	-10.414	4.543	-2.292	0.0219 *
reference	-43.384	35.609	-1.218	0.2231

In addition, I have also delved into the corpus data of Mandarin Chinese regarding various adjectives. In Mandarin Chinese, the occurrence of the relativizer *de* is optional, and various adjectives differ in their probability of occurring with it. Dixon [1982] has proposed seven typical semantic types that are very often coded as adjectives in various languages. Based on these semantic types, I have selected 28 adjectives from Mandarin Chinese and extracted the relative frequency information from the BCC corpus² [BCC; Xun et al. 2016]. The frequency information is presented in *Table 3* (next page), where “adj N” represents the token frequency of adjectives that occur without a relativizer; “adj de N” represents the token frequency of adjectives that occur with a relativizer; “adj N rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of adjectives that occur without a relativizer; “adj de N rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of adjectives that occur with a relativizer; “attr.token” represents the token frequency of the attributive use; “pred.token” represents the token frequency of the predicative use; “attr.rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of the attributive use; and “pred.rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of the predicative use.

Based on the relative frequency of adjectives that occur with or without the relativizer *de* and the relative frequency of adjectives that occur in attributive and predicative positions, I have calculated the correlation between the relative frequency of the attributive use and the relative frequency of the forms that omit the relativizer *de* in the attributive position. I have used three types of correlation tests that might help us to evaluate the correlation between the two continuous variables: the Pearson’s product-moment correlation; the Kendall’s rank correlation tau;

² The BCC corpora were created by the Beijing Language and Culture University and represent a balanced collection of annotated corpora containing around 15 billion Chinese characters. It covers newspapers and journals (about 2 billion Chinese characters), literature (about 3 billion Chinese characters), scientific books (about 3 billion Chinese characters), non-fiction books (about 1 billion characters), blog and weibo entries (about 3 billion Chinese characters), as well as classical Chinese (about 2 billion Chinese characters).

Table 3. The relative frequency of various adjectives in Mandarin Chinese

Chinese	Meaning	adj N	adj <i>de</i> N	adj N rel. freq	adj <i>de</i> N rel. freq	attr:token	pred. token	attr:rel. freq	pred.rel. freq
<i>lao</i>	old.animate	305847	19433	94.03%	5.97%	325280	1625826	16.67%	83.33%
<i>jiu</i>	old.inanimate	68649	10829	86.37%	13.63%	79478	58597	57.56%	42.44%
<i>nianqing</i>	young	34846	20497	62.96%	37.04%	55343	110781	33.31%	66.69%
<i>xin</i>	new	766391	2130059	26.46%	73.54%	2896450	22654314	11.34%	88.66%
<i>da</i>	big	1481229	353750	80.72%	19.28%	1834979	4807689	27.62%	72.38%
<i>xiao</i>	small	847534	70554	92.32%	7.68%	918088	2532387	26.61%	73.39%
<i>chang</i>	long	330602	101877	76.44%	23.56%	432479	870746	33.19%	66.81%
<i>duan</i>	short	88863	13481	86.83%	13.17%	102344	235906	30.26%	69.74%
<i>bai</i>	white	167292	31733	84.06%	15.94%	199025	543614	26.80%	73.20%
<i>hei</i>	black	96156	13247	87.89%	12.11%	109403	427897	20.36%	79.64%
<i>lv</i>	green	36594	5936	86.04%	13.96%	42530	188293	18.43%	81.57%
<i>hong</i>	red	122733	20261	85.83%	14.17%	142994	457511	23.81%	76.19%
<i>hao</i>	good	734690	280222	72.39%	27.61%	1014912	4114507	19.79%	80.21%
<i>huai</i>	bad	54994	11310	82.94%	17.06%	66304	106779	38.31%	61.69%

Chinese	Meaning	adj N	adj de N	adj N rel. freq	adj de N rel.freq	attr.token	pred. token	attr.rel. freq	pred.rel. freq
<i>meili</i>	beautiful	11 560	32 190	26.42%	73.58%	43 750	62 403	41.21%	58.79%
<i>chou</i>	ugly	6 238	1 999	75.73%	24.27%	8 237	51 483	13.79%	86.21%
<i>ruan</i>	soft	26 611	10 277	72.14%	27.86%	36 888	192 729	16.07%	83.93%
<i>re</i>	hot	75 459	20 099	78.97%	21.03%	95 558	540 045	15.03%	84.97%
<i>leng</i>	cold	45 843	26 693	63.20%	36.80%	72 536	474 016	13.27%	86.73%
<i>gan</i>	dry	96 110	16 385	85.43%	14.57%	112 495	951 283	10.58%	89.42%
<i>zhong</i>	heavy	209 951	74 912	73.70%	26.30%	284 863	1 840 078	13.41%	86.59%
<i>kongju</i>	afraid	2 727	2 487	52.30%	47.70%	5 214	36 303	12.56%	87.44%
<i>feng</i>	crazy	5 114	1 549	76.75%	23.25%	6 663	137 800	4.61%	95.39%
<i>kaixin</i>	happy	11 047	9 934	52.65%	47.35%	20 981	179 883	10.45%	89.55%
<i>shangxin</i>	sad	2 935	3 343	46.75%	53.25%	6 278	38 293	14.09%	85.91%
<i>yuchun</i>	stupid	640	3 826	14.33%	85.67%	4 466	9 168	32.76%	67.24%
<i>congming</i>	clever	6 639	8 138	44.93%	55.07%	14 777	39 533	27.21%	72.79%
<i>shengqi</i>	angry	1 126	3 550	24.08%	75.92%	4 676	56 905	7.59%	92.41%

and the Spearman's rank correlation rho. These three types of correlation tests lead to a result that ranges from 0 to 1 to indicate the correlation, and a greater number suggests a stronger correlation. Based on the data presented in *Table 4*, all the three correlation tests show strong correlation between the two variables. In particular, the Pearson's product-moment correlation is 0.8092 (p-value=1.863e-07); the Kendall's rank correlation tau is 0.6667 (p-value = 5.82e-08); and the Spearman's rank correlation rho is 0.7756 (p-value =3.376e-06). The result is also presented in *Fig. 5*. As shown in *Fig. 5*, the higher the frequency of an adjective used in the attributive position, the more likely it is to occur without the relativizer *de*.

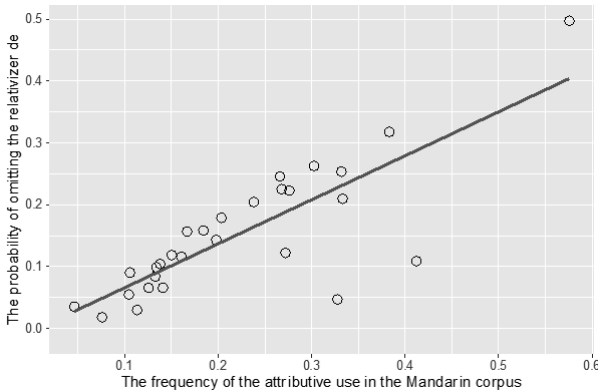

Fig. 5. The correlation based on the corpus data from Mandarin Chinese

To sum it up, although the cross-linguistic data provides but the weak evidence for the correlation between the relative frequency of the attributive use and the occurrence of a relativizer, the result based on the data from Mandarin Chinese serves as strong evidence for the correlation between these two variables.

4. Conclusion

In this paper, I have provided evidence for the form-frequency correspondence hypothesis using the data from the Universal Dependencies Corpora and the BCC Mandarin Chinese Corpus. In particular, I argue that the probability of using a copula with adjectives in the predicative position correlates negatively with the relative frequency of their predicative use; likewise, the probability of using a relativizer with adjectives in the attributive position correlates negatively with the relative frequency of their attributive use. In order to test these claims, I have studied the data of 84 languages from the Universal Dependencies Corpora in relation to the relative frequency of adjectives in the attributive, predicative, and referential use. In addition, I have also checked whether a relativizer or a copula is used with the adjectives in these 84 languages, or whether it is missing.

The data of these 84 languages has been tested using the logistic regression model, which is suitable for calculating the correlation between a continuous variable and a binary variable. The results have proven my theory: indeed, the relative frequency of the predicative use of adjectives correlates negatively with the probability of adjectives occurring with a copula; and the relative frequency of the attributive use correlates negatively with the probability of using a relativizer. The former correlation is relatively significant, while the latter is less significant. For this reason, I have also included the corpus data from Mandarin Chinese. This analysis has shown that there is indeed a strong correlation between the relative frequency of the attributive use and the probability of using a relativizer. The results of this study can be taken as evidence supporting the FFCH.

There are still some unsolved problems. This paper has provided evidence for the correlation between frequency and form. However, correlation does not imply a causal relation. Ultimately, it would be ideal to prove a causal relation between frequency and form in future research.

Abbreviations

2 — 2nd person; COP — copula; DEF — definite; FFCH — form-frequency correspondence hypothesis; REL — relativiser; SG — singular; UD — universal dependencies.

References

- Backhouse 2004 — A. E. Backhouse. Inflected and uninflected adjectives in Japanese. R. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 50–73.
- Baker 2003 — M. Baker. *Lexical Categories: Verbs, Nouns and Adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bhat 1994 — D. Bhat. *The Adjectival Category: Criteria for Differentiation and Identification*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1994.
- Chomsky 1970 — N. Chomsky. Remarks on nominalization. R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham, MA: Blaisdell, 1970. P. 184–221.
- Croft et al. 2017 — W. Croft, D. Nordquist, K. Looney, M. Regan. Linguistic typology meets universal dependencies. M. Dickinson, J. Hajič, S. Kübler, A. Przepiórkowski (eds.). *Proceedings of the 15th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT15)*. CEUR Workshop Proceedings, 2017. P. 63–75.
- Dixon 1982 — R. M. W. Dixon. Where have all the adjectives gone? R. M. W. Dixon (ed.). *Where Have All the Adjectives Gone? And Other Essays in Semantics and Syntax*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1982. P. 1–62.
- Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. *The Jarawara Language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Greenberg 1966 — J. H. Greenberg. *Language Universals: With Special Reference to Feature Hierarchies*. The Hague: Mouton, 1966.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. Pt. 1. P. 1–33.
- Haspelmath et al. 2014 — M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol, H. Narrog, E. Bamyacı. Coding causal-noncausal verb alternations: A form-frequency correspondence explanation. *Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 50. Pt. 3. P. 587–625.
- Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondences and predictability. *Journal of Linguistics*. 2021. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-linguistics/>

- article/explaining-grammatical-coding-asymmetries-formfrequency-correspondences-and-predictability/420965EC1CEA49527CCE7276B33A14D0 (accessed on 17.03.2021).
- Hawkins 2004 — J. A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Heath 1999 — J. Heath. *A Grammar of Koyra Chiini: The Songhay of Timbuktu*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Lehmann 2013 — C. Lehmann. The nature of parts of speech. *STUF — Language Typology and Universals*. 2013. Vol. 66. Pt. 2. P. 141–177.
- Levshina 2019. — N. Levshina. Token-based typology and word order entropy: A study based on universal dependencies. *Linguistic Typology*. 2019. Vol. 23. Pt. 3. P. 533–572.
- Liu 2010 — H. Liu. Dependency direction as a means of word-order typology: A method based on dependency treebanks. *Lingua*. 2010. Vol. 120. Pt. 6. P. 1567–1578.
- Naranjo, Becker 2018 — M. G. Naranjo, L. Becker. Quantitative word order typology with UD. D. Haug, S. Open, L. Øvrelid, M. Candito, J. Hajič (eds.). *Proceedings of the 17th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT 2018), December 13–14, 2018, Oslo University, Norway*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2018. P. 91–104.
- Noonan 1992 — M. Noonan. *A Grammar of Lango*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992.
- Quasthoff et al. 2014 — U. Quasthoff, D. Goldhahn, T. Eckart. Building large resources for text mining: The Leipzig Corpora Collection. C. Biemann, A. Mehler (eds.). *Text Mining — From Ontology Learning to Automated Text Processing Applications*. New York: Springer, 2014. P. 3–24.
- Wetzer 1992 — H. Wetzer. “Nouny” and “verby” adjectivals: A typology of predicative adjectival constructions. M. Kefer, J. van der Auwera (eds.). *Meaning and Grammar: Cross-Linguistic Perspectives*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992. P. 223–262.
- Wetzer 1996 — H. Wetzer. *The Typology of Adjectival Predication*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1996.
- Xun et al. 2016 — E. Xun, G. Rao, X. Xiao, J. Zang. The construction of the BCC corpus in the age of big data. *Corpus Linguistics*. 2016. Vol. 3. P. 93–109.
- Zipf 1935 — G. K. Zipf. *The Psycho-Biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology*. Boston: Houghton Mifflin, 1935.

Sources

BCC — Beijing Language and Culture University Corpus Center. Available at: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (accessed on 08.06.2020).

- Leipzig Corpora Collection 2018 — *Leipzig Corpora Collection*. Available at: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=deu_newscrawl-public_2018 (accessed on 17.03.2021).
- Nivre et al. 2017 — J. Nivre, L. A. Željko Agić et al. *Universal Dependencies 2.0—CoNLL Shared Task Development and Test Data*. LINDAT/CLARIN digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics, Charles University, 2017. Available at: <https://universaldependencies.org> (accessed on 08.06.2020).
- R Core Team 2013 — *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2013. Available at: <https://www.r-project.org> (accessed on 17.03.2021).

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлегией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2021. — Т. 17. Ч. 1. — 488 с.

Подписано к печати 01.07.2021

Формат 60×90 ¼

Усл. печ. л. 30,5. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Тел.: +7 812 310-79-29, +7 981 699-65-95

E-mail: rhgapublisher@gmail.com <http://irhga.ru>

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

